

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Чернышова Татьяна Владимировна

**ТЕКСТЫ СМИ
В МЕНТАЛЬНО-ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

*Научный консультант
доктор филологических наук,
профессор Н.Д. Голев*

Барнаул 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений и условных обозначений.....	7
ВВЕДЕНИЕ.....	8
ГЛАВА 1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АВТОРА И АДРЕСАТА ЧЕРЕЗ ТЕКСТ: АСПЕКТЫ, УРОВНИ, СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ	31
1.1. Автор и Адресат: от стереотипных моделей к модели ситуации	31
1.2. Автор и Адресат: философия «обыденного языка».....	43
1.3. Автор и Адресат: «слово как действие».....	44
1.4. Автор и Адресат: от теории речевой деятельности к теории коммуникации	52
1.5. Автор и Адресат: от речевых актов к речевым действиям.....	68
1.6. Автор и Адресат: личностные подходы.....	70
1.6.1. Структурная организация языковой личности в аспекте речевой коммуникации	72
1.6.2. Языковая личность и языковое сознание	76
1.6.3. Языковая личность и текст.....	82
1.7. Автор и Адресат: когнитивные аспекты описания.....	90
1.8. Принципы моделирования коммуникативно-речевого взаимодействия автора и адресата через текст, реализованные в исследовании	93
ВЫВОДЫ.....	100
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АДРЕСАТА В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА	104
2.1. Языковая личность адресата в сфере массовой газетной коммуникации: содержание понятия.....	106

2.2. Языковая личность адресата как синтез индивидуального и коллективного (модель адресата по результатам анкетирования).....	113
2.3. Коллективная личность адресата и текст: варианты настройки по материалам лингвистических экспериментов.....	136
2.3.1. Событийный концепт как основа концептуальной организации публицистического текста.....	138
2.3.2. Интерпретация как способ когнитивного освоения текста в аспекте языковой личности интерпретатора.....	143
2.4. Оценочный характер интерпретативной деятельности адресата в СМК (по результатам лингвистического эксперимента).....	159
2.4.1. Интерпретационные возможности агитационного текста в аспекте фактора адресата	160
ВЫВОДЫ	170

ГЛАВА 3. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СВЕРХТЕКСТ КАК ОБЛАСТЬ КОГНИТИВНО-РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ АВТОРА И АДРЕСАТА

3.1. Адресная обусловленность общения в сфере массовой газетной коммуникации как согласованность параметров коммуникантов.....	173
3.1.1. Языковая личность адресата СМИ через призму общественного сознания.....	175
3.1.2. Система стереотипов как отражение внутренней когнитивной структуры газетно-публицистического сверхтекста, ориентированного на «своего» адресата	178
3.2. Тезаурус как способ репрезентации внутренней когнитивной структуры публицистического сверхтекста, ориентированного на «своего» читателя.....	187
3.2.1. Фрагменты тезауруса разноориентированных газетных СМИ.....	189
3.3. События 11 сентября 2001 г. в США как отраженные языковым сознанием адресата (по материалам опроса).....	201

ВЫВОДЫ.....	224
ГЛАВА 4. ТЕКСТЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ СТИХИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)	227
4.1. Общетеоретические предпосылки комплексного подхода к анализу языкового материала.....	228
4.1.1. Стилистический и смысловой виды анализа текстов СМИ как основа методики комплексного лингвистического анализа	229
4.1.2. Интерпретационная составляющая комплексного лингвистического анализа.....	235
4.2. Концептуальная организация газетно-публицистических текстов, посвященных одному событию	239
4.2.1. Структурные компоненты концептуальной организации публицистического сверткста	239
4.2.2. Общая когнитивная структура вербального факта «Теракт на Дубровке» (по материалам газет).....	241
4.2.3. Совокупность событийных концептов как смыслообразующая концептуальная основа сверткстов газетных СМИ, ориентированных на фактор адресата	244
4.2.4. Интерпретативные поля публицистических сверткстов как отражение фрагментов модели мира читателей разноориентированных газетных СМИ.....	295
4.3. Лингвостилистические особенности разноориентированных газетных СМИ в аспекте фактора адресата	302
4.3.1. Узуально-стилевой комплекс как механизм языково-стилевого отбора в сфере массовой газетной коммуникации.....	302

4.3.2. Лингвостилистический анализ текстов разной социально-политической направленности	308
4.4. Фатическая речь как социальный символ коммуникации.....	326
4.4.1. Сущностные характеристики фатики в их отношении к газетно-публицистическим текстам.....	329
ВЫВОДЫ.....	341
ГЛАВА 5. МОДЕЛЬ КОГНИТИВНО-РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОММУНИКАНТОВ В СФЕРЕ МАССОВОЙ ГАЗЕТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДЕТЕРМИНАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ	345
5.1. Внутренние и внешние факторы, детерминирующие лингвокогнитивное взаимодействие автора и адресата в сфере современной массовой коммуникации	345
5.2. Компоненты модели, отражающей особенности вербализации события современными газетными СМИ в аспекте фактора адресата.....	350
5.2.1. Лингвокогнитивные структуры текстов СМИ, ориентированные на фактор адресата: когнитивный и стилистический аспекты.....	351
5.2.2. Особенности отражения события языковым сознанием адресата...	359
5.3. Событийная модель как согласованность параметров коммуникантов в сфере массовой газетной коммуникации.....	365
ВЫВОДЫ.....	369
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	371
ЛИТЕРАТУРА	378
Основные источники: Словари.....	421
Тексты.....	421
Интернет-ресурсы	433

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Образцы анкет	434
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Диаграммы и таблицы к диаграммам (по материалам опроса).....	448
ПРИЛОЖЕНИЕ III. Фрагмент комплексного лингвистического анализа текста.....	535
ПРИЛОЖЕНИЕ IV. Фрагменты текстов разноориентированных СМИ, содержащих интерпретацию теракта в Москве в октябре 2002 г. («Теракт на Дубровке»).	541

Список сокращений и условных обозначений

1. Терминологические сокращения

ЛИ – левоориентированные издания
НИ – нейтральные издания
ПИ – правоориентированные издания
Р – респонденты
СК – событийный концепт
СМИ – средства массовой информации
СМК – сфера массовой коммуникации
УСК – узואльно-стилевой комплекс
ЭЛЕ – экспрессивная лексическая единица
ЯЛ – языковая личность

2. Сокращения в названиях газетных изданий

АиФ – «Аргументы и факты»
АН – «Алтайская неделя»
АП – «Алтайская правда»
ВБ – «Вечерний Барнаул»
ГТ – «Голос труда»
И – «Итоги»
К – «Коммерсант»
КВ – «Коммерсант-Власть»
КЗ – «Красная Звезда»
КП – «Комсомольская правда»
МА – «Молодежь Алтая»
МЭ – «Маркер-Экспресс»
НГ – «Независимая газета»
П – «Правда»
РГ – «Российская газета»
СК – «Свободный курс»
СР – «Советская Россия»
Т – «Труд»

ВВЕДЕНИЕ

Утверждение в конце XX – начале XXI вв. в современной лингвистике принципов антропоцентризма как одной из ее отличительных парадигмальных черт, связанных с попыткой рассмотреть языковые явления в диаде «язык и человек», позволило исследователям увидеть в текстах прежде всего человека во всех сторонах его бытия – социального и психологического, индивидуального и типового, учебного и профессионального и т.п., а также ответить на вопрос о том, как человек воздействует на используемый им язык, какова мера его возможного влияния на него, какие участки языковых систем зависят от «человеческого фактора» [Сусов, 1979; Арутюнова, 1981; 1999; 1999а; 2003; 2003а; Серебренников, 1988; Человеческий фактор в языке, 1991; Алпатов, 1993; Мурзин, 1995; Кубрякова, 1995; Полищук, 1999 и др.].

Деятельность человека протекает в разных сферах, и для каждой из этих сфер языковая личность находит свою систему понятийно-языковых координат, выработанных веками, обусловленных *общностью происхождения, общностью исторических судеб, общностью культурных ценностей и традиций, общностью языка, эмоциональных и символических связей, общностью территории*, дополняемых *общностью психического склада* и тех условий, в которых происходят межпоколенная передача опыта, т.е. тем, что в концепции Ю.Н. Караулова определяется как базовые (инвариантные) признаки русской языковой личности, которые «отливаются в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [Караулов, 1987, с. 42]. Очевидно, что ментально-языковое пространство «вбирает в себя» языковое сознание и одновременно формируется за счет отражения языковой личностью языкового сознания разных общностей, функционирующих в разных сферах человеческой деятельности: научной, деловой публицистической, обыденной и т.д.

Объектом изучения в данном исследовании служит тот фрагмент ментально-языкового пространства, в котором в особой сфере человеческой деятельности, называемой исследователями *сферой массовой коммуникации*, или *сферой политико-идеологических общественных отношений*, функционируют тексты средств массовой информации, в частности *тексты газетно-публицистические*, как часть информационной сферы, создаваемой и поддерживаемой СМИ и состоящей из множества ежедневно производимых и распространяемых медиа-текстов.

Предметом изучения являются лингвокогнитивные особенности текстов СМИ, отражающие сложное взаимодействие участников современной газетной коммуникации (автора и адресата), развертывающееся на фоне социально-политического контекста как одного из аспектов *ментально-языковой ситуации* в целом.

Диссертационное исследование выполнено в русле антропоцентрического и детерминационного подходов.

Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к универсуму человека, позволяющему на единой методологической основе объяснить все важнейшие моменты существования языка [Постовалова, 1995, с. 406-407]. Этот интерес предполагает изучение языка, соотносящегося с говорящим человеком, поскольку «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка», т.е. личность, данная в ее интеллектуальных характеристиках, «выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 1987, с. 38].

Несмотря на то что фактор адресата отмечается рядом отечественных и зарубежных исследователей в качестве определяющего коммуникативно-речевое взаимодействие автора и адресата через текст в разных сферах человеческого общения (см. об этом: [Виноград, 1983; Кларк, Карлсон, 1986; Ви-

нокур, 1993; Лотман, 2001; 2001а; 2001б; Арутюнова, 1981; Каменская, 1990; Крысин, 2000; Демьянков, 2003а; Кобозева, 2003; Александрова, 2003; Чернышова, 2002; 2003; 2003б; 2004; 2004а и др.]), в сфере современной массовой газетной коммуникации данный принцип еще недостаточно изучен. Традиционно в качестве важной особенности публицистики, разделяемой в той или иной мере как отечественными, так и зарубежными исследователями, признается факт активного влияния средств массовой информации на формирование и развитие массового сознания общества [Стриженко, 1980; Зильберт, 1986; Montgomery, 1986; Федякин, 1988; Fairclough, 1989; Kress, Hodge, 1979; Simpson, 1993; Салмина, 1998; Добросклонская, 2001; Желтухина, 2003 и др.]. Благодаря этому регулируется общественное мнение [Трескова, 1989; Володина, 2001, с. 12], формируются общественные взгляды и настроения [Аннушкин, 2001, с. 5], создается сложная и многомерная картина мира, обеспечивающая социализацию реципиентов [Рогозина, 2003] и при необходимости позволяющая охарактеризовать психологическое состояние общества на данный момент, его социокультурные настроения [Вепова, 2002], а также «диагностировать состояние духовного здоровья этносоциума и прогнозировать его эволюцию» [Васильев, 1998, с. 9; см. также: Шалак, 2001]. Все это дает возможность массовому сознанию общества нормально функционировать [Пруха, 1974]. Данные положения во многом объясняют факт существования суггестивных, манипулятивных функций языка СМИ, в то время как особенности такого воздействия, его механизмы в новых социальных условиях, структуры текстов, ориентированные на фактор адресата, еще далеко не изучены.

В современных исследованиях, изучающих функционирование текстов газетных СМИ, еще недостаточно представлена *антропоцентрическая составляющая* (включая лингвоперсонологический и когнитивный аспекты), предполагающая изучение текстов через призму когнитивно-речевого взаи-

модействия языковых личностей автора и адресата в *новых социально-политических условиях*, существенно повлиявших не только на форму и содержание текстов¹, но и на характер взаимоотношений автора и адресата в изучаемой сфере человеческой деятельности через текст, который производится и интерпретируется «говорящим и слушающим в конкретных ситуациях, в рамках широкого социокультурного контекста» [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 159]. Таким образом, тексты СМИ, как и язык СМИ в целом, представляющие сегодня обобщенный совокупный образ русского национального языка², предстают как *национальный поток сознания* современного человека [Караулов, 2001, с. 15-16], как *ментально-языковое пространство*, в котором пересекаются, взаимодействуют фрагменты национальной картины мира, отраженные языковым сознанием личностей как автора, так и адресата, что меняет отношения между коммуникантами в СМИ, переводя их из плоскости «активный автор – пассивный адресат» в плоскость когнитивно-речевого взаимодействия участников газетной коммуникации, при котором адресат является *со-участником* общения и активным *интерпретатором* речевых действий адресанта [Макаров, 2003, с. 38-39], а само взаимодействие может носить *конвенциональный, диалогичный* [Грайс, 1985; Кларк, Карлсон, 1986; Азнабаева, 1998; Мансурова, 1998; Винокур, 1993; Человек – коммуникация – текст, 1998; 2000; 2004; Муравьева, 2002, Кобозева, 2003; Кормилицына, 2003 и др.], *ритуальный* [Монич, 2001; Паршин, 2001; Романова, 2001], а подчас и *фатический* характер, ориентированный прежде всего на установление контакта со «своим» адресатом [Чепкина, 2000; Чернышова, 2004].

¹ Так, изменения, произошедшие, в языке СМИ, позволили исследователям охарактеризовать язык современной публицистики в содержательном и формально-языковом плане, в сравнении с доперестроечным, как «практически новый тип дискурса», для которого характерна концептуальная, оценочная и языковая свобода [Стернин, 1998].

² См., например, замечание исследователей о том, что «радикальные изменения в функционировании средств массовой информации в значительной степени повлияли на социальную дифференциацию языка и жанровую организацию разных типов коммуникативного пространства» современного города [Китайгородская, Розанова, 2003, с. 103].

Предпринятая в данном исследовании разработка новой концепции описания газетно-публицистических текстов на фоне широкого ментально-языкового контекста с учетом специфических особенностей изучаемой сферы человеческого общения в новых социально-политических условиях России представляется весьма актуальной.

В рамках теории коммуникации и функциональной стилистики особое внимание всегда уделялось функциям языка СМИ, к которым традиционно в качестве основных относят *информационную* (информационно-содержательную) и *воздействующую* (функцию убеждения) [Костомаров, 1971; 1999; Шмелев, 1977; Стриженко, 1980; Кожин, Крылова, Одинцов, 1982; Лысакова, 1989; Речевое воздействие..., 1990; Рождественский, 1997; Солганик, 1997; Гудков, 2000; Володина, 2001; 2003, Сметанина, 2002; Рогозина, 2003; Покровская, 2004 и др.]. Однако существенные изменения в сфере газетной коммуникации в новых социально-политических условиях прежде всего претерпевает функция *информационная* [Какорина, 2003; Кожина, 1993; Трескова, 1989; Кузнецов, 1991; Рогозина, 2003 и др.], что обусловлено особой ролью газетных СМИ в современных условиях – не столько информировать общество о событиях, происходящих как в России, так и за ее пределами (с этой ролью быстрее справляются электронные СМИ), сколько так или иначе, с учетом разнообразных критериев и установок *интерпретировать реальное событие*, переводя его посредством речевых структур в *факт вербальный (виртуальный)* [Сорокин, 2000, с. 94], *факт-комментарий* [Сметанина, 2002, с. 50] и давая ему определенную оценку. В практике СМИ это приводит к тому, что одно и то же общественное (социально-политическое) событие является стимулом к созданию ряда текстов [Романова, 2001, с. 75].

Интерпретируя реальное событие, пишущий не может не принимать во внимание фигуру *адресата*, который, по замечанию многих исследователей, определяет цель любого коммуникативного акта, в том числе и акта газетной

коммуникации. Механизмы интерпретации в сфере массовой коммуникации представляются еще далеко не изученными, в то время как глубокое проникновение в их суть может пролить свет на особенности национального языкового сознания человека как русской языковой личности, базовую, инвариантную, часть которой составляет совокупность признаков, определяемая в науках обществоведческого цикла как *менталитет*. В узком политическом смысле менталитет представляет собой общий для членов социально-политической группы или организации своеобразный политико-психологический *тезаурус*, позволяющий *единообразно* воспринимать окружающую социально-политическую реальность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися нормами поведения, в том числе и речевого, адекватно воспринимать, интерпретировать и понимать ее и друг друга. В данном толковании менталитет, по сути, сближается с *ментальностью* как картиной мира, отражающей определенные стороны человеческой жизнедеятельности и представления о ней: образ социального целого и его субкультур; образ природы и способы воздействия на нее; место человека в структуре мироздания и т.д. Человек в этом контексте рассматривается как представитель субкультуры, которая в значительной мере формирует специфику его сознания и определяет его поступки [Жидков, Соколов, 2001, с. 36-37].

Соотношение между некоторыми участками мира и его языковым представлением характеризуется исследователями как *языковая ментальность* [Почепцов, 1990, с. 111]. В связи с этим «коллективное пространство общества» [Александрова, 2003, с. 89], определяемое в данном исследовании как *ментально-языковое пространство*, частью которого является язык средств массовой информации, в силу ментальных особенностей русской языковой личности [Лобачева, 1998; Корниенко, 1999; Мифы и мифология..., 2000; Березин, 2001; Жидков, Соколов, 2001; Язык и социум, 2001; Щербинина, 2003 и др.], предстает как **неоднородное**. Это в свою очередь определяет неоднородность *инфор-*

мационной картины мира, под которой понимается вся совокупность знаковых систем, сигналов и проявлений информационных связей, образующих особую *информационную сферу* («инфосферу») [Добросклонская, 2001; Володина, 2003, с. 14-18] как представление о многомерном характере информации, «формах и методах ее производства, кодирования, хранения, переработки и передачи с определением роли и места человека в данной инфраструктуре» [Володина, 2003, с. 14-15]. Неоднородность во многом определяется *фактором адресата*, стремлением авторов текстов СМИ оставаться в единой ментально-когнитивно-речевой парадигме со «своим» читателем.

Интерес современной лингвистики к тем содержательным признакам явлений внеязыкового мира, которые преломляются через языковое сознание носителей языка и, адаптируясь в его лексико-семантической системе, начинают функционировать в ней, подчиняясь не только внешним, но и внутренним детерминантам» [Голев, 1998, с. 3], обусловил в качестве другого важного принципа изучения языкоречевой материи в данном исследовании детерминационный подход, представленный рядом лингвистических исследований разнообразных детерминационных вопросов в языке (см., например: [Кубрякова, 1981; Блинова, 1984; Горсуева, 1986; Мурзин, 1988; 1998; Голев, 1989; Очерки по лингвистической детерминологии..., 1998; Лебедева, 1999; Шкуропацкая, 2003; 2004 и др.]). Актуальность детерминационного подхода для современной лингвистики обусловлена необходимостью создания модели языка, «обосновывающей наличие в нем специфического системного образования, организующего взаимодействие внешних и внутренних детерминант» [Шкуропацкая, 2004, с. 6]. Важным шагом на пути формирования полной детерминационной картины языка является разработка внутренних и внешних факторов, обуславливающих употребление языка в разных сферах человеческой деятельности, в том числе и в сфере массовой газетной коммуникации.

Описание когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в сфере политико-идеологических общественных отношений (сфере массовой коммуникации) в рамках детерминационного подхода опирается на систему взаимодействующих понятий, организованных по принципу оппозиции, один из членов которой представляет собой «языковляемое» явление внешнего мира. К числу таких оппозиций в изучаемой сфере человеческой деятельности относятся следующие: *личность – языковая личность; сознание – языковое сознание; идеология – система устойчивых стереотипов сознания (идеологем); факт (событие) – вербальный факт; событие – событийный концепт; инфосфера – концептосфера; ментальная ситуация – ментально-языковая ситуация*. Очевидно, что в сфере массовой коммуникации все данные оппозиции, представляющие собой, по сути, компоненты последней, своеобразно преломляются, образуя то особенное, что отличает ее (и функционирование в ней языка) от всех прочих сфер общения. Точкой преломления является система детерминационных взаимосвязей, обуславливающих своеобразие когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в изучаемой сфере. Таким образом, *ментально-языковое пространство*, в котором функционируют тексты современных российских СМИ, также предстает как детерминированное – с одной стороны, собственно культурно-языковой ситуацией, в том числе состоянием образования, проектируемым в ментальную сферу, уровнем культуры общества, в том числе и языковой и т.д.; с другой стороны, ментальностью общества вообще в его разных проявлениях, и в первую очередь, – ментальностью общественной (идеологической), в реализации которой основная роль принадлежит именно средствам массовой информации.

Осуществленный в работе детерминационный подход к явлениям языка как исключительно актуальный для современной лингвистики позволил вывести данное исследование на уровень междисциплинарного: изучение ря-

да взаимно детерминированных компонентов *ментально-языковой ситуации* России, которая в значительной мере сформирована текстами современных СМИ, стало возможным благодаря обращению к ряду аспектов рассмотрения лингвистического материала, среди которых ведущее место занимают антропоцентрический (в том числе лингвоперсонологический и когнитивный), коммуникативный, социолингвистический, дискурсивный и стилистический.

Лингвоперсонологический аспект данного исследования, обусловленный необходимостью построения общей теории языковой личности в рамках одного из направлений антропоцентризма – лингвистической персонологии (лингвоперсонологии), связан с изучением через анализ газетно-публицистического текста и рефлексий языкового сознания респондентов, полученных в ходе опросов и лингвистических экспериментов, основного объекта описания – *языковой личности адресата*, участвующего в газетно-публицистической коммуникации, а также с теоретическим обоснованием нового осмысления текста, в котором находят отражение разнообразные свойства языковой личности, как *антропотекста* [Голев, 1995; 2003а; 2004; 2004а; Голев, Чернышова, 2003; Сайкова, 2004 и др.] (см. об этом в главе 1).

Когнитивный аспект данного исследования обусловлен необходимостью изучения особенностей ментально-речевого взаимодействия автора и адресата в сфере массовой коммуникации и характером освоения (интерпретации) ими внеязыковой действительности через газетно-публицистический текст в новых социально-политических условиях. Такое современное направление когнитивной лингвистики как лингвистический «интерпретационизм» («интерпретирующая семантика») – интерпретационизм в широком смысле (син. интерпретирующий подход, интерпретивизм [Демьянков, 2001, с. 309]) – «позволяет выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире» [Демьянков, 1994, с. 20]. *Интерпретация* в рамках данного подхода в работе рассматривается как «когнитивный процесс и одновремен-

но результат в установлении смысла речевых и неречевых действий», осуществляемый через «вехи» [Демьянков, 1996, с. 31], или «узлы» [Скрэгг, 1983, с. 229-230] (ср. также узлы ассоциативно-вербальной сети Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987], или «пики» интерпретации как те составляющие мира, которые представляются говорящему наиболее важными [Почепцов, 1990, с. 111]).

Обращение к когнитивному аспекту изучения текстов разноориентированных СМИ позволило через введение понятия *событийного концепта* как структурного компонента концептуальной организации текста, через систему *ассоциативных и интерпретативных полей* текстов разноориентированных газетно-публицистических изданий охарактеризовать те когнитивные процессы интерпретационной деятельности адресата в ходе освоения им языкового (вербального) факта-события через текст, которые обусловлены его психосоциальными установками, а также дискурсивными особенностями той социальной (идеологической) среды, которая воспринимающим индивидом оценивается как «своя».

Необходимость изучения особой ментально-языковой ситуации, создаваемой текстами современных российских СМИ, которая представлена в работе, с одной стороны, через анализ особенностей когнитивно-речевого взаимодействия автора и адресата современных СМИ, с другой – через создание *фрагментов модели мира* разноориентированных газетных СМИ и *событийной модели* как отражения когнитивно-речевого взаимодействия ЯЛ автора и адресата в современной СМК, обусловило в качестве актуального для данного исследования *коммуникативный* аспект рассмотрения языкового материала.

Целью данного исследования является разработка новой концепции описания современного газетно-публицистического текста через призму языковых личностей автора и адресата современных газетных СМИ, образующих часть информационного слоя (инфосферы), состоящего из бесконечного

множества ежедневно производимых и распространяемых медиа-текстов, функционирующих в ментально-языковом пространстве современного российского общества.

Достижение поставленной цели предполагает решение комплекса разноаспектных **задач**:

1) разработка параметров и построение модели описания современного газетно-публицистического текста через призму когнитивно-речевого взаимодействия языковых личностей автора и адресата в сфере современной массовой коммуникации, а также демонстрация особенностей ее реализации на материале текстов одной тематики;

2) теоретико-экспериментальное обоснование понятия «языковая личность адресата СМИ» как синтеза личного и социального (коллективного) на основе сопоставления результатов комплексного лингвистического анализа текстов СМИ и данных опроса с элементами лингвистического эксперимента;

3) выявление и описание параметров лингвокогнитивного взаимодействия коммуникантов в сфере современной массовой газетной коммуникации по результатам опроса и лингвистического эксперимента;

4) описание когнитивно-речевого взаимодействия автора и адресата через текст в сфере массовой газетной коммуникации и характеристика его детерминационных факторов на основе данных лингвокогнитивного, интерпретационного и стилистического анализа текстов СМИ, посвященных одному событию;

5) обоснование статуса **событийного концепта** как структурного компонента концептуальной организации текста, как фрагмента ментально-языкового пространства, образованного реакцией пишущих и читающих на резонансные политические события, отраженные и интерпретированные в текстах СМИ; выявление на основе комплексного лингвистического анализа и после-

дующее описание событийных концептов, организующих концептуальную структуру текстов газетных СМИ, ориентированных на «своего» читателя;

б) разработка и обоснование статуса **событийной модели** в сфере массовой газетной коммуникации как единства внутренних и внешних детерминационных факторов, определяющих функционирование текстов газетных СМИ в информационном пространстве современного российского общества;

7) разработка принципов, обоснование, представление и иллюстрация на материале текстов одной тематики **методики комплексного лингвистического анализа**;

8) создание на основе приема моделирования с учетом данных комплексного лингвистического анализа, опросов, лингвистических экспериментов и выявленных детерминационных факторов **модели когнитивно-речевого взаимодействия** автора и адресата в сфере современной массовой коммуникации;

9) выявление и описание стилистических особенностей текстов разноориентированных газетных СМИ в аспекте фактора адресата.

Гипотеза. Каждый текст, функционирующий в сфере массовой газетной коммуникации, детерминирован целым комплексом факторов языковой и неязыковой природы, среди которых ведущее место принадлежит согласованности параметров коммуникантов, обусловленной компонентами ментально-языковой ситуации, образуемой текстами современных российских СМИ. Учет фактора адресата – ведущий в текстах массовой коммуникации – с опорой на лингвокогнитивные особенности языковой личности потенциального читателя позволяет автору наиболее полно реализовать свои интенции и коммуникативное задание.

Научная новизна разработанной в рамках данного исследования концепции описания русского публицистического текста обусловлена прежде всего детерминационным подходом к описанию текстов современной газет-

ной публицистики через призму когнитивно-речевого взаимодействия языковых личностей автора и адресата, актуализированным как в целом (на уровне осуществленных в работе подходов, моделей и способов описания), так и на уровне отдельных составляющих (введение новых понятий, методики анализа и др.). Важным фактором данного исследования является то, что тенденция к единству разных сторон *ментально-языковой ситуации*, создаваемой текстами современных СМИ, рассматривается как ведущий детерминационный фактор всей очерченной ситуации в целом и каждого из ее компонентов в отдельности. Причем, сама ситуация включает ряд взаимно детерминированных компонентов, таких как тексты газетных СМИ (план содержания и план выражения); языковое сознание авторов текстов СМИ; языковое сознание адресатов текстов СМИ; социально-политическая ситуация (контекст), в совокупности образующие подвижные «детали» представленной в работе *событийной модели*, основным детерминационным «механизмом» которой является четвертый компонент как фрагмент социально-психологического комментария к речевой коммуникации в сфере политико-идеологических общественных отношений, т.е. в СМИ.

К фактору новизны относится опора в ходе моделирования когнитивно-речевого взаимодействия автора и адресата через современный публицистический текст на принцип адресной обусловленности общения в сфере современной массовой газетной коммуникации как важный фактор, определяющий согласованность параметров коммуникантов. Новым представляется и сам взгляд на взаимодействие коммуникантов в сфере «политико-идеологических общественных отношений». Традиционно оно рассматривается как однонаправленное воздействие, при котором автор (активная сторона коммуникации) передает адресату (пассивная сторона) информацию и при этом активно влияет на его сознание, идеологические, политические и прочие взгляды и установки. В рамках данного исследования отношения автора

и адресата современных СМИ рассматриваются как *взаимодействие*, осуществляемое на разных уровнях – когнитивном, концептуальном, вербальном и пр., определяющих сходство ментальных и социально-политических установок, когнитивных пресуппозиций, пересечение тезаурусов языковых личностей автора и «своего адресата», т.е. адресат вступает в газетную коммуникацию как (одновременно) *индивидуальная* (в совокупности своих личностных черт) и *коллективная языковая личность*, через газетно-публицистический текст идентифицирующая себя с той или иной социально-политической общностью, обладающей определенным перечнем ментально-речевых установок (стереотипов) языкового сознания. Стереотипы политикомировоззренческого характера (идеологемы), присущие текстам разноориентированных газетных СМИ и выявленные в ходе комплексного лингвистического анализа газетных текстов и фрагментов языковой рефлексии респондентов, полученных в ходе лингвистического эксперимента, предстают как компонент языкового сознания, детерминирующий переход к расслоению типов языкового сознания адресата, выбор им «своего» издания, ориентацию разных СМИ (и авторов) на модель потенциального читателя и т.д.

К фактору новизны относится представленная в работе методика комплексного лингвистического анализа, обусловленная постановкой комплексных задач исследования, которая разработана автором как на материале текстов СМИ, посвященных одной тематике [Чернышова, 2000; 2002; 2003; 2003б и др.], так и через анализ текстов, ставших предметом судебного разбирательства [Чернышова, 2000а; 2002а; 2002в].

Материалом исследования послужили, с одной стороны, информационные и аналитические тексты более двадцати периодических изданий (как центральных, российских, так и местных, региональных) за период с 2001 по 2005 гг. включительно. Особое внимание уделялось публикациям, содержащим информацию о глобальных событиях международного, российского и

регионального масштабов (например, террористические акты в Москве и США, выборы губернатора в Алтайском крае и т.д.), которые достаточно широко интерпретировались различными российскими СМИ, что дало возможность использовать сопоставительный аспект исследования как один из основных в работе. С этой же целью к анализу привлекались и тексты некоторых информационных агентств (интернет-издания). Всего эмпирическую базу исследования составило около 300 текстов

С другой стороны, в качестве материала исследования были использованы данные лингвистического эксперимента в форме анкетного опроса, в котором приняли участие около 500 человек, обладающих различными социальными характеристиками (возраст, образование, пол профессия). Эксперимент как способ получения эксклюзивного языкового материала довольно широко представлен в лингвистических исследованиях [Пешковский, 1930; Щерба, 1974; Клименко, Супрун, 1977; Ноэль, 1978; Лич, 1983; Караулов, 1988; Мустайоки, 1995; Мучник, 1997 и др.]. В данной работе, где фактор адресата рассматривается в качестве ведущего детерминационного фактора, определяющего лингвокогнитивные особенности и характер функционирования текстов современных российских СМИ, обращение к лингвистическому эксперименту с целью получения фрагментов языковой рефлексии читателей СМИ, отражающей особенности их языкового сознания, для ее последующего сопоставления с результатами комплексного лингвистического анализа текстов разноориентированных СМИ, а также иллюстрации ряда теоретических положений и выводов представляется весьма плодотворным и актуальным

Методы исследования. Теоретическую базу исследования составило учение В. фон Гумбольдта о языке, согласно которому язык одновременно предстает как форма, как целостный организм и как деятельность, имеющая, с одной стороны, внутреннюю направленность, связанную с выражением мысли, а с другой, – внешнюю, социально ориентированную [Гумбольдт,

1984, с. 69-71]. Согласно антропологической теории В. фон Гумбольдта, адекватное изучение языка должно производиться в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурой и духовной жизнью. При этом нетождественность языка и мышления преодолевается именно благодаря деятельностной природе языка [Зубкова, 2003, с. 56].

В работе осуществлен комплексный подход к анализу материала: ментально-языковая ситуация изучается (моделируется) в работе путем опросов, выявляющих реакции и «ожидания» рядовых читателей текстов СМИ, а также – опосредованно – через использование комплексного лингвистического анализа, включающего элементы смыслового, концептуального, интерпретационного и стилистического анализов текстов СМИ и высказываний респондентов с целью выделения из анализируемых текстов лингвокогнитивных структур, ориентированных на «фактор адресата», и дальнейшего их описания.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих основных **положениях, выносимых на защиту**:

1. Тексты современных СМИ, представляющие в особом рассмотрении обобщенный совокупный образ русского национального языка, предстают как национальный поток сознания современного человека, как *ментально-языковое пространство*, в котором пересекаются, взаимодействуют фрагменты национальной картины мира, отраженные языковым сознанием автора и адресата.

2. Ментально-языковая ситуация, которую представляют тексты СМИ, функционирующие в информационном пространстве современного российского общества, содержит ряд взаимно детерминированных компонентов, среди которых ведущее положение занимают 1) тексты газетных СМИ (план содержания и план выражения); 2) языковое сознание авторов текстов СМИ; 3) языковое сознание адресатов текстов СМИ; 4) социально-политическая си-

туация (контекст), в совокупности образующие подвижные «детали» представленной в работе *событийной модели*, основным детерминационным «механизмом» которой является четвертый компонент как фрагмент социально-психологического комментария к речевой коммуникации в сфере политико-идеологических общественных отношений, т.е. в СМИ.

3. Основной функцией, в которой тексты современных газетно-публицистических изданий вступают в коммуникацию, является функция *интерпретативная*. Прессе отводится особая роль – так или иначе, с учетом разнообразных критериев и установок, *интерпретировать* произошедшее реальное событие, переводя его посредством речевых структур в *факт вербальный* и давая ему определенную оценку. При этом, интерпретируя реальное событие, пишущий не может не принимать во внимание фигуру адресата, который в современных социально-политических условиях определяет цель акта газетной коммуникации.

4. В плане содержания публицистический текст рассматривается как процесс и результат коммуникативного взаимодействия автора и адресата, как лингвокогнитивная структура, отражающая фрагменты языкового сознания представителей определенной социально-ментальной группы (общности). В плане выражения структура публицистического текста представлена через ассоциативно-вербальную сеть, состоящую из определенного набора соответствующим образом упорядоченных ключевых слов (узлов ассоциативно-вербальной сети) – *событийных концептов*, включающих ансамбли интерпретативных схем (*ассоциативные* и *интерпретативные поля*), позволяющих адресату осваивать («узнавать») конструируемую через текст внеязыковую действительность. Успешному изучению текстов массовой коммуникации способствует методика комплексного лингвистического анализа.

5. Событийный концепт рассматривается как структурный компонент концептуальной организации текста, как лингвокогнитивная структура, задающая *вектор ассоциации* и *интерпретации* и осуществляющая взаимодействие автора и адресата как в пределах конкретного газетно-публицистического текста, так и в рамках соответствующего публицистического дискурса.

6. Важным условием успешной коммуникации в СМИ является *согласованность параметров коммуникантов*, включающих адресную обусловленность (например, совпадение или близость ментальных, концептуальных, когнитивных систем автора и адресата); приоритетность точки зрения адресата при интерпретации события (например, его идеологических установок и политических пристрастий, идеалов, ценностей и т.д.); ориентация автора на определенную модель мира, являющуюся основой концептосферы «своего» читателя.

7. Автор и адресат входят в газетную коммуникацию как коллективные языковые личности; базовой, инвариантной частью языковой личности выступает общерусский национальный тип. Описание языковой личности как типа, представляющего тот или иной языковой коллектив (т.е. личности коллективной, к каковой, по нашему мнению, относится личность читателя в сфере массовой коммуникации), предполагает обращение к фрагментам языковой рефлексии потенциальных читателей СМИ, источником которых служат высказывания, полученные в ходе опросов и лингвистических экспериментов.

8. Создание текста в сфере массовой коммуникации побуждает автора учитывать модель потенциального получателя информации («эскиз аудитории», «коммуникативный портрет адресата» и т.д.) с опорой как на общность когнитивных установок, выражаемых мыслительными актами, имеющими ментальную природу, так и на общность языковых (стилисти-

чески отмеченных) средств, определяемых привычную для читателю манеру речи пишущего, систему его аргументации, систему выразительных языковых средств, обусловленных особенностями речевого поведения в той социальной группе, интересы которой отстаивает автор.

9. Разработка новой концепции описания русского публицистического текста в новых социально-политических условиях опирается, с одной стороны, на принцип адресной обусловленности как важный фактор согласованности когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов через текст (антропоцентрическая составляющая), с другой стороны, на систему взаимодействующих понятий, организованных по принципу оппозиции, один из членов которой представляет собой «языковляемое» явление внешнего мира (детерминационная составляющая). В сфере массовой коммуникации все эти оппозиции, представляющие собой, по сути, компоненты ментально-языковой ситуации в целом, своеобразно преломляются, образуя то особенное, что отличает ее (и функционирование в ней языка) от всех прочих сфер общения. Точкой преломления является система детерминационных взаимозависимостей (как внутренних, так и внешних), обуславливающих своеобразие когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в изучаемой сфере человеческой деятельности.

языковых средств, обусловленных особенностями речевого поведения в той социальной группе, интересы которой отстаивает автор.

Теоретическая значимость работы заключается в научном построении *ментально-языковой модели* коммуникативного пространства, образуемого современными российскими СМИ. Данное пространство представляет собой специфический фрагмент концептосферы русского языка (инфосферу). В работе исследуется ее специфика в парадигме проблем коммуникативной и когнитивной лингвистик, теории текста и функциональной стилистики, которые представлены в исследовании в их антропоцентрической и детерминационной составляющих. Исследование,

таким образом, представляет собой теоретический синтез идей, связанных с особенностями функционирования языка и характером взаимодействия языковых личностей автора и адресата через текст в разных сферах человеческой деятельности.

В ходе исследования разработан и введен в научный оборот ряд научных понятий, обусловленных спецификой функционирования языка в сфере современной массовой газетной коммуникации, где основной категорией, задающей характер функционирования текстов и характер интерпретации их участниками коммуникации является *событие*. Это *событийный концепт*, *событийная модель*, антропоцентрический аспект *категории узусно-стилевого комплекса*, определяющей отбор средств выразительности с учетом фактора адресата, концепт с мировоззренческим содержанием (идеологема) и др.

Ядерная особенность разработанной в диссертации модели обусловлена опорой на *категорию адресата*. В работе исследована детерминация ментально-языкового содержания по линии адресат (читатель) – ведущие идеологемы сверттекста разноориентированных. СМИ – автор публикации. Такое рассмотрение предполагает возможность исследования лингвоперсонологической составляющей коммуникативно-речевого взаимодействия участников газетной коммуникации через выявление разнообразных ментально-языковых типов адресатов.

Сложность ментально-языкового содержания, возникающего вследствие коммуникативного функционирования СМИ, обусловила разработку особой методологии лингвистического исследования, основой которой явился комплексный характер анализа текстового материала, благодаря которому тексты СМИ были рассмотрены в нескольких аспектах. Разработанный в диссертации комплексный анализ имеет теоретическую значимость и может быть реализован в других исследованиях.

Рассмотрение когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в сфере массовой коммуникации как диалогичного, ориентированного на установление контакта со «своим» адресатом (читателем и слушателем), вносит вклад как в разработку новых аспектов теории массовой коммуникации, когнитивной лингвистики,

функциональной стилистики и речеведения, так и предоставляет новый теоретический материал для таких областей гуманитарного знания, как теория журналистики, политология, социология, психология массового сознания и др.

Разработка теоретических основ комплексного лингвистического анализа продуктивна при решении ряда теоретико-практических проблем такой лингвистической дисциплины социолингвистического цикла, находящейся в стадии становления, как юридическая лингвистика (юрислингвистика).

Практическая ценность работы связана с возможностью использования речевого материала и результатов его описания в преподавании курсов стилистики русского языка, литературного редактирования (редактирования материалов массовой коммуникации), психолингвистики, социолингвистики, этнопсихолингвистики, а также спецкурсов по теории коммуникации и функциональной лингвистики.

Разработанная автором методика комплексного лингвистического анализа уже нашла применение в практике написания лингвистических экспертиз текстов, попадающих в сферу судебного разбирательства [Юрислингвистика..., 2002; 2005].

Практические результаты исследования могут оказать существенную помощь практикующим журналистам и редакторам в создании коммуникативного портрета потенциального читателя СМИ, без знания которого невозможно эффективное взаимодействие коммуникантов в сфере массовой коммуникации в современных условиях развития общества. Прогнозирование характера этого общения во многом определяет его успех.

Апробация работы. Основные положения диссертации и результаты работы представлены в докладах на международных, республиканских, региональных научных и научно-практических конференциях в Барнауле (1994, 1996, 1997, 1998, 1999, 2002, 2003, 2004, 2005); Бийске (2002, 2004), Екатеринбурге (2001, 2003); Кемерово (2002, 2005); Москве (2002, 2003, 2004, 2005); Новосибирске

(2004); Санкт-Петербурге (2004, 2005); Томске (2003); Тюмени (2002); Симферополе (2003), в том числе: Межрегиональный общероссийский научно-практический семинар «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах», Москва, 7–8 декабря 2002 г.; II Международная научная конференция «Язык и культура», Москва, 17–21 сентября 2003 г.; II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18–21 марта 2004 г.; Международная научная конференция, посвященная 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного ун-та «Актуальные проблемы русистики», Томск 21-23 октября, 2003; Міжнародна науково-практична конференція «Право і лінгвістика», Сімферополь – Ялта, 18–21 вересня 2003 р. и другие, а также на заседаниях кафедр русского языка и общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (2002; 2005).

По теме исследования опубликовано 56 работ общим объемом 46 п.л. в центральной, региональной и зарубежной (Украина) печати, в том числе:

1) монография объемом 15 п.л. «Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата» (Барнаул, 2005), 2) 3 публикации в изданиях по списку ВАК: 3) опубликованные доклады, представленные на международных научных конференциях; 4) статьи в научных сборниках; 5) учебное пособие «Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект)» (Барнаул, 2003) и др., 6) публикация в зарубежных изданиях (Украина).

Материалы исследования положены в основу лекций по стилистике и литературному редактированию, читаемых автором на филологическом факультете Алтайского государственного университета в течение длительного периода (более десяти лет), в руководстве научно-исследовательской работой студентов и аспирантов. На основании материалов диссертации разработан авторский курс «Тенденции развития языка современных СМИ», который

прошел апробацию в виде лекций, практических и лабораторных занятий для студентов отделений журналистики и связей с общественностью филологического факультета Алтайского государственного университета (с 1996 г.), начиная с 2005 г. он включен в программу курсов кафедры теории коммуникации, риторики и русского языка Алтайского государственного университета для студентов-филологов, в том числе для студентов магистратуры.

Методика комплексного лингвистического анализа, представленная в работе, прошла апробацию в рамках экспертной деятельности автора диссертационного исследователя как лингвиста-эксперта, члена Алтайской региональной общественной организации лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис», аккредитованного члена-консультанта Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (г. Москва) в ходе проведения лингвистических экспертиз текстов СМИ, попавших в сферу судебного разбирательства (см., например, тексты экспертиз в [Юрислингвистика..., 2002; 2004; Теория и практика..., 2003]).

Структура работы. Диссертация объемом 577 стр. состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка, списка основных источников языкового материала, списка условных обозначений и четырех приложений, включающих 1) образцы анкет, использованных в ходе лингвистических экспериментов; 2) таблицы и диаграммы, созданные в результате обработки данных опросов и лингвистических экспериментов; 3) фрагмент комплексного лингвистического анализа текста; 4) 12 таблиц, содержащих фрагменты текстов газетных СМИ, извлеченных в ходе смыслового анализа.

ГЛАВА 1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АВТОРА И АДРЕСАТА ЧЕРЕЗ ТЕКСТ: АСПЕКТЫ, УРОВНИ, СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ

В первой главе на фоне широкого научного контекста представлено теоретическое осмысление ряда исследуемых в работе понятий, показана их эволюция в рамках различных направлений лингвистического знания, а также сформулированы основные общетеоретические положения, послужившие научной базой данного исследования.

1.1. Автор и Адресат: от стереотипных моделей к модели ситуации

Подводя итог развитию языкознания в 80-е гг. XX в., ученые отмечают три глобальных исследовательских направления, сформировавшихся к этому периоду и демонстрирующих триединую ориентированность всей лингвистики: *теоретическое*, объясняющее языковые системы и процессы; *описательное*, осуществляющее их конкретное описание; и *прикладное*, занимающееся их совершенствованием [Городецкий, 1983, с. 5].

Характеризуя вклад различных отраслей лингвистики в изучение фактора адресата, необходимо прежде всего обратиться к исследованиям в области прикладной лингвистики – направлению в языкознании, занимающемуся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка [Андрющенко, 2000, с. 397]; той стороны лингвистики, которая обеспечивает ее связь с другими науками [Слама-Казаку, 1983, с. 18].

В работах, посвященных проблемам вычислительной семантики – *разработке семантических алгоритмов* (модели понимания) и *семантических метаязыков* [Городецкий, 1983, с. 9-13], У. Чейф, Ч. Филлмор, Г. Скрэгг, Р.

Шенк, М. Лебовиц, Л. Бирнбаум, Т. Виноград и др. [Новое в зарубежной лингвистике..., 1983] в той или иной мере касались фактора адресата.

Так, У. Чейф, выделяя три типа вербализации (т.е. трансформации ситуации внешнего мира в языковой текст), особо подчеркивает необходимость изучения процессов, связанных с оценкой говорящим интеллектуальных и рабочих возможностей адресата в пределах конкретного контекста речи: опираясь на результаты этой оценки, автор как бы «завертывает» передаваемое содержание «эффективным образом, чтобы адресат мог легко его усвоить» [Чейф, 1983, с. 36-39], т.е. выбирает соответствующую особенностям адресата «упаковку» для передаваемой информации.

Важным в аспекте фактора адресата является указание У. Чейфа на интерпретирующий характер обоих процессов – вербализации и восприятия: «...информация, поступающая через восприятие в сознание, а затем в память, является не точной копией исходного стимула, но его интерпретацией» [Там же, с. 40]. Данное обстоятельство отмечает и Т. Виноград, указывая, что в ходе понимания совершается некоторый интерпретирующий процесс: «...говорящий может делать выбор определителей на основе заключений о процессах, которые использует слушатель при интерпретации данной фразы, а слушающий может основывать свою интерпретацию на умозаклчениях относительно состояния и деятельности говорящего» [Виноград, 1983, с. 151].

Интерпретация, по У. Чейфу, происходит под влиянием уже существующих в нашем уме определенных моделей, или «схем»³, представляющих собой *стереотипные модели*, с помощью которых вербализуется опыт, определяется его концептуальная организация, устанавливается способ расчленения большого эпизода на мелкие, осуществляются пропозиционализация (по-

³ По мнению У. Чейфа, к понятиям, аналогичным понятию «схема», которое он употребляет вслед за Бартлеттом (1932), относятся такие термины, как «фрейм» (Goffman, 1974; Minsky, 1974) или «сценарий» (Schank and Abelson, 1975) [Чейф, 1983, с. 43]. Ч. Филлмор добавляет, что для сложной области, занимающейся разработкой систем понимания языка, исследователи предложили, кроме уже названных, термины *цена, описание, шаблон, прототип, модуль и модель* [Филлмор, 1983, с. 110].

строение суждения) и категоризация, выбираются способ организации речи, способ интерпретации опыта и способ организации поведения [Чейф, 1983, с. 43-45].

Понятие «схема» развивается в работах Ч. Филлмора в связи с демонстрацией того, каким образом «модель мира одного человека может включать информацию о модели мира другого человека» [Филлмор, 1983, с. 107]. Описывая схему как «стандартный набор условий или концептуальную структуру, характеризующие идеальные или прототипные образцы определенной категории... <которые> могут быть использованы в качестве инструмента построения блоков для конструирования (на основе слов в тексте) модели текста, т.е. модели мира, совместимой с текстом» [Там же, с. 111], исследователь делает очень важное (в аспекте фактора адресата) замечание, касающееся особенностей когнитивного взаимодействия автора и адресата в процессе коммуникации: «Люди смогут понять то, что мы говорим, если их языковой репертуар **активизирует такие же или сходные схемы** и если их опыт по освоению этих схем сравним с нашим..., если они способны состыковать в единый ансамбль схемы, введенные нами в модель потенциальной схемы, которая соответствует модели, сообщаемой им нами» (выделено нами. – Т.Ч.) [Там же].

Интересной в рассматриваемом аспекте представляется также мысль У. Чейфа о разной степени кодируемости конкретных событий в тексте, которая может быть высокой или низкой. Точки с высокой кодируемостью, называемые автором «*фокусом*», характерны для такой интерпретации события, в ходе которой «**содержание рассматриваемой категории очень сходно у говорящего и слушающего**» (выделено нами. – Т.Ч.) [Чейф, 1983, с. 50-57], вследствие чего говорящий достигает оптимального эффекта в процессе категоризации.

Описывая абстрактную процессуальную модель языкового употребления, Т. Виноград вводит понятие, определяемое как «*своя модель слушателя*», которую говорящий использует, осуществляя лексический выбор при создании текста: «При отборе лексической единицы говорящий ищет такое слово, ситуативный тип которого лучше всего подходит для передачи информации» [Виноград, 1983, с. 145]. Языковые формы в процессе отбора выступают как первооснова процесса анализа, в ходе которого строится (по большей степени неосознанно) ряд концептуальных сущностей, предположительно соответствующих сущностям говорящего. При этом устанавливаются точки соприкосновения моделей мира говорящего и слушающего, располагающих некоторыми ментальными сущностями, которые могут соответствовать реальным или вымышленным объектам и событиям действительности, а также «осуществляется» целый ряд задач как со стороны *говорящего* (а), так и со стороны *слушающего* (б). Ср.:

(а) выводы, к которым говорящий хотел бы подвести слушающего; выводы, опирающиеся на содержание и не предусмотренные специально говорящим (т.е., по всей видимости, извлекаемые слушающим из текста в процессе интерпретации высказывания); выводы, «касающиеся состояния говорящего на данном этапе, включая цели высказывания, фокус его внимания, состояние его знания (включая его знания о слушающем)»;

(б) высказывания; знания, которыми обладает слушающий (в том числе его модель релевантного «мира» и модель говорящего); состояние слушающего в данный момент, «включая непосредственный фокус внимания и модель предшествующего данному высказыванию разговора»; ограниченную способность слушающего к обработке информации» и т.д. [Там же, с. 134-135].

Модель процессуального подхода, в значительной степени ориентированная на анализ речевого акта с акцентуацией внимания на всем комплексе

целей говорящего, может быть описана следующей фразой: «В моем ментальном мире имеется уникальная сущность, о которой я намереваюсь что-то сказать. Данная описательная фраза достаточна для того, чтобы вы могли найти или создать некоторую уникальную сущность в вашей модели мира, используя весь контекст и общее знание (относительно мира, правил речевого общения и моего собственного состояния), о наличии которого у вас я делаю предположительный вывод на основе моей модели о вас в настоящий момент», а также с учетом конкретного контекста, «включающего в мою модель другого участника речевого акта» [Виноград, 1983, с. 151]. Таким образом, данное определение не только описывает какую-либо референцию в терминах передаваемого сообщения «относительно сущностей и дескрипций в соответствующих ментальных мирах», но и характеризует процесс понимания как *интерпретирующий* процесс, в ходе которого говорящий делает выбор определителей с учетом данных слушающего, а слушающий, в ходе интерпретации, опирается «на умозаключения относительно состояний и деятельности говорящего» [Там же].

Наблюдения ученого получают развитие в трудах исследователей, разрабатывающих проблемы современной *дискурсивной* [Handbook of Discourse Analysis..., 1985; 1985a; Kress, Hodge, 1979; Fowler, 1985; Kress, 1985; Montgomery, 1986; Fairclough, ван Дейк, Кинч, 1988; ван Дейк, 1989; Simpson, 1993; Макаров, 2003 и др.] и *когнитивной* лингвистик, в том числе и лингвистического «интерпретационизма» [Демьянков, 1981; 1982; 1994; 2001; 2003; 2003а; Кубрякова, Демьянков, Панкрац и др., 1996 и др.] (см. об этом ниже).

С позиций процессуального подхода первостепенное значение имеет *контекст*, формулируемый в терминах когнитивных структур (а не языковой текст или ситуация общения), который косвенно, через посредство моделей говорящего и слушающего, включает лингвистический, социальный и праг-

матический модели контекста [Виноград, 1983, с. 139-157]. При этом приоритет отдается референции атрибутивной (устанавливающей соотношение между концептуальными сущностями говорящего и слушающего), которая более ориентирована на сформировавшийся концептуальный мир слушающего, в то время как референциальное употребление того же самого выражения достигает успеха лишь в том случае, «если концептуальная сущность для слушающего соответствует тому же объекту реального мира, что и концептуальная сущность, которую имеет в виду говорящий» [Там же, с. 153].

Данные положения процессуального подхода оказываются весьма продуктивными при изучении коммуникативного взаимодействия автора и адресата в сфере массовой коммуникации, которая в современных условиях прежде всего нацелена на установление контакта со «своим» читателем, а особенности этого контакта определяются не столько сходством референциальным (т.е. соответствием концептуальных сущностей говорящего и слушающего одному и тому же объекту реального мира), сколько поиском в тексте общностей атрибутивных употреблений в концептуальных моделях говорящего и слушающего. Главной же проблемой при объяснении явлений, связанных с атрибутивной референцией, сторонники процессуального подхода считают не установление условий их истинности по отношению к внешнему миру, а **соответствие** «между концептуальными сущностями в умах говорящего и слушающего» [Там же, с. 153-154]. Отсюда – особый интерес к таким понятиям, как *контекст* [Виноград, 1983], *фокус внимания* [Чейф, 1983; Виноград, 1983 и др.], *ожидания, интерес* [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, 1983 и др.].

Занимаясь разработкой интегральных понимающих систем, ученые приходят к выводу, что процесс и результат восприятия текста во многом обусловлены читательскими **ожиданиями** и **интересом**. Особенно это касается чтения газет: «...имея дело с такими средствами информации, как газе-

ты, люди не осуществляют детальной обработки, но все же в состоянии извлечь огромное большинство сведений, интересующих их» [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, 1983, с. 411-412]. Отвечая на вопрос, как читающий узнает, каким словам он должен уделить особое внимание для их основательной обработки, исследователи указывают, что причины полной обработки слова в тексте могут быть разные. Так, чрезвычайно важной силой в работе анализатора могут оказаться появление в тексте *слова* определенного типа, тех или иных *синтаксических или концептуальных типов*, заставляющих игнорировать все остальные вплоть до удовлетворения этих ожиданий; появление в *тексте определенных функциональных слов*, назначение которых – переключение внимания на те знаменательные слова, ценность которых, с точки зрения читателя, наиболее вероятна; указания на *ценность* анализируемого фрагмента текста *с точки зрения интереса*, которые хранятся в памяти как часть знаний, ассоциированных с понятием, и могут активизироваться в процессе чтения; и, наконец, *ожидания, связанные с высшим уровнем* (сценарий, план) при чтении текста о событии, когда наши предсказания, вытекающие из этого сценария или плана, «могут направлять фокус интереса в процессе обработки предложения» [Там же, с. 413-414].

Исследования в области процессуальной семантики содержат и некоторые сведения относительно типологии слушающего (читающего). В зависимости от аспекта изучения в основание этой типологии могут быть положены разные факторы. Так, У. Чейф на основе психолингвистического эксперимента выделяет разные типы вербализации, обусловленные двумя основными типами процессов, участвующих в обработке человеком стимулов, поступающих к нему из внешнего мира: **индивидуализации** и **типизации** [Чейф, 1983, с. 44]. Для каждого типа характерен свой выбор включаемых в текст эпизодов, что обуславливает разную степень сжатия текста разными людьми [Городецкий, 1983, с. 18]. Создатели интегрального частичного ана-

лизатора дифференцируют читателей, с одной стороны, в зависимости от степени полноты понимания читаемого текста, в связи с чем говорят о читателях, а) обращающих внимание на каждую деталь повествования, замечающих все нюансы; б) «удовольствующихся частичным пониманием» [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, 1983, с. 412]; а с другой стороны, опираясь на читательские установки, различают читателей, процессом понимания которых управляет а) ожидание; б) интерес; в) ожидание и интерес одновременно [Там же].

Т. Виноград дифференцирует слушающих в зависимости от обработки ими разных типов словосочетаний и результатов понимания (интерпретации) текста: а) слушающий, в сознании которого возникает концептуальная сущность, соответствующая какому-либо объекту реального мира (референционное употребление); б) слушающий, в сознании которого возникает концептуальная сущность, соответствующая концептуальной сущности, которую имеет в виду говорящий (атрибутивное употребление) [Виноград, 1983, с. 153].

Таким образом, для декодирования высказывания, выступающего в виде «упаковки» (У. Чейф), адресату недостаточно только знания о языке, ему необходимы также **знания о мире, социальном контексте высказываний, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом** и т.д.

Данные представления, направленные на изучение знаний, используемых в ходе языкового общения, начиная с 70-х гг. XX в. составили одно из ведущих направлений когнитивной науки о языке, целью которого является «объяснение механизма обработки естественного языка, построение модели его понимания», а в частные задачи входит изучение целого ряда компонентов «базы знаний» – как языковых (грамматика, употребление языка, принципы речевого общения), так и внеязыковых (контекст и ситуация, общефоновые знания – знания о мире, о событиях, состояниях, действиях и процессах и т.д.), в том числе и **знаний об адресате**: о его целях и планах, его пред-

ставлениях о говорящем и об окружающей обстановке и т.п. [Герасимов, Петров, 1988, с. 6-7].

В начале 70-х гг. XX в. возрастает интерес исследователей к социальному контексту функционирования языка, который приводит к использованию данных дискурса и к созданию первых вариантов когнитивной модели понимания.

Понимая под текстом преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, а под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами [Арутюнова, 2000, с. 137], Т. ван Дейк и В. Кинч полагают, что восприятие и понимание каких-либо событий, а также связанных текстов, содержащих рассказ о происшествии, происходят в конкретных ситуациях, в рамках широкого социокультурного контекста, причем понимающий располагает тремя видами данных: информацией о самих событиях, информацией о ситуациях или контексте и информацией о когнитивных пресуппозициях [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 158-159]. При этом слушающий (читающий) не просто конструирует свое представление рассказа, но сопоставляет эту информацию с представлениями о том, что хотел сказать говорящий: «...пользователи языка конструируют представление не только соответствующего текста, но и социального контекста, и эти два представления взаимодействуют» [Там же, с. 159]. В прагматические основания модели обработки вводятся *намерения* и *интенции*, присущие дискурсу, а слушатель оценивает дискурс с точки зрения его предназначенности для выполнения определенных прагматических функций, т.е. интерпретация значения и функции рассказа о происшествии будут различными в зависимости от *ситуационного* основания когнитивной обработки дискурса: «В качестве пресуппозиций оно может включать общие нормы и ценности, установки и условности, относящиеся к участникам и возможностям взаимодействия в определенной ситуа-

ции» [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 160]. В качестве основного типа репрезентации знаний Т. ван Дейк предлагает «*модели ситуаций*», в основе которых лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях – как в ментальных моделях, сценариях и фреймах, – а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их личный предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции, т.е. «модель текста должна быть личностной и уникальной, содержащей специфическую интерпретацию определенного текста в определенный момент речи. Более того, такие модели включают активированную информацию и иллюстративные примеры, вследствие чего получаемая модель текста оказывается значительно богаче, чем репрезентация самого текста...» [Залевская, 2001, с. 56].

Ситуационная модель строится вокруг схемы модели, состоящей из ограниченного числа категорий, которые используются для интерпретации ситуаций. Эти схемы наполняются конкретной информацией в различных коммуникативных актах [Караулов, Петров, 1989, с. 9]. Такие функциональные основания описываемой исследователями когнитивной модели понимания текста позволяют интерпретировать понимание не просто как пассивное конструирование репрезентации языкового объекта, а как часть интерактивного процесса, «в котором слушатель активно интерпретирует действия говорящего» (выделено нами. – Т.Ч.) [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 161], пытаясь реконструировать не только предполагаемое значение текста, но и то, которое наиболее релевантно «с точки зрения его интересов и целей» [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 164].

Данное положение особенно актуально в аспекте фактора адресата в сфере массовой коммуникации, где адресат традиционно понимался как пассивная сторона коммуникативного речевого акта, в отличие от автора – отправителя массовой информации (ср., например: «Присущая публицистическим произведениям направленность на воздействие и убеждение устанавли-

вает особые взаимоотношения между сторонами общения... Это не констатирующая, а императивная речь, она призвана не только сообщить о чем-то..., но и внушить это отношение адресату, т.е. в конечном счете это речь, призванная воздействовать на убеждения или поведение читателя, на его оценку тех или иных факторов» [Шмелев, 1977, с. 64]).

С другой стороны, главную задачу говорящего в рассматриваемом аспекте исследователи видят в том, чтобы создать семантический *план* текста, «состоящий из элементов общего знания и в особенности из элементов ситуационной модели (включая модель слушающего и его знания, мотивации, прошлые действия и намерения – и коммуникативный контекст)» (выделено нами. – Т.Ч.) [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 169]. При этом под *коммуникативным контекстом* понимаются типичная социальная ситуация, говорящий, типы взаимодействия, условия речевого акта [Там же, с. 173].

Дискурсивный аспект *теории речевой коммуникации* (см. об этом ниже), включающий представления о контексте взаимодействия коммуникантов (прагматическом, экзистенциональном, ситуационном, психологическом и др.) [Макаров, 2003, с. 147-157], ситуационных моделях и стратегиях их использования в зависимости от ряда факторов [ван Дейк, 1989, с. 90-95], активно разрабатываемый современными зарубежными исследователями (см., например, работы G. Kress, G. Seidel, T. A. Van Dijk и др. в [Handbook of Discourse Analysis..., 1985; 1985a], а также [Дейк ван, 1989; Kress, Hodge, 1979; Fowler, 1985; Kress, 1985; Montgomery, 1986; Fairclough, 1989; Simpson, 1993 и др.]), в последние годы получает развитие в России [Пушкин, 1989; Макаров, 2003 и др.].

Ученые отмечают, что дискурсивный подход к анализу речи берет начало в дискурсивной психологии, развитие которой обусловлено рядом факторов: ростом интереса традиционной когнитивной психологии к явлениям социального и культурного порядка; популярностью идей Л.С. Выготского,

его психологической теории социализации, благодаря чему «когнитивно-психологические и когнитивно-антропологические проблемы все чаще решаются посредством анализа языкового общения» [Макаров, 2003, с. 79]; развитием коммуникативной лингвистики, «склонной рассматривать язык как дискурс и исповедующей деятельностный принцип, провозглашенный еще Вильгельмом фон Гумбольдтом». По замечанию М.Л. Макарова, именно тексты средств массовой коммуникации, различных субкультур в наши дни представляют особый интерес для исследования языка в социокультурном аспекте [Там же, с. 101].

В рамках данного исследования наиболее актуальным является следующее положение дискурсивного подхода: в текстах современных СМИ, представляющих собой область активного лингвокогнитивного взаимодействия автора и адресата, при котором адресат выступает как активный заинтересованный субъект коммуникации, находит отражение ментально-языковое пространство (ситуация) современного российского общества, поэтому анализ данных текстов (изучение дискурса) предполагает учет разнообразных факторов, в перечень которых, согласно Т.А. ван Дейку [ван Дейк, 1989, с. 90-95], входят: коммуникативный контекст, в котором интерпретируется воспринимаемый дискурс, глобальная информация о типе коммуникативной ситуации, жанре речевого сообщения, свойствах участников коммуникации, их целях и интересах, активизирующих в памяти частные ситуационные модели и т.д.. Тенденция к единству данных сторон рассматривается в нашей работе как ведущий детерминационный фактор всей очерченной коммуникативной ситуации в СМК в целом и каждого из ее компонентов в отдельности. Языковое сознание автора СМИ под таким углом зрения предстает как амбивалентное: «с одной стороны, оно "субъектно" и (как бы) формирует сознание читателей, с другой стороны, оно "объектно", т.е. само формируется по-

зицей адресата и/или отражает ее» [Голев, 2005, с. 3], тем самым образуя единое *ментально-языковое пространство*.

1.2. Автор и Адресат: философия «обыденного языка»

Проблемы, связанные с изучением фактора адресата, особую актуальность приобрели в связи с активизацией интереса исследователей к прагматике – науке, рассматривающей язык «в отношении к тем, кто его использует» [Столнейкер, 1985, с. 419], когда речевая деятельность видится как одна из форм жизни и осознается, что «не только язык рисует эскиз мира..., но и жизнь дает ключ к пониманию многих явлений языка и речи» [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 4]. При этом внимание ученых направлено на отношения между говорящим субъектом и его речевым произведением, а предметом анализа является коммуникативное содержание высказывания [Арутюнова, 1981, с. 356-357]. В область прагматики попадают исследовательские интересы такого направления лингвистики, как лингвистическая философия, или философия «обыденного языка», оформившегося к середине XX в. благодаря идеям Дж. Э. Мура («философия здравого смысла») и трудам Л. Витгенштейна. Последний, наблюдая над функционированием языка в естественных условиях коммуникации, рассматривал речь как компонент целенаправленной и регламентированной деятельности человека, характеризующейся множественностью целей, а язык – как орудие, служащее выполнению определенных задач [Арутюнова, 2000, с. 269].

Изучая обыденную речь в действии и как действие, сторонники лингвистической философии (Дж. Остин, П.Ф. Стросон, П. Ноуэлл-Смит, Р. Хазер, П. Грайс, Дж. Серль, З. Вендлер и др.) рассматривали динамический аспект речи: пропозициональные отношения (установки), их взаимодействие с пропозицией, ситуативные условия и цели коммуникации, согласно которым

иллокутивная цель речевого акта – это «ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен ввести слушающего» [Вендлер, 1985, с. 243].

Исследования в области лингвистической прагматики включают комплекс вопросов, связанных с говорящим, адресатом, их взаимодействием и ситуацией общения [Арутюнова, 2000, с. 390].

В аспекте фактора адресата, в частности, разрабатываются вопросы, связанные с интерпретацией речи с учетом контекста [Столнейкер, 1985; Ноуэлл-Смит, 1985 и др.]; прагматической ситуации (ср.: «информационное содержание высказывания... непосредственно зависит от ситуативно обусловленных ожиданий, представлений и эмоций» [Кифер, 1985, с. 335]); пресуппозиций: «Для достижения взаимопонимания крайне важно, чтобы участники любого фиксированного контекста имели общий набор пресуппозиций... Общие пресуппозиции участников речевой ситуации являются, возможно, самой важной составляющей контекста» [Столнейкер, 1985, с. 428-429]; а также целей, ради которых говорящий может отступать от принятых максим общения [Грайс, 1985; Ноуэлл-Смит, 1985 и др.].

В рамках лингвистической философии зародились концептуальный и логический анализы речевых актов. Первый своей главной целью обозначил определение философски значимых концептов с опорой на контексты употребления соответствующих слов в обыденной речи, второй – выявление особой «логики» (правил, регламентов и конвенций) функционирования языка в условиях повседневной коммуникации [Арутюнова, 2000, с. 269].

1.3. Автор и Адресат: «слово как действие»

Со второй половины 60-х гг. XX в. в поле зрения лингвистов все чаще попадает связанный текст как продукт речевой деятельности, привлекавшей

внимание исследователей еще в 20–30-х гг. данного столетия. *Деятельность* в качестве объяснительного принципа при изучении языка как системы рассматривалась в трудах Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, А.М. Пешковского, М.М. Бахтина; «деятельностные представления в языке» отражены в лингвофилософской концепции В. Гумбольдта, теории языка и речи А. Гардинера, теории речевой деятельности в советской психолингвистике, в основу которой легли исследования Выготского–Леонтьева, теории аргументации и других [Кобозева, 1986, с. 9]. Теория речевых актов, сформулированная в трудах Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля, Г.Г. Кларка и Т.Б. Карлсона, Дж. Аллена и Р. Перро и других [Новое в зарубежной лингвистике, 1986], «уловила и раскрыла какой-то важный аспект речевой деятельности, не получивший в других деятельностных концепциях должного освещения» [Кобозева, 1986, с. 10]. Признание минимальной единицей человеческой коммуникации не языковых выражений, а осуществляемых посредством их *действий* привело ученых к мысли, что действительным предметом рассмотрения являются не язык и не текст сам по себе, а *контекст* употребления языка с учетом как предшествующих, так и последующих речевых актов [Павиленис, 1986, с. 380-381].

При этом термин «контекст», включая в себя разные аспекты (вербальный, физический, исторический, социальный, культурный и другие), прежде всего понимается как то, что «н е д а н о в самом употреблении выражения», но вводит конкретный речевой акт в систему речевых актов – предшествующих и последующих (дискурс), что позволяет смоделировать способность человека понимать глобальную тему и идею дискурса, или текста, и предполагает зависимость речевых актов от «фона невысказанных допущений и практик», «энциклопедических знаний мира», «мнений», «желаний», «намерений» и других «контекстуальных особенностей коммуникативной ситуации», которые относятся к ментальной сфере субъекта и, являя собой, по Дж.

Р. Серлю, его определенные интенциональные состояния (намерения), характеризуют определенную ментальную направленность субъекта к действительным или возможным объектам и состояниям мира [Павиленис, 1986, с. 381-382].

Таким образом, любое высказывание погружено в широкий ментально-интенциональный контекст. Однако одной ссылки на контекст недостаточно. По мнению Р.И. Павилениса, понимание речевых актов есть их *интерпретация* («понимать – значит интерпретировать»), и она может осуществляться на разных уровнях: наиболее общем (осмысление текста без выражения к нему отношения), на уровне концептов, составляющих «систему мнения как часть концептуальной системы», на уровне концептов, образующих «субъективную систему знания как часть системы знания» [Там же, с. 388]. Осмысление, интерпретация познаваемых знаков опираются на нашу способность «схватывать» только такие объекты, которые соотносимы с нашей концептуальной системой смыслов (системой концептов как ментальных репрезентаций объекта, системой взаимосвязанной информации, отражающей познавательный опыт индивида на самых разных уровнях и в самых разных аспектах познания). Очевидно, что для гармоничной коммуникации необходима соотнесенность концептуальных систем автора и адресата, ср.: «...наш выбор того или иного указывающего выражения часто осуществляется именно с учетом концептуальной системы партнеров по коммуникации, чтобы тем самым гарантировать указание с точки зрения данной системы» [Там же, с. 385]. В то же время особенность языка такова, что один и тот же язык используется для построения различных «картин мира», что способствует отдалению концептуальных систем друг от друга и усложнению их коммуникации, поскольку «язык сам по себе не выражает никаких смыслов, существующих независимо от концептуальных систем» [Там же, с. 386].

По нашему мнению, вариативность современных газетно-публицистических текстов различных периодических изданий, ориентированных на разного читателя, во многом обусловлена интерпретацией события с опорой на разные концептуальные системы адресата.

В аспекте фактора адресата представляется важным ряд следствий, вытекающих из теории речевых актов (ТРА): одно и то же предложение в зависимости от ситуации его употребления может содержать разные утверждения [Там же, с. 380]; с помощью языка можно не только указать на объекты мира, но и осуществить какой-то речевой акт – спросить, ответить, предупредить, приказать, обещать, угрожать, благодарить, сожалеть и т.п. [Остин, 1986, с. 86]; осуществляя речевые акты, мы можем определенным образом воздействовать на слушающего – убедить, беспокоить, развлечь, напугать и т.д., ср.: «Произнесение каких-то слов часто, и даже обычно, оказывает определенное последующее воздействие (effect) на чувства, мысли или действия аудитории, говорящего или других лиц, и это может быть рассчитанный, намеренный, целенаправленный эффект» (перлокутивный акт) [Там же, с. 88]; любой знак или звук, используемый как проявление языкового общения (как сообщение) должен рассматриваться как «результат деятельности существа, имеющего определенные намерения» (иллокутивный акт), поскольку «основной единицей языкового общения между людьми является иллокутивный акт» [Серль, 1986, с. 152; 1986а, с. 170]. Изучаются воздействие высказывания на адресата (перлокутивный эффект) [Остин, 1986], изменение в эмоциональном состоянии, взглядах и оценках адресата, влияние на совершаемые им действия и т.п. [Арутюнова, 2000, с. 390]. Интерес к взаимоотношениям между участниками коммуникации находит выход в изучении форм речевого общения, социально-этикетной стороной речи, а анализ ситуации общения реализуется в интерпретации дейктических знаков, а также индексальных компонентов в значении слов [Остин, 1986; Серль, 1986; 1986а; Вежбицка, 1985].

Г.Г. Кларк и Т.Б. Карлсон, обратившие особое внимание на неисследованность роли слушающих в речевых актах [Кларк, Карлсон, 1986, с. 270], в свое время буквально всколыхнули англоязычную лингвистическую общественность свежестью своего подхода [Демьянков, 1986, с. 229]. Они не только описали правила и условия общения в ходе речевых актов (РА), не только дали классификацию типов слушающих в зависимости от их роли в коммуникативном РА и информирующей силы высказывания, но и ввели в лингвистическую практику понятие *эскиз аудитории*, возводимое ими к понятию «эскиз реципиентов» [Кларк, Карлсон, 1986, с. 320]: «...когда говорящие конструируют свои высказывания, они отводят различным слушающим различные роли, а затем решают, как сказать то, что они говорят, основываясь на своих знаниях, убеждениях и предположениях о том, что знают, в чем убеждены и что предполагают слушающие в соответствии с отведенными им ролями» [Там же, с. 282]. Понятие *эскиз аудитории* в современных исследованиях коррелирует с понятием *коммуникативный портрет адресата*, или *квазипортрет адресата* (см. об этом: [Каменская, 1990]). Говорящий как лицо, осуществляющее иллокутивный коммуникативный акт, определяет роли слушающих: *участники* иллокутивного акта, направленного на адресата; *адресаты*, на которых направлен иллокутивный акт, – «такие участники, по отношению к которым в высказывании употребляется или может быть употреблено обращение» [Кларк, Карлсон, 1986, с. 282-283]; *случайные слушающие* в иллокутивном акте, направленном на адресата. То, что говорится, предназначено прежде всего для адресатов, «по отношению к которым у говорящего при конструировании высказывания имеются наиболее прямые и очевидные цели» [Там же, с. 284]. Распределяя роли, говорящий конструирует эскиз аудитории, подразделяемый на эскиз *участников*, эскиз *адресатов* и эскиз *случайных слушающих*. Распределение ролей – важнейшая часть эскиза аудитории: «Необходимо, чтобы мнения говорящего и участников и говоря-

щего и адресатов относительно того, кому отведена роль участника, а кому роль адресата, совпадали» [Там же, с. 286]. С опорой на образ аудитории определяются и типы «разговоров». Они могут быть *каноническими*, их основой служит принцип ответственности говорящего за такое конструирование своего высказывания, чтобы все участники разговора могли следить за ним, и *неканоническими*, с более сложной ситуацией общения, в ходе которой поступает дополнительная информация [Там же, с. 283-284].

Изучение ролей слушающих (читающих) в сфере современной массовой коммуникации также представляется весьма актуальным в аспекте фактора адресата, поскольку апелляция к разным типам читателей («свой», «чужой», «случайный», «сочувствующий» и т.п.) требует от пишущих особого способа конструирования высказывания и особого положения, в которое ставит себя автор по отношению к аудитории, а распределение ролей и совпадение мнения автора газетного текста и участников, автора и адресатов относительно этого распределения играют важную роль для установления контакта со «своим» читателем.

Теория речевых актов позволила лингвистике раздвинуть рамки лингвистического анализа и поставить ряд задач [Демьянков, 1986, с. 223-224], среди которых (в рамках данного исследования) наиболее актуальны следующие: установление и характеристика структур, которые позволили бы, исходя из интерпретации составных частей речевого общения, получить интерпретацию целого; объяснение и описание того, как некоторые внешне независимые друг от друга высказывания образуют связный дискурс; объяснение связи между ясностью выражения и эффективностью воздействия; изучение коммуникативных намерений, психологических и поведенческих реакций, обычно присущих получателю в ходе коммуникации; включение единиц, больших чем предложение, в компетенцию семантики истинности с условием, что денотатом сообщения является функция высказывания, а

значение этой функции определяют элементы ситуации и формы высказывания и т.д.

Отдавая должное теории речевых актов как направлению философии, которое сосредоточилось «на житейских наблюдениях над обыденным языком», исследователи отмечают, что ТРА отводит адресату пассивную роль (роль слушающего), замыкающуюся на восприятии и интерпретации без учета прагматического контекста сообщения, предполагающего его ответную реакцию (реагирование) [Арутюнова, 1981, с. 359].

Толкование высказывания в аспекте фактора адресата и характеристика адресата как активного собеседника в отечественной прагматике связаны с работами Н.Д. Арутюновой, указывающей, что правильное ведение коммуникации опирается **на согласованность параметров собеседников**, включающих адресную обусловленность; аспект, амплуа или функции, в которых адресат и говорящий вступают в коммуникацию; приоритетность точки зрения адресата при интерпретации высказывания; удовлетворение пресуппозиций адресата как залог эффективной коммуникации, т.е., говоря словами исследователя, «всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата», «согласование параметров собеседников обеспечивает правильное ведение коммуникации», а «обработка речи происходит под давлением адресата», хотя «и многое дурное в языке стимулировано адресатом» [Арутюнова, 1981, с. 357-359].

Таким образом, адресат тесно связан со многими типами речевых актов, хотя и выполняет в них разные роли: «За ситуацией коммуникативного плана (говорящий – сообщение – слушающий) скрывается более сложная система поведенческих ситуаций – межличностных и социальных» [Арутюнова, 1981, с. 361] (о речевом поведении говорящих и слушающих см. также: [Винокур, 1993]), что обусловлено по крайней мере тремя факторами: 1) связью адресата с перлокутивным эффектом; 2) игровыми принципами речи,

меняющего местами собеседников; 3) принадлежностью речевого акта к сфере межличностных отношений [Там же, с. 361-362]. Характеризуя типы высказываний, ориентированных на адресата, исследователь особо выделяет новости – не только необычные и скандальные известия, но и мелкую фактическую информацию – которые «настойчиво стучатся к адресату-игноранту» и воспринимаются им как косвенный речевой акт [Там же, с. 362] (о косвенных речевых актах см.: [Грайс, 1985; Серль, 1986а; Дементьев, 1999; 2000 и др.]), а также все общие суждения, банальности, деонтические правила, этические сентенции, бытийно-характеризующие утверждения, «невольные принимаемые адресатом на свой счет или на счет близкого к себе круга» [Там же, с. 362] и выполняющие контактоустанавливающую (или фатическую) функцию речи, «приводящую в соприкосновение не практические интересы, а внутренние миры людей» (о роли подобных выражений, характерных для особых типов речевых актов – фатических – в сфере газетной коммуникации см. гл. 4). По мнению Н.Д. Арутюновой, защитные реакции неотделимы от позиции адресата, который в принципе «свободен в выборе вектора реагирования», а «оценка адресатом речевого содержания (коммуникативного смысла) высказывания обычно сопровождается оценкой адекватности его данной прагматической ситуации» [Там же, с. 360].

По нашему мнению, согласованность параметров общения автора и адресата в сфере массовой газетной коммуникации также является одним из важных условий ее эффективности, поскольку общение коммуникантов через современный газетный текст – это общение единомышленников, прежде всего в политических оценках, которые даются в ходе интерпретации того или иного факта-события и превращения его в факт вербальный (речевой), поскольку «содержание текста, резко контрастирующее с системой ценностей реципиента, может вызвать у последнего... позицию контрастной установки,

т.е. неприятия навязываемой ему в СМИ жизненной позиции, модели мира или ценностной ориентации» [Петренко, 2002, с. 20].

1.4. Автор и Адресат: от теории речевой деятельности к теории коммуникации

1.4.1. Начиная с 50-х гг. XX в. ученые все чаще обращаются к изучению функционирования языка в разных ситуациях общения. Объектом исследования становятся общественные функции и связи языка с социальными процессами, зависимость языка от них и отражение их в его членении и структуре. Развитию данной проблематики в немалой степени способствует *социолингвистика*, основной предмет которой – изучение форм существования языка в их социальной обусловленности [Чемоданов, 1975; Брайт, 1975] (см. также: [Белл, 1980; Крысин, Беликов, 2001 и др.]).

В работах социолингвистов были сформулированы параметры поведения особого типа – социолингвистического (т.е. обусловленного обществом), к которому отнесены *отправитель* (Адресующий, Адресант), *получатель* (Адресат), *обстановка* («потенциально релевантные элементы в контексте общения», характеризующие не индивидов, а внешние по отношению к ним обстоятельства, определяющие особенности функционирования языка в разных сферах человеческого общения и его функции) [Брайт, 1975, с. 35-36; Хаймс, 1975, с. 58]; *форма сообщения, канал связи, код, тема*, а также *функции общения* (речевых актов) [Хаймс, 1975, с. 58-64; Якобсон, 1975, с. 198-201; Эрвин-Трип, 1975, с. 337-341].

Основным объектом социолингвистики стало «словесное поведение» (термин С.М. Эрвина-Триппа) говорящих (пишущих), обусловленное прежде всего *обстановкой*, понимаемой достаточно широко: как 1) место и время действия и 2) ситуация общения, т.е. «постоянные модели поведения», воз-

никающие при общении людей. Указывалось также, что изменение привычных для социальной ситуации параметров обстановки (набора участников, конкретной обстановки, темы, функции, стиля беседы) может вызвать «вопиющее нарушение социальных норм или изменить ситуацию настолько», что на ее основе может родиться новая ситуация [Эрвин-Трипп, 1975, с. 337]. Исследователи также отмечали, что вид обстановки, в которой протекает коммуникация, обусловлен характером общения, которое может быть *фамильярным, непринужденным, консультативным, официальным и холодным* [Там же, с. 338].

Описывая особенности участников общения, социолингвисты обращают внимание прежде всего на их **социологические характеристики**: общественный статус (пол, возраст, занятие), их роль относительно друг друга, а также специфические роли, учитывающие статус человека в определенной социальной ситуации. По замечанию исследователей, включение в лингвистические модели все большего количества прагматических факторов – пола, возраста, условий коммуникации – характерно прежде всего для отечественной лингвистики [Белянин, 2000, с. 185-191]. Данный подход находим еще в трудах М.В. Ломоносова⁴, одним из первых обратившегося в «Кратком руководстве к красноречию» к социально обусловленным характеристикам автора (ритора) и слушателя [Ломоносов, 1963]. По мнению ученого, ритор должен 1) быть «добросердечным и совестным человеком, а не легкомысленным ласкателем и лукавцем»; 2) быть любим народом за заслуги; 3) иметь ту же страсть, которую в слушателях возбудить хочет, тогда он «не токмо словом, но и видом и движением действовать будет»; 4) быть знатным породой и чином; 5) пребывать в зрелом возрасте.

Далее М.В. Ломоносов обращается к образу слушателя. По его мнению, автор будет успешно воздействовать на чувства слушателей, если учтет

⁴ См. об этом: [Чернышова, 2003; 2003а].

«главные слушателей свойства»: 1) возраст, «ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстями склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсть в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых»; 2) пол, «ибо мужской пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скорее побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет»; 3) воспитание, «ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно»; 4) наука, «ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями, важного учения исполненными; напротив того, у простаков и грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей» [Ломоносов, 1963, с. 59-60].

Таким образом, для осуществления авторского воздействия нужно обязательно знать физиологические и социальные свойства адресата. Для чего? По мнению М.В. Ломоносова, разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать как искусный боец: «умечать в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы тем приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно». Таким образом, уже в середине XVIII в. исследователь призывал ораторов ориентироваться на слушателя (читателя), которому адресована речь.

Современным дополнением к советам М.В. Ломоносова может служить вычленение в личности человека, формирующейся под влиянием общественно-исторических условий, нескольких Я коммуниканта, соотносимых с факторами речевого общения и с личностью адресанта: Я телесное (физическое, физиологическое); Я социальное; Я интеллектуальное; Я психологиче-

ское; Я речемыслительное [Тарасова, 1992, с. 103]. Характеризуя структуру личности коммуниканта (автора и адресата), И.П. Тарасова показывает характер взаимодействия Я того и другого, отмечая, что всякая речь имеет адресный характер и нацелена говорящим на различные стороны Я адресатов, следовательно, анализ смысла коммуникативной единицы может и должен учитывать множественный характер личности коммуникантов [Там же, с. 103-109].

Современные исследования в области социолингвистики, охватывая широкий круг проблем, связанных с рассмотрением социального статуса человека, во многом обуславливающего его речевое поведение [Карасик, 2002], включают изучение социальной и функциональной дифференциации современного русского языка, в том числе речевых особенностей средств массовой коммуникации и их воздействия на разные слои населения (см., например, работы Л.П. Крысина, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, Е.В. Какориной в [Современный русский язык..., 2003], а также труды зарубежных исследователей [Montgomery, 1986; Fairclough, 1989; Simpson, 1993 и др.].

Современные научные изыскания, посвященные различным аспектам коммуникативно-речевого взаимодействия автора и адреса через текст, выходят далеко за пределы социолингвистики в область междисциплинарных исследований, представленных самой различной проблематикой (см., например, работы, опубликованные в сборниках «Человек – коммуникация – текст» под редакцией проф. А.А. Чувакина (Барнаул, 1997–2004 гг.), материалы Международной научной конференции «Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования» (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25–27 октября 2001 г.), коллективный труд «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования» (М., 2003) и др.).

1.4.2. Проблемы речевого воздействия на адресата, особенно в сфере массовой коммуникации и информации, получили развитие в рамках созданной А.Н. Леонтьевым *психологической теории деятельности* [Основы теории речевой деятельности, 1974], опирающейся на труды Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, лингвистическое наследие Л.В. Щербы. Психолингвистика усвоила интерес к человеку как носителю языка и стремление интерпретировать язык как динамическую систему речевой деятельности (речевого поведения) этого человека на основе глубокого изучения социальной природы языка и речевой деятельности [Леонтьев, 2000, с. 405].

Деятельность рассматривается А.Н. Леонтьевым как процессы, «опосредующие воздействие предметного мира, отражающегося в голове человека», «осуществляющие реальную жизнь человека в окружающем мире, его общественное бытие во всем богатстве и многообразии его форм» [Леонтьев, 1974, с. 7]. Деятельностный подход характеризует человека не как пассивный, подвергающийся воздействиям объект, а как **активного индивидуума**, обладающего внутренней интенцией, или волей, способного воздействовать на внешние предметы, которые, «наталкиваясь на сопротивляющегося человека, способны отклонять, изменять и обогащать» деятельность, под влиянием которой происходит психическое отражение мира в голове человека [Там же, с. 6-10]. Деятельность человека, таким образом, сконцентрирована на его целенаправленных действиях и протекает или в условиях «открытой коллективности» (как, например, в сфере массовой информации. – *Т. Ч.*), или «с глазу на глаз с окружающим миром», но всегда связана с обществом и определяется тем конкретным местом, которое данный индивид занимает внутри системы. Она представляет собой «молярную единицу» его индивидуального бытия, обладающую многоуровневой организацией, отвечающую его **потребности**, опредмеченной в **мотиве** (он может быть вещественным и идеальным, но он есть всегда!). В предметную деятельность входят **цели** и отве-

чающие им **действия, средства и способы** их выполнения, а также психофизические функции, реализующие деятельность и часто ограничивающие ее протекание [Леонтьев, 1974, с. 9]. А.Н. Леонтьев отмечает принципиальную общность строения внутренней, умственной, и внешней, практической деятельности, указывая, что внутренняя деятельность – деятельность сознания, как и любая человеческая деятельность, включена в общественный процесс и подчинена сознательным целям, которые не изобретаются субъектом произвольно, а даны в объективных обстоятельствах, в предметной ситуации [Там же, с. 11-15], и первая психическая реальность, открытая человеком, – это «феноменальный мир его сознания», «открывающаяся человеку картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния», которую люди производят в своей общественной по природе деятельности, за субъективными явлениями которой лежат действительность человеческой жизни, предметность человеческой деятельности [Там же, с. 18, 20].

Активный, динамический, мотивированный, целенаправленный характер человеческой деятельности в целом позволяет предположить, что взаимодействие автора и адресата в сфере массовой коммуникации – интерактивный процесс, в ходе которого адресат не просто пассивно воспринимает передаваемую информацию, а активно ее интерпретирует (ср., например, мысль о равенстве усилий говорящего и слушающего: «Слушающий следует указаниям говорящего. Он настроен воспринимать и воссоздавать в акте коммуникации все то, что собирается актуализировать говорящий. Слушающий старается затратить энергии не больше и не меньше, чем затратил говорящий» [Розеншток-Хюсси, 1994, с. 146]).

1.4.3. Все перечисленные особенности человеческой деятельности в целом определяют и особенности **речевой деятельности** человека, продуктом которой является язык. В рамках теории речевой деятельности формиру-

ется понятие *деятельности общения* – **коммуникации** – это не столько взаимодействие людей в обществе, сколько взаимодействие людей как членов общества, при этом под социальным смыслом коммуникации понимаются обеспечение любой другой деятельности и обмен информацией [Основы теории речевой деятельности, 1974, с. 21-23].

Термин «коммуникация» имеет широкое хождение в таких науках как философия, психология, социология, информатика, лингвистика. Определения коммуникации многочисленны и противоречивы. Обобщая их, исследователи выделяют три уровня понимания коммуникации: *первый* уровень – модель процесса коммуникации между индивидами; *второй* – роль коммуникации в обществе в целом как способ его организации; *третий* – роль коммуникации во всем живом мире [Мыркин, 1994, с. 25]. Очевидно, что первый уровень, включающий передачу (сообщение) информации отправителем, прием (понимание) информации (сообщения) получателем, ответную реакцию (действие) получателя, представляет собой индивидуальный коммуникативный речевой акт как элементарную единицу коммуникации [Основы теории речевой деятельности, 1974; Хаймс, 1975; Эрвин-Трип, 1975; Якобсон, 1975; Клюев, 2002; Основы теории текста, 2003 и др.]. Данный уровень коммуникации оказывается наиболее актуальным с позиций языково-стилевого отбора, поскольку речь (высказывание, текст) есть основное средство речевой коммуникации, а коммуникативная функция – одна из основных функций языка как средства человеческого общения.

Второй и третий уровни актуальны именно с позиций социально значимого общения, при котором предметом теории речевой коммуникации являются социальный фон развертывания речевых действий, человек как объект социального регулирования в совокупности его физических свойств и социально-ролевых характеристик, социальный контроль над речевой деятель-

ностью, определяемый исследователями как социализация личности [Тарасов, 1974, с. 257-258].

Речевая деятельность в социальной системе происходит путем обмена информацией, осуществляемого как в межличностном общении, так и через **средства массовой коммуникации**, при этом средства массовой коммуникации с позиций социолингвистики определяются как особый социальный институт формирования общественного мнения [Трескова, 1989, с. 43], который прямо обуславливает нормальное функционирование общества [Пруха, 1974, с. 286].

Теория массовой коммуникации, возникшая в 60-е гг. XX в. в США, в настоящее время активно развивается в нескольких зарубежных научных центрах (например, CENTRE FOR LANGUAGE AND COMMUNICATION – Cardiff University в Великобритании), о чем свидетельствует перечень регулярно выпускаемых периодических изданий, таких как Handbook of Discourse Analysis, Media Culture and Society, Discourse and Society, Discourse Processes, Media Discourse, Discourse Studies, Language in Society, Approaches to Media Discourse, Journal of Sociolinguistics⁵. В основном зарубежные исследования связаны с проблемами функционирования языка масс-медиа в социальной сфере как языка власти и социального инструмента власти [Kress, Hodge, 1979; Fowler, 1985; Kress, 1985; Montgomery, 1986; Fairclough, 1989; Simpson, 1993; Блакар, 1987 и др.], а также с проблемами разработки дискурсивного анализа языка масс-медиа (см. работы G. Kress, G. Seidel, T.A. Van Dijk и др. в [Handbook of Discourse Analysis..., 1985; 1985a]).

В России проблемы массовой коммуникации (особенно в сфере массовой информации) традиционно изучаются в рамках теории речевой деятельности, социолингвистики и психолингвистики [Пруха, 1974; Смысловое восприятие речевого сообщения..., 1976; Стриженко, 1980; Зильберт, 1986;

Трескова, 1989; Винокур, 1993; Купина, 1995; Чепкина, 2000; Муравьева, 2002; Вепрева, 2002; Какорина, 2003; Рогозина, 2003; Чернышова, 2004; 2004б и др.], теории воздействия⁶; стилистики (в последние десятилетия активизировалось изучение языка СМИ в рамках функциональной стилистики и стилистики текста) [Костомаров, 1971; 1999; Кожина, 1974; 2002; Одинцов, 1980; Стилистика русского языка..., 1987; Лысакова, 1989; Какорина, 1996; Солганик, 1997; Чернышова, 1999; 2000; 2000а; 2003; 2003а; 2003в; Ягубова, 2001; Хорошая речь, 2001; Клушина, 2003; Покровская, 2004 и др.]. Новыми для изучения СМИ являются дискурсивный анализ текстов СМИ [Салимовский, 2001]; культурологический [Николаева, 2000; Сметанина, 2002], когнитивный [Иссерс, 1999а; Чернышова, 2002; 2003б; 2004а] и юрислингвистические подходы (см. перечень трудов, опубликованных под ред. проф. Н.Д. Голева в сборниках «Юрислингвистика» за 1999-2005 гг. Лабораторией юрислингвистики и развития речи филологического факультета Алтайского государственного университета).

Особую популярность в наше время получил *комплексный подход*, рассматривающий язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования (см., например, работы М.Н. Володиной, А.А. Леонтьева, В.Н. Кобозевой, В.З. Демьянкова, А.Н. Баранова, Д.Б. Гудкова, Брызгуновой и др. в [Язык средств массовой информации..., 2001; Язык СМИ..., 2003]), и *системный подход*, осуществляемый исследователями Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета (А.А. Поликарпов,

⁵ Перечень изданий приводится на сайте CENTRE FOR LANGUAGE AND COMMUNICATION, Cardiff University: School of English, Communication and Philosophy. htm.

⁶ О механизмах речевого воздействия и манипулирования сознанием адресата в СМИ, а также речевой агрессии, криминализации российской прессы и формировании через нее общего жаргона см.: [Николаева, 1988; Понятия чести и достоинства..., 1997; Какорина, 1996; 2003; Михальская, 1996; 2001; 2003; Майданова, 1997; Сквородников, 1997; Речевая агрессия..., 1997; Шейгал, 1999; Горбаневский, Караулов, Шаклеин, 2000; Горбаневский, 2002; Енина, 2000; Мочалова, Анисеева, 2001; Корженевска-Берчинска, 2001; 2004; Язык средств массовой информации..., 2001; Репина, 2001; Ширяев, 2002; Грачев, 2003; Котов, 2003; Желтухина, 2004; Басовская, 2004 и др.].

О.В. Кукушкина, С.О. Савчук, В.Б. Виноградова и др.), позволяющий увидеть объект исследования в его специфической целостности.⁷ Материалы «Корпуса...» являются ценным источником для исследователей, изучающих лингвистические, коммуникативные, жанрово-стилистические особенности газетно-публицистических текстов, включая предмет сообщения, актуальность/неактуальность сообщаемой информации, ее социальную значимость, коммуникативную цель сообщения и т.д.

Обобщая разные схемы, предложенные исследователями в качестве моделирующих процесс общения в сфере массовой коммуникации (Г. Ласвелла, G. Maletzke, Ч. Райта и др.), Я. Пруха отмечает, что они отражают разные аспекты: психологический, социологический, лингвистический и психолингвистический [Пруха, 1974, с. 287-288], что обусловлено как многозначностью определения понятия «массовая коммуникация», так и разнообразием выполняемых ею функций. Принято считать, что процесс массовой коммуникации содержит различные компоненты: прежде всего, четыре основных – *коммуникатор* (сообщающий), *реципиент* (принимающий), *сообщение* и *средство* коммуникации [Там же, с. 288-289], в состав которых опосредованно входят *источник информации* (ее тип по степени ограничения, по характеру), общее представление об *аудитории* (в том числе типовая характеристика *адресата* и *адресанта*, включая объем и статус), *цели* и *ситуации общения* [Трескова, 1989; Муравьева, 2002, с. 62-96] и «фактор языка» [Трескова, 1989, с. 43].

Наше представление относительно особенностей коммуникативного взаимодействия автора и адресата в сфере массовой газетной коммуникации изложено ниже (см. гл. 2, 3, 4). Сейчас же ограничимся лишь некоторыми за-

⁷ Последний подход был реализован через создание, категоризацию и анализ компьютерного корпуса газетных текстов 13 русских газет на русском языке за отдельные даты 1994-1997 гг., работа над которым осуществлялась в 1999-2002 гг. «Компьютерный корпус текстов русских газет» выставлен на сайте Лаборатории общей компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

мечаниями, прежде всего касающимися приоритета фигуры адресата в указанной коммуникативной модели.

По мнению исследователей, обращение к массе обязывает адресанта учитывать особенности языкового сознания общества, обусловленные параметрами его социальной структуры. Найти общий язык с массовым адресатом, представление о котором включает элемент собирательности, нерасчлененности, непредсказуемости его реакции на сообщение, – «значит проявить готовность к использованию стандарта, выработанного для достижения целей, объединяющих ту или иную из разновидностей общественно значимых речевых сфер» [Винокур, 1993, с. 63]. Однако массовый характер информации не исключает удовлетворения индивидуальных потребностей коммуникантов. При этом важно знать, происходит ли обмен информацией в пределах одного и того же тезауруса отправителя и получателя, какова ценность этих понятий для партнеров по коммуникации, каковы «фонд общих знаний», «ожидания» коммуникантов, «социальный контекст», в котором разворачивается коммуникация и т.д. [Клюев, 2002, с. 12]. Таким образом, современное представление о массовой коммуникации обязательно включает наряду с прочими факторами и фактор адресата, удовлетворение информационных, познавательных, эстетических и прочих потребностей которого во многом является залогом успешной коммуникации.

1.4.4. Теория речевой коммуникации, с позиций социолингвистики, рассматривается исследователями как «внешние координаты» речевой деятельности по сравнению с «внутренними» ее координатами, которые манифестируются психолингвистической проблематикой [Тарасов, 1974, с. 255].

Оценивая вклад *психолингвистики* в развитие теории массовой коммуникации, необходимо прежде всего отметить работы, направленные на изу-

чение особенностей восприятия публицистического текста в условиях массовой коммуникации, представленные в коллективной монографии «Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации)» [1976]. Исследователи, рассматривая проблему смыслового восприятия «на разных уровнях организации речевого потока: от уровня слова, через уровень отдельного высказывания к тексту» [Дридзе, 1976, с. 34], доказывают детерминированность процесса восприятия речевого сообщения в сфере массовой информации разными факторами:

- **текстовыми** (например, на качество восприятия текста в большой степени влияют информационная насыщенность текстов, их смысловая структура на всех уровнях организации, рассматриваемая как иерархия коммуникативных программ (Т.М. Дридзе; В.Г. Борбодько; Е.И. Негневицкая; А.А. Леонтьев; Н.Д. Зарубина); логико-композиционная организация (Ю.А. Сорокин, А.М. Шахнарович, А.В. Скворцов; Е.А. Ножкин); синтаксическая, грамматическая, лексико-семантическая, стилистическая (связанная с экспрессивностью) структура высказываний (М.М. Гохлернер, И.М. Берман; Л.В. Сахарный, И.Г. Торсуева);

- **психофизиологическими**, включающими, например, перцептивно-мыслительное восприятие речевого сообщения, его психологическую схему (И.А. Зимняя); особенности интерпретативной деятельности индивида при восприятии текста (Т.М. Дридзе);

- **личностными** – predispositionalными, включающими готовность адресата к какому-либо виду деятельности (Ю.А. Шерковин); социальными (М. Лауристин, П. Вихалем); особенностями психики реципиента (А.У. Хараш); его эмоционального состояния (Э.Л. Носенко); читательскими навыками (О.Д. Кузьменко).

Данные направления разрабатываются в более поздних трудах, в первую очередь это касается проблем восприятия новой медиареальности, воз-

никшей в глобальном информационном пространстве России и за ее пределами (см., например: [Пронин, 2002; Петренко, 2002, Володина, 2003; Леонтьев, 2003; Рогозина, 2003; Халина, 2003 и др.], а также анализа смысловой организации текстов разной функционально-стилевой принадлежности (в том числе и публицистических) и особенностей их интерпретации читателями (слушателями) [Долинин, 1983; Залевская, 2001; Дунаев, 2001; Куликова, 2003; Дымарский, 2001 и др.].

По мнению исследователей, современная психолингвистика все более тесно взаимодействует с социальной психологией и социолингвистикой. Объектом ее изучения становятся «особенности взаимодействия языкового сознания и социальной деятельности человека, социального быта и быта языковых личностей» [Горелов, Седов, 2001, с. 6]. Новые направления современной психолингвистики нашли отражение в докладах XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (М., 2003), представленных в сборнике научных трудов, вышедшем в свет по результатам симпозиума [Языковое сознание..., 2003]. В статьях рассматриваются феномен языкового сознания, его структура, теоретические аспекты и способы его изучения (В.А. Долинский, Т.И. Доценко, А.А. Залевская, И.А. Стернин, С.А. Сухих, Н.О. Швец); функциональная роль единиц ядра ментального лексикона как средства доступа к единой информационной базе человека (Н.О. Золотова, Т.М. Рогожникова); роль эмоций в языке и сознании человека, особенности его когнитивно-эмоциональной деятельности (В.А. Ильина, В.И. Шаховский, С.В. Ионова); природа языкового сознания через призму речевого жанра (К.Ф. Седов) и др. Часть публикаций касается проблем воздействия, восприятия, понимания и интерпретации современного массмедиального дискурса в его разновидностях (например, исследования А. Ефтимовой, М.Р. Желтухиной, Ф.О. Смирнова и др.).

1.4.5. Изучение фактора адресата традиционно связывается с таким разделом языкознания, как *стилистика* (ср.: «стилистика адресата» [Степанов, 2000, с. 493]), в рамках которого рассматриваются интерпретация адресатом замысла автора, сам «образ адресата», что коррелирует с традицией исследования образа автора, поэтики художественного текста в литературоведческой стилистике, связанной с именами В.В. Виноградова [Виноградов, 1963; 1980; 1981], Ю.М. Лотмана, Р.О. Якобсона [Степанов, 2000, с. 493]. Д.С. Лихачев, описывая образ адресата на материале древнерусской литературы, показал, что адресат «житий» не тот же, что адресат «хождений», а различные жанры фольклора и литературы предназначались разным слушателям: «Несомненно, были произведения, которые не могли исполняться для представителей феодальной верхушки: некоторые языческие обрядовые песни, сатирические произведения, песни разбойничьи и т.д.... система жанров фольклора... была способна в какой-то мере полно удовлетворять потребности народа, в массе своей неграмотного... Выбор писателем церковнославянского языка или церковнославянских слов и форм для одних случаев, древнерусского – для других, а народнопоэтической речи – для третьих был выбором всегда сознательным и подчинялся определенному литературному этикету» [Лихачев, 1987, с. 340-347].

Традиции, заложенные выдающимися лингвистами и литературоведами, развиваются и в теории речевой коммуникации, стилистический аспект которой связан, с одной стороны, с понятием «глобальной стилистики» как науки о наиболее общем в характере объектов исследования из области творческой деятельности человеческого общества, при котором стиль характеризуется как целенаправленная и осознанная деятельность, обусловленная «целесообразностью построения именно такой системы с точки зрения назначения соответствующего предмета» [Кожина, 1974, с. 274]. С другой стороны, стилистический подход к теории речевой коммуникации проявляется в рече-

ведческом аспекте стилистики, в стилистике речи, или функциональной стилистике, исследующей закономерности функционирования языковых средств в разных сферах общения в зависимости от потребностей коммуникации [Гиро, 1980, с. 40] и выполняемых специфических функций [Гальперин, 1980, с. 5], ср.: «Связь функциональной стилистики с теорией речевой деятельности диктуется тем, что стилистические качества речи формируются под влиянием совокупности многообразных внелингвистических факторов – социальных, ситуативных и других, тем, что формирование стиля связано с определенной целевой установкой общения, обусловленной в конечном счете видом деятельности» [Кожина, 1974, с. 277-178] (о механизме речевого отбора – узусально-стилевом комплексе – и особенностях его функционирования в сфере массовой коммуникации см. гл. 4).

Основы функционально-стилистического направления были заложены в трудах Ш. Балли (1905, 1909, 1910 гг.) [Балли, 2001; 2003], который, указывая, что язык в коммуникации не может быть отчужден от говорящего – субъекта речи [Кузнецов, 1991, с. 6], в предмет стилистики включал не только экспрессивные средства языка как средства воздействия автора на чувства, но и коммуникативные факторы, определяющие выбор языковых средств в конкретных ситуациях общения. Он писал, что созданная человеком речь выражает прежде всего его *чувства* и так или иначе характеризует говорящего (т.е. может быть основанием для его социальной характеристики) [Балли, 2001, с. 27-29], а на отбор языковых средств в речи влияют **душевное состояние говорящего** (ср.: «Всякая мысль, зависящая от жизни, эмоциональна» [Балли, 2003, с. 32]), обусловленное его принадлежностью к определенному классу, культурно-образовательному уровню; традициями, моральными ценностями, а также конкретная **ситуация и социальная среда** [Балли, 2001, с. 29].

К факторам «социального» порядка Ш. Балли относит также «фактор адресата», ср.: «Речь, как социальное явление, может выразить из всего духовного мира индивидуума лишь то, что доступно пониманию других; иначе говоря, можно выразить то, что думаешь, и то, что чувствуешь, лишь с помощью таких выразительных средств, которые понятны другим людям... невозможно говорить, не обращаясь к кому-то или по крайней мере не думая о ком-то... Мы можем, таким образом, рассматривать речь как выражение мысли, высказывая которую, говорящий обращается к реальному или воображаемому собеседнику...» [Балли, 2001, с. 23-24]. При этом всякое общение с учетом фактора адресата – это напряжение говорящего, вызванное борьбой с возможными возражениями собеседника и необходимостью оказать на него воздействие, а контакт с другими лицами придает речи двойственность, ср.: «Иногда говорящий концентрирует свои усилия на том воздействии, какое он желает произвести, и разум собеседника предстает как некая крепость, которую надо взять штурмом; иногда представления собеседника определяют характер выражений, выбираемых говорящим... В первом случае, напор, порыв, нападение, во втором, – сдержанность и осторожное отступление» [Балли, 2003, с. 35-36]. Двойственность, о которой говорит Ш. Балли, обусловлена прежде всего тем, что речь он рассматривает как «систему выразительных средств, *одновременных* мыслительным актам», т.е. «живая речь во всех своих проявлениях» обнаруживает рассудочную и эмоциональную стороны [Балли, 2001, с. 29].

Данная мысль, находящая развитие в работах отечественных лингвистов (см., например: [Бондарко, 1978; Одинцов, 1980; Кожин, Крылова, Одинцов, 1982; Стилистика русского языка..., 1987; Кожина, 1993; Л.Б. Лебедева, 1999; Ревзина, 2004]), весьма актуальна в рамках нашего исследования, поскольку подтверждает мысль о том, что создание текста, особенно в сфере массовой коммуникации, побуждает автора учитывать модель потенциального получателя ин-

формации с опорой на общность как когнитивных установок, выражаемых мыслительными актами, имеющими ментальную природу, так и языково-стилевых средств, определяющих привычную для читателя манеру речи пишущего, систему его аргументации, систему выразительных языковых средств, обусловленных особенностями речевого поведения в той социальной группе, интересы которой отстаивает автор.

Таким образом, различные аспекты теории массовой коммуникации – социолингвистический, психолингвистический, стилистический, а также дискурсивный и когнитивный подходы являются актуальными для изучения особенностей коммуникативного речевого взаимодействия автора и адресата в сфере современной газетной коммуникации в рамках данного исследования.

1.5. Автор и Адресат: от речевых актов к речевым действиям

В конце 80-х гг., отмеченных «вторичной гуманизацией лингвистики», интерес исследователей обращается к отражению в языке «всего духовного содержания и опыта человека», не только его ментальной сферы, но и эмоционального состояния, этических принципов поведения, процессов чувственного и эстетического восприятия мира. Анализ языка все больше погружается в жизнь: «на смену *высказыванию* пришел *речевой акт*, на смену *тексту* – *дискурс*» [Арутюнова, 2003, с. 8-9]. Так много давшая лингвистике и «близящаяся к завершению» теория речевых актов в новых обстоятельствах была расширена в рамках направления, разрабатываемого под руководством Н.Д. Арутюновой проблемной группой «Логический анализ (естественного) языка» (ЛАЯз). Научные изыскания этой группы послужили базой для публикации серии «Логический анализ языка», библиографический перечень которой представлен в книге «Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995» [2003].

В аспекте фактора адресата наиболее актуальным представляется третье направление работы группы ЛАЯз, посвященное «последовательной категоризации действий с целью последующего использования моделей дей-

ствий при изучении ментальных актов и речевой деятельности человека» [Арутюнова, 2003, с. 12]. Согласно этим исследованиям, *моделью действия* является сама структура речевого акта: в ней присутствуют *намерение, цели* (явные и скрытые) и производимый *эффект*. Речевые действия, имея много общего с речевыми актами, тем не менее, специфичны прежде всего потому, что они *адресны*, т.е. обращены к «другому» – «личному или социальному адресату, знакомому или незнакомому, современнику или будущим поколениям, самому себе..., душам умерших, наконец, к Богу или святому» [Там же, с. 13]. Будучи обращенными к адресату, речевые действия приобретают черты речеповеденческого акта, который всегда семиотичен, т.е. подлежит интерпретации; он обладает суждением (пропозициональным содержанием), с которым связана иллокутивная сила речевого действия, что позволяет от речевых актов сделать шаг к ментальным действиям, дать им не только этическую и утилитарную, но и истинностную оценку [Арутюнова, 2003а, с. 516].

Одним из аспектов изучения теории речевых действий и речевой деятельности являются проблемы социальной коммуникации, одна из составляющих которой – коммуникация в сфере массовой информации. Проблемы социальной коммуникации решаются учеными через рассмотрение различных компонентов коммуникативной речевой ситуации: модусных характеристик высказывания (в частности степени полноты и характера знаний говорящего о событии) [Яковлева, 2003, с. 129]; оценочных речевых актов [Булыгина, Шмелев, 1994], интерпретация которых, а следовательно, и взаимопонимание в процессе коммуникации, невозможны без общих для говорящих (и слушающих) представлений о ценностной картине мира: «В случае если у собеседников они различаются, неизбежны коммуникативные провалы» [Вольф, 2003, с. 88]; фрагментов «наивной» картины мира, отражающих способы видения мира и способы взаимодействия человека с миром и с другими

людьми как частью этого мира, ментальные репрезентации человека в языке [Сахно, 1991; Гак, 1992; 1993; 1999; 2003; Л.Б. Лебедева, 1990; Булыгина, Шмелев, 1997; 1999; Арутюнова, 1999; Исаакян, 1999; Янко, 1999; 2003; Паршин, 2003; Туровский, 2003; Шмелев, 2003]; особенностей взаимодействия участников речевого акта [Рябцева, 1992; 1994; 1995; Кронгауз, 1994; 1999; Разлогова, 2003; Николаева, 2003]; отдельные виды речевых актов: интерпретирующие, ментальные [Гловинская, 1993; Кобозева, Лауфер, 2003 и др.]. Исследователи описывают понятия, являющиеся базовыми для русской языковой картины мира, русского языкового сознания, например: *вера* как феномен душевной жизни человека [Селезнев, 2003], *уныние, меланхолия* и другие [Калакуцкая, 2003], *человек и личность* [Розина, 2003], *радость и удовольствие* [Пеньковский, 2003] и т.д.

Изучение разных аспектов феномена человека – перцептивного, ментального, эмоционального, семиотического, социального, коммуникативного – позволило сделать вывод: «Язык насквозь антропоцентричен. Путь к осмыслению феномена человека лежит не столько через естественные науки, сколько через естественные языки» [Арутюнова, 2003, с. 18].

1.6. Автор и Адресат: личностные подходы

Связанный с именем В. фон Гумбольдта антропологический подход к языку, в соответствии с которым адекватное изучение языка должно производиться в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурной и духовной жизнью, дал возможность современным исследователям рассматривать язык как систему, в которой уже представлен «человек как порождающий и распознающий разные типы языковой деятельности, как человек творчества и человек дискурса», и человеческий язык как коннотативная и денотативная система [Ревзина, 2004, с. 12-13].

«Антропоцентричный» (Е.В. Рахилина), или «интуитивный» (В.М. Алпатов), подход к языку, по мнению В.М. Алпатова, исторически первичен и представлен в различных национальных лингвистических традициях: европейской, индийской, арабской, китайской, японской. Все они формировались на основе наблюдений над каким-то одним языком, а задача исследователя состояла в осмыслении своих собственных представлений как носителя языка, часто именуемых лингвистической интуицией. Именно эти представления были исходным пунктом анализа, а тексты играли лишь верификационную роль, подтверждая соответствие авторской интуиции языковым нормам [Алпатов, 1993; с. 15-16]. Идеи европейской традиции продолжали служить базой для синхронных описаний языка вплоть до начала XX в. Позднее этот подход потерял всеобщность, но продолжал сохраняться и в последнее время стал наиболее популярен в семантических исследованиях [Там же, с. 15].

В современной лингвистике антропоцентризм является одной из отличительных парадигмальных черт [Кубрякова, 1995, с. 206], связанных с попыткой рассмотреть языковые явления в диаде «язык и человек». А сама антропологическая лингвистика призвана служить единой методологической базой для таких направлений лингвистики, как лингвогносеология, изучающая язык как форму представления познаваемого человеком мира, социолингвистика, исследующая взаимоотношения языка и общества, психолингвистика, рассматривающая взаимоотношения языка и индивида и т.д. При этом в отличие от социолингвистики антропологическая лингвистика изучает социальные факторы не в структуре социума (общего языка), **а в структуре конкретной личности, т.к. она проявляется в процессе речевой коммуникации** [Мурзин, 1995]. С психолингвистикой, которая с учетом антропоцентрической парадигмы рассматривает язык как один из психических процессов во взаимодействии с другими психическими процессами [Залевская, 2003, с. 95], антропоцентрическую лингвистику сближает не только объект

исследования (речевая коммуникация), но и методы исследования. «Глубокое проникновение в тайны языковой личности требует, помимо применения полевой методики, также проведения разнообразного психолингвистического тестирования и психолингвистических экспериментов» [Мурзин, 1995, с. 11].

1.6.1. Структурная организация языковой личности в аспекте речевой коммуникации

Понятие «языковая личность», разработанное в трудах Ю.Н. Караулова, включает три уровня организации: вербально-семантический, реализуемый через соотношение слов в «вербальной сети»; когнитивный, или тезаурусный, представленный иерархией понятий, организованных в семантические поля и характеризующих «картину мира человека», и прагматический (мотивационный), отражающий деятельностно-коммуникативные потребности личности, реализуемые через «коммуникативную сеть», отображающую *сферу общения, коммуникативные ситуации и коммуникативные роли*. При этом исследователь отмечает, что собственно языковая личность начинается именно с уровня лингвокогнитивного (тезаурусного), так как с этого уровня проявляются ее личностные особенности: индивидуальный выбор, личностные предпочтения одного понятия другому, субъективная иерархия ценностей, подчас противоречащая стандартно-усредненному тезаурусу соответствующего социально-речевого коллектива; способы иерархизации понятий и т.д. [Караулов, 1987, с. 57] (ср. по этому поводу высказывание В.В. Виноградова, отмечавшего, что «...языковое творчество личности – результат выхода ее из всех сужающихся концентрических кругов тех коллективных субъектов, формы которых она в себе носит, творчески их усваивая... Индивидуальное словесное творчество в своей структуре включает ряды своеобразно слитых или дифференцированных социально-языковых и идеологически-

групповых контекстов, которые осложнены и деформированы специфическими *личностными факторами*» [Виноградов, 1980, с. 90-91]).

Инвариантное (вневременное), как и вариативное (временное, изменчивое), присуще каждому уровню языковой личности. К *инвариантному* с позиций лингвистики относятся общенациональный (общерусский) языковой тип и устойчивая часть вербально-семантических ассоциаций (нулевой уровень); базовая часть картины мира (лингвокогнитивный уровень) и устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты, порожденные целями и мотивами личности и о них же информирующие (мотивационный уровень) [Караулов, 1987, с. 39]. Инвариантная часть в структуре языковой личности определяется ее национальной составляющей (национальный характер и национальная специфика), которая по своей природе исторична (диахронна) и соотносится с понятием этноса и этнического самосознания, противоречивость природы которых позволяет исследователям выделить ряд основных диахронных признаков: общность происхождения, общность исторических судеб; общность культурных ценностей и традиций; общность языка, эмоциональных и символических связей, общность территории, дополняемых общностью психического склада и тех условий, в которых происходят межпоколенная передача опыта, в качестве основного средства которой выступает язык, и социализация личности [Там же, с. 40-41]. Таким образом, по мысли Ю.Н. Караулова, русская языковая личность, все уровни которой пронизывает национальное, в качестве базовой части имеет инвариантные признаки, которые «отливаются в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [Там же, с. 42].

Инвариантные признаки на каждом уровне языковой личности достраиваются признаками *вариативными* – это данные о состоянии языка в определенный период (нулевой уровень); социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится языковая личность,

в частности идеологические, концептуальные и др. (первый уровень); сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к речевому коллективу, создающие неповторимый колорит ее дискурса.

Разделяя языковую личность на *коллективную* и *индивидуальную*, В.В. Виноградов подчеркивал, что *«социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности»* [Виноградов, 1980, с. 90-91]. Описание языковой личности как типа, представляющего тот или иной языковой коллектив (т.е. личности коллективной, к каковой, по нашему мнению, относится личность читателя в сфере массовой коммуникации – «массового» читателя), предполагает, помимо учета базовых инвариантных компонентов – «инвариантного, регулярного, рационально объяснимого и эмоционально оправданного типизированного речевого поведения личности с учетом психофизиологических, социальных и культурных факторов» (в частности психофизиологические особенности – пол, возраст, тип темперамента; когнитивный стиль мышления; принадлежность к типу речевой культуры – «системы ценностей, исторически сложившихся в социуме»; степень креативности: творческая или рядовая личность) [Ростова, 2000, с. 9-15], учет признаков вариативных, переменных.

В то же время единицы высшего уровня личности – мотивационного, обусловлены **условиями сферы общения, особенностями коммуникативной ситуации и исполняемыми общающимися коммуникантами ролями** [Караулов, 1987, с. 54], т.е. условиями коммуникативного речевого акта, которые часто относятся исследователями к группе переменных характеристик языковой личности, речевое поведение которой может варьироваться в зависимости от условий ситуации общения; психического состояния, социальных факторов (идеологической настрой, социальная роль личности и т.д.); исходных постулатов коммуникации (цель, отношение к адресату, тип речевого

жанра и т.п.) [Ростова, 2000, с. 14-15]. Следовательно, в условиях коммуникативного речевого акта любая языковая личность проявляется через систему когнитивно-тезаурусных и коммуникативно-прагматических показателей, и, следовательно, «следы» языковой личности как автора, так и адресата, «отлитые в языке» речевого произведения, можно извлечь из текста при помощи лингвистического анализа.

В этом смысле важно высказывание Ю.М. Лотмана о том, что текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и, подобно тому, как мы извлекаем из него позиции автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя этого текста [Лотман, 1999а, с. 112]. Это возможно потому, что «текст как бы включает в себя образ "своей" идеальной аудитории, аудитория – "своего" текста... Владея некоторым набором языковых и культурных кодов, мы можем на основании анализа данного текста выяснить, на какой тип аудитории он ориентирован. Последнее будет определяться характером памяти, необходимой для его понимания. Реконструируя тип общей "памяти" для текста и его получателей, мы обнаружим скрытый в тексте "образ аудитории"» [Там же, с. 87].

Анализируя языковую личность (как коллективную, так и индивидуальную) через текст, мы извлекаем из него прежде всего ее интеллектуальные характеристики: «Интеллект наиболее интенсивно проявляется в языке и исследуется через язык... первый уровень ее <языковой личности> изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [Караулов, 1987, с. 36].

Тезаурус языковой личности представляет собой центр ее вербализованной части. «Тезаурус и прагматикон – это то, что в конечном счете интересует читателя... Тезаурус выявляется... в процессах восприятия и понимания языковой личностью текстов других персонажей» [Караулов, 1987, с. 96]. При этом на тезаурусном (лингвокогнитивном) уровне в качестве единиц

следует рассматривать обобщенные понятия, крупные концепты, идеи, отношения между которыми носят подчинительно-координативный характер и выстраиваются в упорядоченную, достаточно строгую иерархическую систему, которая не прямо, но отражает структуру мира, отдаленным аналогом которого может служить обыкновенный тезаурус [Караулов, 1987, с. 52].

1.6.2. Языковая личность и языковое сознание

Языковая личность, т.е. «человек, существующий в языковом пространстве, – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслов текстов» [Карасик, 2003, с. 99], является носителем **языкового сознания**, которое наряду с такими составляющими, как языковая способность (психические, соматические особенности человека), коммуникативная потребность (адресность) и речевое поведение (осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека), образует понятие «речевая организация человека» [Там же, с. 98].

Исследователи отмечают, что содержание термина «языковое сознание», представляющего область интересов разных отраслей научного знания, до сих пор не имеет четкого определения, так как, оперируя им, «... мы то и дело попадаем в ловушку магии слов: если нечто *языковое*, то оно адекватно передается языковыми средствами, которые являются самодостаточными и полностью поддаются анализу и описанию с опорой на словарные дефиниции; если речь идет о *сознании*, то ничего неосознаваемого (к тому же – не вербализованного) изначально не допускается» [Залевская, 2003, с. 94] (см. также замечание о том, что, при изучении феномена языкового сознания «наблюдать и анализировать мы можем только язык» [Долинский, 2003, с. 79]).

Термин «языковое сознание» введен в научный оборот В. фон Гумбольдтом [Гумбольдт, 1985] в связи с обоснованием им разных способов видения одного и того же обозначаемого в различных языках, при этом языковое сознание рассматривается как фактор, обуславливающий состав и строй языка, высказывающий его развитие. Основные положения концепции языкового сознания В. фон Гумбольдта сводятся исследователями к следующим тезисам: 1) языковое сознание обеспечивает органическое единство человека (общества), языка как «слепок с мировоззрения и духа говорящего» и внешнего мира; 2) языковое сознание диалектично, способно к развитию и самосовершенствованию; оно изначально характеризуется инстинктивностью, неосознанной формой существования; степень совершенства языка находится в зависимости от уровня развития человека (общества), т.е. языкового сознания; 3) языковое сознание выступает как внутренний импульс, предопределяющий совершенствование языка; 4) в языковом сознании диалектически соединяются индивидуальное и коллективное; «коллективное способно рефлексировать над путями и способами языкового оформления неязыкового оформления и влиять на язык, имеет индивидуальную форму проявления» [Ростова, 2000, с. 18-19].

Подробное и глубокое описание онтологических и современных научных представлений о сущности языкового сознания и аспектах его изучения, а также содержании термина представлено в монографии А.Н. Ростовской «Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири)» (Томск, 2000). На основе данного исследования с одновременным привлечением других научных источников можно выделить ряд положений, характеризующих понятие «языковое сознание» в лингвистическом аспекте, актуальных в аспекте отражения языкового сознания авторов и читателей в текстах в СМИ:

– основу лингвистического понимания сознания составляют *психологические* представления об этой категории (работы С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и других), традиционно описывающие сознание человека как высшую форму психики, высшую форму психического отражения, присущую человеку и представляющую собой сложную, многомерную, детерминированную культурно-исторически и связанную с мотивационной и потребностной сферами человека структуру; а также представления *философские* (работы П.В. Алексеева, А.В. Панина и других), описывающие сознание человека как действующего, непосредственно включенного в мир существа в качестве идеальной формы деятельности, ориентированной на отражение и преобразование действительности [Ростова, 2000, с. 30-31] (см. также: [Стернин, 2004, с. 141]; сходное представление о категории сознания со ссылкой на исследования А.Н. Леонтьева, Е.В. Тарасова, Л.О. Чернейко и других дает В.В. Красных [2003, с. 10-12]);

– исследователи выделяют несколько видов и форм сознания в зависимости от уровня абстракции, вида интеллектуальной деятельности, по степени сформированности, среди которых применительно к сфере массовой коммуникации наиболее актуальны виды сознания **по предмету мыслительной деятельности** (политическое, научное, бытовое классовое и др.); **по принадлежности субъекту сознания** (социальное, общественное, личное, групповое и т.д.); **по доминирующему принципу**, лежащему в основе сознания (глобальное, демократическое, прогрессивное, реакционное) [Стернин, 2004, с. 142];

– ядром сознания признается рефлексия, или рефлексивная функция, соотносимая с формами знания, с формами представления внешнего мира [Вепрева, 2002], при этом в качестве познающего субъекта выступает языковая личность, а внешним миром, объектом отражения, является язык; осознание структуры языка, его норм, правил употребления и особенностей функ-

ционирования носителем языка получает название **языковое сознание** [Ростова, 2000, с. 33] (ср. также замечание, согласно которому языковое сознание – это та «ипостась» сознания, которая связана с *речевой деятельностью личности* [Красных, 2003, с. 12], т.е. с порождением и восприятием речи, а также хранением языка в сознании (т.е. как компонент когнитивного сознания) [Стернин, 2004, с. 144; 148]);

– поскольку одним из аспектов речевой деятельности является деятельность коммуникативная, то исследователи предлагают различать языковое сознание и сознание коммуникативное как совокупность знаний и механизмов, «которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности», включая коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, набор принятых в обществе правил и норм общения [Там же, с. 148];

– при максимальном обобщении языковое сознание может быть определено как механизм регуляции человеческих отношений с миром посредством языка. По замечанию Ю.Н. Караулова, вербализованная часть структуры языковой личности относится к сфере языкового сознания, «и представления о нем, его масштабах, способах проявления и распределения по разным сферам и уровням можно получить, изучая именно вербальные его манифестации» [Караулов, 1987, с. 91]. При этом языковое сознание характеризуется как сложная структурная организация, обладающая социальностью (соотнесенностью индивидуального опыта с социальным); диалогичностью (нацеленностью на другое Я, что особенно важно в аспекте фактора адресата в сфере массовой коммуникации); исторической и культурной обусловленностью; креативностью; дуалистичностью (взаимопроникновением языкового и ментального, индивидуального и коллективного, осознанного и подсознательного); детерминированностью со стороны внешнего по отношению к человеку и внутреннего мира [Ростова, 2000, с. 34-35];

– языковое сознание, «опосредуя отношения человека с миром, базируясь на практическом владении языком, являясь неотъемлемым компонентом языковой способности и речевой деятельности», выступает четвертым способом репрезентации языка, наряду с языком как системой, суммой текстов и ассоциативно-вербальной сетью (по Ю.Н. Караулову) [Там же, с. 41];

– «языковое сознание – сложноструктурированный феномен, в рамках которого осуществляются формирование концептуальных смыслов в пределах определенной концептуальной системы и вербализация содержания мышления», при этом учет роли языкового сознания позволяет выделить уровень автоматического, неосознанного контроля и регулирования речи и уровень сознательного, контролируемого поведения. Так, по мнению А.Н. Ростовской, построение речи с опорой на существующие социально-языковые нормы, интенции, ситуацию общения, а также отбор языковых средств осуществляются при непосредственном участии сознания [Там же, с. 43], в то же время сложность рассматриваемого феномена позволяет исследователям говорить о сложной игре позициями сознательного и бессознательного в языковом сознании и находить бессознательное как в выборе языковых средств, так и в моделях их употребления, т. е. в тех аспектах стиля, которые составляют основу индивидуальной и художественной стилистики, ср.: «Бессознательное может быть введено в сознание и стать ему подконтрольным. Возможно и обратное: определенная установка может быть внедрена в подсознание и стать действенным фактором, способным влиять на психику и физиологию человека, – в этом суть разного рода внушений» [Л.Б. Лебедева, 1999, с. 138-139];

– языковое сознание является формой *общественного сознания* (ср. интерпретацию В.В. Красных высказываний А.Н. Леонтьева: «Поскольку человек есть существо общественное, *социальное* по своей природе, человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях *общества*, в условиях соз-

данной человечеством *культуры*», следовательно, сознание человека “есть отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных *языковых* значений, понятий”, а “индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования сознания общественно-го”» [Красных, 2003, с. 12]; оно существует в виде ментальных образов и в виде деятельности, в которой субъект сознания воплощает эти образы.

Итак, языковое сознание, являясь обязательной характеристикой языковой личности, базируясь на практическом владении языком, опосредует и регулирует отношения человека с миром, воспринимаемым им через отражение «всего сущего, материального и идеального, реально существующего и воображаемого» (т.е. действительности) как «процесс восприятия информации при одновременной ее когнитивной обработке... Воспринимая информацию, например, о каком-либо предмете (в широком смысле, в том числе факте, событии. – *Т.Ч.*), человек определяет его, некоторым образом классифицирует и «помещает» на определенное место в той картине мира, которая у него уже существует [Красных, 2003, с. 11].

Если при этом рассматривать язык (например, в СМИ) не только как предназначенную для коммуникации знаковую систему, а учитывать его когнитивное (связанное с отражением, представлением окружающего нас мира) и прагматическое (оценивающее этот мир по шкале «хороший – плохой») содержание, «то язык СМИ предстает как национальный (а в свете тенденций к формированию глобальной мировой культуры и планетарный) поток сознания современного человечества» [Караулов, 2001, с. 15]. При этом тексты СМИ как вербализованная часть структуры языковой личности, относящаяся к сфере языкового сознания, будут представлять собой результат отражения (т.е. восприятия и когнитивной обработки) ментально-речевой стихии современного российского общества, характер которого (по материалам разных СМИ) будет варьироваться в зависимости от вариативной составляющей рус-

ской языковой личности (Ю.Н. Караулов), включающей данные о состоянии языка в определенный период, социальные и социолингвистические особенности языковой общности, к которой относится языковая личность автора и адресата СМИ (идеологические, концептуальные и др.); сведения психологического плана (принадлежность изучаемой личности к речевому коллективу, определяющему ее дискурсивные особенности). Предполагаем, что вариативные компоненты структуры языковой личности во много обусловлены характером и способом отражения действительности языковым сознанием той группы, на которую ориентировано СМИ, и прежде всего тем, какие формы сознания присущи членам данной общности **по предмету мыслительной деятельности** (политическое, научное, бытовое, классовое сознание); **по принадлежности субъекту сознания** (социальное, общественное, личное, групповое и т.д.); **по доминирующему принципу**, лежащему в основе сознания (глобальное, демократическое, прогрессивное, реакционное).

1.6.3. Языковая личность и текст

Антропологическая составляющая современной науки о языке послужила теоретической предпосылкой появления целого ряда направлений, посвященных проблемам языковой личности, среди которых выделяются этнокультурный, психолингвистический, социолингвистический, а также лингвоперсоналогический аспекты, в рамках которых изучаются типы языковых личностей, аспекты, структура языковой личности, языковая компетенция и языковая способность [Карасик, 2003, с. 99]. Например, в разных исследованиях разрабатываются проблемы идиостиля и судебной идентификации личности по тексту [Белянин, 2000а], гендерный аспект орфографии [Булохов, 1999], лингво-социо-психологические портреты политических деятелей [Верховский, Михайловская и др., 1999; Китайгородская, Розанова,

2003a], соционическая типология языковых личностей [Комиссарова, 2002]; классификация сверхтекстов идеологем, ориентированных на обобщенный характеризованный тип адресата (с формирующимся сознанием тоталитарного типа) [Купина, 1995, с. 53] и т.д. Согласно перечисленным аспектам, антропоцентризм обнаруживает себя в том, что «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [Кубрякова, 1995, с. 212].

Всплеск интереса к проблемам, связанным с изучением языковой личности⁸, позволил исследователям выдвинуть идею построения общей теории языковой личности, основы которой были заложены князем Н.С. Трубецким, утверждавшим в работе «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927), что личностью является не только отдельный человек, но и народ в целом, с мыслями которого перекликается философское учение персонализм, созданное философом Э. Мунье в начале XX в. во Франции и представленное в одноименной книге «Персонализм» (1949 г.). Одной из ключевых идей персонализма, по мнению Э. Мунье, является мысль о единстве человечества, существующего в пространстве и времени [Нерознак, 1996, с. 112].

Отталкиваясь от идей Н.С. Трубецкого, сопоставляя структуру языковой личности Ю.Н. Караулова и структуру личностного универсума Э. Мунье, В.П. Нерознак отмечает, что структура языковой личности, формируемая на стыке философских концепций персонологии, персонализма и теории языковой личности, может быть изучена в рамках новой дисциплины антропоцентрической направленности – лингвистической персонологии, которая

⁸ Например, только в научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» Волгоградского государственного педагогического университета в 1994-2000 гг. вышло 9 сборников научных трудов, посвященных различным аспектам изучения языковой личности: «Языковая личность: проблемы значения и смысла» (1994); «Языковая личность: культурные концепты» (1995); «Языковая личность: проблемы семантики и прагматики» (1997); «Языковая личность: вербальное поведение» (1988); внимание исследователей занимали социолингвистические, эмотивные (1998), лингводидактические (1999), лингвокультурные и функционально-семантические (1999) аспекты, а также проблемы креативной семантики и институционального и персонального дискурса (2000) и т.д. (Информация расположена на сайте Российской коммуникативной ассоциации по адресу: www.russcom.ru)

может быть выделена в рамках общей персонологии как самостоятельное направление науки о языке, изучающее «состояние языка ...как частночеловеческой (идиолектной) языковой личности, так и многочеловеческой (полилектной) языковой личности – народа» [Там же, с. 113].

Личность «массового» адресата, участвующего в газетной коммуникации, т.е. *личность коллективная*, может быть в рамках лингвоперсонологии охарактеризована как *многочеловеческая (полилектная) языковая личность*, которая предстает «как динамическая система, диахронически организующая разновременные диахронические состояния» [Там же], поэтому предметом лингвистической персонологии является изучение полилектной личности в пространстве и времени, с учетом всех происходящих в языке изменений, а целью – «воссоздание общего и особенного в языке, его лексиконе и в его концептосфере» [Там же, с. 116].

Проблемы лингвистической персонологии (лингвоперсонологии) изучаемые группой исследователей лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского государственного университета под руководством профессора Н.Д. Голева (см. например, работы [Голев, 2002; 2003; 2003а; 2004; 2004а; Голев, Киркинская, Бринев, 2004; Сайкова, 2004; Киркинская, 2004; Естественная письменная русская речь..., 2002; 2003; 2004 и др.], в составе прочих обсуждались на научно-практической конференции «Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты» (24-26 января 2003 г., Барнаул). Исследователи отмечают, что одной из проблем на данном этапе развития нового направления лингвистики является разработка и описание параметров особого (лингвоперсонологического) типа функционирования языковой системности, при этом лингвоперсонологическое функционирование понимается как тип функционирования, обслуживающий уровень языковой личности, разнообразные типы которой образуют особое пространство, формируемое под воздействием равноправных домини-

нант – «собственно языковой и внеязыковой, связанной с разными аспектами индивидуального существования человека (социальным, психологическим, соционическим, гендерным и др.), которые могут быть «расшифрованы» через призму языкового портретирования» [Голев, Киркинская, Бринев, 2004, с. 58]. В связи с этим к наиболее актуальным задачам лингвоперсонологии относится создание типологии языковой личности, которая проявляет себя в речевой деятельности (см., например, опыт типологии воплощаемых в тексте речевых сценариев «как неких динамических сцен конфликта личности» [Голев, 2003а; 2004а], отражение разных типов языковой личности в деривационном тексте [Сайкова, 2004]; изучение типов языковой личности ученика через репродуцированный текст [Киркинская, 2004] и т.д.), а также теоретическое обоснование нового осмысления текста, в котором находят отражение разнообразные свойства языковой личности, как «антропотекста»⁹ [Голев, 1995; 2003; 2003а; 2004; 2004а; Голев, Чернышова, 2003; Сайкова, 2004; Голев, Киркинская, Бринев, 2004 и др.].

Возможность разного подхода к осмыслению понятия «текст» в зависимости от того, является ли предметом наблюдения исследователя грамматическая или коммуникативная составляющие текста (грамматический и речедетельностный подходы), представлена в исследовании И.П. Сусова [Сусов, 1979]. Согласно мнению исследователя, если в первом случае текст выступает как частный объект грамматики, предполагающей изучение его как сложного целого, которое строится из множества специально отбираемых и соответственно организованных языковых единиц, при явном предпочтении синтаксиса текста, то коммуникативно-функциональный подход предпола-

⁹ Определение текста через аспект его изучения не является новым для лингвистической практики. Так, например, А.А. Чувакин при изучении смешанной коммуникации в качестве единицы ЯСК (языко-ситуативной коммуникации) предлагает использовать термин ситуативно-речевой блок, который, по замечанию исследователя, может быть назван «языко-ситуативным текстом» [Чувакин, 1995, с. 42] (выделено нами. – Т.Ч.).

ет «изучение текстов со стороны их функционирования, точнее – *использования* в речевых и – шире – социальных ситуациях» [Там же, с. 90-95].

Два пути исследования текста (по И.П. Сусову) в сопоставительном аспекте обобщены нами в **табл. 1**.

Таблица 1.

**Разные подходы к изучению текста и параметры их разграничения
(по И.П. Сусову).**

Параметры сопоставления	Грамматический подход	Коммуникативно-функциональный подход
Области научного исследования	Грамматика	Теория речевой деятельности
Аспект изучения	Семантико-синтаксический	Прагматический
Предмет изучения	Текст в единстве составляющих его языковых единиц, синтаксис текста	Функционирование текста в различных речевых и социальных ситуациях
Единица изучения	Предложение	Текст как результат функционирования в условиях коммуникативного речевого акта
Свойство текста	Связность (когезия, когерентность)	Целостность

Тип описания (концепции)	Системоцентрическая	Автороцентрическая (коммуникатоцентри- ческая)
-----------------------------	---------------------	--

С позиций «автороцентрического» («коммуникатоцентрического») изучения, отражающего, с точки зрения современного развития лингвистики, ее антропоцентрическую составляющую, коммуникативный акт представляет собой динамическую систему, в которой коммуникативным действием связаны четыре основных компонента: говорящий (пишущий, коммуникатор, автор – Г), слушающий (читающий, коммуникант, адресат – С), референт (фрагмент мира вещей или мира образов – Р) и текст (Т). «Коммуникативное действие связывает все эти компоненты в единую динамическую систему – коммуникативно-социальное поле, описываемое формулой $k(G, C, T, P)$, где k фигурирует как четырехместный предикат: «Кто-то говорит кому-то что-то о чем-то», причем автороцентрическая концепция справедливо делает акцент прежде всего на роли субъекта коммуникативного действия (т.е. личности автора, коммуникатора. – Т.Ч.) [Сусов, 1979]. При автороцентрической трактовке все отношения основных участников коммуникации, представленные формулой $k(G, C, T, P)$, будут толковаться «не как существующие сами по себе, а заданные или созданные коммуникатором как субъектом активной и целенаправленной деятельности в широком смысле», например, ситуацию, отраженную в тексте, описывает «не текст, а коммуникатор через текст; «текст не сам по себе обращен к коммуниканту, а адресован ему говорящим»; через отношение Т – Г (текст – говорящий) выражаются намеренно (ненамеренно) передаваемые авторские оценки, установки, устремления, а также некоторые характеристики автора (пол, возраст, уровень образования и т.д.), которые «оказываются тем своеобразным каналом, через который коммуникатор проявляет себя как активно и целеустремленно действующий субъект»;

реализованная в тексте авторская интенция задает тему и способы развертывания текста» [Сусов, 1979, с. 98-100] и т.д.

Согласно изложенной точке зрения, автороцентрическая (шире – антропоцентрическая. – *Т.Ч.*) концепция видит в тексте средство (инструмент), «создаваемое говорящим в условиях определенной социальной ситуации для воздействия на слушателя с тем, чтобы с его помощью добиться осуществления своих собственных целей» [Там же, с. 98]. С позиций антропоцентрического (авторо– или адресатоцентрического) исследования текст также рассматривается как средство, а точнее **аспект** изучения языковой личности, проявляющейся в тексте, и это аспектуальное понятие получает название «антропотекст» [Голев, 1995; 2004; Голев, Чернышова, 2003; Сайкова, 2004 и др.], оппозицию которому составляет другой аспект изучения текста – традиционный, системоцентрический, ср.: текст – антропотекст.

Строго говоря, любой текст антропоцентричен, как и язык (ср. высказывание Н.Д. Арутюновой о том, что «язык насквозь антропоцентричен»), если иметь в виду, что в него вложен труд автора, и не только интеллектуальный, воплощены его идеи (идеалы), его представления о действительности и т.д. Однако параметры разграничения двух подходов к анализу текста, которые приводит И.П. Сусов (табл. 1), свидетельствуют о том, что в разных случаях объект изучения исследователя будет разным. Об антропоцентрическом подходе к анализу текста можно говорить только тогда, когда объектом изучения является именно «антропотекст», т.е. текст как отражение в нем человека во всех сторонах его бытия – социального и психологического, индивидуального и типового, учебного и профессионального и т.п. [Голев, Чернышова, 2003, с. 205]. За интересом к тексту просматривается интерес к проблеме языковой личности, поскольку «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 8]. Об-

щий пафос такого исследования определяет формула: за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка (Ю.Н. Караулов). По определению Ю.Н. Караулова, «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Там же, с. 38].

Термин «антропотекст» для лингвистики значим еще и потому, что он актуализирует в изучении проблемы взаимодействия текста и языковой личности следующий момент: эта проблема есть проблема именно лингвистики, объект и предмет исследования которой – текст. Ср. рассуждение исследователей «наивного текста-нарратива»: «Постепенно проблема того, как именно написано, выходила на первый план. По текстам было хорошо видно, что они представляют собой разные типы письма, которые коррелируют с социальным статусом пишущих. В центре внимания оказывался не столько референт исследуемых текстов, сколько тип текста как продукт практики письма, взятый в качестве *социокультурной симптоматики*. Росло понимание того, что «человеческие документы» представляют различные типы письма. Типы письма представляют людей, принадлежащих к разным группам» [Козлова, Сандомирская, 1996].

Речевое произведение представляет собой особый антропотекст, т.е. текст, способный отражать разные аспекты языковой личности. Мы можем исследовать «психологический», «социальный», «юридический», «этический», «идеологический» и другие типы личности как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя психологический, социальный, юридический, идеологический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс. На первых этапах исследования антропотекста лингвистика сосредоточилась на изучении различных проявлений в тексте языковой личности индивидуального или типового **автора** текста. Классификация ан-

тропотекстов в разных параметрах предстает в таких исследованиях как типология языковых личностей авторов этих текстов.

Таким образом, антропотекст с разных сторон рассмотрения может выступать как «социотекст», «психотекст», «юристекст» и т.п. или же может представлять собой более сложную организацию, если он направлен, например, на массовую аудиторию. В этом случае можно говорить о существовании «социопсихотекста» (в частности в сфере массовой коммуникации), представляющего собой результат сложного, нередко весьма противоречивого взаимодействия автора и «потребителя» его речевой продукции. И если автор имеет намерение (а отсутствие такого намерения противоестественно для нормальной коммуникации) быть понятым своим адресатом, то в тексте найдет отражение и ориентация автора на определенного (в той или иной мере, разумеется) адресата (тип адресатов) [Голев, Чернышова, 2003, с. 205]. Здесь уместно вспомнить утверждение Н.Д. Арутюновой о том, что всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата, что удовлетворение пресуппозиции адресата – одно из важнейших условий эффективности речевого акта, а ситуация «Вы ошиблись адресатом» может быть уподоблена «обращению не в ту инстанцию» [Арутюнова, 1981, с. 358]. В такой определенной в тексте ориентации лингвист в ходе антрополингвистического описания обнаруживает типовой (не исключено, однако, что и индивидуальный) портрет адресата (слушателя, читателя). Адресной направленностью текста во многом определяется вариативность текстов (в данном аспекте также антропотекстов!), имеющих тождественное или близкое содержание.

1.7. Автор и Адресат: когнитивные аспекты описания

Проблемы языкового поведения говорящих и связанные с ним вопросы понимания и интерпретации текстов изучаются другой лингвистической дисциплиной, находящейся в настоящее время в процессе становления и в ас-

пекте ориентации на человека тесно соприкасающейся с антропоцентризмом. Мы имеем в виду **когнитивную лингвистику**, которая, в сферу своих жизненных интересов включает «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются и участвуют в переработке информации. В центре когнитивной лингвистики находятся те когнитивные структуры, которые объясняют механизмы человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов, которые описывают и объясняют внутреннюю когнитивную структуру и динамику говорящего-слушающего. «Говорящий-слушающий рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов (модулей) и соотносящая языковую информацию на различных уровнях» [Демьянков, 1994, с. 21-22]. Цель когнитивной лингвистики – исследовать такие системы и установить ее важнейшие принципы, понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается, т.е. какова когнитивная действительность.

В рамках данного исследования приемы и методы когнитивного анализа используются прежде всего для выделения из текстов СМИ лингвокогнитивных структур, ориентированных на фактор адресата. Когнитивным процессом и одновременно результатом в установлении смысла речевых и /или неречевых действий служит интерпретация [Демьянков, 1996, с. 31].

Процессы говорения и понимания, которые Л.В. Щерба определил как «речевую деятельность» [Щерба, 1974, с. 24], неразрывно связаны с интерпретацией. При этом исследователь подчеркивал, что «процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем языком» [Там же, с. 25]. По замечанию В.З. Демьянкова, такое современное направление когнитивной лингвистики как лингвистический «интерпретационизм» («интер-

претирующая семантика») – интерпретационизм в широком смысле (син. интерпретирующий подход, интерпретивизм [Демьянков, 2001, с. 309]) – «позволяет выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире» [Демьянков, 1994, с. 20]. Исследователь отмечает, что когниция¹⁰ «образует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры – делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре. Речевое общение направлено на установление договоренностей о нормах в употреблении значений, интерпретаций и понятий» [Там же, с. 25]. Таким образом, когниция связана и с воспринимаемым миром, и с волей человека. В филологии же интерпретация речи человеком – это вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности (например, текст), а результаты насквозь пронизаны личностными характеристиками. Изучая процессы и результаты интерпретирующей деятельности человека, когнитивисты стремятся 1) к построению теории интерпретации текстов, которая бы давала характеристику процессам когниции и отношениям между предложениями и внутри них; 2) к разработке науки о «работе мысли» человека, включающую теорию вычисления смыслов текста, т.е. установления связанности его (логической непротиворечивости) [Демьянков, 1994, с. 23].

Таким образом, интерпретативные возможности текстов СМИ, детерминированность их интерпретации особенностями организации структуры коллективной личности массового читателя того или иного издания и своеобразием типа языкового сознания также входят в область научных интересов автора данного исследования.

¹⁰ Когниция – центральное понятие когнитивной лингвистики, обозначающее «познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих **обработке и переработке информации**, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризованной и реинтерпретируемой человеком... Когниция есть проявление умственных, интеллектуальных способностей человека и включает осознание самого себя, и окружающего мира, построение особой картины мира – всего того, что составляет основу для рационального и осмысленного поведения человека» [Кубрякова, 1996, с. 81].

Необходимо также отметить, что, помимо всего перечисленного, в когнитивной лингвистике для нас наиболее привлекательным является то направление, которое связано с проблемами **категоризации и концептуализации**: проблемы языковой картины мира; реализуемой через модель мира ориентированного на «своего» читателя издания, проблемы соотнесения языковых структур с когнитивными; и т.п., т.е. все то, «с чем связано освещение ментальных репрезентаций и их языковых «привязок» (коррелятивных им языковых форм)» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац..., 1996, с. 54].

1.8. Принципы моделирования коммуникативно-речевого взаимодействия автора и адресата через текст, реализованные в исследовании

На основе анализа и обобщения проблем, стоящих перед учеными в рамках основных направлений современной лингвистики в аспекте фактора адресата, было выделено несколько категорий, разработка которых позволяет пролить свет на особенности разноуровневого взаимодействия автора и адресата через текст в сфере массовой газетной коммуникации и создать *модель описания* такого взаимодействия.

Модель описания, построенная с учетом базовых категорий, обслуживающих процесс коммуникативно-речевого взаимодействия адресата и адресанта, будет приложима к разным ситуациям общения, имеющим, однако, специфику в каждой из них. Следовательно, задача исследователя состоит в том, чтобы 1) построить эту модель с опорой на базовые (всеобщие) категории, выделив наиболее типичные аспекты взаимодействия коммуникантов; 2) описать характерные отличительные признаки, определяющие особенности функционирования текстов в различных сферах и ситуациях общения.

К базовым категориям, обслуживающим любую сферу коммуникативно-речевого взаимодействия автора и адресата, относятся, прежде всего,

главные субъекты речевой коммуникации: *автор (адресант)* и *адресат* – активные индивидуумы, деятельность которых (как и любая человеческая деятельность – внутренняя, умственная и внешняя, практическая), отличаясь активным, мотивированным, динамическим, целенаправленным характером, способствует психическому отражению мира в голове человека [Леонтьев, 1974]. Автор и адресат как *языковые личности*, обладающие *языковым сознанием* – той разновидностью сознания, которая связана с *речевой деятельностью личности*, т.е. с порождением и восприятием речи, а также хранением языка в сознании, реализуют свои деятельностные потребности в тексте и через текст как основную единицу коммуникации. В условиях коммуникативного речевого акта любая языковая личность проявляется через систему когнитивно-тезаурусных и коммуникативно-прагматических показателей [Караулов, 1987], и, следовательно, «следы» языковой личности как автора, так и адресата, речевого произведения, можно извлечь из текста при помощи лингвистического анализа.

Процессом и результатом *категоризации* и *вербализации* (т.е. трансформации ситуации внешнего мира в языковой текст) выступает *текст*, в ходе *интерпретации* которого происходит сопоставление концептуальных сущностей автора, которые предположительно должны соответствовать концептуальным сущностям адресата. *Интерпретация* как результат установления смысла речевых и неречевых действий адресата [Демьянков, 1996, с. 31], без которого невозможно понимание, осуществляется через стереотипные модели [Чейф, 1983], представляющие собой системы концептуальных зависимостей (ансамбли схем) как часть концептуальной системы или системы знания, благодаря которым создается текст, или модель мира, совместимая с текстом [Филлмор, 1983, с. 111]. Возможности интерпретационной деятельности адресата обусловлены опорой на те фрагменты текста, которые соотносимы с его концептуальной системой смыслов (системой концептов как

ментальных репрезентаций объекта, системой взаимосвязанной информации, отражающей познавательный опыт индивида на самых разных уровнях и в самых разных аспектах познания), которые соответствуют ценностным картинам мира как автора, так и адресата [Павиленис, 1986].

Важную роль играет *контекст*, на фоне которого разворачивается коммуникативно-речевое взаимодействие автора и адресата, понимаемый в разных лингвистических концепциях по-разному: как ориентируемый на адресата контекст, формулируемый в терминах *когнитивных структур*, косвенно включающий *лингвистическую, социальную и прагматическую* модели контекста [Виноград, 1983, с. 139-157] и предполагающий для достижения оптимального эффекта в процессе категоризации совпадения моделей мира автора и адресата текста (абстрактная процессуальная модель языкового употребления); как направленный на ситуацию общения *социокультурный (социальный) контекст*, содержащий информацию о событии, о ситуациях, о когнитивных пресуппозициях (общих нормах и ценностях, установках и условиях, относящихся к участникам и возможностям взаимодействия в определенной ситуации), и как контекст *коммуникативный*, включающий типичную социальную ситуацию, говорящего, типы взаимодействия, условия речевого акта [ван Дейк, Кинч, 1988]; как *прагматический, экзистенциальный, ситуационный, психологический* типы контекстов, разрабатываемые в рамках дискурсивного аспекта теории речевой деятельности [Макаров, 2003,]; как *ментально-интенциональный* контекст, вводящий конкретный речевой акт в систему речевых актов (дискурс), что позволяет смоделировать способность человека понимать глобальную тему и идею дискурса [Павиленис]; как *прагматический* контекст сообщения, предполагающий ответную реакцию адресата [Арутюнова, 1981] и т.д.

В целом контекст, не будучи представленным в самом употреблении выражения, чрезвычайно важен с позиций интерпретативной деятельности

участников коммуникации, т.к. вводит конкретный речевой акт в систему речевых актов – в дискурсивное пространство ЯЛ, относящееся к ментальной сфере субъекта, и объясняет определенную ментальную направленность субъекта к действительным или возможным объектам и состояниям мира [Павиленис, 1986, с. 381-382], задающим вектор ассоциации и интерпретации адресатом речевых действий адресанта, воплощенных в тексте.

Данные понятия составили *теоретическую основу* разрабатываемой в исследовании новой концепции описания современного газетно-публицистического текста через призму языковых личностей автора и адресата современных газетных СМИ, на основе которой были разработаны параметры и модель описания когнитивноречевого взаимодействия коммуникантов в сфере современной массовой газетной коммуникации в данном исследовании, а также представлена ее реализация на конкретном материале – текстах разноориентированных газетных СМИ, посвященных одному событию.

В то же время особые *условия* коммуникации в данной сфере (ее массовый, всеобщий, публичный характер, адресованность содержания текстов СМИ большому количеству адресатов одновременно, обусловленность внутренней когнитивной структуры текстов ментально-речевыми и социально-политическими характеристиками той общности, на которую направленное издание, ориентированность на особые разновидности сознания – общественное, идеологическое) обусловили необходимость уточнения некоторых понятий, используемых в работе.

Антропоцентрическая направленность исследования определила характер этого описания: современный газетно-публицистический текст рассматривается в работе как отраженный *языковым сознанием* автора и адресата СМИ, что в свою очередь обусловило рассмотрение текста как *результата когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов* в данной сфере чело-

веческой деятельности и выделение из текста *лингвокогнитивных структур*, отражающих это взаимодействие.

Такой аспект исследования, предполагающий выявление в ходе лингвистического анализа внутренних, глубинных структур текста, определил рассмотрение категорий автора и адресата через призму *языковой личности*, поскольку процессы понимания и интерпретации текста адресатом, в том числе и в сфере массовой коммуникации, направлены на установление иерархии смыслов и ценностей в его картине мира и обусловлены интеллектуальными характеристиками человека как *языковой личности*, наиболее интенсивно проявляющимися на *лингвокогнитивном уровне ЯЛ* через ее *тезаурус*. Тезаурус «как система обобщенных понятий, крупных концептов, идей, отношения между которыми носят подчинительно-координативный характер и выстраиваются в упорядоченную, достаточно строгую иерархическую систему, которая не прямо, но отражает структуру мира» [Караулов, 1987, с. 52], выявляется в процессах восприятия и понимания языковой личностью текстов других персонажей [там же, с. 96].

В рамках антропоцентрического описания любой акт речевой коммуникации является *адресным*, т.е. ориентированным на фактор адресата [Арутюнова, 2003, с. 12]. Данная ориентированность реализуется в газетном тексте через систему *событийных концептов* как структурных компонентов концептуальной организации текста – особых лингвокогнитивных структур, задающих *вектор ассоциирования и интерпретации* и осуществляющих взаимодействие автора и адресата как в пределах конкретного газетно-публицистического текста, так и в рамках соответствующего публицистического дискурса.

Понятие *событийный концепт*, вводимое нами с целью описания особенностей лингвокогнитивного взаимодействия автора и адресата в сфере современной массовой коммуникации, поддерживается рядом положений, объ-

ясняющих процесс коммуникации в описываемой сфере человеческой деятельности как сфере *информационной*.

Основной категорией, задающей характер функционирования текстов в информационной сфере современного российского общества и характер интерпретации их участниками газетной коммуникации, является *событие* как онтологический объект, который в ряду аналогичных понятий, таких как *ситуация, процесс, происшествие, случай*, отражает то, что реально происходит в мире, «наполняя собой бытие людей» [Арутюнова, 1988, с. 171]¹¹.

Событие обладает тройкой локализацией, отражаемой в сообщении: оно локализовано в некоторой человеческой сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит, происходит в некоторое время и в некотором реальном пространстве [там же, с. 172]. К характерным признакам *события* относятся его личностный и социальный характер; оно отличается особой маркированностью, обусловленной знаковым характером происходящего; оно не зависит или не полностью зависит от воли человека (т.е. спонтанно); совершается при определенных обстоятельствах; посредством своего имени оно характеризует то, что происходит в мире, **интерпретируя происходящее и давая ему субъективно-оценочную характеристику** [Там же, с. 171-181].

Факт в отличие от события – это отражение происходящего в сознании человека. Он входит в ряд таких аналогичных понятий эпистемического (т.е. относящегося к мнению и знанию) плана, как *пропозиция, суждение, утверждение, мнение, предположение* и пр. «Фактообразующее значение функционирует в логическом пространстве... и постоянно сопоставляется с происходящим в целях верификации. Будучи верифицированным, смысл выска-

¹¹ О соотношении факта, события и вербального факта см. также: [Демьянков, 1983а; Зализняк А., 1990; Булыгина, Шмелев, 1992; 1995; Купина, 1995; Степанов, 1995; Дэвидсон, 2003; Событие, факт, суждение..., 2004 и др.].

звания порывает с автором речи и приобретает автономность; мнение становится знанием (фактом)» [Арутюнова, 1988, с. 8].

К характерным признакам, выделяющим *факт* из ряда аналогичных понятий, относятся следующие: факт получает доступ к действительности только через оппозицию истины и лжи (т.е. соответствие или несоответствие действительности); он связан суждениями, т.е. задается суждением, которое создается человеком, вычлняющим фрагмент действительности на основе его концептуализации, а затем верифицируется; факты не дескриптивны и не содержат частных характеристик события, сохраняя только его бытие; чаще всего факты локализованы в прошлом (т.е. выступают как свершившиеся); факт, будучи величиной объективной, никак не связан с личностью говорящего и т.д. [Там же, с. 152-155].

Наиболее важным в рамках данного исследования представляется то, что *факт* (его значение) является **способом анализа событий действительности**, «имеющим своей целью выделения в них таких сторон, которые релевантны с точки зрения семантики текста» [Там же, с. 162].

В данном исследовании, помимо термина *событие*, интерпретируемого как реальное событие действительности, или *реальный факт*, используются также понятия *виртуальный факт* как отражение образа реального события языковым сознанием автора и адресата газетно-публицистического текста, а также *вербальный факт* как факт, воплощенный в тексте газетно-публицистического издания, т.е. «сюжетно завершенный» [Сорокин, 1999, с. 91] и представляющий собой оценочную интерпретацию реального события с учетом концептуальной системы того адресата, на которого ориентировано издание.

Использование в работе понятия *факт-событие* отражает его одновременную направленность на *реальное событие* и на его *отражение в сознании* интерпретаторов и в *текстах* газетных СМИ.

Данная триединая направленность находит отражение в созданной по результатам комплексного лингвистического анализа текстов разноориентированных газетных СМИ и фрагментов языковой рефлексии участников опросов и лингвистических экспериментов *модели коммуникации* в изучаемой сфере – *событийной модели*, отражающей как особенности когнитивно-речевое взаимодействия коммуникантов в условиях массовой коммуникации, так и характер отбора информации в сфере политико-идеологических общественных отношений.

Анализ и обобщение детерминационных факторов, обуславливающих все перечисленные процессы, позволяет наполнить новым содержанием еще одно понятие, используемое в работе, – *контекст*, понимаемый в исследовании и как глобальное *ментально-языковое* пространство как отражение *языковым сознанием адресата* языка и текстов СМИ, функционирующих в *информационной сфере* современного российского общества, и более узко – как задающий *векторы интерпретации* знаковых политических событий *социально-политический контекст*, характер которого определяется особенностями современной социально-политической ситуации и особенностями той идеологической (социально-политической) общности, на которую рассчитаны тексты разноориентированных газетных СМИ.

ВЫВОДЫ

➤ Разработка модели описания ментально-языкового пространства, образуемого текстами разноориентированных газетных СМИ, функционирующих в информационной сфере современного российского общества, осуществлена в работе с опорой на некоторые *базовые категории*, отражающие процесс коммуникативно-речевого взаимодействия адресата и адресанта в разных ситуациях общения, и с учетом *особых условий* коммуникативно-

речевого взаимодействия автора и адресата *в сфере массовой газетной коммуникации*, что определило уточнение ряда уже известных понятий, актуальное с позиций предмета и объекта исследования, представленного в работе.

➤ К базовым лингвистическим категориям с учетом фактора адресата относятся *автор (адресант)* и *адресат*, как активные личности, продуктом целенаправленной речевой и лингвокогнитивной деятельности которых является *текст* как совокупность концептуальных схем, отражающих фрагменты языковой картины и модели мира коммуникантов, на основе которых осуществляется интерпретация текста и его понимание, и *контекст* как то, что не дано непосредственно в самом употреблении выражения, но чрезвычайно важно с позиций интерпретативной деятельности участников коммуникации, т.к. вводит данный коммуникативный акт в систему других коммуникативных актов – предыдущих и последующих, т.е. в дискурс.

➤ Основой интерпретации (осмысления) речевого произведения является *совокупность концептов* как ментальных репрезентаций – концептуальная организация текста, в которой обязательно находит отражение концептуальная система адресата. Соотнесенность концептуальных систем автора и адресата в ходе коммуникации и установление между ними соответствия «в умах говорящего и слушающего» является важным условием ее эффективности.

➤ Согласованность параметров общения автора и адресата в сфере массовой газетной коммуникации также является одним из важных условий ее эффективности, поскольку общение коммуникантов через современный газетный текст – это общение единомышленников, прежде всего в политических оценках, которые даются в ходе интерпретации того или иного факта-события и превращения его в факт вербальный (речевой).

➤ Автор и адресат как *языковые личности*, обладающие *языковым сознанием*, отражающим действительность через призму общественно выра-

ботанных *языковых* значений, реализуют свои деятельностные потребности в тексте и через текст как основную единицу коммуникации, а именно через систему когнитивно-тезаурусных и коммуникативно-прагматических показателей – определенных лингвокогнитивных структур, которые могут быть извлечены из текста при помощи лингвистического анализа.

➤ *Особые условия* коммуникации в сфере политико-идеологических общественных отношений (ее массовый, всеобщий, публичный характер, адресованность содержания текстов СМИ большому количеству адресатов одновременно, обусловленность внутренней когнитивной структуры текстов ментально-речевыми и социально-политическими характеристиками той общности, на которую направлен выпуск издания, ориентированность на особые разновидности сознания – общественное, идеологическое), а также антропоцентрический подход к описанию языкового материала обусловили необходимость уточнения некоторых ранее известных понятий, используемых в работе. В качестве таковых используются в частности следующие понятия: *событийный концепт*, введенный в научный аппарат исследования с целью описания особенностей лингвокогнитивного взаимодействия автора и адресата в сфере современной массовой коммуникации; *событийная модель*, отражающая как особенности когнитивно-речевое взаимодействие коммуникантов в условиях массовой коммуникации, так и характер отбора информации в сфере политико-идеологических общественных отношений; *ментально-языковое пространство* (ситуация) как глобальный контекст, образуемый текстами СМИ, функционирующими в информационной сфере современного российского общества, и *социально-политический контекст*, трактуемый в исследовании как задающий векторы интерпретации в СМИ знаковых политических событий; *языковая личность автора (адресата) в сфере массовой газетной коммуникации* как отражающая особенности язы-

кового сознания определенной социально-политической общности, с которой она себя ассоциирует, и др.

ГЛАВА 2

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АДРЕСАТА В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Современное представление о массовой коммуникации обязательно включает наряду с прочими факторами и фактор адресата, удовлетворение информационных, познавательных, эстетических и прочих потребностей которого во многом является залогом успешной коммуникации.

В данной главе на основе обобщения фрагментов языковой рефлексии респондентов, полученных в ходе письменного опроса (анкетирования) с элементами лингвистического и ассоциативного экспериментов, дано представление о языковой личности адресата современных СМИ, учет особенностей лингвокогнитивной и интерпретативной деятельности которого позволит в дальнейшем обратиться к характеристике когнитивно-речевого взаимодействия автора и адресата в изучаемой сфере человеческой деятельности.

Основным источником языкового материала в данной главе являются высказывания респондентов, полученные в ходе письменных опросов. Обращение к данному языковому материалу преследовало несколько целей:

- 1) получить в ходе опроса оригинальный языковой материал, представляющий собой рассуждения респондентов по поводу актуальных политических событий, на основе анализа которого можно было бы судить о характере и особенностях когнитивно-речевого взаимодействия автора и адресата через текст в сфере массовой газетной коммуникации;
- 2) подтвердить (верифицировать) ряд теоретических положений относительно характера когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в сфере массовой коммуникации, сформулированных в ходе комплекс-

ного лингвистического анализа текстов СМИ (главы **3, 4**), посвященных резонансным политическим событиям;

- 3) использовать результаты опроса и лингвистического эксперимента в совокупности с результатами комплексного лингвистического анализа для моделирования процессов получения и передачи социально-политического знания в информационной сфере современного российского общества;
- 4) использовать результаты опроса и лингвистического эксперимента в качестве иллюстрации ряда заявленных в работе теоретических положений (см. введение, а также п. **1.8** гл. **1**).

В процессе работы над диссертационным исследованием было проведено несколько серий опросов (см. приложения I, II), в которых приняло участие около 500 человек, обладающих разными социологическими характеристиками 1) опрос-эксперимент по тексту «Двенадцать учеников отца Евгения», участником которого была студенческая аудитория. Респондентам предлагалось выполнить ряд действий, описанных в п. 2.4 данной главы; 2) опрос на основе анкетирования с элементами лингвистического эксперимента, в ходе которого участникам предлагались фрагменты текстов, посвященных трагическим событиям 11 сентября 2001 г. в США («Теракт в Америке»), и вопросы социологического характера¹²; 3) опрос на основе анкетирования с элементами лингвистического эксперимента, в ходе которого участникам предлагались фрагменты текстов, посвященных террористическому акту в октябре 2002 г. в Москве («Теракт на Дубровке»), и вопросы социологического характера; 4) опрос на основе анкетирования с элементами лингвистического и ассоциативного экспериментов, в ходе которого участникам предлагались фрагменты текстов, посвященных результатам выборов главы администрации в Алтайском крае (апрель 2004 г.); 5) лингвистический экс-

¹² Анкеты, предлагавшиеся респондентам в ходе проведения опросов 2, 3, 4, 5, представлены в приложении I.

перимент по интерпретации текста пропагандистской направленности, участником которого была целевая студенческая аудитория¹³. Основу анализа в данной главе составил языковой материал опросов 1, 2, 3, 5.

2.1. Языковая личность адресата в сфере массовой газетной коммуникации: содержание понятия

Любое высказывание (текст), особенно в сфере массовой информации, не существует в вакууме, а производится «говорящим и слушающим в конкретных ситуациях, в рамках широкого социокультурного контекста» [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 159], на фоне которого разворачивается коммуникативно-речевое взаимодействие автора и адресата текстов СМИ, представляющих собой сегодня обобщенный совокупный образ русского национального языка, национальный поток сознания современного человека [Караулов, 2001, с. 15-16].

В связи с этим особую актуальность приобретают исследования, в которых коммуникативные отношения автора и адресата в сфере массовой коммуникации через текст рассматривается не как простой обмен информацией, когда автор выступает как активный субъект, либо передающий информацию через определенный код, который адресат должен декодировать (информационно-кодовая модель коммуникации), либо же через высказывание пытающийся сделать свои интенции понятными адресату (инференционная модель коммуникации), а как **взаимодействие**, помещенное в социально-культурные условия ситуации (интеракционная модель коммуникации)¹⁴. Согласно последней модели, коммуникация осуществляется не как *«трансляция информации и манифестация намерения»*, а как **демонстрация смы-**

¹³ В опросах – и в качестве опрашиваемых, и в роли респондентов – участвовали студенты 5 курса отделения связей с общественностью филологического факультета Алтайского государственного университета выпусков 2002-2005гг.

слов», при которой важная роль активно воспринимающего отводится именно адресату как со-участнику общения и **интерпретатору** [Макаров, 2003, с. 38-39].

Вопрос о характере отношений адресата и адресанта в сфере массовой коммуникации, по мнению некоторых исследователей, не имеют ясного и однозначного решения.

В большинстве исследований признается, что личности участников общения в этой сфере полностью нивелируются, в то время как другие авторы (преимущественно лингвисты), отмечая сложность изучаемых явлений, видят в них, с одной стороны, частного человека со всеми присущими ему недостатками, а с другой стороны, – человека социального (см., например, исследования Г.Я. Солганика) [Муравьева, 2002, с. 62]. Использование количественных (а) и качественных (б) параметров, позволяет исследователям дать и более сложное описание адресата и адресанта в СМИ: а) *единичный* – > (*двойственный*) –> *массовый (коллективный) адресат / адресант*; б) *частный* –> *публичный* –> *социальный адресат / адресант* [Там же, с. 63-64].

С позиций **личностного подхода** предложенное Н.В. Муравьевой деление не представляется достаточно убедительным, так как «социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [Виноградов, 1980, с. 90-91], т.е. данные характеристики тесно слиты в структуре языковой личности и одно без другого невозможно.

Какое же определение более всего подходит для характеристики адресата в сфере современной массовой коммуникации: *единичный / двойственный / частный; массовый (коллективный) / публичный или социальный?*

2.1.1. Прежде всего, полагаем, что в к сфере массовой коммуникации (к сфере политико-идеологических общественных отношений [Кожин, Крыло-

¹⁴ О моделях коммуникации см.: Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С.33-40.

ва, Одинцов, 1982]) мало применимо понятие *единичный адресат*, поскольку любое издание обязательно ориентировано на некую группу лиц – *общность* как открытую общественную форму, пространственно не ограниченную, в которой не существует прямого контакта между коммуникатором и реципиентами, или *аудиторию* как замкнутую общественную форму, пространственно ограниченную в такой коммуникативной ситуации, где есть прямой контакт между коммуникатором и реципиентами [Пруха, 1974, с. 290]. Таким образом, тип адресата обусловлен особенностями коммуникативной ситуации (открытое или закрытое пространство) и любой адресат может принимать массовую коммуникацию **«как индивид (т.е. как личность! – Т.Ч.), как член малой группы или как член аудитории или общности»** [Там же] (выделено нами. – Т.Ч.).

2.1.2. По этой же причине мало пригодным для изучаемой сферы представляется и определение *двойственный адресат*, «когда одно и то же сообщение заведомо обращается к разным аудиториям» [Муравьева, 2002, с. 64]. Мы разделяем мнение тех исследователей, которые характеризуют сообщения (тексты) в сфере массовой коммуникации как общественные, симультанные (т.е. «переносящиеся одновременно или в течение короткого периода **многочисленным адресатам**») и ограниченные во времени [Пруха, 1974, с. 290] (выделено нами. – Т.Ч.). На наш взгляд, особенность текста массовой коммуникации (особенно газетного) состоит в том, что он по разным причинам может удовлетворять интересы и соответствовать потребностям разных языковых личностей одновременно (см. об этом ниже) и даже сразу может быть адресован разным субъектам, т.е. каждый из читателей может найти в одном и том же тексте информацию, адресованную именно ему.

Иллюстрацией данного положения может служить фрагмент «конфликтного» текста, попавшего в поле зрения автора в связи с необходимо-

стью проведения лингвистической экспертизы по определению суда¹⁵ [Чернышова, 2002б; 2003в; 2004в], на основании которого, через использование разных видов лингвистического анализа (и прежде всего, анализа интерпретационного), был выявлен круг адресатов, к которым апеллировал автор (журналист), описывая фрагмент выступления одной из работниц (Ольги Щ.) на общем колхозном собрании:

«...Сомневаюсь, что Ольга Щ., лаборант пивзавода, криком прерывающая выступавших, старавшаяся превратить собрание в базарную склопку, жила когда-либо в лучшем колхозе. Беда сейчас везде – и она общая. Странно было слушать обвинения в адрес руководителя колхоза из уст сытой лаборантки теплого местечка, упакованной в кожу. Хотелось услышать мнение доярок, механизаторов, зоотехника. Честное мнение, а не фальшивый, провокационный и откровенно безграмотный фарс истеричной особы, пытавшейся заострить внимание собрания только на проблемах конкретного пивзавода»...

В ходе смыслового анализа данного фрагмента текста на основе перефразирования было выявлено несколько вариантов интерпретации в зависимости от предполагаемого автором адресата.

Интерпретация 1. «Трудности, с которыми сталкивается колхоз, есть у всех. Однако понять это может лишь «труженик», «свой», а именно тот, кто живет здесь давно и занимается тяжелым физическим трудом. «Чужой», под которым мыслится человек умственного труда «с чистыми руками», возможно, недавно сюда переехавший, не только не сможет правильно оценить ситуацию, но и не имеет права обвинять руководство, поскольку «хорошо пристроился» (*сытая лаборантка теплого местечка, упакованная в кожу*). Следовательно, выступление «чужого» – это каприз, фарс, спектакль – незаконное и противоправное действие, которое «своими» осуждается». Таким обра-

¹⁵ В данной работе представлен фрагмент статьи «Энгельс хотел провалиться сквозь землю», опубликован-

зом, интерпретация позволяет выявить замысел автора: он состоит в противопоставлении автора и тех, от лица кого он говорит, субъекту речи по принципу «свой – чужой», который, очевидно, вытекает из устойчивого стереотипа сознания о разнице между умственным и физическим трудом и т.п.».

Интерпретация 2 вытекает из первой и строится на желании автора, который тоже занимается умственным трудом, отождествить себя с «тружениками»: я с вами, я понимаю ваши проблемы, я осуждаю «чужого», чтобы вы считали меня «своим»: *Хотелось услышать мнение доярок, механизаторов, зоотехника. Честное мнение, а не фальшивый, провокационный и откровенно безграмотный фарс истеричной особы.*

Интерпретация 3: я «свой», я понимаю ситуацию правильно («*Беда сейчас везде – и она общая*»), я на стороне руководства колхоза, я не позволю «чужим» критиковать его работу, но и «свой» могут лишь высказать *честное мнение*, не больше и т.д.

Таким образом, интерпретационный анализ позволяет выявить следующие интерпретационные ряды:

1) Я (адресант) «свой» → он (тот, о ком пишет автор – Ольга Щ.) – «чужой» (данная информация адресована объекту речи – Ольге Щ.);

2) Я «свой» → Я на стороне тружеников → Я осуждаю «чужого» (данная информация адресована колхозникам);

3) Я «свой» → Я на стороне руководства колхоза → Я не позволю критиковать его ни «чужим», ни «своим» (данная информация ориентирована на руководство колхоза).

Следовательно, обобщение интерпретационных рядов позволяет сделать вывод о том, что интерпретируемый отрывок, будучи в целом адресован всем, кто работает в колхозе (т.е. членам одной общности), что вполне соответствует особенностям массовой коммуникации, имеет одновременно и

вполне определенную адресную направленность (см. схему на **рис. 2.1**), возможно, не всегда осознаваемую самим автором, т.е. он одновременно апеллирует к разным читателям, причем установление контакта с каждым чрезвычайно важно для автора, так как все типы адресатов актуальны в плане выстраиваемой автором схемы социального взаимодействия в пределах данной общности.

Рис. 2.1. Схема ориентации автора на разные группы адресатов
(фрагмент статьи «Энгельс хотел провалиться сквозь землю»)

2.1.3. Далее обратимся к рассмотрению содержания определений *массовый* и *коллективный* применительно к адресату в сфере массовой коммуникации.

С позиций личностного подхода наиболее приемлемым, на наш взгляд, является определение *коллективный адресат*, что, кстати, коррелирует с дихотомией «коллективная – индивидуальная языковая личность» В.В. Виноградова [Виноградов, 1980, с. 90-91]. При этом определение *массовый адресат* – «все общество или его часть» [Муравьева, 2002, с. 64.] или *массовая аудитория* – «компонент массовой коммуникации», «анонимная масса», имеющая неоднородную структуру и рассредоточенная на определенной территории [Шарков, 2003, с. 62], представляется уже не соответствующим

тому понятию, которое оно отражает, ибо «массовость» современной газетно-публицистической аудитории относительна, а сама читательская «масса», в силу ее разноориентированности, дискретна и неоднородна¹⁶ (что будет продемонстрировано ниже на примере данных опроса).

2.1.4. В рамках данного исследования адресат СМИ рассматривается как *языковая личность*, т.е. личность, данная в ее интеллектуальных характеристиках, «выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 1987, с. 38]. Языковая личность, согласно данным исследователей [Караулов, 1987; Ляпон, 1995; Карасик, 2003], существует в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслов текстов, продуцируемых языковой личностью, которая, являясь носителем **языкового сознания**, «представляет собой синтез психологического и языковедческого знания» [Ляпон, 1995, с. 261] и наряду с такими составляющими, как языковая способность, коммуникативная потребность и речевое поведение, раскрывает характер и образ жизни человека [Карасик, 2003, с. 89].

Как указывалось выше, учет фактора адресата авторами современных газетных СМИ предполагает согласованность параметров коммуникантов, во многом обусловленную единством их ментальных, концептуальных, когнитивных, лингвостилистических систем. Достижение такой согласованности невозможно без изучения языковой личности адресата СМИ. Надежным источником для создания «портрета» ЯЛ адресата являются рефлексии языкового сознания респондентов, полученные в ходе анкетного опроса с элементами лингвистического эксперимента (см. **приложение I**).

¹⁶ См., например, следующее замечание: «Массовая аудитория СМИ неоднородна, адресаты в разной степени владеют кодами дискурса, тем не менее текстопорождающие практики обеспечивают комфортность восприятия информации каждому адресату, часто в одном и том же тексте» [Чепкина, 2000, с. 76].

Как указывалось ранее (см. п. 1.6.1. гл. 1), в структуре языковой личности мы, вслед за Ю.Н. Карауловым, можем обнаружить как **инвариантные**, базовые черты (национальная составляющая, по всей видимости, определяющая характерные признаки коллективной языковой личности), так и признаки **переменные**, к которым относятся данные о состоянии языка в определенный период (нулевой уровень); социальные и социолингвистические **характеристики языковой общности, к которой относится языковая личность**, в частности идеологические, концептуальные и др.; сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к речевому коллективу, создающие неповторимый колорит ее дискурса [Караулов, 1987, с. 42]. На наш взгляд, переменные составляющие языковой личности вбирают в себя как индивидуальное, так и социальное, а отнесение личностей автора/адресата СМИ к *коллективной* языковой личности не лишает ее при этом личностных характеристик. Косвенным подтверждением этого являются результаты опроса, проведенного с целью выяснения читательских пристрастий и предпочтений, а также антипатий (см. **табл. 2** и приложения **I, II**).

2.2. Языковая личность адресата как синтез индивидуального и коллективного (модель адресата по результатам анкетирования)

В ходе письменного опроса, проводимого в форме анкетирования (см. **приложение I**, образцы **анкет 1, 2**), участникам было предложено в числе прочих ответить на следующие вопросы: 1) Какие газетно-публицистические издания Вы предпочитаете? (нужное подчеркнуть): а) местные: «Алтайская правда», «Молодежь Алтая», «Свободный курс», «Вечерний Барнаул», «Голос труда», «Купи-продай», другие (указать, какие); б) региональные: «Коммерсант Сибирь», «Честное слово», другие; в) центральные: «Известия»,

«Комсомольская правда», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Советская Россия», «Правда», другие (указать, какие) 2) Почему Вы предпочитаете эти издания? Чем они Вас привлекают?

4. Какие издания Вам неприятны и почему?

2.2.1. Смысловая доминанта читательского восприятия текстов газетной коммуникации (по результатам опроса)¹⁷

I. Анкетный опрос позволил выявить основные причины, заставляющие читателя обращаться к газетному тексту.

Читательские предпочтения в СМИ отражены табл. 2, 3.

Таблица 2.

Читательские предпочтения в сфере газетной коммуникации (фрагмент по результатам опроса)

Участник опроса	Какие газетно-публицистические издания Вы предпочитаете?	Почему Вы предпочитаете эти издания? Чем они Вас привлекают?
1. ¹⁸	Свободный курс Голос труда АиФ	<i>Дается разнообразная информация. Забавно читается. Дается разнообразная информация.</i>
2.	Свободный курс	<i>Можно получить достаточно инфор-</i>

¹⁷ В данном параграфе представлены ответы респондентов на вопросы 1,2 анкет 1 и 2 (см. приложение 1).

¹⁸ Цифровой индекс обозначает порядковый номер анкеты. В каждой серии опросов представлена своя нумерация: номера от 1 до... в зависимости от характера опроса.

	АиФ	<i>мации о событиях в стране и в мире. Грамотное расположение публикаций</i>
3.	Алтайская правда Молодежь Алтая Свободный курс	<i>Эти газеты выписывают мои родители + можно найти что-нибудь интересное.</i>
4.	Свободный курс Ваше дело Континент Сибирь	<i>Предпочтение этим газетам отдаю исходя из профессиональной необходимости. Привлекательна прежде всего аудитория этих газет (опять же с т. зр. профессии).</i>
5.	Молодежь Алтая Свободный курс Коммерсант дели	<i>На мой взгляд, предоставляют ярко не идеологизированные материалы, претензией на независимость. Дают интересные комментарии. Отличаются оперативностью. Актуальная тематика.</i>
6.	Свободный курс Комсомольская правда Московский комсомолец	<i>Удачное сочетание серьезных тем, и «желтого»; хорошая подача материала, обратная связь с читателями.</i>
7.	Известия Ведомости Независимая газета	<i>Интересны экономические новости, международные события, проблемы.</i>
8.	Алтайская правда Свободный курс Коммерсант Сибири	<i>Можно узнать более полную и подробную информацию о событиях в крае, столице, стране и мире. Я думаю, все отмеченные издания более серьезные и</i>

	Известия Независимая газета Московский комсомо- лец	<i>профессиональны в своем деле.</i>
9.	Молодежь Алтая Свободный курс Комсомольская правда Московский комсомо- лец АиФ Спорт-экспресс Футбол	<i>В «Свободном курсе» достаточно ли- беральные публикации, мало рекламных и пропагандистских материалов. Практически отсутствуют материа- лы, которые можно отнести к «жел- той» прессе. «Молодежь Алтая» со- держит информацию в большей сте- пени интересную именно для меня.</i>
10.	Свободный курс Труд	<i>Подписка совпадает с моим мировоз- зрением, эти газеты интересны и мно- госторонни.</i>
11.	Свободный курс АиФ	<i>Во-первых, привычка/семейная тради- ция (АиФ), во-вторых, сравнительно объективная подача информации и не слишком большой уклон в «желтизну».</i>
12.	Маркер-экспресс	<i>Много интересных историй, моло- дежных проблем, кроссворды, анекдо- ты и гороскопы.</i>
13.	Молодежь Алтая Свободный курс	<i>Информация о последних событиях в регионе и в стране. Иногда читаю для развлечения.</i>
14.	Свободный курс Комсомольская правда	<i>«Свободный курс», если и не совсем, но все-таки более-менее независимо пи- шет о событиях в крае. «КП» - просто</i>

		<i>веселенькая газета, с «желтоватым» оттенком, ненапряжная.</i>
15.	Свободный курс Комсомольская правда Труд	<i>Освещение, попытки освещать с разных (независимых точек зрения).</i>
16.	Свободный курс Московский комсомолец АиФ	<i>Объективной точкой подачи информации (СК), легкость восприятия (МК и АиФ).</i>
17.	Свободный курс Маркер-Экспресс Комсомольская правда	<i>Разнообразие информации, оперативностью, разными точками зрения.</i>
18.	Молодежь Алтая Свободный курс Комсомольская правда АиФ	<i>И местные и центральные издания, которые я предпочитаю читать, на мой взгляд, достаточно полно и объективно отражают наиболее важные события; материалы пишутся интересно, живым русским языком.</i>
19.	Свободный курс Комсомольская правда Московский комсомолец	<i>Разносторонностью, фактографичностью, разными сферами затрагиваемых моментов жизни.</i>
20.	Свободный курс Купи-продай Комсомольская правда Московский комсомолец	<i>Фактографичность + анализ ситуации экспертами + претензия на объективность.</i>
21.	Алтайская правда	<i>Очень информативны. Неплохие ком-</i>

	Свободный курс Московский комсомолец	<i>ментарии. Интересная подача информации. Есть развлекательные рубрики.</i>
22.	Купи-продай Из рук в руки Честное слово Комсомольская правда Московский комсомолец	<i>Характер информации</i>
23.	Молодежь Алтая Свободный курс Вечерний Барнаул АиФ Сибирь АиФ	—
24.	Свободный курс	<i>Есть хорошие, интересные материалы, которые пишут местные журналисты, а не берут из Интернета</i>
25.	Свободный курс Купи-продай Комсомольская правда АиФ	<i>Высокое (более, чем в других изданиях) качество публикаций</i>
26.	Свободный курс АиФ	<i>В этих газетах различные тематики, рубрики. Материал подается интересно, грамотно, есть анализ.</i>
27.	Алтайская правда Купи-продай За науку Комсомольская правда	<i>Узнаю новости в разных сферах жизни, привлекает рекламная информация. Интересуют события, происходящие в г. Барнауле, и в других местах.</i>

	АиФ	
28.	Купи-продай Телепарк Маркер Экспресс	<i>Чтобы отвлечься от работы. Привлекают «легкими» статьями, которые можно читать отдыхая.</i>
29	Алтайская правда Комсомольская правда	<i>Разнообразная тематика, много развлекательно-занимательных элементов + информирование об основных политических, культурных событиях в стране.</i>
30	Телепарк Комсомольская правда	<i>Много развлекательной (и не очень) информации</i>
31	Купи-продай Из рук в руки Спорт Атака АиФ Спорт-экспресс Футбол Советский спорт	<i>Обилием информации</i>
32	Алтайская правда Купи-продай Комсомольская правда	<i>Широкое освещение жизненно важных проблем края, города, страны. Объективное предоставление информации. Широкий круг вопросов социальной сферы.</i>
33	Алтайская правда Комсомольская правда	<i>АП – информация о местных событиях, КП – о происходящем в стране и мире.</i>
34	Не имею пристрастий	-
35	Контраст	<i>Большим объемом информации по всем</i>

	АиФ	<i>актуальным вопросам и проблемам в мировом масштабе, а также полезная информация в виде рекламы и объявлений заслуживает высокой оценки по представлению в этих изданиях.</i>
36	Алтайская правда Свободный курс Алтайская нива Комсомольская правда АиФ	<i>Оперативностью, занимательностью, достоверностью, разноплановостью, актуальностью.</i>
37.	Алтайская правда Вечерний Барнаул Известия	<i>Они очень информативны. Приходят день в день. Содержат также аналитические статьи.</i>
38.	Свободный курс Алтайская неделя	<i>Быстро откликаются на события, отражают их объективно.</i>
39.	МК Алтайская неделя	<i>Отличаются особым стилем (языком), подачей материала</i>
40.	Те, которые случайно попадают в руки Журналы	<i>Профессиональные интересы.</i>
41.	СК Спид-Инфо АиФ МК	<i>Соответствует моим взглядам на жизнь, отражает события объективно. Что никого не боится и говорит правду. Заголовки любит жесткие, с руганью.</i>
42.	КП Audo	<i>Отличаются особым стилем, интересная тематика.</i>

43.	<p>Купи-продай СК Молодежь Алтая Алтайская правда Охотничье братство АиФ Московский комсомо- лец</p>	<p><i>Быстро откликаются на события (кроме АП и ОБ).</i></p> <p><i>Отличается особым стилем и позволяет сделать выводы о том, какую цель на самом деле преследует публикация, кому это выгодно и как это можно использовать с пользой для себя.</i></p> <p><i>Прозрачный намек на реального хозяина и его политику, вкладываемую в «уста» газеты. Очень забавно наблюдать так называемую конкуренцию между газетами, когда все друг друга исподтишка покусывают.</i></p>
44.	<p>АиФ Спид-Инфо</p>	<p><i>Соответствуют моему эмоциональному состоянию, интересная тематика</i></p>
45.	<p>Печки-Лавочки Сад и огород</p>	<p><i>Соответствует моим взглядам на мир, соответствуют моему эмоциональному состоянию, интересная тематика.</i></p>

Одной из наиболее важных целевых установок, побуждающих читателей ежедневно обращаться к чтению газетного текста, является **интерес**, вызванный **необходимостью быстрого получения интеллектуальной и эмоциональной информации**. Так, газеты ради удовлетворения познавательного и профессионального интереса читает большая часть опрошенных, ср.: *Интерес: 1) профессиональный – Р4¹⁹: Предпочтение этим газетам отдаю*

¹⁹ Цифровой индекс указывает на номер анкеты.

исходя из **профессиональной необходимости**; Р40: **Профессиональные интересы**;

2) **познавательный** – Р1: **Забавно читается**; Р3: **можно найти что-нибудь интересное**; Р5: **Дают интересные комментарии**. Отличаются оперативностью. Актуальная тематика; Р6: **Удачное сочетание серьезных тем, и «желтого»**; **хорошая подача материала, обратная связь с читателями**; Р7: **Интересны экономические новости, международные события, проблем**; Р9: **«Молодежь Алтая» содержит информацию в большей степени интересную именно для меня**; Р10: **Подписка совпадает с моим мировоззрением, эти газеты интересны и многосторонни**; Р12: **Много интересных историй, молодежных проблем, кроссворды, анекдоты и гороскопы**; Р18: **И местные и центральные издания, которые я предпочитаю читать, на мой взгляд, достаточно полно и объективно отражают наиболее важные события; материалы пишутся интересно, живым русским языком**; Р24: **Есть хорошие, интересные материалы, которые пишут местные журналисты, а не берут из Интернета**; Р47: **Разнообразие информации, рубрик, конкурсы**; Р48: **Обращаю внимание на стиль, тематику, интересное сочетание статей**; Р53: **Нравится отображение местной жизни в области науки и образования, подача информации**; Р69: **Маркер – современный взгляд выражает, люблю скандалы**. Отличаются особым стилем (языком). **Маркер – язык современный, сленг, простой, доступный. Интересная тематика. Меня интересуют события, происходящие в нашей стране и особенно в городе, а также хочется просто почитать легкую информацию и т.д.**

Даже выбирая одно и то же издание, респонденты (далее Р), как правило, приводят разные (хотя иногда и сопоставимые) доводы в пользу его предпочтительности, среди которых: необходимость получения грамотной

информации (P2); традиция (P3); профессиональная необходимость (P4); неидеологизированность (P5), обратная связь с читателем (P6) и т.д. (см. табл. 3).

Таблица 3.

**Мотивы выбора изданий читателями
(фрагмент по материалам опроса)**

Издание	Ответ-рассуждение
Свободный курс	<p>P2: Можно получить достаточно информации о событиях в стране и в мире. Грамотное расположение публикаций;</p> <p>P3: Эти газеты выписывают мои родители + можно найти что-нибудь интересное;</p> <p>P4: Предпочтение этим газетам отдаю исходя из профессиональной необходимости;</p> <p>P5: На мой взгляд, предоставляют ярко не идеологизированные материалы, с претензией на независимость;</p> <p>P6: Удачное сочетание серьезных тем, и «желтого»; хорошая подача материала, обратная связь с читателями;</p> <p>P9: В «Свободном курсе» достаточно либеральные публикации, мало рекламных и пропагандистских материалов;</p> <p>P13: Иногда читаю для развлечения;</p> <p>P24: Есть хорошие, интересные материалы, которые пишут местные журналисты, а не берут из Интернета</p>

В то же время предпочтение нескольким разным изданиям одна и та же языковая личность отдает на основе единых признаков, например, (P25):

Свободный курс, Купи-продай, Комсомольская правда, АиФ – Высокое (более чем в других изданиях) качество публикаций; (P27): Алтайская правда, Купи-продай, За науку²⁰, Комсомольская правда, АиФ – Узнаю новости в разных сферах жизни, привлекает рекламная информация. Интересуют события, происходящие в г. Барнауле, и в других местах и др. (см. табл. 2).

Таким образом, согласно данным опроса, каждая языковая личность **сознательно** выбирает себе тот или иное средство массовой информации, руководствуясь при этом **разнообразными личными мотивами**, среди которых предпочтение отдается следующим: **получение информации** (интерес – с целью развлечения, профессиональный интерес, традиция); **внешние и внутренние характеристики издания** (объем информации, расположение и подборка материала; степень независимости и т.д.).

II. Ответы на вопрос 4 «Какие издания Вам неприятны и почему?» обобщены в приложении II (см. **диаграмму 1** и **табл.** к диаграмме 1).

Анализ данных опроса позволяет утверждать, что человек, понимающий тексты на естественном языке, в том числе и языковая личность в сфере массовой газетной коммуникации, «руководствуется тем, что он хочет знать (а также тем, чего он не хочет знать)» [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, 1983, с. 447]. Так, к «раздражающим» факторам более 80 % опрошенных относят: 1) «желтую» прессу (30 %), 2) политизированные издания (10 %), 3) односторонние издания, 4) рекламные, 5) криминальную хронику (по 5 %) и 6) конкретные издания (26 %).

Около 14 % опрошенных утверждают, что таких изданий не существует (P81, P96, P103 и др.: *нет таких изданий; P73: Таковых не имеется; 152: во всех можно прочесть что-н. интересное; P186: Нет неприятных изданий. По крайней мере, я с такими не сталкивался. В каждом издании можно по-*

²⁰ Периодическое издание Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

черпнуть какую-то интересную информацию... и т.д.); 2 % таких изданий не читают и не покупают, 3 % затруднились ответить на поставленный вопрос.

В содержательном плане выделенные группы толкований также неоднородны (см. табл. к диаграмме 1 приложения II).

1. «Желтая» пресса

Так, круг вербализованных фактов, содержащихся в изданиях, относимых читателями к «желтой» прессе, характеризуется как

(что?) желтые газетки (P23); так или иначе похожи (отдают) на желтые (P15); совсем «желтая» пресса, издания типа «Marker-Express», «Cool-gerl» и т.п. (P29); бульварные издания типа «Спид-инфо» (P95); бульварное чтиво (P98); светская хроника (P138); порнографические (P156), сплетни (P160),

которые содержат «сексуальный соус» и подтекст, откровенные фото с обнажением (P33); недостоверную информацию (P41), непроверенные данные и скандальные репортажи (P35); ложь, сплетни и откровенный разврат (P56); много «голой» неправды (P67), фантазии об НЛО, мистика (P185); много орфографич., стилистич. и др. ошибок, опечаток, «недопечаток» (P120); много порнографии (P41; P54); грязь (P78), много пошлых статей, фотографий и объявлений (P121) про певцов, артистов и поп-звезд (P120); (почему данные издания вызывают антипатию?),

так как они унижают женщин и сбивают с толку молодежь (P120), спекулируют на «жареных фактах», смаковании убийствами (P62); Врут и не краснеют. И глупо врут причем (P87); гоняются за дешевыми сенсациями, публикуют слухи, непроверенную информацию. Не дают пищи для размышлений (P132); Сам стиль изложения нахальный, газета навязчивая... (P62); не интересны и однообразны (P61);

а поэтому (вызывают отрицательные эмоции) *Терпеть не могу... Я их не читаю. Это пошло и противно* (P26); *Иногда просматриваю, чтобы убедиться, что ничего в их жанровой ориентации не изменилось* (P29); *Не люблю и не читаю... не нравится* (P33); *Неприятны* (P56); *меня не интересует* (P156); *не люблю и жалко времени на них* (P185)

и их следует ограничивать: *Считаю нужным убрать с прилавков* (P56); *Есть темы, которые не должно выносить на всеобщее обсуждение* (P156).

Таким образом, приведенные примеры и моделируемое на их основе «коллективное» суждение свидетельствует о том, что «массовый адресат» – адресат СМИ – не безликая «масса», а совокупность (общность) языковых личностей, своеобразие языкового сознания которых проступает через продуцируемые ими высказывания, отражающие не только внешний по отношению к человеку мир (тексты газетных СМИ, конкретные газетные издания), но и мир внутренний, ментальный, моделирующий определенные стороны человеческой жизнедеятельности и представления о ней. Участники опроса не просто называют «раздражающий» их фактор, но и активно его интерпретируют, оценивают, объясняют с опорой на систему привычных им культурных и морально-этических представлений, во многом обусловленных базой, инвариантной составляющей русской языковой личности.

2. Политизированные издания

Около 10 % опрошенных в качестве фактора неприятия газетных изданий назвали их излишнюю политизированность и идеологизированность (см. диаграмму 1 и табл. к диаграмме 1 приложения II).

Спектр изданий, объединенных в данную группу, в сознании языковых личностей участников опроса ассоциируется с целым рядом понятий, так или

иначе соотносимых с концептом «политика» и обладающих разной степенью конкретности:

1) содержащие обобщенную характеристику **любых** политических изданий (*политические, лишенные политической объективности, слишком политизированные, слишком идеологизированные, пропагандистской направленности*), например: **Политические. Потому что в них пишут неправду** (P70); **Политические, потому что не люблю политику** (P121); **Политические, потому что надоело** (P204); **Мне не нравятся политически направленные издания, т.к. в них чаще всего высказывается только одна идеология (одной политической группы, партии)** (P181); **Особенно неприятны мне слишком политизированные издания, издания, где много пропаганды и агитации** (P21);

2) издания прокоммунистической направленности (*коммунистического направления, коммунистические, про-КПРФовские, совдеповские, левые националистические*), например: **Коммунистические – насквозь фальшивые** (P213); **Выполненные по «СССР»-ому шаблону, пропагандистской направленности** (P57); **Совдеповские, коммунистические – неинтересны, неактуальная информация** (P215); **Про-КПРФовские** (P179); **Коммунистического направления, т.к. не поддерживаю такой режим** (P193); **...левые националистические газеты** (P233);

3) конкретные издания, обладающие перечисленными ранее признаками («Голос труда», «Правда», «Советская Россия», «Алтайская правда» и др.), например: **«Алтайская правда», «Голос труда», «Деловой курьер Алтай» → политическая направленность, оценочность. Не читаю** (P22); **«Голос труда», «Алтайская правда», потому что ругают власть последними словами, а это набило оскомину уже** (P37); **Алтайская правда, Голос труда и др. газеты, лишенные политической объективности** (P158); **«Голос труда» - излишне политизирована** (P20); **«Голос труда», из-за идеоло-**

гической направленности (P86); *«Голос труда» – т.к. сквозит коммунизм в каждой строчке* (P228); *«Голос труда», коммунистическое издание* (P236); *Не нравятся издания, которые слишком идеологизированы, пишут на одну тематику (политика, культура, история). Читаю такие издания очень редко («Витязь», «Поколение», «Мера за меру»)* (P27); *Ярко политической направленности...* *«Правда* (P53); *«Советская Россия», газеты с идеологической направленностью* (P119); *Не люблю политизированные* (*«Правда», «Известия» и т.д.*) (P234).

Выказывания респондентов во всех трех группах отличаются эмоциональностью, вызванной раздражением, недоверием, усталостью (*надоело, пишут неправду, не люблю политику, только одна идеология /одной политической партии/*), однако наиболее экспрессивные выражения представлены в группах 2 и 3, поскольку опрашиваемые не ассоциируют себя с той политико-идеологической общностью, на которую рассчитаны эти издания, и стремятся через отбор лексических единиц не только выразить к ним свое отношение (в основном, за счет разговорно-просторечных выражений), но и отмежеваться от них (*насквозь фальшивые, Выполненные по «СССР»-ому шаблону; Совдеповские; Про-КПРФовские; ругают власть последними словами, а это набило оскомину уже; сквозит коммунизм в каждой строчке и др.*).

Относительно небольшое количество высказываний по принципу 2, на наш взгляд, может быть дополнено за счет группы 6 (см. ниже), в которую попали конкретные издания, вызывающие отрицательную реакцию опрашиваемых часто по тем же самым причинам, что и в группе 2 (см., например, высказывания о газетах *«Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Алтайская правда», «Голос труда», «Советская Россия», «Правда»*).

В целом полученные в ходе опроса данные свидетельствуют о политической (идеологической) неоднородности общественного сознания рядового

россиянина, нашедшей отражение как в рефлексиях его языкового сознания, так и в тестах современных газетных СМИ, отражающих это сознание.

3. Однонаправленные издания

К предыдущей группе примыкает данная, созданная на основе актуализации респондентами такого негативного, на их взгляд, свойства газетных изданий, как однонаправленность, понимаемая достаточно широко – **однонаправленность мнений, идей, предпочтений** (P3), выражающаяся в **проправительственной направленности** (P55); **агитационной** (P69); **из-за их массовости и надоедливости** (P197); **молодежной**: *Молодежные издания, т.к. тупые* (P148); **узкой тематике**: *Неприятны издания, в которых все их содержимое посвящено одной теме. Это скучно* (P174), например: *Где подробно описывается сельское хозяйство, где прослеживается реклама* (P88), а также **непатриотичные**, ср.: *Все-таки те, которые хают не только саму Россию, но и тех, кто в ней живет. Якобы не могут толково работать, те, в которых пишут о безысходности, неспособности россиян выйти из, правда, затянувшегося кризиса* (P187) и т.д., потому что они **сухие, скучные, тупые, надоедливые, хают не только саму Россию, но и тех, кто в ней живет** (т.е. агрессивные, «ругательные») и т.д.

Все перечисленные свойства респонденты находят в конкретных изданиях, представляющихся им непривлекательными, например: *Терпеть не могу «Вечерний Барнаул» за яркую принадлежность к администрации, также отношусь ко всем изданиям медиа-холдинга «Алтайская неделя»* (P5); *«ВБ» - слишком явно заявляют позицию города* (P20); *«Голос труда» - односторонний подход к рассматриваемым вопросам (не читаю)* (P32); *«Свободный курс». Явное лоббирование интересов и мнения владельцев издания* (P136) и др.

Неоднородность читательской аудитории проявляется в том, что эти же самые издания другими респондентами оцениваются как весьма предпочтительные (см. таблицы 2-3 данной главы), например: «Голос труда» – *Забавно читается* (P1); «Свободный курс» – *Можно получить достаточно информации о событиях в стране и в мире* (P2); *На мой взгляд, предоставляют ярко не идеологизированные материалы, с претензией на независимость. Дают интересные комментарии* (P5) и т.д.

4. Рекламные издания

Около 5% отвечавших в качестве неприятных изданий отметили такие, в которых есть рекламные объявления.

Реклама, недавно появившаяся в нашей жизни и вызывавшая неоднозначную реакцию (недоумение, раздражения и т.п.), в настоящее время воспринимается уже спокойно. Тем не менее, в ответах реципиентов на вопрос 4 (см. табл. к диаграмме 1 приложения II) находим в перечне неприятных: *Издания с большим количеством рекламы* (P76); *Издания рекламного характера, которые иногда кидают в почтовые ящики* (P164), а также (P9), (P10), (P18); (P211), (P238) и другие,

потому что они *низкопробные* (P9), *нет пищи для ума* (P154); *для меня никакой информации* (P211); *Неприятны* (P244),

отличаются *неискренностью* (P238),

а поэтому я их *не люблю* (P9); *реклама не интересует. Не читаю* (P10);

особенно те, *Где много объявлений (о знакомствах, в частности)* (P211), (P226), (P18); особенно это касается таких изданий, в которых много частных объявлений, – *«Купи-продай»* (P10); *«Из рук в руки»* (P18); *«Аргументы и факты»* (P100) и др.

5. Криминальная хроника

Около 5 % респондентов отметили в качестве неприятных факторов современных СМИ публикацию сведений криминального характера (см. табл. к диаграмме 1 приложения II).

Криминальные материалы, криминальная хроника или, как в большинстве ответов респондентов, *криминал* (слово актуализируется в речи в значении «То, в чем есть признаки преступления, уголовное дело», согласно словарям, имеет помету *разговорное* [Современный толковый словарь, 2001]), в высказываниях отвечавших ассоциировано с целым рядом слов, имеющих негативную эмоционально-экспрессивную окраску: *криминал* («Московский комсомолец» -- много криминала (P17)) – *чернуха*²¹ – *кровь*²² – *убийства* («Московский комсомолец», много чернухи, крови и убийств (P36)) – *развратные картинки (фото)* («Криминал» – P43),

в которых *Много насилия и жестокости* (P47); *много «физиологизма»*²³. *Зачем он?* (P60); *много криминальной хроники, констатирующей («обсасывающей»*²⁴) *факты, а не анализирующей их* (P60);

которые 1) *Неприятны* (P167); *вызывают неприятные эмоции* (P192); *страх: Не люблю криминальные материалы (начинаю патологически бояться всего)* (P9); 2) *предстают как бесполезная, безнравственная пропаганда насилия («Криминальная Россия»)* (P102).

Резко негативное отношение респондентов к этой группе газетных материалов выражается через использование экспрессивно сниженной лексики часто разговорного или жаргонного характера (см. сноски 21, 23, 24).

²¹ Чернуха – «3. Жарг. Мрачные, невыносимые условия жизни» [Современный толковый словарь, 2001].

²² Кровь – «6. Убийства, кровопролития» [Там же].

²³ Сущ. «физиологизм» (нелитературность формы заставляет автора заключить его в кавычки), возможно, от *физиологический*, т.е. «Связанный с физиологией организма, с его жизнедеятельностью, основанный на ней», или от *физиология* – «3. Разг. Грубая чувственность» [Там же].

²⁴ *Обсасывающий* от *обсосать* – «2. Разг.-сниж. Излишне подробно, до мелочей, изучить, рассмотреть, обработать и т.п.» [Там же].

Однако те же свойства, которые делают перечисленные издания (например, «Московский комсомолец») неприятными для одних респондентов, оказываются привлекательными для других (см. **таблицу 2** данной главы), которые находят в МК *Удачное сочетание серьезных тем и «желтого»* (P6); *легкость восприятия (МК и АиФ)* (P16); *Что никого не боится и говорит правду. Заголовки любит жесткие, с руганью* (P41) и др. Данные примеры также свидетельствуют о неоднородности читательской аудитории, сознательно (или неосознанно) либо избегающей знакомства с содержанием неприятных для себя газетных изданий, либо выбирающей их для удовлетворения собственного интереса.

6. Конкретное издание

Наконец, около 26 % опрошенных при ответе на вопрос 4 в качестве неинтересных для них изданий указали конкретные газетные издания.

Прежде всего, к числу газет, «раздражающих» читателей, относится ряд **местных** изданий, т.к. их отличает *низкий профессиональный уровень журналистов* (P90); (P50); *«сухой» язык* (P50) и т.д. К этой группе в частности относятся:

– «Голос труда»²⁵: *Потому что мне неинтересно их читать. Никогда не читаю их* (P12); *меня раздражает. Я не вхожу в ее целевую аудиторию, она ориентирована на пенсионеров (50); т.к. в основном ориентированы на лиц пожилого возраста* (P231); *не нравятся потому, что несхожие интересы* (P166); *ангажированность мнения* (P71); *Мне неприятен..., т.к. они пишут всякую лажу и делают вид, что в эту лажу верят* (P89); *Узкоколейка* (P94); *Друг на друга «грязь» льют. Ничего интересного* (P172);

– «Алтайская правда»: *мало информации, неконкретная газета* (P8); *не люблю вследствие своей «провинциальной» (колхозной) направленности*

(P59); *отрицательное отношение почти ко всему. Слишком много критики, пессимизма* (P92); *т.к. дезориентирует людей, нет прогрессивных мыслей* (P143); *где уродливо подана информация и язык* (P157); *(маленький объем полос). Информация не вся представлена* (P171); *неинтересно и серьезно...* (P183); *никаких изменений со времен СССР, даже в оформлении* (P202); *устаревшая во всех отношениях газета* (P205); *она старшего возраста* (P207);

– *«Молодежь Алтая»: несмотря на название, не представляю, кто ее читает* (P6); *мало информации, неконкретная газета* (P8); *по большессти из-за названия* (P12); *не читаю, п.ч. низкое качество* (P25); *поскольку печатаются в этой газете неквалифицированные журналисты* (P85); *не нравится дизайн и объем* (P183); *много шаблонов.* (P220);

– *«Вечерний Барнаул»: нет интересных материалов, только обычные сводки новостей* (P99);

– *«Свободный курс»: не нравится дизайн и объем* (P183); *Претенциозность. Ангажированность. Желтовато, похоже на Das Bild* (P139);

а также *«Экспресс-газета»: глупая* (P102); *«Маркер-Express»: Пустая бессмысленная неорганизованная газета* (P79); *«Славгородские вести»: Очень много неправды* (P130); *«Купи-продай»* (потому что рекламная, см. об этом ниже); *«Телесемь» (журнал): не нравится оформление и расположение материала* (P153) и др.

Среди **центральных** изданий больше всего раздражения у читателей вызывает

– *«Speed-Инфо»* (в силу причин, обозначенных ранее в пункте 1): *слишком много секса и насилия* (P114); *это очень глупая газета* (P112); *Это «утка»* (P93);

²⁵ Названия даны в порядке убывания их упоминаний в ответах респондентов.

– «Комсомольская правда»: *все вранье. Врут все* (P224); *искажением фактов* (P217); *Название нехорошее* (P173);

– «Московский комсомолец»: *там все врут, чиновников не разоблачают* (P117); *Много домыслов и преувеличений. Сомнительного качества материал. Довелось почитать и откровенную клевету на родной город* (P94); *Это «утка»* (P93);

– «Правда»: *пережиток прошлого* (P176);

– «Советская Россия»: *отрицательное отношение почти ко всему. Слишком много критики, пессимизма* (P92);

– «Российская газета» и тому подобное, *уж очень они «сухие»* и др.

Таким образом, при выборе круга газет для чтения читатели ищут в изданиях **занимательность** изложения, современное **оформление**, информационную **наполненность** (то, что стимулирует интерес), **близость** своим **интересам**, **направленность** на целевую аудиторию, но не по возрасту или социальному статусу, а по другим параметрам, которые в высказываниях четко не эксплицированы, но, на наш взгляд, могут быть выделены из текстов (при помощи интерпретации) с опорой на их экспрессивные компоненты. Так, равнодушные участники опроса к обсуждаемой проблеме проявляется: 1) через конструкции с констатирующей семантикой (с отрицанием и без): *неинтересно, раздражает, никогда не читаю их, не захожу в ее целевую аудиторию, несхожие интересы, дезориентирует людей, нет прогрессивных мыслей; нет интересных материалов; не нравится оформление; не представляю, кто ее читает; неконкретная газета;* 2) через конструкции, содержащие экспрессивы (*уродливо подана информация и язык; Это «утка»; Претенциозность. Ангажированность. Желтовато* и др.) и интенсивы в качестве усилителей экспрессии: *уж очень они «сухие»; ничего интересного, слишком много критики, пессимизма; очень много неправды; много домыслов и преувеличений; пустая бессмысленная неорганизованная газета;*

слишком много секса и насилия (P114); *это очень глупая газета; устаревшая во всех отношениях газета; все вранье. Врут все; никаких изменений со времен СССР, даже в оформлении* и т.д., в которых находят реализацию эмоции раздражения, негодования, осуждения, недоумения и т.д..

Все эти речевые средства помогают авторам высказываний выразить факт своего **полного** неприятия перечисленных изданий, что связано уже, конечно, не столько с негативным отношением к внешнему их оформлению, сколько с неприятием содержательного компонента текстов (на уровне концептуальной организации, репрезентируемой модели мира и т.п.), вызванным ориентированностью издания на другую группу читателей, к которой данные отвечавшие себя не относят.

Таким образом, данные опроса позволяют подтвердить сделанное ранее предположение: **адресат вступает в газетную коммуникацию как активный, заинтересованный собеседник**, интерпретирующий речевые действия адресата. Движущей силой, побуждающей адресата вступить в газетно-публицистическую коммуникацию, является интерес как высшая человеческая эмоция, связанная с познавательной деятельностью, одним из способов удовлетворения которой является получение информации об окружающем человека мире – и прежде всего, о мире социальном – с целью регуляции своего поведения, в том числе и речевого (ср., например, высказывания P8: *Можно узнать более полную и подробную информацию о событиях в крае, столице, стране и мире.*). Говоря о фигуре современного адресата СМИ, прежде всего следует охарактеризовать его (как впрочем, и автора), вслед за В.В. Виноградовым, как *индивидуальную языковую личность* в совокупности инвариантных и вариативных ее составляющих.

Коллективное в структуре языковой личности адресата СМИ выявляется в ответах респондентов опосредованно. Например, отождествление себя с какой-либо общностью проявляется 1) через предпочтение того или иного

типа издания (местного или центрального, обладающего рядом привлекательных для той или иной группы читателей признаков); 2) через доминирующую целевую установку, побуждающую читателей ежедневно обращаться к чтению газетного текста (познавательный и профессиональный интерес, быстрое получение новой информации, развлечение, традиция и т.п.).

Создание портрета языковой личности адресата на основе продуцируемых ЯЛ адресата высказываний в ходе опроса является, таким образом, важным фактором, способствующим согласованности параметров коммуникантов в сфере современной газетной коммуникации, проявляющейся, прежде всего, в ориентации издания на ЯЛ «своего» читателя.

2.3. Коллективная личность адресата и текст: варианты настройки по материалам лингвистических экспериментов²⁶

Адресная направленность газетно-публицистического текста, ориентированного на «своего» читателя, предполагает также единство концептуальных систем автора и адресата, т.к. именно речемыслительное взаимодействие коммуникантов порождает высказывание (текст) как основную единицу и результат коммуникации. Особенности концептуальной системы адресата (высказывания; знания, которыми он обладает, его модель релевантного «мира» и модель адресанта; способность адресата к обработке информации; его опыт по освоению языка и т.п.) должны быть обязательно учтены автором, рассчитывающим на успешную коммуникацию. Эти особенности проявляются в процессе интерпретации адресатом «речевых действий» автора газетных СМИ, реализованных в тексте, причем задачей последнего является учет

²⁶ В данном параграфе представлены результаты лингвистических экспериментов серий 1 и 5.

возможных интерпретаций создаваемого текста коллективной языковой личностью «своего» адресата.

Сочетание индивидуального и коллективного в языковой личности адресата находит своеобразное преломление в процессах интерпретации газетно-публицистического текста. Один и тот же текст интерпретируется разными респондентами по-разному, прежде всего, в зависимости от переменной составляющей языковой личности читателя, обусловленной особенностями его концептуальной и идеологической (если речь идет об общеполитической прессе) организации, проявляющимися в первую очередь на лингвокогнитивном уровне языковой личности [Караулов, 1987, с. 42], т.е. через интерпретацию текстов.

Характеризуя взаимоотношения автора и адресата художественного текста, Ю.М. Лотман отмечал, что текст и читатель как бы ищут взаимопонимания. Они прилаживаются друг к другу. Текст «подобен собеседнику в диалоге»: он перестраивается по образу аудитории, ожидая и от адресата подобной же гибкости, приближающей его к миру текста [Лотман, 1999а, с. 203-204]. Полагаем, что подобная «перестройка» текста и «настройка» читателя на текст происходят и в процессе интерпретации им газетно-публицистического текста. Данное обстоятельство обуславливает необходимость изучения особенностей коммуникативного взаимодействия автора и адресата через текст в сфере газетной коммуникации, что в свою очередь побуждает исследователей обращаться к изучению когнитивной структуры продукта коммуникативного взаимодействия – текста – с точки зрения того, «как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации» [Демьянков, 2003, с. 22].

2.3.1. Событийный концепт как основа концептуальной организации публицистического текста

В рамках данного исследования публицистический текст рассматривается как когнитивная структура, отражающая фрагмент языкового сознания личности автора газетно-публицистического издания, так или иначе соотносимого с фрагментом языкового сознания читателя, относящегося к какой-либо социально-ментальной группе (общности), интересы которой разделяет СМИ. В такой интерпретации текст в плане содержания предстает как некое когнитивное пространство (информационная структура), система концептуальных зависимостей, единицей которого выступают концепты – «почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» [Аскольдов, 1997, с. 272].

Концепт, с одной стороны, характеризуется исследователями как мысленное образование, соотносимое с языковой единицей (словом), замещающее в процессе мысли, познавательной деятельности человека неопределенное множество однородных предметов, с другой стороны, выступает как «эмбрион мысленных операций» [Там же, с. 273], как операционная содержательная единица памяти, лексикона, концептуальной системы и языка мозга, единица «ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека»²⁷ (в нашем случае – газетно-публицистического текста. – Т.Ч.) [Кубрякова, 1996, с. 90]. Концепт во втором значении входит в виде «узла», ассоциированного с другими узлами-концептами, в сеть концептуальных зависимостей – *концептуальную сеть* [Панкрац, 1996, с. 169] (или *семантическую*, по Г. Скрэггу), как главная модель памяти, представленная совокупностью точек – узлов, или концептов, обладающих именем и связанных друг с другом посредством

²⁷ О традициях и истоках использования понятия «концепт» в разных отраслях знания – лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики – см.: [Пищальникова, 2003, с. 5-7].

определенных отношений [Скрэгг, 1983, с. 229-230]²⁸. По замечанию исследователей, смысл текста «обычно отождествляется с выражаемым им концептом» [Шрейдер, 1974, с. 32], в свою очередь, соотносимым со знаком (в том числе *и языковым*): «Концепт – это информация, которую **знак** несет о возможных денотатах, об их положении в системе реалий, об их месте в универсуме» [Там же, с. 10] (выделено нами. – Т.Ч.).

В плане выражения когнитивная структура публицистического текста представлена через *ассоциативно-вербальную сеть* [Караулов, 1987, с. 56], состоящую из определенного набора соответственным образом упорядоченных слов (отдельные слова, отношения между ними, представленные семантико-синтаксическими и ассоциативными связями [Там же, с. 52], которые в пределах конкретного текста получают название *ключевых слов*.

Ключевые слова – это центры семантического притяжения, своеобразные узлы ассоциативно-семантической (ассоциативно-вербальной) сети, вокруг которых группируются другие единицы текста²⁹. Ключевые слова несут основную смысловую нагрузку. Они обозначают признак предмета, состояние, действие [Андреев, Хромов, 1991, с. 65]. Ключевые слова составляют предметно-логическую основу текста. Это такие элементы, «без которых нет текста, которые являются для данного текста ключевыми, опорными... <это> понятия, передающие смысл, предметные отношения, содержание сообщения» [Одинцов, 1980, с. 53]. Полагаем, что ключевые слова не только соотносят текст с действительностью [Там же, с. 55], но и, с позиций текста, организуют его когнитивную структуру, отражая те концептуальные основы в языковом сознании автора, благодаря которым он устанавливает контакт со «своим» читателем.

²⁸ О семантических сетях см. также [Кубрякова, Демьянков, Панкрац и др., 1996, с. 169-171]. Семантические сети как модели организации знаний представлены в исследовании [Иссерс, 1999а].

²⁹ Ключевые слова как слово-стимул текстовых ассоциаций, эксплицирующие содержательную тему текстового фрагмента, рассматриваются, например, в исследованиях Л.Н. Чуриловой, выделяющей два типа ключевых слов – репрезентантов концепта: слово-идеологему и слово-идеоглоссу [Чурилина, 2000; 2001; 2003].

Интерпретационный анализ текстов, основанный на выделении *ключевых слов* (опорных пунктов интерпретации – слов, конструкций, мыслей и т.п., «на которые опираются в тексте при его интерпретации» [Демьянков, 1996, с. 32; 2003, с. 121]), берущий свое начало, очевидно, с интегрального частичного анализатора Р. Шенка, М. Лебовица и др. [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, 1983], в свою очередь послужившего базой разработки интегрального алгоритма чтения [Андреев, Хромов, 1991], особенно продуктивен при изучении текстов СМИ. «... При чтении любого текста сознание соединяет ключевые слова в лаконичные, свернутые выражения смысловых рядов, несущие основной замысел автора. Текст как бы сжимается мгновенно, мысленно конспектируется. В нем остаются только зерна смысла, «золотое ядро» на уровне непрерывных цепочек пар слов» [Там же, с. 65]. Данное утверждение как нельзя лучше иллюстрирует специфику газетного чтения, рассчитанную на быстрое получение информации: быстрота движения глаз при чтении, фиксация взгляда на ключевых словах и т.п., ср.: «Определенные функциональные слова могут переключать центр внимания на те знаменательные слова, ценность которых с точки зрения интересов читателя установлена с большой степенью вероятности», причем «указания на ценность с точки зрения интереса хранятся в памяти как часть знаний, ассоциированных с понятиями. Некоторые понятия являются почти всегда интересными, другие интересны в определенных обстоятельствах... в свете того, что им предшествовало в тексте, то есть «интересность» является динамическим свойством [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, 1983, с. 413-414].

По замечанию Р. Шенка, «имея дело с такими средствами информации, как газеты, люди не осуществляют детальной обработки, но все же в состоянии извлечь огромное большинство сведений, интересующих их» [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, 1983, с. 412], т.е. обычный читатель не тратит много времени на чтение газетного текста, а только пробегает его глазами, выхватывая

основную искомую информацию, которая, как указывалось ранее, и содержится в ключевых словах текста.

Смысловой (интерпретационный) анализ газетного текста с опорой на ключевые слова позволяет выявить тот **круг понятий, которые прежде всего актуальны для читателя и, хотя и отражают позицию автора, учитывают потребности адресата.** Выделенные из текста ключевые слова отражают основные понятия – *событийные концепты* (СК), которые в тексте организуются в определенные когнитивные структуры, представленные на языковом уровне текста в виде ассоциативно-вербальной сети, узлами которой они и являются.

Событийный концепт мы рассматриваем и как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга..., всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, Демьянков и др., 1998, с. 90], и как структурный компонент концептуальной организации текста, **которая актуализируется в сознании адресата-интерпретатора в процессе концептуального освоения события,** получившего в тексте статус вербального факта. Таким образом, событийный концепт служит не только «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [Там же], но и позволяет охарактеризовать те когнитивные процессы интерпретационной деятельности человека в ходе освоения им языкового (вербального) факта через текст, которые обусловлены его психосоциальными установками, а также дискурсивными особенностями той социальной (идеологической) среды, которая воспринимающим индивидом оценивается как «своя»³⁰.

³⁰ См., например, определение смысла художественного текста как дискретного и изоморфного линейному развертыванию текста через понятие *текстового концепта* в исследовании Л.Н. Чурилиной [Чурилина, 2003].

Содержащиеся в тексте когнитивные структуры строятся таким образом, чтобы удовлетворить потребности массового (но все равно своего!) читателя. В связи с этим узлы ассоциативно-вербальной сети, занимая в тексте (и в сознании адресата) достаточно устойчивое положение, тем не менее, могут перегруппировываться, настраиваясь в каждом индивидуальном акте газетной коммуникации на своего читателя с учетом как групповых, так и индивидуальных приоритетов. Поэтому отдельно взятый газетный текст, обладая определенной когнитивной структурой, отражающей определенный аспект (фрагмент) языкового сознания современного российского общества, и имея достаточно четкую, иерархически организованную структуру отраженных в тексте понятий (см. схему на **рис. 2.2**), тем не менее, благодаря подвижности «узлов» ассоциативно-вербальной сети (организующих когнитивную структуру текста), может «настраиваться» на хотя и своего, но массового адресата, с учетом его политических, социальных и прочих интересов.

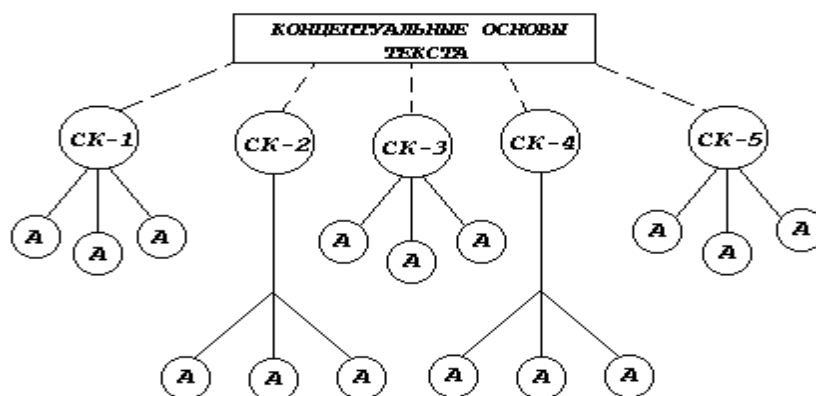

Рис. 2.2 Схема когнитивная структура газетного текста

Примечание. СК-1, 2, 3, 4, 5 – событийные концепты / ключевые слова текста (узлы ассоциативно-вербальной сети); А – ассоциаты.

2.3.2. Интерпретация как способ когнитивного освоения текста в аспекте языковой личности интерпретатора

Изложенные выше теоретические положения были взяты за основу при проведении эксперимента по восприятию и интерпретации публицистического текста [Чернышова, 2004а; 2004г].

Респондентам (40 человек)³¹ для восприятия и последующего анализа был предложен небольшой текст (1913 знаков, 304 слова) и следующие задания: 1) Выпишите из текста ключевые слова; 2) На основе обобщения ключевых слов сформулируйте главную мысль текста.

Текст для анализа:

Двенадцать учеников отца Евгения

С недавнего времени в Славгороде действует воскресная школа при Свято-Никольском храме. Ее посещают 12 мальчиков – учеников отца Евгения.

Они приходят сюда каждое воскресенье, хотя так много соблазнов в выходной день. Но 12 мальчиков идут к храму, к отцу Евгению, и в своих тетрадках старательно выводят азбуку церковнославянского языка, изучают книги Ветхого Завета. А впереди их ждет свет Евангелия – учения Спасителя нашего Иисуса Христа. И они уже понимают, что «не мы смотрим на икону, а икона на нас». В храм они ходят по собственному желанию, никто не принуждает их. На богослужении стоят у иконы Иисуса Христа – обычные мальчики, мало чем отличающиеся от своих сверстников.

Но что все-таки влечет их сюда, в воскресную школу? Ответ, кажется, прост: здесь их любят. Здесь отец Евгений говорит с ними на равных о

³¹ В качестве испытуемых была использована небольшая целевая аудитория, состоящая из студентов 4-5 курсов отделения «Связи с общественностью» Алтайского государственного университета (опрос 1).

том, о чем мы, издерганные суетой будней, не находим ни времени, ни настроения сказать своим детям: о Добре и Зле, о том, что гораздо ценнее всей цветной мишуры в витринах коммерческих магазинов, так притягивающих наших, в сущности, потерянных, детей, мечтающих о жвачке с цветной вкладкой...

У одного из учеников воскресной школы я был дома. У него на книжной полке стоит икона, под ней свечечка, а сбоку на стене плакаты – «Троица» Андрея Рублева и портреты «Битлз». У Ромы (так зовут этого мальчика) какие-то светлые глаза и доброе сердце. Отец его сетует: парень совсем не умеет драться, хотя физически развит – занимается баскетболом, а вот ударить человека не может...

И я знаю: ему будет трудно в этом мире, когда насилие, бездуховность неумолимо движутся к своему апогею, который психологи предрекают лет через десять. Но я также знаю, что вырастет он настоящим Человеком, и сможет за себя постоять, неся «свой крест» с достоинством, до конца, как нес его почти две тысячи лет тому назад Христос. Потому что зерно, зароненное в детскую душу, прорастет.

Описание результатов эксперимента

1. Наборы ключевых слов, выделенных из текста разными респондентами, отличаются по составу (см. табл. 4), однако некоторые слова встречаются регулярно: **воскресная школа – обычные мальчики (12 учеников, ученики отца Евгения) – отец Евгений – церковь (храм, учение Иисуса Христа, религия, слово Божье) – настоящий человек.** Частота встречаемости выделенных языковых единиц позволяет рассматривать их как элементы, составляющие концептуальную основу текста.

2. Концептуальные установки, заложенные автором в тексте и воспринимаемые читателем через ключевые слова (п. 2 табл. 4), представляющие собой узлы ассоциативно-вербальной сети текста, отражаются в языковом сознании респондентов по-разному (см. п. 3 табл. 4). В зависимости от особенностей личности адресата ключевые слова в ходе интерпретации текста по-разному перегруппировываются, а тексто- и смыслообразующим понятием (приоритетным концептом – ПК) оказывается то, которому отдает предпочтение читатель (см. п. 4 табл. 4).

Таблица 4.

Ответы респондентов по тексту «12 учеников отца Евгения»

Респонденты	Ключевые слова	Формулировка главной мысли	Приоритетные концепты, определяющие интерпретацию текста
1.	12 мальчиков, воскресная школа, отец Евгений, Рома, учение Иисуса Христа, настоящий Человек	<i>12 мальчиков посещают воскресную школу. Все они ученики отца Евгения. Среди них есть и Рома, который благодаря учению Иисуса Христа, Евангелию вырастет настоящим Человеком.</i>	Учение Иисуса Христа, Евангелие

2.	Воскресная школа, двенадцать учеников, богослужение, добро и зло, отец Евгений, человек	<i>Отец Евгений в воскресной школе говорит со своими двенадцатью учениками о добре и зле, учит богослужению. Учит их так, чтобы каждый из них вырос настоящим человеком.</i>	Отец Евгений
3.	Воскресная школа при храме, 12 мальчиков, отец Евгений, свет Евангелия, по собственному желанию, здесь их любят, говорит на равных, о Добре и Зле, икона, «свой крест», Христос	<i>Создана воскресная школа при храме, которую посещают 12 мальчиков по собственному желанию, и это поможет им вырасти настоящими людьми.</i>	Воскресная школа
4.	Воскресенье, 12 мальчиков, храм, Иисус Христос, отец Евгений, Добро и Зло, Евангелие, доброе сердце, настоящий Человек, Христос	<i>Хорошо, что 12 мальчиков каждое Воскресенье приходят в храм, чтобы поговорить с отцом Евгением об Иисусе Христе, Добре и Зле, о Евангелии.</i>	Мальчики, храм

5.	Воскресная школа, ученики отца Евгения, воскресенье – выходной день, храм, собственное желание, добро и зло, ценнее мишуры, зерно	<i>Несмотря на то, что в обществе изменились ценности, некоторые молодые люди продолжают посещать духовные заведения, следовать христианским правилам.</i>	Ученики
6.	Церковь, отец Евгений, обычные мальчики, не умеет драться, вырастет человеком	<i>Преобразование детской личности под влиянием религиозных установок.</i>	Религия
7.	Церковь, 12 мальчиков, отец Евгений, обычные мальчики, любят их, жизненные ценности, икона, Рома, настоящий человек	<i>Каждое воскресенье 12 обычных мальчиков приходят в церковь, где Отец Евгений говорит с ними о жизненных ценностях. У Ромы – одного из учеников отца Евгения – дома стоит икона, висят плакаты «Троицы» и «Битлз». Это очень добрый мальчик, из него полу-</i>	Мальчики

		<i>чится настоящий человек.</i>	
8.	Воскресенье, изучать Ветхий Завет, сверстники, их лю- бят в церкви, сможет постоять за себя	<i>По воскресеньям мальчики- сверстники изучают Ветхий Завет в церкви, где с ними общаются на рав- ных. В будущем эти дети вырастут на- стоящими Людьми, благодаря любви и заботе.</i>	Мальчики Забота
9.	-	<i>Как хорошо было бы, если бы все наши дети посещали бы храм. Только там они могут получить любовь, понимание, внимание. Ведь ро- дители совсем не уделяют времени детям даже просто поговорить о про- стых вопросах. Только учась в хра- ме, ребенок может стать</i>	Храм (церковь), ре- лигия, дети

		ЧЕЛОВЕКОМ и <i>прожить жизнь правильно.</i>	
10.	Воскресенье, простые дети, плоды учения	<i>Учение слова Божия для простых детей по воскресеньям даст свои плоды в будущем.</i>	Слово Божие, дети
11.	Приходят в выходной день, по воскресеньям, обычные мальчики, говорят о Добре и Зле, трудно жить среди насилия, будет человеком	<i>Обычные мальчики приходят в церковь по воскресеньям, где с ними говорят о Добре и Зле. Они вырастут настоящими людьми, хотя им трудно будет жить среди насилия.</i>	Мальчики
12.	Выходной, церковь, что влечет? ценные темы, стоит икона, не может ударить, будет человеком, зерно прорастет	<i>Дети ходят в воскресную школу. Они вырастут настоящими людьми, так как обсуждают там самые важные темы.</i>	Мальчики
13.	Воскресная школа, храм, икона, здесь их любят, рассказать о добре и зле, на-	<i>Вырастить / воспитать настоящего Человека, пусть даже в жестоком</i>	Вырастить настоящего человека

	стоящий человек	<i>мире</i>	
14.	Приходят каждое воскресенье , к храму, к отцу Евгению; обычные мальчишки ; воскресная школа ; говорят о добре и зле; светлые глаза и доброе сердце; будет трудно в этом мире; насилие, бездуховность ; настоящим Человеком ; свой крест	<i>Несмотря на бездуховность и жестокость мира, всегда в нем будут «храмы» вечных ценностей.</i>	Вечные ценности
15.	Каждое воскресенье ; храм ; 12 мальчиков ; отец Евгений , икона Иисуса Христа, потерянные дети, насилие, бездуховность , настоящий человек , детская душа, зерно прорастет	<i>Спасение душ от насилия и бездуховности возможно только через Храм, который закладывает зерно настоящего человека</i>	Храм

16.	12 учеников, отец Евгений, воскресная школа, мальчик Рома, Иисус Христос, добро и зло, человек	<i>12 учеников посещают воскресную школу, где отец Евгений рассказывает им об учении спасителя Иисуса Христа, о добре и зле. Один из учеников Рома вырастет настоящим человеком, который с достоинством сможет постоять за себя.</i>	Рома
17.	12 учеников, храм, воскресная школа, Иисус Христос, Добро и Зло, любовь	<i>Мальчики ходят добровольно в храм (в воскресную школу), где изучают Евангелие, где их учат, что есть Добро и Зло, это им очень поможет найти себя в современном мире, хотя мальчикам придется очень сложно.</i>	Храм, Евангелие

18.	Мальчики, храм, изучают Ветхий Завет, воскресная школа, духовность, доброе, настоящий человек	<i>Обучение детей в воскресной школе помогает развить доброту в ребенке и воспитать настоящего Человека.</i>	Воскресная школа, обучение
19.	Воскресная школа, по собственному желанию, обычные мальчики, здесь их любят, на равных, светлые глаза и доброе сердце, ударить человека не может, настоящим Человеком, неся «свой крест», зерно, зароненное в детскую душу	<i>Воскресная школа помогает воспитать настоящего человека.</i>	Воскресная школа
20.	Воскресная школа, храм, мальчики-ученики, Добро и Зло, отец Евгений, светлые глаза и доброе сердце, насилие, бездуховность	<i>Борьба Добра и Зла.</i>	Добро и зло.

21.	Воскресная школа, ученики, отец Евгений, любовь, бездуховность, зерно	<i>Обучение в воскресной школе дает возможность детям противостоять бездуховности мира и вырасти настоящими людьми.</i>	Воскресная школа
-----	--	---	------------------

Так, по мнению 42% респондентов, смыслообразующим (приоритетным) концептом анализируемого текста является событийный концепт (СК) **мальчики (обычные мальчики, дети, 12 учеников, ученики отца Евгения)**: *Такие люди, как ученики отца Евгения, – будущее, светлое будущее; 12 мальчиков посещают церковную школу отца Евгения для духовного оздоровления; Мальчики, которые ходят в церковь к священнику, вырастут настоящими людьми и будут нести свой крест; Мальчики, которые учатся в храме у отца Евгения, вырастут настоящими людьми; Обычные мальчики приходят в церковь по воскресеньям, где с ними говорят о Добре и Зле. Они вырастут настоящими людьми, хотя им трудно будет жить среди насилия; Хорошо, что 12 мальчиков каждое Воскресенье приходят в храм, чтобы поговорить с отцом Евгением об Иисусе Христе, Добре и Зле, о Евангелии; Ученикам отца Евгения будет сложно в будущем, но здесь их любят и понимают, и они вырастут людьми, потому что начали уже сейчас.*

В то же время в ответах 21% респондентов приоритетным концептом, организующим смысловую структуру текста, выступает СК **религия (учение Иисуса Христа, слово Божье, Евангелие, храм)**: *Преобразование детской личности под влиянием религиозных установок; Религия – как наилучший источник нравственного воспитания человека; Только учась в храме, ребенок может стать ЧЕЛОВЕКОМ и прожить жизнь правильно;*

Учение слова Божия для простых детей по воскресеньям даст свои плоды в будущем; Спасение души от насилия и бездуховности возможно только через Храм, который закладывает зерно настоящего человека; Рома, который благодаря учению Иисуса Христа, Евангелию вырастет настоящим Человеком и др.

В ответах 18% респондентов приоритетным концептом, организующим смысловую структуру текста, выступает СК **воскресная школа: Обучение в воскресной школе** дает возможность детям противостоять бездуховности мира и вырасти настоящими людьми; **Воскресная школа** помогает воспитать настоящего человека; **Обучение** детей в воскресной школе помогает развить доброту в ребенке и воспитать настоящего Человека; **Школа**, в которой поймут и др.

Около 9% респондентов при интерпретации текста и формулировке главной мысли в качестве приоритетного концепта извлекли из текста СК **Отец Евгений: Отец Евгений** учит своих наставников человечности, духовности, добру; Мальчики стремятся к **отцу Евгению**, т.к. он заботится о них / их будущем; **Отец Евгений** в воскресной школе говорит со своими двенадцатью учениками о добре и зле, учит богослужению. Учит их так, чтобы каждый из них вырос настоящим человеком.

Еще 9% респондентов в качестве приоритетного концепта предложили в формулировках главной мысли текста СК **вечные ценности (добро и зло, вырастить Человека): Борьба Добра и Зла; Несмотря на бездуховность и жестокость мира, всегда в нем будут «храмы» вечных ценностей; Вырастить / воспитать** настоящего Человека, пусть даже в жестоком мире.

Сопоставительный анализ событийных концептов и ассоциированных с ними понятий (ассоциатов), выделенных разными респондентами на основе одного текста (см. табл. 5), позволяет увидеть интересную закономерность: все ключевые слова текста, выступающие при его интерпретации смыслооб-

разующими элементами (приоритетными концептами), связаны между собой через ключевое понятие **настоящий человек** (интерпретирующий компонент – ИК), которое не воспринимается читателями текста в качестве приоритетного концепта, но практически всеми реципиентами используется для объяснения приоритетности извлеченного из текста концепта, ср.:

– **мальчики**, в силу каких-то присущих им качеств, отличающих их от сверстников, **вырастут настоящими людьми...**

– **религия**, будучи источником нравственного воспитания, спасет души детей от насилия и бездуховности и поможет им вырасти **настоящими людьми...**

– **воскресная школа** помогает развить доброту в ребенке и **воспитать настоящего Человека...**

– **Отец Евгений** учит своих учеников человечности, духовности, доброту, и благодаря этому они **вырастут настоящими людьми...**

– одна из **вечных ценностей** – **воспитать настоящего человека.**

Таблица 5.

Ассоциативно-вербальная сеть текста «Двенадцать учеников отца Евгения»

Ключевые слова/ Концепты	Ассоциаты
Мальчики (обычные мальчики, дети, 12 учени-	<i>будущее, светлое будущее; духовное оздоровление; вырастут настоящими людьми и будут нести свой крест; вырастают настоящими людьми, хотя им трудно будет жить среди насилия; некоторые молодые люди продолжа-</i>

ков, ученики отца Евгения)	ют посещать духовные заведения, следовать христианским правилам; начали уже сейчас
Религия (учение Иисуса Христа, слово Божье, Евангелие, храм)	источник нравственного воспитания человека; преобразование детской личности; учение слова Божия... даст свои плоды в будущем; только учась в храме, ребенок может стать ЧЕЛОВЕКОМ и прожить жизнь правильно; спасение душ от насилия и бездуховности; вырастет настоящим Человеком ; это им очень поможет найти себя в современном мире
Воскресная школа	помогает воспитать настоящего человека ; помогает развить доброту в ребенке и воспитать настоящего Человека ; это поможет им вырасти настоящими людьми
Отец Евгений	учит своих наставников человечности, духовности, добру; заботится о них / их будущем; говорит со своими двенадцатью учениками о добре и зле, учит богослужению. Учит их так, чтобы каждый из них вырос настоящим человеком
Вечные ценности (добро и зло, вырастить Человека)	вырастить / воспитать настоящего Человека

Таким образом, когнитивная структура анализируемого текста (см. схему на **рис. 2.2**) с учетом множественности интерпретаций может быть представлена следующим образом (см. схему на **рис. 2.3**).

3. Приоритетные установки когнитивной организации воспринимаемого текста формируются в сознании адресата уже на стадии обора ключевых

слов, во многом предопределяющих отбор приоритетного концепта и совокупность группирующихся вокруг него ассоциатов.

4. Возможность множественной интерпретации читателями одного и того же текста СМИ обусловлена, с одной стороны, поликодовой природой публицистического текста, направленного хотя и на своего, но массового получателя информации: «Именно множественность смыслов, присущая текстам журналистского дискурса, делает их популярными среди представителей разных социальных групп, людей с разными практиками восприятия и понимания» [Чепкина, 2000, с. 76]; с другой стороны, активным восприятием текста читателем, в ходе которого он в соответствии с особенностями своей языковой личности активно интерпретирует речевые действия пишущего (автора).

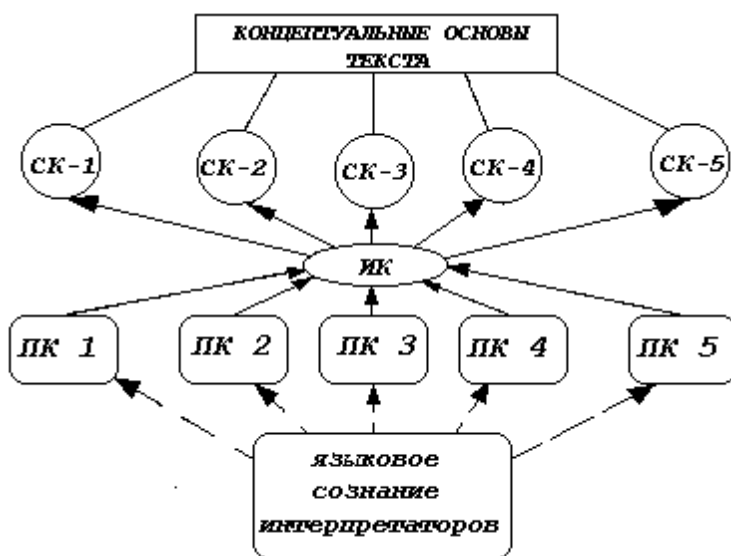

Рис. 2.3 Схема когнитивной структуры текста
«Двенадцать учеников отца Евгения»

Примечание.

К-1, 2, 3, 4, 5 – событийные концепты / ключевые слова (узлы ассоциативно-вербальной сети); ИК – интерпретирующий компонент; ПК 1, 2, 3, 4, 5

– приоритетные концепты, организующие когнитивную структуру текста в интерпретации разных реципиентов.

Таким образом, на основе обобщения данных лингвистического эксперимента, обработанных при помощи интерпретационного анализа ключевых слов текста (опорных пунктов интерпретации), был продемонстрирован процесс и результат «настройки» читателя на текст газетного сообщения. Результаты эксперимента показали, что этот процесс всегда индивидуален, активен, обусловлен целым рядом особенностей языковой личности читателя, т.е., говоря словами Ю.М. Лотмана, «взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории, аудитория – «своего» текста» [Лотман, 2001б, с. 203].

В то же время количество возможных интерпретаций публицистического текста ограничено и вполне исчислимо. Так, интерпретационные возможности текста «*12 учеников отца Евгения*» исчерпываются пятью вариантами, и, как показал эксперимент, другие варианты интерпретации невозможны. Причина этого, по всей видимости, заключается в ограниченности интерпретационного потенциала ключевых слов текста (особенно текста публицистического), обусловленного системой социальных и идеологических стереотипов, которые в сфере массовой коммуникации проявляются не только через содержание текста, но и через план его выражения (ср. замечание исследователей о том, что стилеобразующим признаком газетно-публицистического стиля является единство экспрессии и стандарта [Костомаров, 1971; Кожин, Крылова, Одинцов, 1982].

2.4. Оценочный характер интерпретативной деятельности адресата в СМК (по результатам лингвистического эксперимента)

Согласно нашему предположению, адресат входит в газетную коммуникацию как активная языковая личность, которая через общность когнитивных установок, выражаемых мыслительными актами, имеющими ментальную природу и отражаемыми в тексте, а также через общность языковых (стилистически отмеченных) средств, определяемых привычную для читателю манеру речи пишущего, систему его аргументации, систему выразительных языковых средств и т.д. отождествляет себя с некой социально-политической группой, политико-идеологические, социокультурные и пр. системы ценностей которой он разделяет.

При этом адресат не только активно интерпретирует речевые (и неречевые) действия говорящего, **но и дает им социальную оценку** с учетом всей совокупности признаков, которые характеризуют его как языковую личность (включая и базовые, инвариантные, и переменные ее составляющие). Представляется, что наиболее интересные результаты такой оценочной интерпретации можно получить, предложив целевой аудитории³² текст, который содержит в себе *признаки аномальности*³³ – как по форме и по содержанию, так и с позиций его соответствия принятым в обществе нормам поведения (речевого и неречевого), позволяющим квалифицировать его как кон-

³² В данном параграфе представлены результаты лингвистического эксперимента пятой серии опросов (см. образец анкеты 4 в приложении I и приложение III).

³³ В данном исследовании остановимся на явлении реализованной аномальности в конфликтных (конфликтогенных) текстах, ставших объектом лингвистической экспертизы в ходе судебного разбирательства. При этом аномалию мы будем рассматривать как отклонение от нормы [Апресян, 1990, с. 52], как знак, «требующий отделенности от фона», как явление, без которого нельзя в полной мере постичь и саму норму: «В человеческом обществе отрицательные явления создают не только наказания и систему контроля, но и сам кодекс. В естественном мире природы и языка ненормативность помогает обнаружить норму и правило» [Арутюнова, 1988, с. 303].

фликтный [Юрислингвистика, 2000; Третьякова, 2003; Чернышова, 2003; Матвеева, 2004 и др.].

2.4.1. Интерпретационные возможности агитационного текста в аспекте фактора адресата

Активизировавшийся в конце XX – начале XXI вв. в отечественной лингвистике интерес ученых к ненормативной (аномальной) стороне функционирования языка, впервые эксплицированный в работах Л.В. Щербы как необходимость обращения в поисках истины к «отрицательному языковому материалу» [Щерба, 1974], в исследованиях Н.Д. Арутюновой интерпретируется как «знак скрытого смысла», как информативность, которая не сливается с фоном, как загадочная и опасная аномалия, которая «заставляет думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь)» [Арутюнова, 1988, с. 303].

Фильтрация языково-стилевых средств производится автором публицистического текста в ходе узуально-стилевого отбора [Стилистика русского языка..., 1987, с. 21], на разных этапах которого, в зависимости от *намерений автора, его коммуникативных и прагматических целей и планируемого иллюкативного эффекта*, отбираются стилистические (экспрессивные) средства, обладающие стилистическим значением, а также обдумываются комбинации этих средств (разнообразные стилистические приемы). Немаловажную роль при этом играет и то, что газетно-публицистический текст (так же, как и текст агитационный, который и стал объектом наблюдения респондентов в ходе лингвистического эксперимента) – это текст, закрепленный на письме. В свою очередь, письменная форма речи (агитационная, газетно-публицистическая и пр.) отличается опосредованным, подготовленным характером связи с адресатом, что предъявляет к автору требования учета разнообразного возможного воздействия этой речи на потенциального читателя [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 9-21].

В свете сказанного можно утверждать, что аномальность текста (т.е. намеренное отклонение от нормы) в сфере массовой коммуникации – это: 1) *авторские аномалии* как явление текста, и говорящие идут на них сознательно, чтобы добиться определенного эстетического или интеллектуального эффекта в соответствии с замыслом их автора [Апресян, 1990, с. 51]; 2) это то, на что автор *непрерывно хотел обратить внимание читателя*, что являлось основной целью его сообщения, ср.: «То, что не отделено от фона или среды погружения, трудно заметить, а о том, что осталось незамеченным, нельзя сообщить» [Арутюнова, 1988, с. 304].

С целью определения степени активности адресата и его возможностей по интерпретации текста с реализованной аномальностью (в данном случае – текста листовки, совмещающего в себе как вербальные, так и невербальные средства воздействия) – рамках нашего исследования, текста массовой коммуникации, выразительность которого направлена на достижение определенного иллокутивного эффекта, – был проведен лингвистический эксперимент [Чернышова, 2005], в ходе которого респондентам было предложено в письменной форме ответить на следующие вопросы по тексту (см. **табл. 6**, а также образец анкеты **4 приложения I**):

1. Опишите свои чувства, ощущения, впечатления после прочтения текста. 2. На что в первую очередь Вы обратили внимание? 3. Каково, по Вашему мнению, намерение автора текста?

Аномальность этого текста может быть доказана через его интерпретацию по отношению к участникам развертываемой в тексте коммуникативной ситуации.

С позиций автора текста, пропагандирующего националистические взгляды, аномальна (т.е. выходит за пределы нормального порядка вещей)

сама описываемая ситуация: представителей азиатской расы в России становится все больше, они чувствуют здесь себя как дома, что расценивается автором как угроза для коренных жителей России – русских. Жители России не осознают надвигающейся угрозы и ничего не предпринимают для ее предотвращения, что, по мнению автора тоже ненормально.

Таблица 6.

Текст публицистического материала агитационной направленности³⁴

ВНИМАНИЕ: АЗИАТСКАЯ САРАНЧА!!!

Рисунок

(На рисунке представлено графическое изображение государств Китая и России, а также карикатурное изображение саранчи с «лицом» представителей монголоидной расы; стая саранчи направляется с территории Китая в сторону России)

(под рисунком – текст)

- (1)³⁵ Их ни кто не звал,
 (2) но они чувствуют себя здесь как дома.
 (3) Их становиться все больше.
 (4) Скоро здесь будет уже Китай.
 (5) Скоро тебя выгонят из дома, потому что ты – не азиат.
 (6) **ТЫ ЭТОГО ЖДЁШЬ?!!!**

³⁴ В тексте сохранена орфография и пунктуация оригинала.

³⁵ Пронумеровано нами. – Т.Ч.

Адресат, интерпретирующий текст, в первую очередь обращает внимание на рисунок-карикатуру – изображение саранчи с «лицом» представителя монголоидной расы – и заголовок: **ВНИМАНИЕ: АЗИАТСКАЯ САРАНЧА!!!** Об этом при ответе на вопросы сообщили более 80% испытуемых. Карикатура представляет собой рисунок, «изображающий кого-, что-л. в намеренно искаженном, подчеркнуто смешном виде» [Словарь русского языка, 1981-1984], т.е. **тоже аномально**³⁶.

Описание результатов лингвистического эксперимента

Для того чтобы оценить ответы респондентов, был проведен комплексный лингвистический анализ, результаты которого представлены в **приложении III**.

В ходе проведенного эксперимента было установлено, что 1) более 50% отвечавших в качестве основного намерения автора анализируемого текста указали следующее: **вызвать неприязнь к китайцам (шире – азиатам), разжечь национальную вражду, посеять панику**; 2) другая часть опрошиваемых (около 50%) основное намерение автора оценила как более радикальное: **призвать русских к активным насильственным действиям против китайцев (шире – азиатов)**.

³⁶ Выразительность данного текста осуществляется за счет разнообразных средств языкового и неязыкового характера (графических, пунктуационных, шрифтовых и т.п.), использование которых также может быть расценено как выходящее за рамки нормы, стандарта (например, комбинация шрифтов разного размера, знаков препинания - !!!, ??? и под.; различных стилистических фигур и т.д.) – всех тех средств, при помощи которых автор пытается привлечь внимание адресата к ненормальной, с его точки зрения, ситуации. Очевидно, что текст, аномальность которого реализована на разных уровнях, позволяет довольно точно определить авторские намерения, поскольку ради этого он и был создан.

По мнению респондентов, авторские намерения, извлеченные из текста листовки, следующие:

1. Вызвать неприязнь к китайцам (шире – азиатам), разжечь национальную вражду, посеять панику среди русских (жителей России): *Поднять в народе волну протеста против китайцев, работающих и живущих в России; разжечь национальную вражду, посеять панику среди русского народа о захвате нашей территории китайским народом в скором будущем; возбудить у адресата такие чувства, как возмущение, зло, чувство патриотизма; вызвать ответную реакцию – возмущение, протест; или просто хочет, чтобы люди задумались над этим вопросом; обострить ситуацию во взаимоотношениях русских и китайцев, привлечь внимание к данной проблеме (заселение китайцами российских территорий); разжигание межнациональной розни; подогреть в людях расовую ненависть (в отношении монголоидной расы); всколыхнуть, взбудоражить общественность. Возможно..., с целью установления определенной почвы для дальнейших, уже более конкретных действий; всколыхнуть волну протеста и призвать не допустить массовой эмиграции; активизировать антикитайские настроения и ненависть у молодежи; напугать, возможно, в дальнейшем – призыв к активным действиям.*

2. Призвать русских к активным насильственным действиям против китайцев (шире – азиатов): *побуждает русского человека к действиям – выгнать и не пускать больше в Россию азиатов; разбудить к действию адресата. Адресат не должен сидеть «сложив руки», ждать, пока китайцы станут полноправными хозяевами России; стремление заставить действовать, чтобы не дай бог: СКОРО ЗДЕСЬ БУДЕТ УЖЕ КИТАЙ; агитировать народ. Цель – не дать азиатам захватить Россию; возможно, какие-то действия*

по отношению к азиатам; побудить читателя к активным действиям против китайцев; призвать к действию решительному против заселения России другими народами; возбудить у аудитории чувство неприятия граждан Китая или даже поднять на радикальные действия против них; призыв бороться с все более нарастающим количеством азиатов в России; Призывает «мочить» китайцев.

3. Другое: *попытка привлечь новых будущих членов, участников националистического движения; сплотить россиян против общего врага.*

Данные выводы полностью соответствуют результатам интерпретационного анализа текста (см. **приложение III**), в ходе которого автор диссертационного исследования сделал вывод о том, что в анализируемом тексте имеются призывы к осуществлению враждебных действий по отношению к китайцам и азиатам в целом, а также к результатам прагматического анализа, на основании которого был сделан вывод о возможности данного текста быть средством разжигания национальной, расовой ненависти и вражды.

Под коммуникативными намерениями понимается цель говорящего – пишущего. Речевая стратегия автора текста – это 1) явные или скрытые целеустановки, организующие высказывание в соответствии с тем, чему в сообщении придается наибольшее значение; 2) совокупность приемов, позволяющих автору реализовать свои коммуникативные намерения.

Как показали данные эксперимента, читатель в процессе интерпретативной деятельности без особого труда определяет не только настроение, передаваемое автором (т.е. опознает определенную тональность текста), но и коммуникативные намерения автора, а также (правда, не всегда осознанно, через анализ своих ощущений в процессе интерпретации текста) – основные речевые стратегии, которые автор использует в тексте.

Так, в ходе комплексного лингвистического анализа (см. **приложение III**) было установлено, что намерения автора листовки состояли в том, чтобы

- 1) дать негативную характеристику группы лиц по национальным и расовым признакам – китайцев и азиатов в целом как враждебных по отношению к другой нации – русским и России с целью создания непримиримой установки у читателя по отношению к китайцам и азиатам в целом как нации-агрессору;
- 2) вызвать неприязнь к китайцам (шире – азиатам), разжечь национальную вражду, посеять панику среди русских;
- 3) призвать русских к активным насильственным действиям против китайцев (шире – азиатов).

Для реализации своего намерения автор использует **стратегию на понижение**, осуществляемую через несколько тактик: угрозы, побуждения, обличения, снижения образа оппонента, а также *тактику противопоставления*, позволяющую автору опереться на один из самых распространенных стереотипов русского языкового сознания – оппозицию «свой» – «чужой»; под «чужим» автор понимает прежде всего нацию-агрессора (китайцев и азиатов в целом) по отношению к русским и России в целом.

Использование данной стратегии подтверждается и результатами эксперимента – ответами респондентов. Отвечая на вопрос «Опишите свои чувства, впечатления, ощущения после прочтения текста», более 36% опрошенных отметили:

Текст вызывает только негативные ощущения: чувство страха, тревоги, беспокойства в связи с обозначенной угрозой; Ощущение, что тебя приобщают или даже заставляют думать определенным образом. Навязывают свое мнение через грубую аргументацию; действительно появляется чувство оправданного негодования, т.к. их (азиатов) действительно много, они говорят на своем тарабарском языке и могут свободно на своем языке тебя обсуждать при тебе же. Текст заставляет задуматься, вызывает ответную реакцию; справедливое негодование, чувство обиды за свою

*страну, досады на нас всех, русских, не умеющих постоять за себя и свою страну; ощущение жуткого страха перед надвигающейся катастрофой..., которая грядет в скором будущем и я никак не могу этому воспрепятствовать. Потом чувство отвращения к китайскому народу вообще, который сравнивается с саранчой, способной выжить меня из моего собственного дома. И вообще возникли какие-то **националистические настроения**; Текст вызывает **отрицательные эмоции – очень агрессивно...** практически сразу же начинается процесс включения в проблему – если так пишут и говорят, значит должны быть и причины; **Текст агрессивен**. Я согласен с автором; **Нагнетание страха**, что-то темное, пугающее, жужжащее, с большими клыками, приносящее вред... что-то темное надвигается с Востока.*

Около 48% опрошенных отметили, что текст вызвал у них отрицательную реакцию (негодование, отвращение и т.п.) в связи с несовпадением авторской оценки ситуации с их собственными. Эта группа респондентов отметила также высокую степень отрицательной экспрессии текста в целом, ср.: *текст **весьма агрессивный**; текст пронизан националистическими настроениями, **очень агрессивен**; текст **чрезвычайно эмоционален...**, **очень агрессивен**, ... **очень насыщенный** (формулируется как проблема, так и ее последствия, определенный призыв к действиям)* и т.д. Около 16% опрошенных отметили, что после чтения данного текста они не испытали никаких эмоций.

Таким образом, один и тот же текст вызвал разные чувства у респондентов, что также, на наш взгляд, свидетельствует о неоднородности аудитории сферы массовой коммуникации, в которой, однако, можно обнаружить две крайние точки – от страха и отвращения к китайцам, азиатам в целом и солидарности с автором текста до полного отрицания представленных в тексте националистических настроений, – между которыми располагается целый

спектр ощущений и мнений, обусловленных индивидуальными, личностными особенностями языковых личностей респондентов (их жизненным опытом, особенностями психической организации, наконец, типом личности и т.д.).

Важным является и то, что, «настраиваясь» на текст, участники опроса в ходе его интерпретации без труда, хотя и не всегда сознательно (через переживаемые ощущения и связанные с ними эмоции), определяли стилистическую тональность текста (*весьма агрессивный, чрезвычайно эмоционален, очень агрессивен, очень насыщенный* и т.д.); коммуникативные намерения автора текста (*вызвать ответную реакцию – возмущение, протест; или просто хочет, чтобы люди задумались над этим вопросом; обострить ситуацию во взаимоотношениях русских и китайцев, побудить читателя к активным действиям против китайцев; призыв бороться с все более нарастающим количеством азиатов в России; Призывает «мочить» китайцев*) и даже речевые стратегии, используемые автором (*Ощущение, что тебя приобщают или даже заставляют думать определенным образом. Навязывают свое мнение через грубую аргументацию*).

Итак, в данной главе в рамках разрабатываемой концепции описания современного публицистического текста через призму лингвокогнитивного взаимодействия языковых личностей автора и адресата воссоздается (моделируется) на основе данных эксперимента и результатов лингвистического анализа текстов СМИ обобщенный *портрет адресата* (эскиз аудитории), в котором находят отражение индивидуальные и коллективные составляющие *языковых личностей читателей* современных СМИ, ориентированных на разные газетные издания; характер интерпретации ими газетных тек-

стов и т.д., а также анализируются особенности *газетно-публицистического текста*, через который осуществляется лингвокогнитивное взаимодействие автора и адресата. Представленные наблюдения позволяют сделать ряд обобщений, важных для дальнейших рассуждений.

ВЫВОДЫ

➤ Согласно данным опроса, адресат СМИ вступает в газетную коммуникацию как языковая личность, своеобразие языкового сознания которой проступает через продуцируемые ею высказывания, в которых отражается как внешний по отношению к человеку мир (тексты газетных СМИ, конкретные газетные издания, фрагменты ментально-языковой ситуации в целом), так и мир внутренний, ментальный, отражающий определенные стороны человеческой жизнедеятельности и представления о ней.

➤ С позиций личностного подхода наиболее приемлемым для характеристики статуса получателя информации в СМИ является определение *коллективный адресат*, что коррелирует с дихотомией «коллективная – индивидуальная языковая личность» (В.В. Виноградов). При этом определение *массовый адресат* представляется уже не соответствующим тому понятию, которое оно отражает, ибо «массовость» современной газетно-публицистической аудитории относительна, а сама читательская «масса», в силу ее разноориентированности, дискретна и неоднородна. Переменные составляющие языковой личности вбирают в себя как индивидуальное, так и социальное, а отнесение личностей автора/адресата СМИ к *коллективной* языковой личности не лишает ее при этом личностных характеристик.

➤ Согласно данным опроса, каждая языковая личность *сознательно* выбирает себе тот или иное средство массовой информации, руководствуясь при этом *разнообразными личными мотивами*, среди которых предпочтение отдается следующим: *получение информации* (интерес – с целью развлечения, профессиональный интерес, традиция); *внешние и внутренние характеристики издания* (объем инфор-

мации, расположение и подборка материала; степень независимости и т.д.). При выборе круга газет для чтения читатели ищут в изданиях занимательность изложения, современное оформление, информационную наполненность (то, что стимулирует интерес), близость своим интересам, направленность на целевую аудиторию, но не по возрасту или социальному статусу, а по другим параметрам, которые в высказываниях четко не эксплицированы, но могут быть выделены из текстов (при помощи интерпретации) с опорой на их экспрессивные компоненты.

➤ В целом полученные в ходе опроса данные свидетельствуют о политической (идеологической) неоднородности общественного сознания рядового россиянина, нашедшей отражение как в рефлексиях его языкового сознания, так и в тестах современных газетных СМИ, отражающих это сознание.

➤ Особенность текста массовой коммуникации (в частности газетного) состоит в том, что он по разным причинам может удовлетворять интересы и соответствовать потребностям разных языковых личностей одновременно и даже сразу может быть адресован разным субъектам, т.е. каждый из читателей может найти в одном и том же тексте информацию, адресованную именно ему.

➤ Согласно результатам лингвистического эксперимента, читатель в процессе интерпретационной деятельности без особого труда не только определяет настроение, передаваемое автором (т.е. опознает определенную тональность текста), но и выявляет его коммуникативные намерения, а также (правда, не всегда осознанно, через анализ своих ощущений в процессе интерпретации текста) основные речевые стратегии, которые автор использует в тексте;

➤ Концептуальные установки, заложенные автором в текст и воспринимаемые читателем через ключевые слова, представляющие собой узлы ассоциативно-вербальной сети текста, отражаются в языковом сознании респондентов по-разному. В зависимости от особенностей личности адресата ключевые слова в ходе интерпретации текста по-разному перегруппировываются, а тексто- и смыслообразующим понятием (приоритетным концептом – ПК) оказывается то, которому отдает предпочтение читатель.

ГЛАВА 3

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СВЕРХТЕКСТ КАК ОБЛАСТЬ КОГНИТИВНО-РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ АВТОРА И АДРЕСАТА

В главе 3 на основе лингвокогнитивного анализа текстов разноориентированных газетных СМИ, посвященных одной тематике, и обобщения фрагментов языковой рефлексии респондентов, полученных в ходе лингвистического эксперимента, дано описание *параметров* когнитивно-речевого взаимодействия языковых личностей автора и адресата через текст в сфере современной массовой газетной коммуникации и определены его внутренние детерминационные факторы.

3.1. Адресная обусловленность общения в сфере массовой газетной коммуникации как согласованность параметров коммуникантов

Рабочая гипотеза нашего исследования состоит в предположении, что «свои» устойчивые стереотипы сознания, включенные в круг привычных ассоциаций, характерны для газетных текстов разной идеологической направленности, ориентированных на «своего» получателя информации, причем они *постоянны* и не зависят от характера интерпретируемого факта-события.

Объектом анализа в данной главе выступает *публицистический сверхтекст* как совокупность текстов, «ограниченная темпорально и локально, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, особыми критериями нормального и анормального [Купина, 1995, с. 53]. Публицистический сверхтекст характеризуется разной социально-политической направленностью, функционирует

в особой *информационной* сфере [Володина, 2003, с. 15] современного российского общества и представлен через систему *ключевых слов* как опорных пунктов интерпретации, являющихся репрезентацией *событийных концептов* текста, организованных в особые семантические, или концептуальные *сети* (сети концептуальных зависимостей) [Скрэгг, 1983; Панкрац, 1996], отношения между которыми детерминированы разными факторами, среди которых немаловажную роль играет фактор адресата.

Как указывалось ранее, толкование высказывания в аспекте фактора адресата и характеристика адресата как активного собеседника в отечественной прагматике связаны с исследованиями Н.Д. Арутюновой (глава 1 данного исследования), отметившей, что правильное ведение коммуникации опирается **на согласованность параметров** собеседников, включающих адресную обусловленность, аспект, амплуа или функции, в которых адресат и говорящий вступают в коммуникацию, приоритетность точки зрения адресата при интерпретации высказывания, удовлетворение пресуппозиций адресата как залог эффективной коммуникации [Арутюнова, 1981, с. 357-359].

По нашему мнению, согласованность параметров общения автора и адресата в сфере массовой газетной коммуникации также является одним из важных условий ее эффективности. При этом в сфере массовой коммуникации под **адресной обусловленностью** будем понимать *совпадение или близость ментальных, концептуальных, когнитивных, лингвостилистических систем автора и адресата*. Приоритетность точки зрения адресата при интерпретации факта-события автором публицистического текста предполагает учет идеологических установок и политических пристрастий адресата, его идеалов, ценностей и т.д., т.е. ориентацию на *общественное сознание*.

3.1.1. Языковая личность адресата СМИ через призму общественного сознания

Представленные в данной главе материалы опросов и фрагментов лингвистического анализа позволяют дать обобщенную характеристику русской языковой личности в сфере современной массовой коммуникации.

Любая языковая личность, вступающая в сферу массовой коммуникации, реализует социальные и социолингвистические **характеристики той языковой общности (коллектива), к которой она относится и языковое сознание которой она отражает**, например, по предмету мыслительной деятельности (политическое, научное, бытовое, классовое сознание); б) по принадлежности субъекту сознания (социальное, общественное, личное, групповое и т.д.); по доминирующему принципу, лежащему в основе сознания (глобальное, демократическое, прогрессивное, реакционное) и т.п. Очевидно, что с этой стороны адресат СМИ выступает как *коллективная* языковая личность (по В.В. Виноградову) (т.е. общественная, отражающая общественное и языковое сознание и той общности, к которой она себя причисляет).

По мнению исследователей, действительно общественное сознание (или сознание массовое) складывается из индивидуальных сознаний в процессе общения людей и обмена социально значимой информацией, т.е. через слово – «чистейший и тончайший *medium* социального общения», через который «само сознание может реализовать себя и стать *действительным фактом*» [Волошинов, 1993, с. 18, 16]. Возникая из фактического рационального и эмоционального восприятия действительности, формируемого под влиянием «как обыденного опыта, материальных и социальных условий жизни, так и всевозможных целенаправленных и нецеленаправленных воздействий – идеологических, психологических и др.», общественное (массовое) сознание активно участвует в жизни и влияет на нее, отражает, формирует и

корректирует общественное мнение, которое в свою очередь воздействует на сферу массовой коммуникации [Федякин, 1988, с. 19-28], ср., например, следующее замечание: «Человек читает газеты, слушает радио, смотрит телевизор, соотнося свои интересы с интересами группы, с которой он себя отождествляет [Майданова, 2000, с. 84].

В структуре общественного сознания исследователи выделяют относительно самостоятельные уровни: *идеологический* и *социально-психологический*, причем первый из них (идеология) отражает «коренные интересы общества, класса, той или иной общественной группы», а второй (общественная психология) – переживание индивидами «совокупности общественных процессов и отношений, существующих непосредственно в поле их внимания» [Политология, 1993, с. 226]. В то же время по предмету отражения и социальным функциям различают в числе прочих форм общественного сознания (правовое, моральное, этическое и др.) форму *политического сознания*, которое, складываясь «как совокупность взаимодействия на социально-психологическом и идеологическом уровнях всех основных субъектов политической жизни», преломляет политические процессы «сквозь призму интересов той или иной крупной общественной группы» [Там же, с. 227]. В этом смысле общественное сознание в своей политической форме также проявляется через языковое сознание, которое связано с *речевой деятельностью личности* [Красных, 1999; 2003], т.е. порождением и восприятием речи, а также хранением языка в сознании (как компонент когнитивного сознания) [Стернин, 2004, с. 144; 148]).

Очевидно, что в сфере массовой коммуникации политическая форма общественного сознания представлена в газетно-публицистических текстах разной политической (идеологической) направленности.

Давая оценку изменениям, произошедшим в современной политической коммуникации, к которой относится и социально значимая часть ком-

муникации газетно-публицистической, исследователи (М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова вслед за Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским, характеризующими основные культурные ценности в системе русского средневековья как располагающиеся в двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны) отмечают: «В событиях дня сегодняшнего можно видеть действие устойчивых моделей, организующих историю русской культуры на всем ее протяжении. Для России в переломные периоды в качестве механизма развития культуры характерно действие дуальной модели» [Китайгородская, Розанова, 2003, с. 153]. Дуальная модель, становясь основой политической диглоссии в советском обществе [Там же, с. 161], находит свое преломление в *тоталитарном* (см. тоталитарный язык [Купина, 1995] и *антитоталитарном* поведении [Китайгородская, Розанова, 2003, с. 161], реализуемом через *тоталитарный* и *плюралистический* дискурсы [Стернин, 1998, с. 30], через определенный набор общесемиотических оппозиций (*старое / новое, свое / чужое, ложное / истинное*), по-разному интерпретируемых представителями прокоммунистической и демократической оппозиций [Китайгородская, Розанова, 2003, с. 156-160], которые, входя в триаду **власть – демократическая оппозиция – прокоммунистическая оппозиция**, позволяют характеризовать современную политическую ситуацию не как политическую диглоссию (тоталитарный период), а как политическую полифонию [там же, с. 167-168].

На наш взгляд, в текстах современной газетной публицистики, рассчитанных на значительную аудиторию (т.е. не узкополитическую, но все-таки каким-либо образом политически ориентированную), можно найти отражение особенностей языкового сознания сторонников обеих оппозиций (демократической и прокоммунистической), реализуемое как раз и прежде всего

через отношение к третьему члену оппозиции – власти (как это будет продемонстрировано ниже).

Не случайно поэтому исследователи, указывая, что современная пресса «начала учитывать реально разнообразные коммуникативные потребности читателя в информации, что обусловило увеличение количества изданий и их качественную дифференциацию» [Какорина, 2003, с. 243], подразделяют современную разноориентированную прессу на *демократическую* и *оппозиционную* (прокоммунистическую) по отношению к действующей власти (т.е. отличающуюся «активным неприятием и критикой современного пути развития России» [Какорина, 1996, с. 409; 2003, с. 244]).

Согласно нашей гипотезе, разное мнение об одном и том же событии в разноориентированных газетных СМИ будет проявляться как через круг привычных для «своего» читателя ассоциаций (на уровне событийных концептов), так и через совокупность экспрессивных лексических единиц, отбираемых автором публикаций с учетом типичных языково-стилевых пристрастий «своего» читателя. Анализ текстов разной социально-политической направленности позволил выявить различия в интерпретации событий разными газетными изданиями, которые мы условно, по идеологическому принципу (в соответствии с нашей гипотезой), поделили на три группы: левоориентированные, правоориентированные, нейтральные.

3.1.2. Система стереотипов как отражение внутренней когнитивной структуры газетно-публицистического сверткста, ориентированного на «своего» адресата

Ю.Н. Караулов, анализируя в своей работе тексты художественной литературы, отмечает, что вербализованную часть прагматикона составляют стереотипы текстовых преобразований, или способы представления и опери-

рования прецедентными текстами данной культуры [Караулов, 1987, с. 92]. Опираясь на данное высказывание, можно предположить, что вербализованную часть прагматикона газетно-публицистических текстов также составляют стереотипы текстовых преобразований как способы представления *устойчивых стереотипов массового (общественного) сознания*, которые будут разными в зависимости от того, на какую аудиторию ориентирован газетно-публицистический текст (неоднородность аудитории современных газетных СМИ представлена в ходе описания фрагментов языковой рефлексии респондентов в главе 2).

Если исходить из разделяемой многими авторами идеи о том, что *стереотипы сознания* – это, прежде всего, определенное представление о действительности или ее элементе с позиции «наивного», обыденного сознания, то окажется, что за любой единицей языка стоит стереотип, стереотипный образ, а вся ассоциативно-вербальная сеть представляет собой не что иное, как «стереотипное поле», репрезентирующее систему представлений о действительности того или иного национально-лингво-культурного сообщества [Красных, 1999, с. 368]. Очевидно, что эти стереотипы определенным образом представлены и в речи, где они под воздействием ряда факторов (в частности фактора адресата) «обрастают» неким набором потенциально возможных «векторов» ассоциаций. Выбор определенных векторов, причины их выбора зависят не только от национально-культурной специфики того или иного национально-лингво-культурного сообщества [Там же, с. 374], но, применительно к газетным текстам, от ориентации на определенные социально-политические стереотипы сознания того или иного социально-культурного сообщества.

Осмысление информации (факта) может быть разным в разных СМИ, ориентированных на определенные психосоциальные или идеологические стереотипы сознания того или иного социально-культурного сообщества. Ло-

гично предположить, что «свои» устойчивые стереотипы сознания, включенные в круг привычных ассоциаций и достаточно устойчивые независимо от характера интерпретируемого события, характерны для текстов разной идеологической направленности, ориентированных на разного получателя информации. Данный тезис находит подтверждение при сопоставительном анализе текстов одной тематики в средствах массовой информации, ориентированных на разных ее получателей. Эта ориентированность проявляется как на содержательном уровне текста – **через интерпретацию события** (набор событийных концептов), так и на языковом уровне – **через отбор языковых средств**: через языковые приемы выразительности, через стилистическую окраску языковых единиц и стилистическую тональность публикации в целом, позволяющие авторам публикаций оставаться в привычной для своего читателя языковой и смысловой парадигме, независимо от тематики и особенностей отображаемого события.

Иллюстрацией может служить отображение разными газетно-публицистическими изданиями событий, произошедших в США 11 сентября 2001 г («Теракт в Америке») [Чернышова, 2003: 2003а]. Даже относительно случайная выборка статей из нескольких газет (как центральных, например, «Коммерсант», «Советская Россия», «Правда», так и местных, – «Алтайская правда», «Свободный курс», «Молодежь Алтая», «Голос труда»), посвященных этой теме, оказывается весьма показательной. Различия в оценке события наблюдаются уже на уровне наименований рубрик и заголовков и могут быть представлены несколькими интерпретациями.

Так, основную оценку произошедшего как «всемирной катастрофы», «угрозы цивилизации» содержат такие известные своей либерально-экономической направленностью и ориентированностью на ту часть населения России, которая лояльно относится к проводимым в обществе реформам издания, как «Коммерсант» («Третья мировая», «Всемирная катастрофа»,

«*Armageddon Now*», «*Похороны мира*», «*Воздушный терроризм долетел до США*», «*Похороны мира (вторничный таран)*», «*Манхэттен военного времени*»; «*Свободный курс*» («*Атака на цивилизацию*», «*Взрыв на Манхэттене*», «*Звонки из-под завалов*», «*Трагедия*»); «*Алтайская правда*» («*Вызов всему человечеству*», «*Отчаяние и растерянность*», «*Черный день цивилизации*») и др.

Представление о произошедшем как о «всемирной катастрофе» поддерживается и на языковом уровне в публикациях через отбор стилистически окрашенных языковых единиц, среди которых преобладают эмоционально-экспрессивные средства, передающие трагический смысл происходящего: «*Самой **мощной** мировой державе была, по сути, объявлена война со стороны международного терроризма. Война тут же стала мировой*»; «*потрясающий взрыв, взметнулся огромный шар огня, новый удар, от которого содрогнулась земля*»; «*Удар **оказался столь сокрушительным и столь масштабным**, что после него мир уже не может не быть иным*»; «*Мир **охватил страх, граничащий с ужасом***» (Рубрика «Всемирная катастрофа», Третья мировая, Коммерсант, 12.09.01).

Не столь единодушны в оценке произошедшего газетные издания, отражающие интересы оппозиционно настроенной части населения России. Так, газета «Правда», отдавая дань трагичности произошедшего («*Международный терроризм – вызов человечеству*», «*Чума XXI века*», «*Хроника трагедии*»), тем не менее, акцентирует внимание на виновности самой Америки в произошедшем («*Атака на Америку*», «*Боинг шел на Белый дом*», «*Вторая Перл Харбор для США*», «*Трагедия и позор Америки*»).

Таким образом, выявляется новая интерпретация, ограничивающая последствия произошедшего рамками одной страны: «**террористический акт – трагедия Америки**» (этот же смысл можно извлечь из заголовков газеты «Алтайская правда»: «*Американская трагедия*», «*Граждане США потрясе-*

ны»), а также интерпретация «**террористический акт – позор Америки**». При этом журналисты не смогли удержаться от морализаторства, являющегося обязательным компонентом оппозиционной прессы: *«Теперь американцы, может быть, поймут, что такое международный терроризм и какую угрозу он несет миру, о чем постоянно говорит Россия»*; *«Стремление Вашингтона к мировому господству очень дорого обходится простым американцам»* (Чума XXI века, Правда, 13.09.01); *«При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем»*; *«Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их некому... Россия ослаблена, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза»* (Атака на Америку, Правда, 13.09.01). Полагаем, что данный пассаж полностью отвечает потребностям читателя газеты «Правда», поскольку является отражением одного из устойчивых стереотипов сознания «левоориентированной» части общества – «Советский Союз – сверхдержава»³⁷. Некоторые высказывания по поводу действий террористов, кроме всего прочего, можно охарактеризовать как эмоционально-оценочные, причем эта оценочность носит далеко не негативный характер: *Атака с воздуха была организована и проведена в высшей степени на необъяснимо высоком уровне. Фантастическом уровне! Почти одновременно захватить четыре самолета... направить лайнеры на небоскребы, точно вырулить на Пентагон, да еще подготовить несколько взрывов на улицах городов – ну знаете ли!* (Атака на Америку, Правда, 13.09.01); *Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов* (Трагедия силы, Советская Россия, 13.09.01) и довольно откровенно характеризует истинные чувства пишущего – изумление, удивление на грани восторга. В этом отношении интересна не-

³⁷ Миф об исключительности идеологизированного пространственного объекта *Советский Союз* (незыблемой твердыни) как типичный для адресата с сознанием тоталитарного типа подробно описан Н.А. Купиной [Купина, 1995, с. 52-60].

большая публикация о трагедии, напечатанная в газете «Голос труда» (14.09.01). Подчеркнутая информативность и нейтральность заголовка «*Террористы атакуют Америку*» дополняется «штампованностью» изложения, призванного завуалировать какие бы то ни было эмоции по поводу произошедшего: *трагическое известие, воздушной атаке подверглись, протаранили небоскребы, погребены десятки тысяч служащих* и т.д. Истинное отношение автора, тем не менее, проявляется через название рубрики, в которой помещено сообщение: Сенсация. Согласно словарю русского языка, «сенсация – 1. Сильное, ошеломляющее впечатление от какого-либо события, известия; 2. Событие, сообщение, производящее такое впечатление» [Ожегов, 1986]. При этом в современном русском языке слово *сенсация* связано с событиями, которые вызывают очень большой интерес нестандартностью, необычностью происходящего. Исходя из подобной трактовки события, можно говорить еще об одной интерпретации, также характерной для оппозиционной прессы: **«террористический акт – крушение мифа о несокрушимости Америки»**. Данный смысл присутствует в публикациях газеты «Советская Россия» и представлен в таких высказываниях, как *Две развеянные в пыль башни нью-йоркского Всемирного торгового центра – две глиняные ноги современного Колосса – «нового мирового порядка под эгидой США»; вместе с башнями рухнул миф о единственном и неповторимом «лидере свободного мира», о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке* (Хиросима в Нью-Йорке, «Советская Россия», 13.09.01) и др. Обращает на себя внимание использование кавычек как маркеров, передающих авторскую иронию по поводу понятий, имеющих непосредственное отношение к объекту информации (Америке).

Смысловый и стилистический анализ публикаций оппозиционных изданий позволяет говорить еще об одной интерпретации, наиболее ярко представленной в оппозиционной прессе («Советская Россия», «Правда»): **«тер-**

*рористический акт – мечь Америке», «террор – возмездие». Данный мотив проявляется уже в центральной заголовке газеты: «Хиросима в Нью-Йорке», отсылающем читателя к событиям многолетней давности. Хотя авторы этих изданий осуждают терроризм (трагедия чудовищна, нам одинаково ненавистны подобные действия, где бы они ни происходили (Заявление Президиума ЦК КПРФ, Правда, 13.09.01); никакого прощения или снисхождения к организаторам этого страшного злодеяния нет и быть не может (Хиросима в Нью-Йорке, Советская Россия, 13.09.01), однако закономерность, символичность произошедшего у авторов сомнения не вызывает, поскольку США рассматривается авторами и читателями оппозиционной прессы как мировое зло, а зло должно быть наказано: *Теперь американцы на собственном опыте узнали, что такое «точечные удары», ковровые и ядерные бомбардировки, вместе взятые; кажется, даже за высадкой американских астронавтов на Луну... мир следил с менее жгучим интересом...* (Хиросима в Нью-Йорке, Советская Россия, 13.09.01); *Великая держава оказалась бессильной перед силой возмездия; США стали жертвой своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам; Балканы стали жертвой агрессии НАТО и США. А затем насильники присвоили себе роль судей над жертвами; Богатый мир, «золотой миллиард», не желает считаться с нуждами обездоленных стран; Терпение униженных не бесконечно; Вызревала ответная реакция – возмездие, на силу – силой, на притеснение – мечь; Мировой жандарм породил своего врага, террористы – «порождение империализма и др. (Трагедия силы, Советская Россия, 13.09.01).* На фоне «мести» появляется мысль о незаслуженном преувеличении произошедшего, поскольку «ничего принципиально нового американцы не пережили»: *«Первые комментарии явно злоупотребляли словами о «беспрецедентном» событии. Комментаторы все как один вдруг «забыли» о таких прецедентах, как стертые с лица земли со всем мирным населением Дрезден,**

Хиросима и Нагасаки, как бомбежки Вьетнама и Нагасаки» (Хиросима в Нью-Йорке, Советская Россия, 13.09.01). Таким образом, смысловой и стилистический анализ свидетельствует о скрытом смысле – **«террористический акт – справедливое возмездие»**.

Следует также отметить, что необходимость учитывать определенные читательские запросы заставляет редакции апеллировать к разного рода стереотипам сознания, специфика которых обусловлена особенностями и интересами читательской аудитории, на которую ориентируется издание (фатическая, ритуальная коммуникация, рассчитанная на «свой круг» читателей). Прежде всего, как было показано ранее, это *идеологическая* направленность, которая обязательно учитывается как на содержательном, так и на языковом уровне. Немаловажной является и *экономическая* направленность, ориентация на которую заставляет, например, авторов еженедельника «Коммерсант» сразу же после сообщения о трагических событиях 11 сентября 2001 г. остановиться на экономической ситуации в мире. Свидетельством тому являются следующие заголовки: *«Небоскребы похоронили под собой **рынки**»*; *«Тяжелый **страховой** случай»*; *«Никто не хотел **торговать**»*; *«Россияне не знают, что делать с **долларом**, и могут за это **поплатиться**»*; *«**Центробанк** остановил взрывную волну **деньгами**»* и др.

Неординарность произошедшего события в какой-то мере заставила авторов слегка «отклониться» от принятого стиля общения с читателем, что прежде всего проявилось через отбор стилистических речевых средств. Однако уже через несколько дней привычная для читателя тональность изложения была восстановлена. Так, относительно сдержанная стилистическая окраска речи оппозиционных изданий при описании первых сообщений о событиях в США меняется при переходе к устойчивым идеологическим стереотипам (см. приведенные ранее высказывания журналистов «Советской России»), а также при изменении политической ситуации (т.е. через несколь-

ко дней после теракта): «*Вашингтон оцетинился*», «*Трагедия и позор Америки*», «*Куда теперь вырывают США?*» (Правда, 18-19.09.01).

Ироничность стиля и прецедентность высказываний (заголовков) «Коммерсанта», исключенные из номера от 12 сентября, содержащего описание трагедии, вновь появляются на страницах газеты уже 14 сентября: «*Бей арабов – спасай Америку* (ср.: «Бей врагов, спасай Россию». *Американцы ищут живых, мертвых и лиц арабской национальности*); «*Редкий пассажир долетит до Америки*» (ср.: «Редкая птица долетит до середины Днепра»); «*Пентагон приступил к работе. Ее у него будет много*».

Итак, как было показано выше, интерпретация трагических событий 11 сентября 2001 г. представлена разноориентированными средствами массовой информации по-разному (см. табл. 7).

Таблица 7.

**«Стереотипное поле», отражающее события 11 января 2001 г.
в газетных текстах разной социально-политической
направленности**

Правоориентированные («демократические») издания	Нейтральные («умеренные») издания	Левориентированные («оппозиционные») издания
<ul style="list-style-type: none"> - всемирная катастрофа - угроза цивилизации 	<ul style="list-style-type: none"> - всемирная катастрофа - угроза цивилизации - трагедия Америки 	<ul style="list-style-type: none"> - позор Америки - крушение мифа ^о непоколебимости Америки - месть Америке - возмездие - справедливое возмездие - трагедия Америки

Очевидно, что интерпретация произошедшего как «всемирной катастрофы» не случайно отсутствует в «оппозиционных» СМИ. Этому способствует целый комплекс устойчивых стереотипов сознания аудитории, на которую ориентируются оппозиционные издания: «Америка – мировое зло», «Зло должно быть наказано», «Мсть – справедливая реакция на зло» и т.д. Полагаем, что лишь неординарность произошедшего позволяет «оппозиционным» изданиям ненадолго отвлечься от устоявшихся стереотипов, поэтому тексты СМИ, эксплуатирующие антитетические психосоциальные стереотипы сознания потенциального адресата, по всей видимости, не имеют возможности для смыслового и речевого «пересечения». Особое положение занимают так называемые «умеренные» издания, по своей функциональной направленности предназначенные для гетерогенной читательской аудитории (например, «Алтайская правда» – краевая массовая газета). Именно они, по-видимому, демонстрируют смысловое сближение между двумя крайними вариантами интерпретации реального события.

3.2. Тезаурус как способ репрезентации внутренней когнитивной структуры публицистического сверхтекста, ориентированного на «своего» читателя

Для успешного взаимодействия автора и адресата в газетно-публицистической сфере необходимо «пересечение» **фрагментов тезаурусов** языковых личностей автора и адресата, организуемых на основе ассоциативно-смысловых полей, группируемых вокруг событийных концептов. Согласно данному положению, моделируя (реконструируя) фрагмент тезауруса языковой личности автора газетно-публицистического текста, предположительно совпадающего с аналогичным фрагментом тезауруса языковой личности адресата, можно получить модель когнитивной структуры газетно-

публицистического текста, ориентированного на фактор адресата. Реконструкция тезауруса, таким образом, предстает как *способ репрезентации внутренней когнитивной структуры публицистического текста*.

Тезаурус языковой личности представляет центр ее вербализованной части. «Тезаурус и прагматикон – это то, что в конечном счете интересует читателя... Тезаурус выявляется... в процессах восприятия и понимания языковой личностью текстов других персонажей» [Караулов, 1987, с. 96]. При этом на тезаурусном (лингвокогнитивном) уровне, по мнению исследователя, в качестве единиц анализа следует рассматривать обобщенные понятия, крупные концепты, идеи, отношения между которыми носят подчинительно-координативный характер и выстраиваются в упорядоченную, достаточно строгую иерархическую систему, которая не прямо, но отражает структуру мира, отдаленным аналогом которого может служить обыкновенный тезаурус. С тезаурусом в значительной степени пересекается лексикон, он играет вспомогательную роль в процессе воссоздания особенностей какой-либо языковой личности (в нашем случае – какого-либо газетного издания). Изучая способ организации лексикона, можно исследовать тезаурус, а через него получить представление о внутренней когнитивной структуре публицистического текста.

Основу лексикона любого текста, как было показано выше, составляют ключевые слова – центры семантического притяжения, своеобразные узлы ассоциативно-семантической сети, вокруг которых группируются другие единицы текста. Такие ключевые (или доминирующие) слова на лингвокогнитивном уровне языковой личности выступают как обобщенные понятия, концепты, которые мы, с учетом той сферы, в которой происходит интерпретация текста, и особенностей интерпретируемого объекта (реального события, приобретающего в тексте статус факта вербального [Сорокин, 2000]), предложили называть **событийными концептами** (см. гл. 2).

Языковые единицы, ассоциируемые с СК (ассоциаты), сгруппированные вокруг событийного концепта на основании определенных отношений, обусловленных особенностями языкового сознания личности автора-адресата СМИ, представляют собой некую вербальную «ассоциативную систему», которая в свою очередь является фрагментом тезауруса³⁸.

3.2.1. Фрагменты тезауруса разноориентированных газетных СМИ

Продолжая анализ статей одной тематики (события 11 сентября 2001 г. в США), извлеченных из разных публицистических изданий (см. список текстов), можно сделать вывод о **принципиально разной организации фрагментов тезаурусов газетных СМИ**, ориентированных на разную психосоциальную аудиторию [Чернышова, 2002; 2003; 2003а]. Полагаем, что выявленные ранее с помощью интерпретационного анализа на уровне психосоциальных стереотипов сознания различия в интерпретации факта-события разноориентированными газетно-публицистическими изданиями чрезвычайно важны с позиций фактора адресата. Именно различия в организации ассоциативно-вербальной сети фрагментов тезаурусов разнонаправленных изданий, по всей видимости, и представляют собой области пересечения языковой личности автора и языковой личности «своего» читателя.

Очевидно, что организация фрагмента тезауруса того или иного газетного издания обусловлена **рядом факторов**. Основополагающим из них, без сомнения, является учет фактора адресата, однако важную роль играют и другие факторы, например, значимость описываемого события, его политическая или иная специфика, важность его в масштабах всего мира, страны или отдельного региона. Очевидно, что различия в ассоциативно-вербальной

³⁸ Термин «ассоциат» используется О.Л. Каменской в ряду таких понятий, как «номинант» (доминирующее слово), «файл» (ассоциаты, сгруппированные вокруг «тематического центра») и т.д., в процессе изучения речевой модели деятельности языковой личности в целом. При этом тезаурус личности рассматривается как

сети фрагментов тезаурусов разнонаправленных изданий будут тем значительнее, чем важнее описываемое событие. Однако различия, хотя и не такие рельефные, можно обнаружить и в том случае, если важность события ограничивается пределами одного региона [Чернышова, 2003б].

Вербализованную часть прагматикона составляет глубинный слой в организации языковой личности, в то время как поверхностный слой принадлежит лексикону. Таким образом, 1) лексикон играет вспомогательную роль в процессе воссоздания особенностей какой-либо языковой личности; 2) лексикон в значительной степени пересекается с тезаурусом. По замечанию Ю.Н. Караулова, лексикон можно строить двумя способами: либо на основе прямого ассоциативного эксперимента, либо по итогам анализа некоторой совокупности произведенных личностью текстов [Караулов, 1987, с. 102] (то есть на основе ее дискурса). Предпочтение второго способа дает возможность исследователю с большей степенью точности восстановить состав лексикона, получить минимум сведений о его устройстве, его конкретной структуре. Далее в нашем исследовании этот анализ дополняется приемами построения ассоциативно-вербальной сети непосредственно на материале текстов разной социально-политической направленности. Полагаем, что и фрагменты тезауруса текстов разных изданий будут различаться как количественно, так и качественно, **в соответствии с ориентированностью издания на определенную категорию читателя.**

1. Анализ языковых единиц (слов, словосочетаний и предложений) газетно-публицистических изданий, условно названных нами правоориентированными (или «демократическими») ³⁹, позволяет на основе выявленной ранее интерпретации *события* как «всемирной катастрофы», «угрозы цивилизации» выделить следующие событийные концепты (СК): ВОЙНА, МИР,

«инструмент установления семантических связей в динамическом процессе порождения / восприятия текста» [Каменская, 1990, с. 102-103].

АМЕРИКА, АМЕРИКАНЦЫ, ТЕРРОРИЗМ, РОССИЯ, а также группирующиеся вокруг них *ассоциаты*:

1) ВОЙНА: *«Третья мировая»⁴⁰, «Armageddon Now», «Манхэттен военного времени», потряс мощнейший взрыв, взметнулся огромный шар огня, новый удар, от которого содрогнулась земля, Война тут же стала мировой;*

2) МИР: *«Похороны мира», «Всемирная катастрофа», «Черный день цивилизации»; «Вызов всему человечеству», «Отчаяние и растерянность», Удар оказался столь сокрушительным и столь масштабным, что после него мир уже не может не быть иным, Мир охватил страх, граничащий с ужасом. Если уж единственная сверхдержава оказалась не в состоянии предотвратить столь циничный теракт, то остальные государства и вообще являются беззащитными; трагедия только разворачивается, начав новый этап в истории мира, Мир изменился, Что теперь будет;*

3) АМЕРИКА: *«Американская трагедия», «Граждане США потрясены», буквально на наших глазах символ прогресса и развития человечества рассыпался в прах; Самой мощной мировой державе была, по сути, объявлена война со стороны международного терроризма; В одно мгновение жизнь многомиллионного мегаполиса была превращена в кошмар; «страну охватила паника; объявлено чрезвычайное положение; назвав случившееся национальной трагедией; случившееся застало американские спецслужбы врасплох; единственная сверхдержава оказалась не в состоянии предотвратить столь циничный теракт; Чем провинились США?; США олицетворяют «вселенское зло»; массированная воздушная атака показала беспомощность США в пресечении террористических актов;*

³⁹ В данном разделе анализировались публикации из газет «Коммерсант» (центральная) и «Свободный курс» (Алтайский край).

⁴⁰ В кавычках представлены заголовки статей и разделов газетных СМИ, без кавычек – фрагменты текстов статей.

4) АМЕРИКАНЦЫ: *горе сближает, мы вдруг увидели совсем других американцев. Им было очень и очень больно. И еще страшно;*

5) ТЕРРОРИЗМ: *«Воздушный терроризм долетел до США»; ... война со стороны международного терроризма; террористическая атака; «Однозначно, это исламисты»; чудовищные террористические акты; циничный теракт;*

6) РОССИЯ: *«Россия готовится к участи Америки», Владимир Путин собрал в Кремле экстренное совещание с силовыми министрами; ... руководство отреагировало поистине молниеносно; силам ПВО был дан приказ усилить контроль за воздушным пространством России; «усилена охрана государственных объектов.*

2. Иной набор СК и тяготеющих к ним ассоциатов выявляется на основе анализа публикаций из так называемых «оппозиционных» изданий⁴¹:

1) ТЕРРОРИЗМ: *Международный терроризм – вызов человечеству; Чума XXI века; никакого прощения или снисхождения к организаторам этого страшного злодеяния нет и быть не может; чудовищный по своим масштабам террористический акт; А кто вообще доказал, что здесь действовал международный терроризм?;*

2) ТЕРРОРИСТЫ: *Атака с воздуха была организована и проведена в высшей степени на необъяснимо высоком уровне. Фантастическом уровне! Почти одновременно захватить четыре самолета... направить лайнеры на небоскребы, точно вырулить на Пентагон, да еще подготовить несколько взрывов на улицах городов – ну знаете ли!; Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов; Терпение униженных не бесконечно; Вызревала ответная реакция – возмездие, на силу – силой, на притеснение – месть; Взрывы в США, воздушные атаки террористов – это бессмысленные шаги отчаявшихся на*

пожертвования **фанатичных камикадзе**; террористы – **«порождение империализма»**;

3) АМЕРИКА: **«Атака на Америку»**; **«Боинг шел на Белый дом»**; **«Трагедия Америки»**; **«Вторая Перл Харбор для США»**; **«Америка в шоке»**; **«Трагедия и позор Америки»**; **Две развеянные в пыль башни нью-йоркского Всемирного торгового центра – две глиняные ноги современного Колосса – «нового мирового порядка под эгидой США»**; вместе с башнями **рухнул миф о единственном и неповторимом «лидере свободного мира», о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке**; **Великая держава оказалась бессильной перед силой возмездия, США стали жертвой своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам**; Балканы стали **жертвой агрессии НАТО и США**. А затем **насильники присвоили себе роль судей над жертвами**; **Богатый мир, «золотой миллиард», не желает считаться с нуждами обездоленных стран**; **Белый дом сделал себя заложником собственной политики, стремились поймать ядерного журавля в космосе, а на грешной земле, у себя под носом – в значительной мере по собственной вине – не смогли отвести топор терроризма**; **Мировой жандарм породил своего врага**;

4) АМЕРИКАНЦЫ: 5) МИР: **кажется, даже за высадкой американских астронавтов на Луну... мир следил с менее жгучим интересом, в череде хлестких сравнений и метафор, рожденных при виде нью-йоркского апокалипсиса возбужденным воображением европейских телерепортеров**;

6) РОССИЯ: **Теперь американцы, может быть, поймут, что такое международный терроризм и какую угрозу он несет миру, о чем постоянно говорит Россия**; **Россия ослаблена, Россия не в счет**;

7) СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: **При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под кон-**

⁴¹ Анализировались публикации из газет «Правда», «Советская Россия» (центральные) и «Голос труда» (Ал-

тролем; Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановит их некому... Россия ослаблена, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза.

Очевидно, что представленные выше на основе выделенных из текста СК и ассоциатов фрагменты тезаурусов правоориентированной («демократической») и левоориентированной («опозиционной») прессы имеют существенные различия (см. табл. 8).

Таблица 8.

Событийные концепты и ассоциаты разноориентированных газетных изданий (по материалам текстов одной тематики)

Событийные концепты	Ассоциаты	
	Правоориентированные («демократические») издания	Левоориентированные («опозиционные») издания
война	<i>Третья мировая, Манхэттен военного времени, потряс мощнейший взрыв, взметнулся огромный шар огня, новый удар, содрогнулась земля», война стала мировой</i>	—
мир	<i>Похороны мира, всемирная катастрофа, черный день цивилизации, вызов</i>	<i>Даже за высадкой американских астронавтов на Луну мир следил с менее</i>

	<p><i>человечеству, отчаяние и растерянность, мир уже не может не быть иным, мир охватил страх, граничащий с ужасом, остальные государства являются беззащитными, новый этап в истории мира, мир изменился</i></p>	<p><i>жгучим интересом, череда хлестких сравнений и метафор, рожденных при виде нью-йоркского апокалипсиса возбужденным воображением европейских телерепортеров</i></p>
<p>Америка</p>	<p><i>Американская трагедия, граждане США потрясены, символ прогресса и развития человечества, самой мощной мировой державе была объявлена война со стороны международного терроризма, жизнь многомиллионного мегаполиса превращена в кошмар, паника, чрезвычайное положение, назвав случившееся национальной трагедией, случившееся застало американские спецслужбы врасплох, единственная сверхдержава не в</i></p>	<p><i>Атака на Америку, на Белый дом, трагедия Америки, для США, Америка в шоке, трагедия и позор Америки, две развеянные в пыль – две глиняные ноги современного Колосса – «нового мирового порядка под эгидой США», рухнул миф о единственном и неповторимом «лидере свободного мира», о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке, великая держава оказалась бессильной перед силой возмездия, жертва своей самоуверенности, высо-</i></p>

	<p><i>состоянии предотвратить столь циничный теракт, чем провинились США?, США олицетворяют «вселенское зло», беспомощность США в пресечении террористических актов</i></p>	<p><i>комерного отношения к другим народам, богатый мир, «золотой миллиард», не желает считаться с нуждами обездоленных стран, Белый дом - заложник собственной политики, по собственной вине, мировой жандарм породил своего врага, стремление Вашингтона к мировому господству</i></p>
<p>американцы</p>	<p><i>Горе сближает, увидели совсем других американцев, им очень и очень больно, страшно</i></p>	<p><i>Стремление Вашингтона к мировому господству очень дорого обходится простым американцам, американцы на собственном опыте узнали, что такое бомбардировки, бесконечно жаль простых американцев</i></p>
<p>терроризм</p>	<p><i>Воздушный международный терроризм, террористическая атака; однозначно, это исламы, чудовищные террористические акты, циничный теракт</i></p>	<p><i>Международный терроризм – вызов человечеству, чума XXI века, чудовищный по своим масштабам террористический акт, а кто вообще доказал, что действовал</i></p>

		<i>международный терроризм?</i>
террористы	—	<i>Атака с воздуха организована и проведена в высшей степени на необъяснимо высоком уровне. Фантастическом уровне! ну знаете ли!, террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов, терпение униженных не бесконечно, ответная реакция – возмездие, на силу – силой, на притеснение – месть, воздушные атаки террористов – это бессмысленные шаги отчаявшихся фанатичных камикадзе, террористы – «порождение империализма»</i>
Россия	<i>Готовится к участи Америки, экстренное совещание с силовыми министрами, руководство отреагировало поистине</i>	<i>Теперь американцы, может быть, поймут, что такое международный терроризм и какую угрозу он несет миру, о чем по-</i>

	<i>молниеносно, дан приказ усилить контроль, усилена охрана государственных объектов</i>	<i>стоянно говорит Россия, Россия ослаблена, Россия не в счет</i>
Советский Союз	—	<i>При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем, мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их некому... Россия ослаблена, Россия не в счет, жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза</i>

Различия в ассоциативно-вербальной сети двух групп газетно-публицистических изданий проявляются как на уровне ключевых слов, или СК (узлов ассоциативно-семантической сети), так и на уровне ассоциатов.

Так, ключевые слова ТЕРРОРИСТЫ и СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, активно функционирующие в «оппозиционном» публицистическом дискурсе, отсутствуют в анализируемом фрагменте тезауруса «демократической» прессы; в то время как ключевое слово ВОЙНА как война мировая, война с цивилизацией («Третья мировая», война сразу же стала мировой и др.), с которым ассоциируется в первую очередь представление о теракте в Америке в «демократической» прессе, отсутствует в тезаурусе «оппозиционной» прессы.

Те же СК, которые формально выражены одними и теми же лексемами, в контексте реализуют разные значения, подчас прямо противоположные. Так, если в «демократической» прессе лексема МИР реализуется в таких значениях, как: 1) «Земной шар. Земля со всем существующем на ней»; 2) «Человеческое общество, объединенное определенным общественным строем, культурными и социально-историческими признаками» и ассоциируется с лексемами *цивилизация, человечество, государства*, то в «оппозиционной» прессе лексема МИР употребляется в более узком значении («те, кто наблюдал за событиями в Америке») и ассоциируется с лексемами *телерепортеры* и *телезрители*.

Ключевое слово АМЕРИКА в «демократической» прессе ассоциируется со словосочетаниями *символ прогресса и развития человечества, самая мощная мировая держава, единственная сверхдержава*, в то время как в «оппозиционной» прессе с этим ключевым словом устойчиво ассоциируются словосочетания *жертва своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам, богатый мир, «золотой миллиард», мировой жандарм* и т.д.

Разными ассоциациями в «демократической» и «оппозиционной» прессе «обрастает» ключевое слово ТЕРРОРИЗМ. Если в первом случае оно ассоциируется с лексемами *воздушный международный, атака; однозначно, исламисты, чудовищный циничный*, то во втором случае ключевое слово сочетается как со словами *международный, вызов человечеству, чума XXI века, страшный* (дань необычности произошедшего, обобщенное отношение к факту терроризма), так и с лексемами, в какой-то мере снимающими эту необычность: *чудовищный по своим масштабам*, а не просто *чудовищный*, как в первом случае. Кстати, одно из значений лексемы *чудовищный* – «выходящий за пределы обычного по своим размерам, величине, силе» [Словарь русского языка, 1981-1984], т.е. оговорка *по своим масштабам*, по сути, является тавтологичной и совсем не случайной.

Разные ассоциативные связи выстраиваются относительно ключевого слова АМЕРИКАНЦЫ. Если в «демократической» печати оно ассоциируется с понятием «свой», «близкий» (*горе сближает, увидели совсем других американцев*), то в «оппозиционной» прессе это слово связано с лексемой **простые** (в противоположность официальной Америке): *стремление Вашингтона к мировому господству очень дорого обходится **простым американцам**, американцы на собственном опыте узнали, что такое бомбардировки, бесконечно жаль **простых американцев**.*

Иногда в тезаурус того или иного вида прессы попадают, на первый, взгляд, «чужие» выражения и обороты. Делается это с целью создания в тексте иронии, сарказма и т.п. В этих случаях «инородное» словосочетание обязательно помещается в кавычки. Так, в газете «Советская Россия» находим следующее утверждение: *Две развеванные в пыль башни нью-йоркского Всемирного торгового центра – две глиняные ноги современного Колосса – «**нового мирового порядка под эгидой США**»; вместе с башнями рухнул миф о единственном и неповторимом «**лидере свободного мира**», о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке* (Хиросима в Нью-Йорке, «Советская Россия», 13.09.01). Аналогичный способ выражения авторского отношения к описываемому находим в газете «Коммерсант»: в публикации под заголовком «Чем провинилась Америка» читаем: *США олицетворяют «вселенское зло»* («Коммерсант», 12.09.01). При этом совершенно очевидно, что сам автор этого мнения не придерживается, для чего и использует кавычки, т.е. чтобы абстрагироваться от «чужого», чуждого ему мнения.

В результате анализа на основе выявленных различий можно сделать вывод о **принципиально разной организации фрагментов тезаурусов** газетных СМИ, ориентированных на разную социально-политическую аудиторию. Так, если в «демократической» прессе, посвященной событиям 11 сентября 2001 г., ключевыми понятиями, организующими фрагмент тезауруса,

являются ключевые слова **теракт – мир – Америка**, то в «оппозиционной» прессе эта последовательность иная: **теракт – террористы – Америка**.

Полагаем, что выявленные различия в представленных фрагментах тезаурусов разноориентированных газетно-публицистических изданий чрезвычайно важны при описании антропотекстов с позиций отраженного адресата. Именно различия в ассоциативно-семантической сети фрагментов тезаурусов разнонаправленных изданий, по всей видимости, и представляют собой области пересечения языковой личности автора и языковой личности «своего» читателя.

3.3. События 11 сентября 2001 г. в США как отраженные языковым сознанием адресата (по материалам опроса)

Анализ языкового материала, полученного в результате опроса на основе анкетирования с элементами лингвистического эксперимента (см. **приложение I**, образец **анкеты 1**), в ходе которого участникам для интерпретации предлагались фрагменты текстов, посвященных террористическому акту в США 11 сентября 2001 г. («Теракт в Америке»), преследовал **цель** – выявить в высказываниях респондентов фрагменты, соотносимые с соответствующими фрагментами текстов разноориентированных газетных СМИ, извлеченных в ходе когнитивного анализа текстов данной тематики (см. **пп. 3.1.2 и 3.2.1.**).

В ходе эксперимента ставились следующие **задачи**:

1) выяснить отношение респондентов к данному событию; в ходе решения этой задачи участникам предлагалось письменно ответить на следующий вопрос: Согласны ли Вы со следующими утверждениями о террористическом акте, произошедшем 11 сентября 2001 г. в США или нет? Почему?

А. Террористический акт – это (нужное подчеркнуть)

- всемирная катастрофа
- угроза цивилизации
- трагедия Америки
- позор Америки
- месть Америке
- справедливое возмездие;

2) полученные данные сопоставить с фрагментом тезауруса в виде ассоциативного поля СК ТЕРАКТ, построенным в ходе лингвокогнитивного анализа текстов разноориентированных газетных СМИ (см. пп. 3.1.2 и 3.2.1);

3) выяснить, концептуальные модели каких газетно-публицистических изданий наиболее близки опрашиваемым; с этой целью респондентам предлагалось дать развернутый ответ (порассуждать) на предложенную тему на основе высказываний, извлеченных из текстов СМИ разной политико-идеологической направленности (название издания не указывалось):

Б. Согласны ли Вы со следующими утверждениями?

При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем (1);

Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их некому... Россия ослаблена, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза (2);

Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов; Великая держава оказалась бес- сильной перед силой возмездия (3);

США стали жертвой своей самоуверенности, высокомерного отно- шения к другим народам (4).

А. Обобщенные результаты ответов респондентов на вопрос *Согласны ли Вы со следующими утверждениями о террористическом акте, произо-*

шедшем 11 сентября 2001 г. в США или нет? Почему? представлены в приложении II (диаграмма 2).

Сопоставим полученные результаты с данными стереотипного поля СК ТЕРАКТ, оставленного по результатам лингвокогнитивного анализа текстов СМИ данной тематики (см. табл. 7). Сопоставление двух типов языкового материала представлено в табл. 9.

Таблица 9.

**Отражение события языковым сознанием
адресата (сопоставительный аспект)**

Тип издания	Ассоциаты 1 (по тексту)	Ассоциаты 2 (по результатам опроса)
ПИ «демократические»)	– всемирная катастрофа	– всемирная катастрофа (17%)
НИ («умеренные»)	– угроза цивилизации	– угроза цивилизации (8%)
	– трагедия Америки	– трагедия Америки (28%)
ЛИ («оппозиционные»)	– позор Америки	– позор Америки (8%)
	– крушение мифа о несокрушимости Америки	–
	– месть Америке	– месть Америке (24%)
	– возмездие	–
	– справедливое возмездие	– справедливое возмездие (12%)
	– трагедия Америки	(см. ПИ и НИ)
	–	– угроза Америке (3%)

1. Согласно полученным материалам, более 50 % опрошенных определили террористический акт так же, как он представлен в ПИ и НИ газетных СМИ. Причины такого предпочтения объясняются в языковых рефлексиях-пояснениях, которыми некоторые респонденты считали нужным дополнить свой выбор (см. приложение II, табл. к диаграмме 2). Например, характеризуя событие как **всемирную катастрофу**, респонденты добавляли: *Трагедия приняла глобальный масштаб (погибло очень много человек), а проблема терроризма – это проблема мирового масштаба. Америка выступила неким «козлом отпущения», т.к. погибшие люди не были прямо связаны с политикой, и эта смерть была для них незаслуженной (P18); Любое проявление насилия на международном уровне – это и трагедия, и катастрофа, касающаяся всех, т.к. подобное может повториться и в конце концов привести к Третьей Мировой (P29)⁴²; Остановить можно, только объединив усилия всех государств (P36). Для того чтобы подчеркнуть значимость своего выбора, некоторые из опрашиваемых использовали невербальные средства: обведение слова, подчеркивание, «округление» и др. (P9; P24; P12 и др.).*

Выбирая в качестве основного ассоциат **угроза цивилизации**, респонденты делали следующие обобщения: *да, любой терроризм – угроза (P5); теракт – это вызов власти вообще (а не Америке и России). Современный мир интегрируется в единое целое мировое сообщество → появляется внутренний враг (мир почему-то не может существовать без врага). Терракты – это борьба за власть (хотя бы над умами и душами людей) между центром Мира и его аутсайдерами (P34).*

Актуализируя в качестве основного ассоциат **трагедия Америки**, респонденты по-разному (в силу своих личностных особенностей, в том числе и социально-политической ориентации) объясняли свой выбор – от общих ут-

⁴² Определение теракта в Америке как третьей мировой войны находим в заголовках и текстах правоориентированных изданий, например, в «Коммерсанте», ср.: («Третья мировая», «Похороны мира», «Похороны мира (вторичный таран)», «Манхэттен военного времени» и др.

верждающих суждений: *да, это действительно трагедия для нее* (P12); *Без комментариев, все и так понятно* (P14); *мир-то все-таки остался* (P15) и т.д. до выражения своих чувств по поводу события: *Я сочувствую* (P17) и детализации своих представлений: *Трагедия нации и огромного числа людей в частности* (P19); *потому что пострадал только один народ, хотя, безусловно, горе американского народа заслуживало того сочувствия и сострадания, которое проявили жители всей земли* (P35) и др.

Как указывается в **табл. 9**, интерпретация теракта как трагедии Америки встречается и в левоориентированных изданиях (см. **пп. 3.1.2, 3.2.1**), в которых она увязывается с виновностью самой Америки в случившемся, ср.: *Теперь американцы, может быть, поймут, что такое международный терроризм и какую угрозу он несет миру...; Стремление Вашингтона к мировому господству очень дорого обходится простым американцам* (Чума XXI века, «Правда», 13.09.01).

Данные мотивы находят опосредованное отражение в высказываниях некоторых респондентов либо понимающих содержание вопроса упрощенно, например: это трагедия Америки, а не всемирная катастрофа, потому что *мир-то все-таки остался* (P15), либо сужающих проблему и сводящих ее к несостоятельности идеологической системы США: *да, на идеологическом уровне* (P5). Последний респондент в своих ответах интерпретирует **все** предложенные варианты, демонстрируя через них свою настроенность на модель мира, представленную в левоориентированных изданиях (см. об этом **гл. 4**):

Всемирная катастрофа – *нет*.

Угроза цивилизации – *да, любой терроризм – угроза*.

Трагедия Америки – *да, на идеологическом уровне*.

Позор Америки – *да, слезы сильных – всегда позор*.

Справедливое возмездие – *да*.

Мечь Америке – *да*, за *неправомерные действия США в ряде конфликтов в Югославии и на Востоке* (P5).

Такой «перебор» возможных вариантов, по сути, демонстрирует процесс размышления, который сопутствует вербализации и помогает респонденту сделать правильный, с точки зрения особенностей его концептуальной системы, выбор. Таким образом, данный выбор можно считать осознанным и в какой-то мере предсказуемым. Например, один из респондентов (P10), отдавая предпочтение сразу трем близким по смыслу ассоциатам при явном акценте на последнем (**позор Америки, мечь Америке, справедливое возмездие**): *согласен, Америка почувствовала, каков терроризм*, сначала дает отрицательный ответ (нет) по поводу первого ассоциата: **всемирная катастрофа** – *нет, ничего с нами не случилось*. Другой (P12) находит нужный вариант, только дав ответы на все предыдущие, ср.:

Всемирная катастрофа – *не согласна, это дело Америки*.

Угроза цивилизации – *нет, это угроза Америке*.

трагедия Америки – *да, это действительно трагедия для нее*.

Позор Америки – *нет, ничего позорного в этом я не вижу*

Мечь Америке – *точно!*

Справедливое возмездие – *но не справедливое, слишком уж масштабное и зверское*.

Аналогичный способ актуализации нужного варианта ответа продемонстрирован в большинстве анкет (см. **табл. к диаграмме 2 приложения II**), что свидетельствует об активном характере интерпретации факта-события и вербального факта, предложенного в газете, языковым сознанием адресата СМИ.

2. Менее 50 % респондентов в своих ответах актуализировали ассоциаты, характерные для левоориентированных газетных СМИ, однако они неоднородны по своему составу и лишь часть из них может свидетельствовать об

отражении в них модели мира ЛИ, в перечень устойчивых ассоциатов которой входят либо все перечисленные интерпретации, ассоциированные с СК ТЕРАКТ: *позор Америки, крушение мифа о несокрушимости Америки, месть Америке, возмездие, справедливое возмездие* (к ним в частности можно отнести уже упоминавшиеся анкеты P5, P10, а также P3 (ассоциаты *месть Америке, справедливое возмездие*): *Не нужно считать себя «БОГОМ»; Террористам это не нравится*; P22; P23; P30), либо (но с оговоркой) близкие по смыслу ассоциаты с негативной по отношению к Америке оценочностью (*позор, месть возмездие*) в совокупности с ассоциатом *трагедия Америки*, также встречающимся в текстах ЛИ (например, P8; P13; P19; P31). Указанная оговорка обусловлена тем, что сами респонденты, называя один ассоциат, второй помечают как возможный, частично верный, таким образом демонстрируя отсутствие жесткой системы стереотипов идеологического характера, наиболее характерной для модели мира ЛИ:

P6: Угроза цивилизации.

Справедливое возмездие (*частично*).

P8: Трагедия Америки.

Месть Америке // *Наверное, может, и сами США все это устроили, я не осведомлена;*

P19: Трагедия Америки // *Трагедия нации и огромного числа людей в частности.*

Месть Америке (*возможно*).

Отсутствие устойчивых связей между данными понятиями и сочетание в речи респондентов ассоциатов разноориентированных СМИ⁴³ свидетельствует об отсутствии в сознании респондента фрагмента модели мира, харак-

⁴³ Как следует из таблицы 8, отражающей результаты лингвокогнитивного анализа текстов СМИ, посвященных данной тематике, ассоциаты ЛИ и ПИ практически не пересекаются. О разной направленности этих изданий и ассоциированной с ними модели мира см. также главу 4.

терной для ЛИ. Подтверждением данного вывода может служить высказывание одной из участниц опроса:

Всемирная катастрофа (обведено)

Угроза Америке

Трагедия Америки (все подчеркнуто)

Позор Америки

Мечь Америке

Справедливое возмездие // *Проблема в том, что в настоящий момент в моем сознании нет четко определенного отношения к событиям 11 сентября 2001 гг. На мой взгляд, его можно интерпретировать в зависимости от настроения. Сейчас я – пацифистка (Р9).*

Таким образом, на основании ответов респондентов, содержащих интерпретацию СК ТЕРАКТ, и сопоставления их с ассоциативным полем СК ТЕРАКТ по материалам разноориентированных газетных СМИ можно сделать вывод о неоднородности потенциальной читательской аудитории, в составе которой можно обнаружить языковые личности, в речи которых актуализируется модель мира как правоориентированных, так и левоориентированных газетных СМИ, причем, если первая ассоциирует террористический акт с реальной *угрозой цивилизации*, которая может погубить мир (*всемирной катастрофой*), то для последней характерна жесткая структура, опирающаяся на систему устойчивых стереотипов сознания – идеологем, которые всю вину за теракт возлагают на Америку.

Данные опроса, таким образом, позволяют на основе результатов речемыслительной деятельности человека как активной языковой личности, в своих рассуждениях отразившей непрерывно движущийся человеческий опыт [Гаспаров, 1996, с. 10] и исходившей «не просто из отображения действительности в человеческом сознании или мышлении, но из чего-то гораздо более сложного и важного, чем отражение, а именно из активного вмеша-

тельства в действительность... из того или иного ее переделывания и преподнесения» [Лосев, 1982, с. 13], судить о политико-идеологических ее пристрастиях, системе ценностей, особенностях психического устройства и т.д.

Б. В данном разделе представлено описание языкового материала, полученного в результате размышлений респондентов по поводу фрагментов текстов, извлеченных из левоориентированных газетных СМИ. Респондентам в частности предлагалось ответить на следующий вопрос: *Согласны ли Вы со следующими утверждениями?*

- *При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем (1);*
- *Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их некому... Россия ослаблена, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза (2);*
- *Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов; Великая держава оказалась бессильной перед силой возмездия (3);*
- *США стали жертвой своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам» (4)⁴⁴.*

Предпочтение данным высказываниям было отдано в связи с тем, что в них, во-первых, актуализируются устойчивые стереотипы сознания – идеологемы [Купина, 1995], связанные с недавним прошлым: «Советский Союз – сверхдержава, центр идеологического пространства, золотой век», «Развал Советского Союза способствовал ослаблению России»; с противостоянием двух мировых систем – социализма в лице Советского Союза и мирового империализма в лице США времен «холодной войны» («США – мировое зло»); с интерпретацией теракта в Америке как справедливого возмездия со сторо-

ны униженных и оскорбленных народов и т.д. Предполагалось, что данные стереотипы в силу своей устойчивости могут найти отклик у респондентов либо явиться стимулом для контраргументации. Данные лингвистического эксперимента представлены в диаграммах 3, 4, 5, 6, а также в табл. к диаграммам 3, 4 и 5, 6 приложения II.

1. Результаты интерпретации респондентами фрагмента 1, в состав которого входит 2 высказывания, связанных причинно-следственной связью:

а) ... *При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной.*

б) *Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем...* представлены в табл. к диаграммам 3, 4 приложения II.

Согласно результатам, полученным в ходе обработки ответов респондентов, их мнения можно обобщить в виде трех высказываний: 1) не согласен (не согласна); 2) не совсем согласен (не совсем согласна) и 3) согласен (согласна) (см. диаграмму 3 приложения II).

В ходе интерпретации актуализации подвергались разные понятия, содержащиеся в этом высказывании.

Так, 35 % опрошенных сообщили, что они **не разделяют** мнения автора по поводу того, что:

➤ Америка при Советском Союзе могла чувствовать себя спокойной⁴⁵: P25: *Не согласна потому, что Америка могла бояться, что мы скинем на них бомбу; P28: Не согласна, так как спокойствия все равно не было. Было, скорее, постоянное опасение; P12: Америка не чувствовала себя спокойной, как и не чувствует сейчас, и, наверное, не будет чувствовать никогда. Ей этого не надо. Ей вечно не сидится на месте; P14: Это не верно. Америка могла чувствовать спокойствие до тех пор, пока не стала встре-*

⁴⁴ Фрагменты 1 и 2 извлечены из публикации статьи «Атака на Америку» газеты «Правда» от 13.09.01; 3 и 4 – из публикации статьи «Трагедия силы» газеты «Советская Россия» от 13.09.01.

⁴⁵ В высказываниях респондентов сохранена орфография и пунктуация оригинала.

вать в чужие дела, она сейчас слишком вошла в роль «карающей десницы» или «голубя мира»; это как угодно; P19: **Сомневаюсь**, что Америка может быть спокойной, имея равного по силам соперника, даже скрытого; P28: **Не согласна**, так как спокойствия все равно не было. Было, скорее, постоянное опасение (интерпретации с опорой на первое суждение);

➤ Советский Союз и Америка держали мир под контролем: P10: **Нет**, мир не был под контролем, а Америка играла с СССР в холодную войну; P11: **Контроль, это да, но о спокойствие речи не шло** (актуализация в интерпретациях (интерпретации с опорой на второе суждение));

➤ Советский Союз и Америка были стабилизирующим фактором в мире: P5: **Спокойной – нет. Не те слова. Они знали, травят вдвоем. А теперь они одни и им нужно бояться и всех и себя**; P7: **СССР и США постоянно бы находились в состоянии борьбы. Не известно** чем бы это кончилось (интерпретации с опорой на оба высказывания одновременно).

Таким образом, более трети респондентов, принимавших участие в эксперименте, не актуализируют в своих высказываниях идеологемы, характерные для носителей тоталитарного типа сознания, отраженные в текстах ЛИ.

Уверенность, с которой респонденты этой группы отвечали на вопрос, может свидетельствовать, с одной стороны, об устойчивости концептуальных связей в сознании этой части опрашиваемых, обусловленной тесной связью с той общностью, которая противопоставлена общности языковых личностей тоталитарного типа, с другой, – об особом типе языковой личности респондента с нет гибкой речевой стратегией [Седов, 2000], представляющего собой уверенного в своей правоте субъекта, постоянно сверяющего, на основе индивидуального культурного опыта, запаса знаний и навыков, систему концептов, актуализированных в сообщении, со своей концептосферой как совокупностью потенций, открываемых в словарном запасе как отдельного чело-

века, так и всего языка в целом [Лихачев, 1997, с. 282)], и отсеивающего то, что этой концептуальной системе не соответствует.

2) 59 % опрошенных **не полностью** разделили мнение авторов о том, что:

➤ Америка при Советском Союзе могла чувствовать себя спокойной:

P9: ***В какой-то степени это так. Но Советский Союз – это не идеальная модель власти над миром;*** P30: ***Вероятно. Но мне кажется, что Америка всегда выпячивалась вперед*** (скрытая аргументация с опорой на первое суждение);

➤ Советский – Союз и Америка держали мир под контролем: P1: ***Не совсем согласна, т. к. угроза войны существовала между сверхдержавами*** (скрытая аргументация с опорой на второе суждение); P11: ***Контроль, это да, но о спокойствии речи не шло;***

➤ Не только Америка, но и весь мир при Советском Союзе чувствовали себя спокойнее: P29: ***Пожалуй, не Америка могла чувствовать себя спокойной, а весь «остальной» мир;*** P31: ***Не совсем так. Америка постоянно опасалась войны с СССР, так как это была единственная страна, которая могла оказать реальную угрозу США. На данный момент Россия не имеет такого авторитета в мире*** (скрытая аргументация через расширение объема понятия с опорой на первое утверждение).

Ответы, попавшие в данную группу, представляют особый интерес, поскольку, выражая согласие по форме, они являются отрицаниями по содержанию. Видимая неуверенность в своем мнении, видимое согласие, представленное через совокупность вводных слов и словосочетаний со значением неуверенности, предположительности, сомнения и т.д. (***в какой-то степени, вероятно, не совсем так, пожалуй, да но*** и др.) может рассматриваться как особая речевая (коммуникативная) стратегия, призванная смягчить возможную негативную реакцию собеседника на интерпретацию его высказывания.

Респонденты данной группы частично несут в своих высказываниях «следы» тоталитарного сознания (см., например, анкеты Р29, Р31), однако в целом их суждения аргументированны и самостоятельны.

3) 6% опрошенных полностью согласились с мнением автора, например: Р27: *Согласна, так как данное утверждение совпадает с личным и др.*

2. Результаты интерпретации респондентами фрагмента 2, содержащего три суждения: а) *Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их некому...* б) *Россия слабеет, Россия не в счет.* в) *Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза*), представлены в диаграмме 4 и табл. к диаграммам 3, 4 приложения II.

В ходе обработки мнения респондентов также были обобщены в виде трех высказываний: 1) не согласен (не согласна); 2) не совсем согласен (не совсем согласна) и 3) согласен (согласна) (см. диаграмму 4 приложения II).

1) По данным анализа, 80 % респондентов **не согласились** с мнением автора высказывания о том, что:

➤ В отсутствие Советского Союза никто в мире не может противостоять Америке: Р1: *Несогласная. Верю в Россию. И на мой взгляд влияние перераспределяется, т. е. «Ковбойские наскоки» уже не актуальны*; Р9: *Советский Союз тут вообще ни причем. Это исключительно Американское дело*; Р29: *Во-первых, Россия не ослаблена на столько, чтобы в случае опасности за себя не постоять, во-вторых, в интересах всего мира, а не только России, будет при необходимости, что сделать, чтобы «остановить Америку».* *Россия не панацея от панамериканцев*; Р28: *Урок не только в этом отношении, хотя не считаю, что СССР останавливал все «индейские наскоки»*; Р30: *Я считаю, что на всякую силу найдется еще большая сила. Америка править миром не будет, и ей уже об этом намекнули. Что касается России, то Россия ленива, а Советский Союз не был идеальным*;

➤ Россия слабеет, и с ней никто в мире не считается: P15: *Россия в счет: это всего лишь урок. Отношения с бывшими государствами хоть и не теплые, но нормальные;* P23: **Нет, не согласна. Считаю, что Россия потенциально сильная страна и имеет большой авторитет на международной арене;** P35: *Россия не ослаблена, а просто «не в счет». Россия выпала из времени, из синхронного мирового ритма;* P29: *Во-первых, Россия не ослаблена на столько, чтобы в случае опасности за себя не постоять, во-вторых, в интересах всего мира, а не только России, будет при необходимости, что сделать, «остановить Америку». Россия не панацея от панамериканцев;*

➤ Нынешняя ситуация – это результат развала Советского Союза: P7: **Не согласна.** *Мне кажется правильным, что СССР распались. Конечно же, сразу наладиться все не может, на то нужно время;* P10: **Нет, не развал СССР виноват, а отношение сверхдержав к проблеме;** P18: **Не согласна.** *Мне кажется, что при СССР республики не имели таких возможностей, как сейчас;* P31: **Я не понимаю** в чем вопрос. *Россия ослабла не из-за развала СССР, а из-за не совсем умелой политики начального периода становления политики в России. За последние 10-лет распалось много стран (Югославия, Чехословакия...) и каждая из них развиваются, а некоторые процветают по-своему, не копируя чью-то политику. Вот в чем развал...*

➤ Несогласие по сути высказывания: P12: *Россия слаба не из-за развала Советского Союза, а по другим причинам;* P35: **Россия не ослаблена, а просто «не в счет».** *Россия выпала из времени, из синхронного мирового ритма;* P25: **Не согласна** потому, что есть и другие уроны от распада СССР.

➤ Характерной особенностью аргументативной системы авторов данных высказываний является полемический задор, увлеченность процессом контраргументации, экспрессивной формы выражения своих мыслей.

➤ Анализируемый фрагмент текста ЛИ, актуализирующий сразу несколько идеологам («Советский Союз – сверхдержава», «Развал Советского Союза способствовал ослаблению России», «США – мировое зло»), отличается высокой степенью экспрессивности за счет использования столь характерной для стилистики оппозиционных изданий [Какорина, 1996] (см. также гл. 3 данного исследования) эмоционально-оценочной лексики, передающей негативное отношение автора к описываемому, ср.: *нахлабается*⁴⁶, *ковбойские наскоки*⁴⁷, *жестокый урок, уничтожение, развал*.

➤ Реакцию респондентов на актуализированное через стилистическую окраску текста раздражение автора, выразившееся в оценочном, идеологизированном характере высказывания, содержат следующие выражения, тоже экспрессивные по своему характеру⁴⁸: P11: *Вечные шовинистские комплексы, капали с дешевой ностальгией и политической аффектацией. Не согласен*; P27: *Нет. Слишком самоуверенное и критичное замечание*.

Таким образом, большая часть респондентов, принимавших участие в интерпретации фрагмента 2, не только не актуализирует в своих высказываниях идеологемы, характерные для носителей тоталитарного типа сознания, отраженные в текстах ЛИ, но и решительно, через систему контраргументов, их отвергает, иногда в резкой форме, передающей эмоции раздражения, досады, нетерпимости (ср., например, P31; P11 и др.).

2) 11 % респондентов выразили частичное согласие, скрывающее за формой согласия альтернативный вариант ответа:

➤ Россия слабеет, и с ней никто в мире не считается: P14: *Я считаю, что это утверждение не совсем верно. Да, Россия ослаблена, но у нее огромный потенциал. Развалить такую державу невозможно*; P19: *Воз-*

⁴⁶ Нахлабаться – «простор. перен. Натерпеться чего.-л. неприятного, тяжелого» [Словарь русского языка, 1981-1984]

⁴⁷ Наскок – «4. Перен. Разг. Резкий необоснованный выпад против кого-н.» [Ожегов, 1986].

⁴⁸ Видимо, здесь представлен результат «перенесенной агрессии» – от автора к интерпретатору [Михальская, 1998].

можно, Россия еще восстановит свои силы, если захочет; P8: Россия еще поднимется, может быть;

➤ В отсутствие Советского Союза никто в мире не может противостоять Америке: Возможно и так. Но, по-моему, сейчас в Европе, а тем более в России, царят антиамериканские настроения.

3) 9% респондентов согласились с мнением автора ЛИ:

➤ В отсутствие Советского Союза никто в мире не может противостоять Америке: P26: Россия, скорее всего, к сожалению, действительно не в счет. Но есть другие;

➤ Россия слабеет, и с ней никто в мире не считается: P5: Да, Россия еще долго будет не в счет. Восток слишком слаб, Европа согласна с политикой США и у Европы нет вооруженных сил; P3: Но это к лучшему. Россия еще будет сильным демократическим государством.

3. Результаты интерпретации респондентами фрагмента 3 (...*Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов...*) представлены в диаграмме 5, а также в табл. к диаграммам 5, 6 приложения II.

Мнения респондентов были обобщены в виде трех высказываний: 1) не согласен (не согласна); 2) не совсем согласен (не совсем согласна) и 3) согласен (согласна) (см. диаграмму 5 приложения II).

1) С мнением автора о том, что операция террористов была тщательно подготовлена, согласились 66 % респондентов:

P1: *Да. Все было хорошо организовано; P5: История говорит, что ДА! Что-то сумели, что-то подготовили; P13: Да. Очевидно, что подготовка операции длилась не один день, у захватчиков была четкая цель, которой они достигли, продумав все до последней мелочи; 14: Да, спору нет; P15: Да. Подготовлено и продумано; P13: Да. Очевидно, что подготовка операции длилась не один день, у захватчиков была четкая цель, которой они достиг-*

ли, продумав все до последней мелочи; P14: *Да, спору нет*; P15: *Да. Подготовлено и продуманно*; P25: *Согласна. Это факт, они смогли подготовить заговор* и др.

➤ В основном данные высказывания представляют собой констатацию факта и не содержат положительной оценки, за исключением интерпретации P19: *Согласен, потому, что хотел этого и верил в это*.

➤ В целом ряде высказываний этой группы согласие сопровождается комментарием, содержащим либо осуждение террористов, либо вопрос, связанный с терактом, либо упрек в адрес властей за бездействие, ср.: P6: *Сумели, и что? В Москве террористы тоже сумели подготовиться*; P7: *Согласна. Они бесстрашны, т. к. религиозные фанаты*; P10: *Да, если их никто не собирается атаковать или пресекать их действия. (Касается США)*; P11: *Согласен. Менеджмент гениальный, хотя и цель не очень...*; P29: *Согласна, что великая держава оказалась бессильна предотвратить что-либо. Но можно ли это считать возмездием?*

2) 27 % респондентов выразили свое **несогласие** с автором, причем в данных суждениях содержится осуждение авторской позиции:

P24: *Слово «бесстрашно» в этом контексте не уместно (Речь все же идет о террористах, а не о героях)*; P28: *Любая держава на данный момент под угрозой. «Возмездие» террористов понятие очень сложное и не объяснимое*; P31: *Невозможно подготовить эти теракты, чтобы об этом не было известно спецслужбам (ЦРУ, ФСБ и т. д.), значит, кому-то это было выгодно. «Бесстрашно» - дураков-камикадзе можно найти везде, и здесь нечем восхищаться* и др.; P35: *Великая держава оказалась перед силой безумия, а не возмездия, как выяснилось, бессильной*.

3) 7 % выразили неполное согласие:

P20: *Скорее согласна. Но это даже не заговор, а просто «текучка», последовательное поражение*; P23: *Не совсем так*.

Суть «спора», который респонденты, интерпретируя предложенный фрагмент, заочно ведут с автором, становится понятной в связи с воссозданной в **главе 4** моделью мира читателей ЛИ, согласно которой террористы, на основании узкой идеологической общности (как борцы с империализмом) неожиданно, начинают ассоциироваться с кругом «своих» (см. **табл. 16** и схему на **рис. 4.13** в гл. 4).

В п. 3.2.1 указывалось, что в текстах ЛИ авторы, характеризуя действия террористов, оценивают их положительно, о чем свидетельствуют положительно окрашенная лексика, восклицательные конструкции, эллиптированные предложения, эпитеты и пр., ср.: *Атака с воздуха была организована и проведена в высшей степени на необъяснимо высоком уровне. Фантастическом уровне! Почти одновременно захватить четыре самолета..., направить лайнеры на небоскребы, точно вырлуть на Пентагон, да еще подготовить несколько взрывов на улицах городов – ну знаете ли!* (Атака на Америку, «Правда», 13.09.01); *Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов* (Трагедия силы, «Советская Россия», 13.09.01). Данные фрагменты довольно откровенно характеризуют истинные чувства пишущего – изумление, удивление на грани восторга, не разделяемые и осуждаемые некоторыми респондентами, ср.: P24: *Слово «бесстрашно» в этом контексте не уместно (Речь все же идет о террористах, а не о героях); дураков-камикадзе можно найти везде, и здесь нечем восхищаться.*

Для того чтобы выяснить отношение респондентов в целом к концепту ТЕРРОРИСТ, мы, в ходе опросов серии 4, задали опрашиваемым вопрос: Как Вы считаете, кто виноват в гибели заложников?⁴⁹

Ответы респондентов обобщены в **диаграмме 9** и табл. к **диаграммам 9 и 10 приложения II**.

⁴⁹ Речь идет о теракте на Дубровке в Москве 2002 г.

Среди виновников теракта были названы *руководители спецоперации* (15%); *правительство, власть, политика* (12%); *правоохранительные органы* (5%); *спецназ, спасатели* (5%); *спецслужбы, система безопасности* (3%); *обстоятельства* (7%); *никто* (5%); *все вместе* (2%); *судьба* (2%); *Ельцин и Путин* (см. диаграмму 9 и табл. к диаграммам 9-10). В то же время около 30% опрошенных (см. диаграмму 9) всю вину за совершение теракта на Дубровке возложили на террористов, ср.: P94: *Как кто? Террористы. Терроризм как таковой даже*; P117: *Только террористы и Ельцин, который помогал террористам*; P161: *Только террористы*; P167: *Чеченцы*; P181: *Басаев*; P185: *Этот фанатизм не поддается разумному ответу*; P189: *Международный терроризм*; P197: *Террористы! И только они*; P211: *Логично, что террористы*; P225: *Террористы, т.к. по-моему они начинали этот теракт с одной целью взбудоражить всю Россию, поднять панику среди населения*; P231: *Люди, захватившие «Норд-Ост»* и др.

Таким образом, участники опроса не разделяют мнение ЛИ о террористах и не включают их в «свой» круг, как это характерно для ЛИ.

4. В данном разделе представлен языковой материал, отражающий рефлексии респондентов по поводу интерпретации фрагмента 4 (*США стали жертвой самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам*), на основе которого предполагалось выяснить, совпадает ли негативное отношение к США, характерное для ЛИ, с мнением респондентов.

Как и в предыдущих случаях, мнения разделились: 1) согласен (согласна), не совсем согласен (не совсем согласна), 3) не согласен (не согласно).

1) Около 60% отвечавших согласились с мнением автора о том, что:

➤ самоуверенное и высокомерное отношение Америки к другим народам стало причиной теракта:

P3: *Согласен, т. к. их политика способствовала этому*; P5: *В частности к Востоку. Восток – дело тонкое. Не нужно янки туда со своими уставами*; P35: *Да, особенно по отношению к странам Востока*; P6: *Верно в следующем контексте: Просто мир поделен неровно: богатых слишком мало, а бедных слишком много. «Злые бедные» перестают ценить что-либо, даже свою собственную жизнь*; P8: *Да, почти весь мир ненавидит Америку*; P14: *Абсолютно согласна*; P2: *Согласна, т. к. именно так все и происходит*; P12: *Я согласна с этим. Почему? Да потому, что так оно и есть.*

Полагаем, что сознание авторов данных высказываний в большей мере отразило влияние устойчивых стереотипов, в том числе и тоталитарных (например, P14; P8), о чем свидетельствует как характер высказываний, так и отбор лексики для выражения своей позиции.

➤ В то же время часть респондентов, соглашаясь с мнением автора в целом, дополняет его новыми смыслами, связанными с эмоциями, испытанными в момент теракта в связи с гибелью большого числа людей, например: P10: *Согласен, так оно и есть, вот только сочувствую мирным американским гражданам, не разделяющим позицию их президентов*; P23: *Я согласна, хотя простые обыватели, на мой взгляд здесь не причем.*

Содержание данных фрагментов также находит отклик в ЛИ, для которых характерна актуализация противопоставления *американцы* как власть и *простые американцы*, (ср. фрагменты текстов ЛИ: *Стремление Вашингтона к мировому господству очень дорого обходится простым американцам; Бесконечно жаль простых американцев* и под.). В то же время штампу *простые американцы* респонденты противопоставляют сочетания *мирные американские граждане, простые обыватели* и т.д. Таким образом, стереотип сознания, активизируясь на уровне смысла, не всегда поддерживается на уровне его выражения.

На наш взгляд, такое отражение устойчивого стереотипа, особенно негативного отношения к США и странам Запада, выходит за пределы идеологической составляющей в сферу массового сознания, для которого, по мнению специалистов, регулярно анализирующих общественное мнение при помощи социологических опросов, характерно, например, негативное отношение к политике, проводимой государством, и подчеркнутая неприязнь к меркантильному Западу, с одной стороны, и позитивное отношение к народам, эти государства населяющим, с другой [Мир глазами россиян, 2003, с. 84]. Что же касается США, то их отношение к странам Ближнего Востока, особенно Ираку и Ирану, выразившееся в «делении «мирового стада» на черных и белых овец», оказывается «в поле сильной общественной неприязни» [Там же, с. 87], что находит отражение в высказываниях некоторых респондентов, избравших точкой сближения своей позиции с авторской именно характер взаимоотношений США с другими странами, ср.:

P13: *Да, по-моему США считает себя сверхдержавой. Даже после 11 сентября они предложили всем странам выбор: либо вы с нами, либо вы против нас;* P21: *Я считаю это **высказывание справедливым**, поскольку считаю США чересчур амбициозной страной. Новые сверхдержавы – это не то, что сейчас нужно миру;* P25: ***Согласна**, потому, что США всегда себе позволяли не считаться с мнением мира, как большинство стран ООН;* P30: ***Безусловно**, слишком близко подлетели к солнцу, вот и подпалили свои крылья.*

2) 27% респондентов не полностью разделили мнение автора о том, что:

➤ самоуверенное и высокомерное отношение Америки к другим народам стало причиной теракта: P1: *С этим суждением в какой-то степени согласна;* P19: *Отчасти;* P31: *Возможно.*

Часть высказываний содержит акцент на отдельных аспектах обсуждаемой проблемы, чем и обусловлен характер частичного согласия (согласие в деталях, но не в целом), например: P7: ***Отчасти согласна. США любит диктовать свои правила. (Сейчас пример - Ирак)***; P20: ***Скорее да. Монополисты вообще редко принимают во внимание интересы других***; P26: ***Да, возможно им решили отомстить***; P9: ***Может быть, но не только. США – все-таки жертва***; P15: ***Возможно, но эта идея характерна для самой культуры США: сделай себя сам***; P15: ***Возможно, но эта идея характерна для самой культуры США: сделай себя сам.***

3) Около 13% респондентов не согласились с мнением авторов, демонстрируя в своих высказываниях неприятие как авторской позиции в целом (часто через ее осуждение), так и некоторых ее аспектов, например:

P27: ***Нет, не согласна, т. к. в этом утверждении дана резкая оценка всех людей, живущих на территории США, хотя большинство жителей США не имеют никакого отношения к теракту***; P28: ***«Самоуверенность и высокомерие» присуще США, но в этом ее сила***; P29: ***Не согласна. Скорее США стали жертвой своей агрессивной и не в меру экстенсивной политики. Такими абстрактными понятиями как «самоуверенность», «высокомерие» нельзя мотивировать конкурентные политические действия целой страны.***

Таким образом, подводя итоги анализа высказываний-интерпретаций респондентов по поводу речевых действий автора ЛИ, можно констатировать, что:

1) тексты респондентов являются ценным источником, на основании которого можно судить об особенностях языковой личности и языкового сознания респондентов (особенностях его концептуальной организации), со-

циально-политических и общекультурных установках, традициях и т.п.; языковых и стилистических пристрастиях;

2) характер интерпретаций потенциальными читателями речевых действий авторов газетных СМИ носит активный, деятельностный характер;

3) респонденты по-разному интерпретируют предложенные высказывания, опираясь на особенности своей конфетосферы, включающей разнообразный человеческий и языковой опыт;

4) в случае несогласия с позицией автора в качестве аргументов используется продуманная аргументация, отражающая устойчивость концептуальных связей в сознании респондента, ассоциирующего себя с какой-либо социально-политической общностью, интересы которой совпадают с его интересами, и отсеивающего то, что этой концептуальной системе не соответствует;

5) частичное согласие респондентов по своей сути представляет особую тактику ответа, при которой согласие по форме нейтрализуется отрицанием по содержанию. Респонденты данной группы частично несут в своих высказываниях «следы» тоталитарного сознания (см., например, анкеты P29, P31), однако в целом их суждения аргументированны и самостоятельны;

6) в целом языковое сознание респондентов предстает как свободное от тоталитарных стереотипов, что, на наш взгляд, подтверждает мнение о том, что тоталитарный дискурс, столь характерный для советского общества, постепенно теряет свои позиции и сменяется дискурсом плюралистическим [Стернин, 1998];

7) анализ данных опросов и результатов лингвистического анализа текстов разноориентированных СМИ позволяет утверждать, что тексты СМИ (как концептуально, так и через систему стилистически отмеченных языковых средств) настроены на фактор «своего» адресата, что позволяет сделать

взаимодействие коммуникантов в СМК оптимальным и комфортным для адресата.

ВЫВОДЫ

➤ Представленный в данной главе сопоставительный анализ текстов одной тематики и результатов интерпретативной деятельности респондентов по освоению вербального факта в ходе лингвистического эксперимента позволил выявить факторы, детерминирующие процесс когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов через текст в современных СМИ и обуславливающие согласованность параметров коммуникации в изучаемой сфере.

➤ К факторам, детерминирующим когнитивно-речевое взаимодействие, относятся:

1) репрезентация в текстах СМИ системы *стереотипов массового (общественного) сознания*, включенных в круг привычных ассоциаций, достаточно устойчивых независимо от характера интерпретируемого события, которые будут разными в зависимости от того, на какую аудиторию ориентирован газетно-публицистический текст;

2) представление в текстах *фрагментов тезаурусов* языковых личностей автора и адресата, организуемых на основе ассоциативно-смысловых полей, группируемых вокруг *событийных концептов*, определяющих круг привычных для «своего» читателя ассоциаций;

3) использование системы *узואльно-стилевых средств*, позволяющих авторам публикаций через языковые приемы выразительности, через стилистическую окраску языковых единиц и стилистическую тональность публикации в целом оставаться в привычной для своего читателя языковой и смысловой парадигме независимо от тематики и особенностей отображаемого

события. Все перечисленные факторы выступают как *внутренние детерминанты* когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в изучаемой сфере.

➤ Реконструкция тезауруса предстает как *способ репрезентации внутренней когнитивной структуры публицистического текста*; выявленные различия в представленных фрагментах тезаурусов разноориентированных газетно-публицистических изданий чрезвычайно важны при описании антропотекстов с позиций отраженного адресата. Именно различия в ассоциативно-вербальной сети фрагментов тезаурусов разнонаправленных изданий представляют собой области пересечения языковых личностей автора и «своего» читателя.

➤ Фрагменты языковой рефлексии респондентов, полученные в ходе лингвистического эксперимента, являются ценным источником, на основании которого можно судить об особенностях языковой личности и языкового сознания читателей СМИ (особенностях их концептуальной организации), социально-политических и общекультурных установках, традициях и т.п.; языковых и стилистических пристрастиях; интерпретации потенциальными читателями СМИ речевых действий адресата носят активный, деятельностный характер; респонденты по-разному интерпретируют предложенные высказывания, опираясь на особенности своей конфептосферы, включающей разнообразный социальный и языковой опыт.

➤ Адресат не только активно интерпретирует речевые (и неречевые) действия говорящего, но и дает им социальную оценку с учетом всей совокупности признаков, которые характеризуют его как языковую личность, включая и базовые, инвариантные, и переменные ее составляющие.

➤ Согласованность параметров взаимодействия автора и адресата в сфере массовой газетной коммуникации является одним из важных условий ее эффективности. При этом в сфере массовой коммуникации **адресная обу-**

словленность осуществляется через *совпадение* или *близость ментальных, концептуальных, когнитивных, лингвостилистических систем автора и адресата*, отраженных в тексте. Приоритетность точки зрения адресата при интерпретации события предполагает учет автором публицистического текста идеологических установок и политических пристрастий адресата, его идеалов, ценностей.

ГЛАВА 4
ТЕКСТЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ СТИХИИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА)

В данной главе на основе анализа текстов газетных СМИ разной социально-политической направленности представлена модель описания коммуникативно-речевого и лингвокогнитивного взаимодействия через текст языковых личностей автора и адресата во сфере массовой газетной коммуникации с учетом тех факторов, которые позволяют рассматривать тексты современных газетных СМИ как национальный поток сознания современного человека, как *ментально-языковое пространство*, в котором пересекаются, взаимодействуют фрагменты национальной картины мира, отраженные языковым сознанием автора и адресата.

Общая стратегическая цель данной главы состоит в том, чтобы ответить на вопрос, как фрагменты модели мира автора газетно-публицистического текста, ориентированного на «своего» адресата, соотносятся с аналогичными фрагментами модели мира читателя современных газетных СМИ. Реализация данной цели предполагает решение комплекса задач, направленных на выделение из текстов особых лингвокогнитивных структур, благодаря которым текст (стоящий за ним автор) и адресат массовой коммуникации «настраиваются» друг на друга.

Постановка комплексных задач исследования предполагает использование *комплексной методики анализа*, разработанной автором как на материале текстов СМИ, посвященных одной тематике [2000; 2002; 2003; 2003б и

др.], так и через анализ текстов, ставших предметом судебного разбирательства [Чернышова, 2000а; 2002а; 2002в]⁵⁰.

4.1. Общетеоретические предпосылки комплексного подхода к анализу языкового материала

Известно, что структура текста состоит из языковых элементов разного типа, принципиально отличающихся друг от друга и друг от друга не зависимых. Одни лежат в плане содержания и, составляя логическую основу текста, соотносят его с действительностью. Другие (их чаще всего называют стилеобразующими) составляют план выражения и соотносят текст с адресатом, воспринимающим. По замечанию В.В. Одинцова, «лингвостилистический анализ обычно ограничивается стилеобразующими элементами (стилистически окрашенными языковыми средствами), а о содержании говорится постольку, поскольку слова не могут не выразить смысл» [Одинцов, 1980, с. 53-55].

⁵⁰ При разработке комплексной методики анализа текста автор также опирался на данные методики разноуровневого анализа текста, принятой в практике литературного редактирования. Литературное редактирование рассматривает текст как сложное образование, состоящее из нескольких уровней (или слоев). Во-первых, текст – это запечатленная речь, выраженная языковыми средствами, поэтому он состоит из единиц речи: слов, словосочетаний, предложений и т.д., в которых слова и предложения связаны между собой синтаксически. Во-вторых, текст – это запечатленная мысль, состоящая из единиц мышления (логических единиц): понятий, суждений, умозаключений и их систем, связанных логическими отношениями. В-третьих, речь – это композиционное целое, в котором единицы связаны между собой композиционными, структурно-логическими отношениями. В-четвертых, – рубрикационно-графически оформленное единство, состоящее из абзацев, параграфов, глав, частей и т.п. [Мильчин, 1980, с. 37]. При этом все структурные и смысловые единицы текста тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Эта взаимосвязь и взаимозависимость определяют структуру и схему редакторского анализа. Он протекает по единицам текста разного уровня таким образом, что анализируемая единица постоянно соотносится с другими как в плане выражения, так и в плане содержания. Использование методики разноуровневого редакторского анализа, например, в практике юрислингвистической экспертизы позволяет не только глубоко понять текст (то есть определить авторский замысел и авторские намерения), не только установить в тексте смысловые и логические связи, определить особенности стиля автора, но также установить его коммуникативную стратегию – глобальные коммуникативные функции высказывания [Чернышова, 2002в].

4.1.1. Стилистический и смысловой виды анализа текстов СМИ как основа методики комплексного лингвистического анализа

В основе комплексного анализа, представленного в работе, лежит *стилистический анализ текста* (В.В. Одинцов), основная цель которого – привести исследователя к полному и глубокому **пониманию основной мысли текста, главной идеи речевого произведения**. Исходя из этого, стилистический анализ должен выявить характер «оформленности содержания», т.е. выявить структуру текста. Последнее, в свою очередь, предопределяет и методику стилистического анализа: он должен направляться не только и не столько на языковые факты, сколько на **способы их организации, их связи и соотношенности**. Исследователю необходимо также учитывать разнофункциональность применения стилистического анализа: в аспекте стилистики языка он должен ответить на вопрос – **из чего** сделан текст, в аспекте стилистики речи – **как сделан** текст. Таким образом, в предлагаемых аспектах неизбежно встает **вопрос о функциях и функционировании языковых средств текста с учетом выражаемого содержания и целевой установки**. Наконец, полное понимание текста предполагает понимание того, «почему в данном случае употреблено именно такое слово, именно такой оборот или синтаксическая конструкция, а не другая; почему для выражения данной мысли в данных условиях необходимы именно эти языковые средства, именно такая их организация» [Там же, с. 35-37]. Таким образом, в сферу стилистического анализа текста попадает не только план его выражения, но и план содержания, требующие отдельного самостоятельного рассмотрения.

Проблемам анализа смысла, смысловой структуры текста, выявлению ее элементов посвящены исследования Л.А. Черняховской, Л.А. Ноздриной, М.Я. Дымарского и др. [Черняховская, 1983; Ноздрина, 1997; Дымарский, 2001]. Исследователи в частности в качестве одной из задач описания смы-

словой структуры текста называет не столько обнаружение множественных смысловых связей, пронизывающих текст, сколько выявление входящих в нее элементов [Дымарский, 2001, с. 95].

Соотношение мыслительного и языкового в высказывании (речи, тексте), т.е., в широком смысле, соотношение между формой языка и его содержанием считается одним из кардинальных противоречий языка [Серебrennikov, 1988, с. 213], получившим название «асимметричного дуализма языкового знака». Говоря о нетождественности мыслительного и языкового содержания, исследователи указывают, что «мыслительное и языковое содержание, не будучи тождественными, образуют единство», поскольку «языковое (семантическое) содержание есть мыслительное (понятийное, смысловое) в своей основе содержание», выраженное средствами данного языка, включенное в его систему и образующее его содержательную сторону, социально объективированное в данном языковом коллективе и т.п. [Бондарко, 1978, с. 5].

Особенно ярко это единство проявляется в тексте – наиболее высоком уровне реализации речевого потока [Дридзе, 1976, с. 34], где план содержания (семантическое целое как речевая реализация языковых значений, выраженных языковыми средствами) соотносится с планом его выражения (языковыми средствами, «экспонентами которых являются звуковые или графические цепочки» [Бондарко, 1978, с. 95]). Речевой смысл при этом понимается как «та информация, которая передается говорящим и воспринимается слушающим на основе содержания, выражаемого языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных в данных условиях речи элементов опыта и знаний говорящего и слушающего» [Там же, с. 96].

В то же время, по замечанию А.В. Бондарко, «анализ более крупных и сложных единств связан с особыми задачами, в частности с широким выхо-

дом в стилистику. Это особый этап анализа, очевидно, требующий такой системы понятий, которая соотносилась бы с анализом «простых высказываний, но вместе с тем отражала бы специфику специальной проблематики текста и смысла за пределами высказывания-предложения» [Там же]. Данная мысль представляется нам чрезвычайно интересной, так как именно стилистический аспект анализа текста (из чего и как сделан текст [Одинцов, 1980, с. 37]) непосредственно связан с личностью пишущего, осуществляющего узуально-стилевой отбор языковых средств с целью создания высказывания (текста).

Таким образом, в настоящее время уже не вызывает сомнения тот факт, что современная стилистика является наукой о функционировании языка [Стилистика русского языка..., 1987, с. 16], что «языковое употребление не может быть изучено в полном отвлечении от тех, кто употребляет язык», а «стилистический анализ без функционально-целевого комментария, ограниченный рамками констатации результата языкового отбора, остается неполным» [Там же, с. 17].

Прежде чем перейти к представлению методики анализа, необходимо определить несколько понятий, актуальных для изучаемой темы: *смысл текста, план содержания текста, коннотативный компонент плана содержания текста и аффективный (эмоционально-экспрессивный) компонент смысла.*

Смыслом текста, вслед за А.В. Бондарко, будем считать информацию, вытекающую из плана содержания текста [Бондарко, 1978, с. 100]⁵¹. Между смыслом текста и планом содержания текста нет обязательной изоморфности и обязательной идентичности: «план содержания текста структурирован лингвистически», а «смысл текста структурирован понятийно» [Там же, с. 100]. Кроме того, план содержания характеризуется признаком *избыточности*, в то

⁵¹ Ср. мнение исследователей, согласно которому смысл текста – это то, что передается и понимается в сообщении «как социально значимая информация и что при приеме сообщения должно быть понято однозначно» [Андреев, Хромов, 1991, с. 51]

время как «в структуру смысла входят лишь те элементы плана содержания текста, которые являются информативно значимыми, т.е. вносят нечто новое в передаваемую и воспринимаемую информацию» [Бондарко, 1978, с. 103].

Коннотативные значения, или стилистические оттенки – экспрессивные, эмоциональные, образные, входят в план содержания текста наряду с денотативными и являются источником аффективного (эмоционально-экспрессивного) компонента смысла текста. «Аффективный компонент смысла – это целостный информационный результат, к которому приводит взаимодействие коннотативных элементов плана содержания текста» [Там же, с. 106]. Таким образом, эмоционально-экспрессивные компоненты непосредственно входят в смысл текста и могут быть, соответственно, извлечены из него в процессе смыслового анализа.

Коннотация как сопутствующие семантические и стилистические оттенки слова, которые накладываются на его основное значение и «служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов», могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность» [Ахманова, 1969, с. 203]. Она рассматривается в современных исследованиях как «коннотативный канал информации», через который при помощи языка передается информация 1) о мире (типологических характеристиках человека, включая социально-психологические, профессиональные его особенности и эмоциональное состояние); 2) о составляющих акта коммуникации (канал связи, отношения отправителя и получателя, тема сообщения); 3) о языке (языковой норме, отклонениях от нее и характере отклонений) и 4) о текстах (интертекстуальных знаках) [Ревзина, 2004, с. 11-20].

Исследователи отмечают, что данная информация касается не только осознанных сторон человеческой деятельности в процессе коммуникации, но и тех проявлений личности человека (как автора, так и адресата), которые им

не осознаются: «Ключи к бессознательной информации дают и наблюдения за особенностями употребления самой естественной для человека информационной системы – языка, – и, в частности, как раз тех сторон употребления языка, которыми ведает стилистика» [Л.Б. Лебедева, 1999, с. 139]. Элемент бессознательного можно обнаружить в выборе языковых средств и в тех моделях их употребления, которыми люди пользуются для эстетической организации словесных произведений; в индивидуальном стиле «через неосознанный выбор языковых средств находит выражение прежде всего информация о неосознанной модели мира человека и о способах восприятия им действительности». По мнению Л.Б. Лебедевой, это касается и информации, имеющей высокую эмоциональную значимость, в силу чего она может воздействовать на поведение и даже психическое и физическое здоровье человека (и общества в целом). Такая информация может быть как положительной, так и отрицательной [Там же, с. 140]. Очевидно, что наличие такой бессознательно передаваемой информации, особенно в сфере массовой коммуникации, может влиять на результаты коммуникации в СМИ, поскольку «значительные расхождения в восприятии мира могут даже создавать проблемы в понимании между людьми, говорящими как будто на одном и том же языке» [Там же, с. 139].

Таким образом, включение в методику комплексного анализа языкового материала наряду со стилистическим приемов смыслового анализа текста представляется не только уместным, но и необходимым.

Мыслительное содержание, т.е. денотативные и коннотативные значения (в данном исследовании – конкретный смысл того или иного высказывания) «наиболее ясно выступает при перефразировании...» [Бондарко, 1978, с. 4]. Перефразирование (или перевод мыслей автора «на свой язык») – важный этап восприятия авторского смысла в процессе декодирования. При этом воспринимаемый текст может сокращаться, «конденсироваться» [Там же, с.

105] или «свертываться» до размеров минимального авторского смысла с целью выявления конкретного смысла высказывания – в том числе и аффективного. Свертывание⁵² (сжатие, компрессия) текста возможны, поскольку любая речь избыточна⁵³. Процедура выделения смысла из текста может осуществляться различными способами: например, путем выделения из текста *лого-фактологической* цепочки [Дридзе, 1976а, с. 48–55]; *доминанты* как основного смыслового содержания текста на основе интерпретации *ключевых слов* и составляющих их *смысловых рядов* (методика дифференциального алгоритма чтения [Андреев, Хромов, 1991]) (см. также: [Мурзин, Штерн, 1991]).

Свертывание текста на основе перефразирования с целью глубокого проникновения в смысловое содержание текста представляется нам наиболее эффективной методикой в аспекте стилистического анализа текста, поскольку при этом смысловое ядро текста сохраняет не только денотативные, но, как было указано ранее, и коннотативные элементы, то есть позволяет рассматривать аффективные компоненты смысла в контексте смысла всего текста в целом, и, следовательно, достаточно достоверно определять наличие или отсутствие в авторском замысле элементов имплицитного смысла (речевая агрессия, скрытая реклама и т.п.). Под *имплицитными* элементами плана содержания текста, вслед за А.В. Бондарко, мы понимаем семантические элементы, не выраженные прямо, а вытекающие из эксплицитно выраженных семантических элементов, из их соотношения и взаимодействия [Бондарко, 1978, с. 105]. В данном исследовании прием свертывания использован как *первоначальный прием смыслового анализа текста*, а смысловой анализ текста – как необходимый этап стилистического анализа в целом.

⁵² Ср., также: Свертывание – «сведение развернутой синтаксической конструкции к ядерной структуре» [Ахманова, 1969, с. 394].

⁵³ По данным современной структурной лингвистики, все тексты, а особенно публицистические, основной функцией которых является воздействие) избыточны. Избыточность достигает 75 % [Андреев, Хромов,

4.1.2. Интерпретационная составляющая комплексного лингвистического анализа

Другим аспектом комплексного лингвистического анализа является его интерпретационный аспект⁵⁴, или иначе – *интерпретативный подход*, который предполагает «взгляд на строение дискурса глазами «потребителя» – интерпретатора» [Демьянков, 2003, с. 116].

Понимание текста невозможно без его интерпретации. Интерпретация в филологии, затрагивает две стороны: понять самому и объяснить или обосновать это понимание другим [Демьянков, 2001, с. 309]. Использование интерпретационных методов в комплексном лингвистическом анализе позволяет лингвисту не только понять текст (т.е. глубоко проникнуть в его смысл), но и сделать предположение относительно смысловой (а через него – и когнитивной) направленности публицистического текста, ориентированного, как было показано ранее, на фигуру «своего» потенциального читателя.

Таким образом, *интерпретация* – необходимый и закономерный этап комплексного лингвистического анализа, используемого в ходе изучения лингвокогнитивной направленности газетно-публицистических текстов. Ее использование наиболее эффективно в тех случаях, когда необходимо выявить имплицитные компоненты плана содержания анализируемого текста. По замечанию исследователей, случаи, когда в тексте обнаруживается недосказанность или избыточность, являются «пиком полезности интерпретирующего подхода, звездным часом интерпретациониста» [Демьянков, 2001, с. 311].

Интерпретация понимается нами как операция, направленная на истолкование слов, знаков, жестов (в нашем случае, *ключевых слов* как опорных

1991, с. 35] и создается за счет эмоционально-риторических структур, соотносящих текст как с автором, так и с адресатом, воспринимающим [Одинцов, 1980, с. 59-60].

пунктов интерпретации и *событийных концептов*). Интерпретация неразрывно связана с пониманием. «Понимание же – это представление смысла, т.е. той информации, с помощью которой выделяются денотаты. Чтобы понять текст, необходимо соответствующим образом его интерпретировать [Брандес, 1988, с. 24]. Таким образом, интерпретация – это необходимый этап представления речевого смысла высказывания (текста). Однако смысл текста относится к пласту неявного знания, это скрытый подтекст [Там же, с. 26]. Именно поэтому возможны разные интерпретации его как с позиций автора (адресанта), так и с позиций адресата (в процессе лингвистического анализа – лингвиста-исследователя).

Предполагаем, что адресат при восприятии высказывания извлекает из него тот смысл, который опирается на окружающий *контекст* – в случае интерпретации текста газетно-публицистического – не только на весь текст в целом⁵⁴, но и на *ментально-языковой*, а особенно – *социально-политический контекст*, важность которого при определении «вектора ассоциаций» интерпретируемого фрагмента текста продемонстрирована в заключительной главе при представлении событийной модели. Имеющийся у автора опыт юрислингвистической экспертизы свидетельствует о том, что интерпретация высказывания с разных позиций – адресата и адресанта – дает лингвисту-исследователю возможность выявить несколько интерпретационных рядов, на основе которых адресат (особенно в условиях массовой коммуникации) извлекает из текста тот смысл, который предназначен именно для него, поскольку в газетно-публицистических текстах преобладают средства, ориентированные на адресата речи, «своего адресата» [Шульга, 1998; Шульга, Цай,

⁵⁴ Данный аспект разрабатывался автором монографии в связи с необходимостью анализа газетно-публицистических текстов, вовлеченных в сферу судебного разбирательства [Чернышова, 2002б; 2003д].

⁵⁵ См., например, замечание исследователя о том, что при интерпретации текста необходимо опираться на первоначальное его восприятие, «которое протекает обычно произвольно, так что слова объединяются в сознании читающего как бы сами собой, помимо его намерения. Окончательное же восприятие текста устанавливается на основе известных размышлений читающего, взвешивания возможных вероятностей при выборе в качестве более правдоподобного того или иного варианта объединения слов» [Мучник, 1997, с. 6].

1999]. Причем «нужным» смыслом высказывания среди множества возможных интерпретаций оказывается тот, который поддерживается окружающим контекстом – как ближним (анализируемый фрагмент текста), так и дальним (весь текст в целом).

Извлеченные таким образом из текста гипотетические интерпретации нуждаются в верификации. «Ход понимания как процесс порождения ожиданий (гипотез) относительно дальнейшего течения интерпретируемых событий включает и понимание, и процедуру подтверждения и отклонения гипотез...поэтому, во-первых, адекватное понимание связано с распознаванием истинных иерархий в высказывании, во-вторых, по ходу общения возможно переосмысление ранее понятого (отказ от той или иной гипотезы)...; в-третьих, одни интерпретации высказывания в конкретном тексте более правдоподобны, чем другие, что свидетельствует об определенной иерархии гипотез по шкале правдоподобия и о том, что по ходу дальнейшего понимания одни из гипотез будут легче отвергнуты, чем другие» [Демьянков, 1983, с. 59].

В качестве способа верификации избранного варианта интерпретации на завершающей стадии комплексного лингвистического анализа может быть использован либо, как в случае анализа конфликтных текстов, *прием количественных подсчетов*, основанный на сопоставлении языковых единиц в исходном тексте как запечатленной речи и языковых единиц, представляющих смысловое ядро текста как запечатленной мысли [Чернышова, 2003д и др.], либо *данные опроса* респондентов в ходе лингвистического эксперимента, позволяющие внести существенные коррективы в представлении исследователя относительно особенностей функционирования того или иного лингвистического феномена (см. об этом в гл. 5).

Таким образом, интерпретационный компонент языкового значения обусловлен контекстом и обнаруживается при исследовании интенциональ-

ного содержания высказывания. В структуру интенциональности, наряду с другими компонентами, входят направление сознания на предмет; осознанность; включенность в замысел деятельности. «Интенциональность выступает своего рода звеном, связывающим данные нам в единстве восприятия и разделяемые только с целью анализа план выражения и план содержания с авторским замыслом» [Дунаев, 2001, с. 96-97]. Таким образом, интерпретационный анализ позволяет достаточно точно судить о намерениях автора текста, уровне их осознанности и, следовательно, о социально-политических пристрастиях автора публикации, относящегося к той или иной общности, интересы которой он отстаивает через газетно-публицистический текст.

Итак, комплексный анализ языкового материала в данной главе предполагает следующие этапы работы:

I. Сплошная выборка текстов одной тематики из газетно-публицистических изданий разной социально-политической направленности (список текстов прилагается).

II. *Смысловый анализ* (через прием свертывания) текстов, отобранных методом сплошной выборки из разных изданий, и создание на его основе сводных таблиц (см. **приложение IV, табл. 1-12**), содержащих основные понятия, ассоциированные с концептом ТЕРАКТ, на базе которого (анализа) была создана общая когнитивная схема интерпретируемого факта-события (см. схему).

III. Выделение на основе сводных таблиц ключевых понятий – *событийных концептов*, определяющих когнитивную структуру факта-события как факта вербального (т.е. отраженного в текстах СМИ разной психосоциальной направленности) и ассоциированных с ними понятий (ассоциатов) в текстах (см. **табл. 10–20** в данной главе).

IV. Определение на основе *интерпретационного анализа* «векторов ассоциаций», отражающих отношения между событийными концептами в разно-

ориентированных текстах и создание на их основе ассоциативных полей (см. схемы на **рис. 4.1–4.11**), позволяющих сделать предположение относительно социально-политической направленности анализируемых текстов, а также соответствующих пристрастиях стоящих за ними авторов, отражающих языковое (общественное) сознание «своей» читательской аудитории.

V. *Стилистический анализ* представленных в приложении фрагментов газетно-публицистических текстов, позволяющий, с учетом данных, отраженных в таблицах и схемах, достаточно полно судить не только о языково-стилевых пристрастиях адресатов разноориентированных газетно-публицистических изданий, но и об особенностях их языковых личностей

4.2. Концептуальная организация газетно-публицистических текстов, посвященных одному событию

Представленное в главе 3 описание лингвокогнитивного взаимодействия автора и адресата позволило предположить, что разный способ репрезентации одного и того же события в газетных СМИ обусловлен разными задачами коммуникации в разных изданиях, объединенных одной целью – найти общий язык со «своим» читателем, т.е. «преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, который свидетельствует о способности говорящего *актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего* (курсив наш. – Т.Ч.), в соответствии с ожиданиями последнего» [Винокур, 1993, с. 60-63.]

4.2.1. Структурные компоненты концептуальной организации публицистического сверткста

В качестве основной единицы, участвующей в построении когнитивной модели текста, мы, как и в ходе анализа, представленного в главах 2 и 3, использовали понятие *событийный концепт* как структурный компонент концептуальной организации текста, *который актуализируется в сознании адресата-интерпретатора в процессе концептуального освоения факта-события*, получившего в тексте статус языкового факта, и позволяет охарактеризовать те когнитивные процессы интерпретационной деятельности человека в ходе освоения им языкового факта-события через текст, которые обусловлены его психосоциальными установками, а также дискурсивными особенностями среды, которая воспринимающим индивидом оценивается как «своя». Данная мысль перекликается с мнением В.З. Демьянкова, утверждающего, что при интерпретации текста адресатом «значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» [Демьянков, 2001, с. 309]. Таким образом, осмысление информации (факта) может быть разным в различных СМИ, ориентированных на определенные психосоциальные стереотипы сознания того или иного социально-культурного сообщества.

Круг привычных ассоциаций, возникающих в сознании адресата в ходе интерпретации им реального события, вербализованного в газетно-публицистическом тексте, будем называть **ассоциативным полем событийного концепта (СК)**⁵⁶. Под *ассоциацией* будем понимать связь двух явлений, представлений, объектов – двух и более событийных концептов, по существу представляющую собой «цепочки единиц (узлов), связанных отношениями ассоциации разного типа» или причинно-следственными связями [Кубрякова, Демьянков, Панкрац...1996, с. 13-14]. Направление ассоциации, выявляющее отношение между СК (с опорой на контекст) в ассоциативном поле, будем

⁵⁶ Использование полевой методики с целью изучения тех или иных компонентов исследуемого лингвистического феномена является распространенной практикой лингвистических исследований. Ср., например, понятия лексического и семантического поля [Филлмор, 1983, с. 115; Караулов, 1987, с. 57], коммуникативно-прагматического поля, используемого для изучения социально-политического общения [Ковалев, 1999, с. 63-66] и др.

называть *вектором ассоциаций* (условное обозначение – \rightarrow). При описании отдельных концептуальных систем или структур газетно-публицистического текста, которые соединяются в нечто единое при категоризации действий, изучаемых объектов, мы используем понятие *схема* как некая отраженная в тексте стереотипная модель, с помощью которой «вербализуется опыт, определяется его концептуальная организация, устанавливается способ расчленения определенного большого эпизода на мелкие, осуществляются построение суждения и категоризация, выбирается способ организации речи, способ интерпретации опыта и способ организации поведения» [Чейф, 1983, с. 43-45]. Таким образом, модель газетно-публицистического сверткста в таком представлении выступает как *ансамбль схем*⁵⁷, созданный автором текста с целью воплощения в нем фрагментов своей модели мира, предположительно коррелирующей с моделью мира потенциального читателя публицистического текста.

4.2.2. Общая когнитивная структура вербального факта «Теракт на Дубровке» (по материалам газет)

Как указывалось выше, *вектор ассоциаций* при интерпретации читателем разноориентированных газетных текстов задается рядом параметров, среди которых:

1) общая когнитивная схема факта-события, имеющая иерархическую структуру (см. схему);

2) особенности интерпретации *события* и его вербализация автором публицистического текста, отождествляющего себя с какой-либо общностью,

⁵⁷ В этом смысле нам близко понимание модели Ч. Филлмором как «точки зрения конкретного человека на мир» или того представления о мире, «которое строит интерпретатор (т.е. адресат, читатель. – Т.Ч.) в процессе интерпретации текста» [Филлмор, 1983, с. 110].

3) особенности интерпретации *виртуального факта* языковым сознанием как автора, так и адресата (обозначенные в пп. 2 и 3 особенности обусловлены общностью системы стереотипов, концептуальных систем автора и адресата, реализуемых через *тезаурус* – совокупность ключевых слов, образующих ассоциативно-вербальную сеть текста, и через *семантические сети* – систему концептов, связанных определенными отношениями, ср.: «...информация существует в отношениях» [Скрэгг, 1983, с. 232]);

4) особенности языково-стилевого отбора, осуществляемого автором при вербализации события с учетом языково-стилевых пристрастий языковой личности потенциального читателя СМИ.

Данные положения находят подтверждение при сопоставительном анализе текстов одной тематики в средствах массовой информации, ориентированных на разных ее получателей. Как было показано в главе 3, эта ориентированность проявляется как на содержательном уровне текста – **через интерпретацию события** (совокупность событийных концептов), так и на языковом уровне – **через отбор языковых средств** – через языковые приемы выразительности, стилистическую окраску языковых единиц и стилистическую тональность публикации (эмоциональный тон высказывания) в целом, позволяющие авторам публикаций оставаться в привычной для своего читателя языковой и смысловой парадигме, независимо от тематики и особенностей отображаемого факта-события.

Общая схема описываемого факта-события («Теракт на Дубровке», Москва, 2002 г.), воссозданная на основе анализа текстов разноориентированных СМИ (см. **приложение IV**), представляет собой *фреймовую структуру* как «стереотипную визуальную ситуацию» (по М. Минскому) [Чарняк, 1983, с. 304], «общее основание образа», «предполагаемый базис знания и практики» [Филлмор, 1988, с. 54], основанный «на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу

свойств и отношений реальных или гипотетических объектов» [Макаров, 2003, с. 153]. Данная когнитивная структура организована вокруг концепта ТЕРАКТ и содержит «лишь самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию», которая с ним ассоциирована [Там же], представленную через «специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруженных в схемах» [Филлмор, 1983, с. 110] (см схему ниже).

Схема общей когнитивной структуры факта-события «Теракт на Дубровке» (по материалам газет)

Центр

Уровень 1: событие и его участники: теракт – террористы – заложники
– Россия (место события);

Уровень 2 (зеркальный): контрсобытие и его участники: спецоперация (контрдействие, противопоставленное теракту) – спецназ (антипод террористов) – власть, принимавшая решение – президент (главный субъект, принимающий решение) – спасенные – убитые (заложники – террористы) – врачи;

Периферия – то, что сопутствовало событию.

Уровень 3: что привело к созданию ситуации (до события): действия (бездействие) властей (министров, чиновников, властных структур, военных) – война в Чечне – международный терроризм – заказчики – «антитеррористическая коалиция» – мир.

Уровень 4 (во время события): заочное участие в событии: СМИ – политики.

4.2.3. Совокупность событийных концептов как смыслообразующая концептуальная основа свертхтекстов газетных СМИ, ориентированных на фактор адресата

Прием свертывания (отбор ключевых слов – опорных пунктов интерпретации), осуществленный на материале разных газетных публикаций – как региональных, так и центральных (см. список текстов), позволил выделить в качестве смыслообразующей концептуальной основы текстов, отражающих описываемый факт-событие, следующие языковые единицы, составляющие «узлы» ассоциативно-вербальной сети (по Ю.Н. Караулову): ТЕРАКТ – ТЕРРОРИСТЫ – ЗАЛОЖНИКИ – СПЕЦНАЗ – ВЛАСТЬ – СПЕЦОПЕРАЦИЯ – ПРЕЗИДЕНТ – ПОЛИТИКИ – СМИ – ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – ТЕРРОРИЗМ – МЫ – ОНИ.

Очевидно, что каждое из этих понятий в сознании «разноориентированных» читателей (вне контекста) включено в некоторый круг привычных ассоциаций (ассоциатов), и этот круг привычных ассоциаций должен быть учтен пишущими, заинтересованными в установлении контакта со «своим» читателем, т.е. он должен поддерживаться на уровне *контекста*. Анализ текстов разной психосоциальной направленности позволил выявить различия в интерпретации этого события разными газетными изданиями, которые мы условно, по идеологическому принципу, поделили на три группы: левоориентированные, правоориентированные, нейтральные (умеренные)⁵⁸.

⁵⁸ Как указывалось во главе 3, в исследовании Е.В. Какориной разноориентированная пресса подразделяется на оппозиционную и демократическую [Какорина, 1996]. В статье М.В. Панова представлен иной критерий противопоставления разных периодических изданий – их общая стилистическая направленность. Общую стилистическую направленность газетно-публицистических изданий конца 80-х годов XX века М.В.Панов оценил как разностилевую. Одни из них тяготели к «строгому стилю», характеризующемуся точностью, скупостью, строгим отбором стилистических красок, полной определенностью формулировок (например, газеты «Правда», «Красная Звезда»). Другие культивировали стиль «языковой раскованности», многокрасочности, эмоциональной остроты (газеты «Известия», «Советская Россия», «Московский комсомолец»). Третьи были «оплотом» стилистической сухости и однолинейности («Учительская газета») [Панов, 1989, с. 4-5].

Смысловый анализ газетного текста с опорой на *ключевые слова* [Чернышова, 2002а] позволяет выявить тот круг понятий, которые прежде всего актуальны для читателя и, хотя и отражают позицию автора, учитывают потребности адресата.

Первым таким понятие, как следует из общей когнитивной схемы события, является событийный концепт ТЕРАКТ, относящийся к первому уровню общей когнитивной структуры факта-события (см. **схему**).

1. Событийный концепт ТЕРАКТ

Анализ газетно-публицистических текстов разной социально-политической направленности позволил выделить из текстов языковые единицы, ассоциированные с ключевым словом ТЕРАКТ (см. **табл. 10**).

Таблица 10.

Ассоциаты СК «ТЕРАКТ»

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
Левориентированные (ЛИ)	<p><i>Трагические</i> дни; <i>московская трагедия</i>; <i>кровь и дым</i>; <i>трагедия</i>; <i>дни потрясений и утрат</i>; <i>случившаяся трагедия</i>;</p> <p><i>удар для всего общества</i>; <i>урон, нанесенный обществу</i>;</p> <p><i>акция террористов на Дубровке</i>; <i>ужасный и отчаянный шаг (террористов)</i>;</p> <p><i>Наискандальнейший провал лично его /Патрушева/ и всей Лубянки</i>; <i>Цена вашей</i></p>

	<p><i>/депутатов/ продажности мае 1999-го;</i> Третий «Курск»; «Курск», набитый детьми и женщинами в самом центре Москвы (СР).</p>
<p>Правоориентированные (ПИ)</p>	<p>Трагедия (И); драма в центре столицы (КП); 56 кошмарных часов – время скупых новостей и томительных переговоров; страшная трагедия; чума; трагедия в Москве (АиФ); <i>Горе Москвы – горе всей России (СК);</i> Захват (КВ); зверское преступление (АиФ); беспрецедентный захват сотен заложников; грубого шантажа, направленного на подрыв устоев государственности (СК); <i>У России теперь есть свое 11 сентября – трагедия 23-25 октября, которая должна объединить нацию (НГ);</i> Удар в сердце всего человечества (И).</p>
<p>Нейтральные (НИ)</p>	<p>Трагические события (РГ, Т); теракт (МЭ); события на Дубровке; произошедшие события (РГ); исполнителей акции, камикадзе, не считавших нужным даже кормить предназначенных на убой людей (ВБ); <i>Не в санаторных условиях они пребывали 57 часов, а в настоящем концлагере; в зале было дикое зловоение (РГ).</i></p>

Обобщение и интерпретация представленных понятий на основе метода интроспекции позволила установить смысловые (ассоциативные) связи

(отношения) между представленными в табл. 10 понятиями, которые организуются в *ассоциативные поля* (см. схему на рис. 4.1).

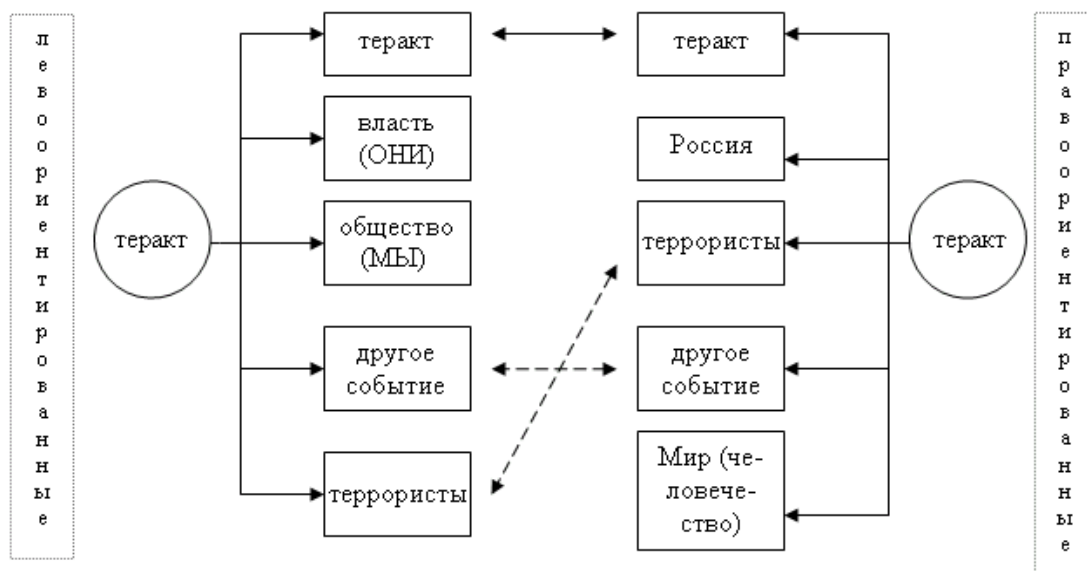

Рис. 4.1. Схема ассоциативного поля СК ТЕРАКТ по публикациям разноориентированных СМИ

Данная схема представляет два поля СК ТЕРАКТ: по материалам леворадиентированных и праворадиентированных газетных изданий.

Для ЛИ характерны следующие ассоциативно-интерпретационные ряды, заданные СК ТЕРАКТ:

1) теракт → трагедия; 2) теракт → общество; 3) теракт → террористы (*ужасный и отчаянный шаг*); 4) теракт → (вина) → виновники теракта → власть (мы → они); 5) теракт → Третий «Курс» (другое событие, с которым ассоциируется описываемое).

ПИ представляют следующие ряды ассоциаций: 1) теракт → трагедия (*страшная трагедия*); 2) теракт → Россия; 3) теракт → террористы (*зверское преступление*); 4) теракт → «свое 11 сентября» (имеется в виду теракт в Америке); 5) теракт → человечество.

Нейтральные СМИ содержат следующие интерпретационные ряды:

1) теракт → трагическое событие; 2) теракт → террористы (*исполнители акции*) → 3) теракт → заложники.

Сопоставительный анализ на уровне ассоциативных полей свидетельствует о существенных различиях в интерпретации. Более или менее одинаково разнориентированные СМИ описывают само событие, ср.: ТЕРАКТ → *трагедия* (ЛИ) / *страшная трагедия* (ПИ) / *трагическое событие, событие* (НИ). Все прочие событийные концепты, ассоциированные с СК ТЕРАКТ, в разнориентированных СМИ образуют самостоятельные ассоциативные поля, которые практически не пересекаются (см. схему на **рис. 3.1**), поскольку ориентированы на определенного получателя информации и по-разному организованы. Например, СК ТЕРАКТ в сознании левоориентированного читателя ассоциируется с концептом ВИНЫ. Наиболее общее направление интерпретации факта-события в левоориентированных СМИ, даже в первых публикациях, – **теракт** → **виновники теракта** → действующая (предыдущая) **власть** (**мы** → **они**), поскольку она является оплотом иных, чем принято в данной идеологической группе, установок. Идеологизированное сознание левоориентированного читателя делит мир на две непримиримые части, к одной из которых относится СК **МЫ**, к другой – и СК **ОНИ** – власть и все, что с ней связано, отражающие устойчивость дуальной модели, реализуемой через общесемиотическую оппозицию *свое / чужое* [Китайгородская, Розанова, 2003, с. 156]⁵⁹, которая имеет давние социокультурные традиции и может быть представлена рядом ассоциативных зависимостей, к которым относятся отождествление, или идентификация; сближение по свойствам (атрибуция); стереотипизация; «навешивание ярлыков» и др. [Иссерс, 1999, 1999a]. Резкое противопоставление себя и той группы, с которой отождеств-

⁵⁹ Об образах «своего» и «чужого» см. также работы О.И. Кавыкина, В.В. Усачевой и др. в [«Чужие» здесь не ходят, 2004]. Характеристика языковой семантики понятийной категории «свое-чужое» представлена в работе [Максимова, 2004].

ляется левоориентированный автор и читатель, правящей власти обусловлено, в первую очередь, «вычерчиванием» границ «своего круга» как базовой когнитивной категории политического дискурса, [Иссерс, 1999а] – «мифологемы границы» [Кавыкин, 2004, с. 204]. Особенно остро, по мнению исследователей, это проявляется в ситуации социально-экономической нестабильности, политической апатии, формирования новой системы ценностей и ориентиров взамен прежней, разрушенной и т.д., когда идентификация личности с группой, с «МЫ» реализуется через идентификацию с определенным СМИ [Сапрохина, 2004, с. 240]. Добавим, однако, что в левоориентированных СМИ такая идентификация обязательно сопровождается дистанцированием себя от власти и от всех, кто так или иначе с ней соприкасается (политики, силовые структуры, журналисты и т.п.) (см. **табл. 8 приложения IV**), чего не наблюдается в текстах СМИ правоориентированных и нейтральных, отличающихся разной степенью толерантности. Таким образом, устойчивые стереотипы сознания выводят понятие *событийный концепт* за пределы конкретного текста в дискурсивное пространство, отражающее особенности языкового сознания левоориентированной части современного российского общества через тексты СМИ.

Если теперь «наложить» структуру СК ТЕРАКТ на общую когнитивную структуру факта-события (см. схему), то окажется, что часть СК, с которыми ассоциируется СК ТЕРАКТ⁶⁰, относится к ее центру (ядру) – *общество (Россия), террористы, заложники*, а часть – к периферии: *спецслужбы, власть* (левоориентированные издания); *мир (Америка), человечество* (правоориентированные издания). Мы предполагаем, что СК, соотносимые с периферией когнитивной структуры факта-события, представляют собой понятия, **непосредственно направленные на установление контакта того или иного издания со «своим» адресатом**, и являются областью продуцирова-

ния мифологем (устойчивых стереотипов сознания, обусловленных идеологической ориентацией субъекта речи).

2. Событийный концепт ТЕРРОРИСТЫ

Фрагменты текстов разноориентированных СМИ, ассоциированных по отношению к СК ТЕРРОРИСТЫ (по материалам газет), представлены в **табл. 11.**

Таблица 11.

Ассоциаты СК ТЕРРОРИСТЫ

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
<p>Левориентированные издания (ЛИ)</p>	<p><i>Не с исполнителями, а с главарями; как могло случиться;</i></p> <p><i>в столицу прорывается полсотни до зубов вооруженных убийц;</i></p> <p><i>отряд бандитов; Тогда Мовсару Бараеву было только 12 лет... Годы оголтелого антисоветизма и русофобства воспитали из него бандита;</i></p> <p><i>тогда еще были живы мужья и дети «отмороженных» смертниц Фатимы, Раисы, Зары;</i></p> <p><i>«Отморозками», как выражаются теперь видные политики, сделало их ельцинское время; Его режим вскормил русской кровью чудовище террора;</i></p> <p><i>Он от начала до конца – порождение Ельцина –</i></p>

⁶⁰ Как правило, это то, что имеет отношение к событийной информации, без которой невозможно описание факта-события.

	<p>Путина; <i>Безжалостные ангелы войны; Что видели в своей жестокой и короткой жизни эти молодые мужчины и женщины?; но нам не дано переубедить этих чеченских мальчишек и девчонок; Как могли эти ребята и девушки отважиться на столь ужасный и отчаянный шаг? (СР).</i></p>
<p>Правоориентированные издания (ПИ)</p>	<p>Тупое орудие заказчиков; налетчики в масках (КП); <i>террористы; «лица террористической национальности»; боевики; спустившийся с гор боевик (И); боевики-убийцы (АиФ);</i> <i>бандиты (НГ); бандгруппа (АиФ); банда Мовсара Бараева (МЭ); бараевцы (КВ);</i> <i>одна из «шахидок»; женщины-самоубийцы; несколько боевиков и женщин-смертниц (МЭ);</i> <i>вооруженные «отморозки»; подонки в масках; уроды с автоматами (КП); «ходячие бомбы» – 18 смертниц (АиФ); захватчики (КП); нелюди (И).</i></p>
<p>Нейтральные издания (НИ)</p>	<p>Исполнители акции (ВБ); Террористы (РГ, Т); мужчины-террористы; террористки; боевики (АН); бандиты; банда (Т); главарь банды Бараев и его ближайшие помощники; «лица бандитской национальности» (ВБ); Мовсар Бараев и десяток захватчиков; палачи (РГ); женщины-камикадзе; главная опасность для заложников (ВБ);</p>

	<p><i>стая. Волчья стая; «волчата»; «рыцари джихада»; «радетели чеченского народа», олицетворяющие всю мерзость и жестокость сепаратистского воинства (ВБ).</i></p>
--	---

Обобщение и интерпретация представленных понятий на основе смыслового анализа текстов, содержащих данные структуры, позволила установить смысловые (ассоциативные) связи (отношения) между понятиями, содержащимися в **табл. 8**, которые организуются в ассоциативные поля (см. схему на **рис. 4.2**).

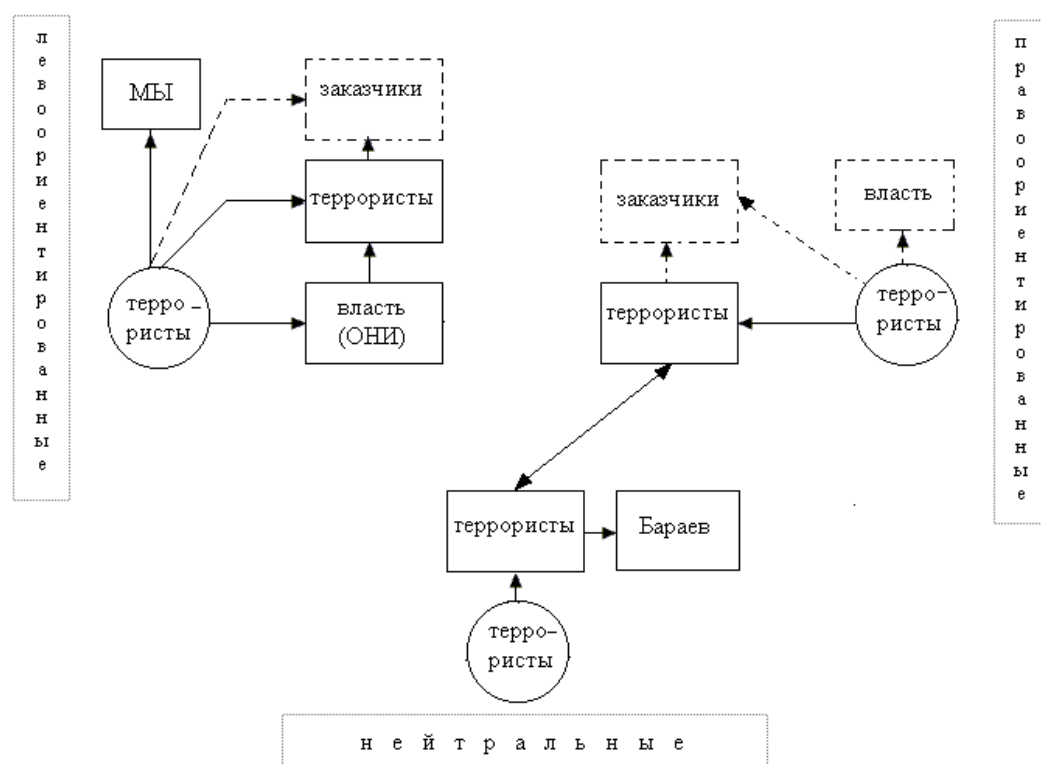

Рис. 4.2. Схема ассоциативного поля СК ТЕРРОРИСТЫ

Представление событийного концепта ТЕРРОРИСТЫ, относящегося, согласно общей когнитивной схеме описываемого факта-события (см. схему 1), к первому уровню (центр события – событие и его участники, а вернее, «те, кто осуществил теракт»), существенно различается в разноориентиро-

ванных СМИ как на содержательном уровне анализируемых текстов (через круг привычных для «своего» читателя ассоциаций) (см. схему на рис. 4.2), так и на уровне языкового кода (см. об этом ниже).

Так, в левоориентированных изданиях (ЛИ) СК ТЕРРОРИСТЫ представлен двумя ассоциативными рядами: 1) террористы (как порождение нынешней власти) → власть (ОНИ) (как виновная в осуществлении теракта) → заказчики; 2) террористы → мы.

В правоориентированных изданиях СК ТЕРРОРИСТЫ ассоциируется также с двумя рядами: 1) террористы → заказчики; 2) террористы → власть. В нейтральных СМИ СК ТЕРРОРИСТЫ представлен одним ассоциативным рядом: террористы → террористы (Бараев и др.)

Для правоориентированных и нейтральных изданий (ПИ и НИ), как показывает интерпретационный анализ контекстов, проведенный на основе изучения ассоциированных с СК ТЕРРОРИСТЫ событийных концептов, анализируемый СК соотносится прежде всего с личностями террористов как грубой, безжалостной силы – виновников произошедшего, не достойных звания человека. Номинативные ряды (ассоциаты), представляющие данное понятие в текстах ПИ и НИ, во многом совпадают (см. табл. 11 и следующий параграф). Более сложным представляется освоение СК ТЕРРОРИСТЫ сознанием левоориентированного автора-адресата. С одной стороны, террористы – *до зубов вооруженные убийцы и бандиты*, с другой – *порождение Ельцина – Путина, молодые мужчины и женщины чеченских мальчишек и девчонок; ребята и девушки*, с третьей – всего лишь *исполнители*, т.е. жертвы прежней и нынешней власти, что как бы «снимает» глубину их вины, перекладывая ее на субъектов власти, т.е. в интерпретации данного понятия левоориентированным автором – читателем вновь актуализируется связь СК ТЕРРОРИСТЫ с СК ВИНА и ВЛАСТЬ.

3. Событийный концепт ЗАЛОЖНИКИ

Фрагменты текстов разноориентированных СМИ, ассоциированных по отношению к СК ЗАЛОЖНИКИ (по материалам газет), представлены в **табл. 12.**

Таблица 12.

Ассоциаты СК ЗАЛОЖНИКИ

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
<p>Левоориентированные издания (ЛИ)</p>	<p><i>В ближайшее время число жертв теракта в Москве может значительно вырасти; Ничем не восполнимые людские потери; утраты, смириться с которыми невозможно; раны, которые не залечит даже всесильное время;</i></p> <p><i>первыми принимают в свое сердце боль за оборвавшуюся жизнь; вызволять из плена беззащитных людей; и теперь отчаянно борются за жизнь пострадавших и спасают их;</i></p> <p><i>Конечно, отрадно, что все спецназовцы – участники операции остались живы; Профессионалы антитеррора, вооруженные до зубов бойцы спецназа потерь не понесли, а более ста беззащитных мирных граждан погибли;</i></p> <p><i>Кровью невинных людей он <спецназ> смывал провалы, предательство и ротозейство Путина, Патрушева, Рушайло, Грызлова, Лужкова, Прони-</i></p>

	<i>на и иже с ними (СР).</i>
Правоориентированные издания (ПИ)	<p><i>Вышедшие из ада (КП);</i></p> <p><i>В ночной бинокль он рассмотрел, что это гражданские люди – заложники (АиФ); Мы скорбим по жертвам терроризма (СК);</i></p> <p><i>Мучеников «Норд-Оста» убил не газ... Убили лица, благодаря которым террористы сделали то, что не смог Гитлер: вошли в Москву. Конкретные лица с фамилиями и должностями, в лучшем случае проворонившие (но мы не удивимся, если проворонили за взятки) рейд вооруженного отряда (КП).</i></p>
Нейтральные издания (НИ)	<p><i>Дети, повзрослевшие до срока (Т); Пришли не только здоровяки... были и гипертоники, и сердечники, и диабетики, и язвенники; компенсационные выплаты жертвам теракта... на Дубровке (РГ);</i></p> <p><i>Палачи и жертвы (РГ); Это совершенно ясно из слов и поведения исполнителей акции, камикадзе, не считавших нужным даже кормить предназначенных на убой людей (ВБ).</i></p>

Ассоциативное поле СК ЗАЛОЖНИКИ представлено в схеме на **рис. 4.3.**

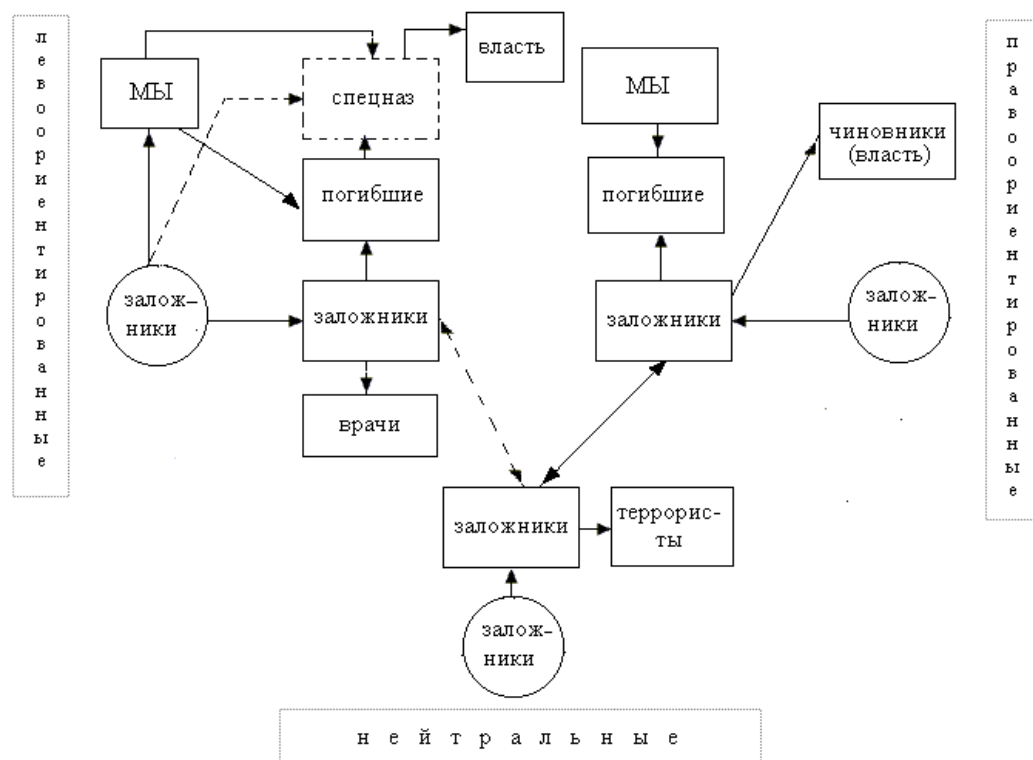

Рис. 4.3. Схема ассоциативного поля СК ЗАЛОЖНИКИ

В ЛИ интерпретация СК ЗАЛОЖНИКИ представлена следующими ассоциативными рядами:

1) заложники → погибшие → спецназ → власть, в которой вновь актуализирована оппозиция (МЫ – ОНИ); 2) заложники → врачи.

С одной стороны, заложники – это *жертвы теракта* (но не террористов, поскольку те, в свою очередь тоже жертвы, но уже прежней и нынешней власти), с другой, – *беззащитные люди, мирные граждане*, погибшие по вине властных структур (за которыми, прежде всего, мыслится президент и его окружение) и, опосредованно, спецназа (вновь ассоциация с СК ВИНА), ср.: *Кровью невинных людей он <спецназ> смывал провалы, предательство и ротозейство Путина, Патрушева, Рушайло, Грызлова, Лужкова, Пронина и уже с ними.* Отметим, что в правоориентированных и нейтральных

СМИ действия спецназа оцениваются только положительно (см. **п. 8** данного параграфа).

ЛИ демонстрируют двойственную интерпретацию СК СПЕЦНАЗ, ассоциированную с СК ТЕРРОРИСТЫ (см. об этом **п. 8** данной главы): 1) спецназ – профессионалы: *Они, идя на штурм, рисковали собой..., ценой собственной жизни готовы были спасти, вызволять из плена беззащитных людей; исполнили свой долг и приказ*; 2) они просто выполняли приказ, т.е. не сделали ничего особенного: *Спецназ сделал то, что ему полагается сделать, – выполнил приказ. За это мы его и кормим*).

В правоориентированных СМИ представлены следующие ассоциативные ряды (см. схему на **рис. 4.3**): 1) заложники → погибшие → чиновники (как те, по чьей вине погибли заложники), ср.: *Убили лица, благодаря которым террористы сделали то, что не смог Гитлер: вошли в Москву. Конкретные лица с фамилиями и должностями, в лучшем случае проворонившие (но мы не удивимся, если проворонили за взятки) рейд вооруженного отряда*), через который опосредованно СК ЗАЛОЖНИКИ ассоциируется с СК ВЛАСТЬ, который, однако, в отличие от левоориентированных СМИ, ассоциируется не со всей властью, а только с некоторой ее частью (чиновниками, руководителями силовых ведомств и т.д.). В текстах ПИ появляется и совокупный образ «мы», ассоциированный с СК ЗАЛОЖНИКИ, однако он относится не с узкой группой, а с большой общностью, к которой относятся все граждане России, возмущенные действиями террористов и сочувствующие заложникам и членам их семей, ср.: *Граждане страны Россия – достаточно вменяемые люди...; Только вместе мы победим (НГ)* и т.д.

4. Событийный концепт ВЛАСТЬ

Фрагменты текстов разноориентированных СМИ, ассоциированных по отношению к СК ВЛАСТЬ (по материалам газет), представлены в **табл. 13**.

Таблица 13.

Ассоциаты СК ВЛАСТЬ

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
Левориентированные (ЛИ)	<p><i>Она (правда) все равно проступит через кровь и дым, через мутную завесу неискренности, фальши, которую уже сейчас пытаются набросить на трагедию; теракт готовился почти два месяца... Где в это время были правоохранительные органы, милиция, администрация ДК, постановщики мюзикла? Вряд ли можно найти пример столь вопиющей беспечности и безответственности;</i></p> <p><i>Говорит о безнравственности власти и всей <u>так называемой российской элиты</u>; для власти, которая уничтожает до миллиона жителей страны в год, 120 убитых заложников – сущий пустяк;</i></p> <p><i>Даже акцию террористов на Дубровке президент считает частью международного заговора; стремление изобразить войну в Чечне как часть всемирного террористического заговора против России выгодно Кремлю. Оно продиктовано бессилием российской власти справиться с ситуацией в республике;</i></p>

	<p><i>Налетели, как вороны, на «горяченькое» со своими благоглупостями, чтобы только лишний раз появиться на экране, помелькать в глазах; мямлили что-то; Это же вы не дали в мае 99-го положить конец геноциду, оградил кровавого Ельцина от ответственности за чеченскую бойню, за пачку долларов спасли его от импичмента!; /Депутаты/ откровенно, не скрываясь, продают ...свои голоса; Успех антитеррористических операций в этих регионах <Западная Украина и Прибалтика> объясняется тем, что в них была народная, Советская власть, и весь народ, от мала до велика, помогал борьбе с бандитизмом, защищал свою власть (СР).</i></p>
<p>Правоориентированные (ПИ)</p>	<p><i>Убили лица, благодаря которым террористы сделали то, что не смог Гитлер: вошли в Москву. Конкретные лица с фамилиями и должностями, в лучшем случае проворонившие (но мы не удивимся, если проворонили за взятки) рейд вооруженного отряда;</i></p> <p><i>может, не в задрипанных жигулях... пора искать пособников /террористов/ (КП);</i></p> <p><i>Она /страна/ не может колебаться между тотальным разгильдяйством, пренебрежением всяческими правилами и вспышками кампанийщины в худших традициях полицейского государства; между относительной свободой слова и гласностью... и параноидальной секретностью...;</i></p>

словоблудием, за которым нет ничего, кроме самолюбования и пиара, извергавшихся в эти дни из уст т.н. «политической элиты» (НГ);

Официальное заявление главного врача города Москвы... само по себе уже сенсация для нашего «секретного» стиля власти;

больше суток врачам запрещалось ставить диагноз «отравление газом»;

никто не предупредил медиков о том, с чем им придется бороться;

антидот не был предоставлен даже сотрудникам службы спасения; до сих пор военные токсикологи не сообщили, какое отравляющее вещество они применили;

более ста человек погибли... из-за отсутствия антидотной терапии и плохой организации в оказании помощи; штаб вовремя не информировал Минздрав об объемах помощи и о применении газа (МЭ);

Но Кремль не мог пойти на уступки террористам; то, что поведал сопровождавший нас в Грозном полковник... вызвало ненависть и презрение к министру обороны России Павлу Грачеву... который за несколько лет до начала трагедии в составе комиссии от имени России лично передал президенту Чечни... танки, самолеты и все остальное вооружение и снаряжение двух дивизий;

имперские амбиции с одной стороны и шапкоза-

	<p><i>кидательство – с другой приводят к неслыханной трагедии, длящейся почти десятилетие в собственной стране.</i></p>
<p>Нейтральные (НИ)</p>	<p><i>К счастью, в высшем политическом руководстве штаба антитеррористической операции нашлись на этот раз люди, которые решились дать команду штурмовать бандитов;</i></p> <p><i>победительные, обнадеживающие слова услышала страна от...генерала Васильева: «Мы очистим не только Москву, но и всю Россию от скверны».</i></p> <p><i>Это слова мужчины, государственного мужа (ВБ);</i></p> <p><i>С Мовсаром Бараевым пытались договориться по-хорошему (АН).</i></p>

Ассоциативное поле СК ВЛАСТЬ представлено в схеме на **рис. 4.4**.

СК ВЛАСТЬ в ЛИ представлен следующими ассоциативными рядами:

1) власть → правоохранительные органы, милиция, администрация, постановщики мюзикла (ОНИ); 2) власть → российская элита (политики – правые, депутаты); 3) власть → президент; 4) власть → Советская власть. Нынешняя власть – *беспечная, безответственная, фальшивая, безнравственная, уничтожающая до миллиона жителей страны в год, равнодушная к судьбам своих граждан (120 убитых заложников – сущий пустяк)* – противопоставлена власти истинной, народной, каковой для левоориентированного читателя (автора) является только Советская власть: *Успех антитеррористических операций в этих регионах <Западная Украина и Прибалтика> объясняется тем, что в них была*

народная, Советская власть, и весь народ, от мала до велика, помогал борьбе с бандитизмом, защищал свою власть.

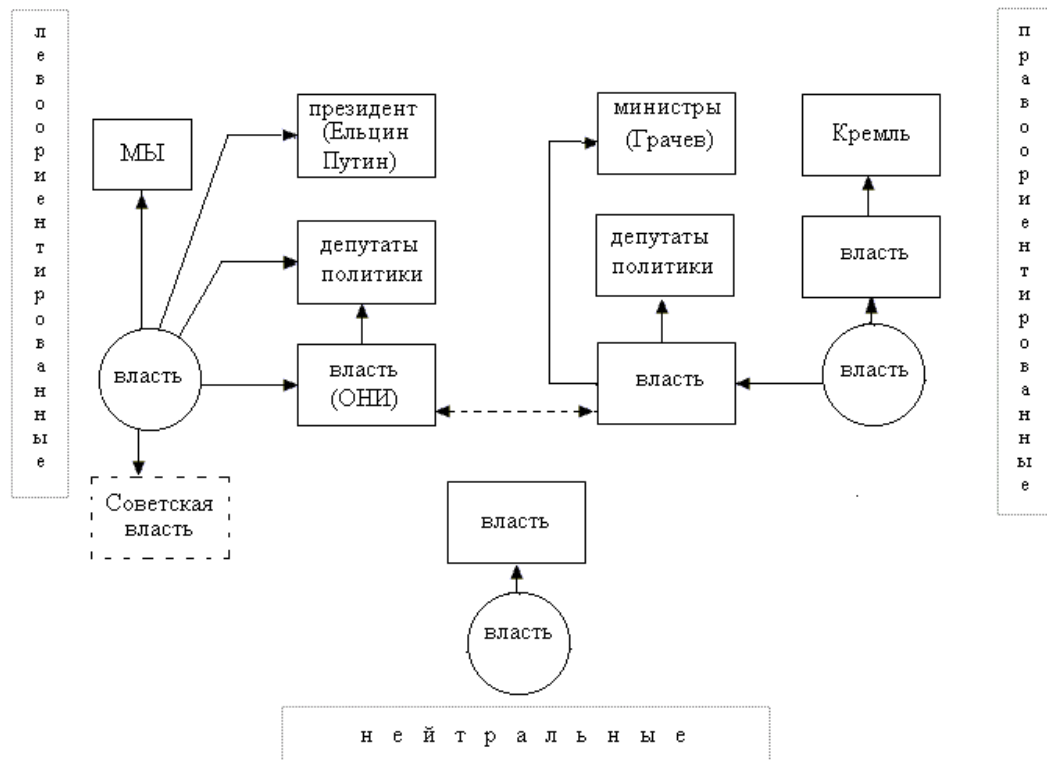

Рис. 4.4. Схема ассоциативного поля СК ВЛАСТЬ

Таким образом, в качестве ключевых концептов данного ассоциативного поля вновь выступает оппозиция $МЫ \rightarrow ОНИ$ (власть и все остальные).

В ПИ данный СК представлен следующими рядами:

1) власть \rightarrow властные структуры, министр Грачев; 2) власть \rightarrow т.н. «политическая элита»; 3) власть \rightarrow президент. Негативное отношение к власти обусловлено не тем, что она не «своя» (советская) или «чужая», а ассоциациями каузального, причинно-следственного типа: авторы правоориентированных СМИ называют представителей власти (точнее, властных структур) *пособниками террористов и лицами, убившими заложников*, за то, что они *проворонили* (но мы не удивимся, если *проворонили за взятки*) *рейд вооруженного отряда*; за то, что они отличаются *параноидальной секрет-*

ностью...; словоблудием, за которым нет ничего, кроме самолюбования и пиара, извергавшихся в эти дни из уст т.н. «политической элиты»; тотальным разгильдяйством, пренебрежением всяческими правилами и вспышками кампанейщины в худших традициях полицейского государства и т.д. Кроме того, направление ассоциации «власть → президент» в правоориентированных СМИ образует самостоятельный ассоциативный ряд, отграничивающий СК ПРЕЗИДЕНТ от СК ВЛАСТЬ в целом: *Но Кремль не мог пойти на уступки террористам*, т.е. действия президента в ПИ оцениваются положительно, в отличие, например, от левоориентированных изданий, в которых СК ПРЕЗИДЕНТ мыслится в одном ассоциативном ряду с СК ВЛАСТЬ (см. об этом ниже).

Однозначная интерпретация действий власти представлена в нейтральных СМИ, в которых ассоциативный ряд «власть → высшее политическое руководство» ассоциируется только с положительными характеристиками: *люди, которые решились дать команду штурмовать бандитов; победительные, обнадеживающие слова услышала страна от... генерала Васильева: «Мы очистим не только Москву, но и всю Россию от скверны». Это слова мужчины, государственного мужа (ВБ) и т.д.*

5. Событийный концепт ПОЛИТИКИ

Фрагменты текстов разноориентированных СМИ, ассоциированных по отношению к СК ПОЛИТИКИ, представлены в **табл. 14**.

Таблица 14.

Ассоциаты СК ПОЛИТИКИ

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
<p>Левоориентированные (ЛИ)</p>	<p><i>К сожалению, некоторые недобросовестные политики используют трагедию для саморекламы; Лидеры СПС /Немцов/ попытались компенсировать себя, вмешавшись в события вокруг ДК; бесцеремонно вмешиваются во внутренние дела страны /Белоруссии/, призывают к насильственному свержению существующего строя, называют президента Белоруссии не иначе как «диктатором»;</i></p> <p><i>/депутаты/; Налетели, как вороны, на «горяченькое» со своими благоглупостями, чтобы только лишний раз появиться на экране, помелькать в глазах;</i></p> <p><i>мямлили что-то;</i></p> <p><i>/Депутаты/ откровенно, не скрываясь, продают ... свои голоса;</i></p> <p><i>С экранов телевизоров не слезают Лукин и Немцов, Rogozin и Марков, Примаков и Селезнев;</i></p> <p><i>эспэсовская шушера;</i></p> <p><i>многие политиканы не считают нужным выражать соболезнования родным и близким убитых; но то, что пристало говорить политической шпане;</i></p> <p><i>Это же вы не дали в мае 99-го положить конец</i></p>

	<p><i>геноциду, оградил кровавого Ельцина от ответственности за чеченскую бойню, за пачку долларов спасли его от импичмента! (СР).</i></p>
<p>Правоориентированные (ПИ)</p>	<p><i>Некоторые российские политики пиарились от души, пролезая без мыла во все телевизионные щели;</i></p> <p><i>Маски были сброшены, и... народ получил возможность оценить степень предвыборного цинизма своих избранников;</i></p> <p><i>Всю ночь и все следующее утро депутаты не слезали с экранов ТВ;</i></p> <p><i>Зачем надо было проводить жуткие аналогии в тот момент, когда еще не пролилась кровь...;</i></p> <p><i>Чтобы пощекотать и без того взвинченные нервы зрителей?;</i></p> <p><i>Другие выстроились в очередь, «геройски» предлагая себя в заложники вместо зрителей;</i></p> <p><i>... господа депутаты явно переоценивают свою собственную ценность;</i></p> <p><i>Но господа не успокоились;</i></p> <p><i>хитроумный аграрий (Н. Харитонов);</i></p> <p><i>несгибаемый трудоросс витийствовал, словно на митинге..., сверкая очами в сторону невидимых захватчиков театра (об Анпилове) (АиФ);</i></p> <p><i>между относительной свободой слова и гласностью... и параноидальной секретностью...;</i></p> <p><i>словоблудием, за которым нет ничего, кроме самолюбования и пиара, извергавшихся в эти дни из</i></p>

	<p>уст т.н. «политической элиты» (НГ);</p> <p>Политики, принимающие решения, способные запустить маятник кровавой бойни, остаются безнаказанными;</p> <p>Безнаказанность приводит к еще большей безответственности и беспределу (СК).</p>
<p>Нейтральные (НИ)</p>	<p>На переговоры к террористам пошли уважаемые господа депутаты и артисты. Они бы ходили еще неделю или месяц, раздавали интервью, а бандиты выбрасывали бы на площадь перед ДК трупы заложников и глумились над страной в телерадиоэфире (ВБ).</p>

Ассоциативное поле СК ПОЛИТИКИ представлено в схеме на **рис. 4.5.**

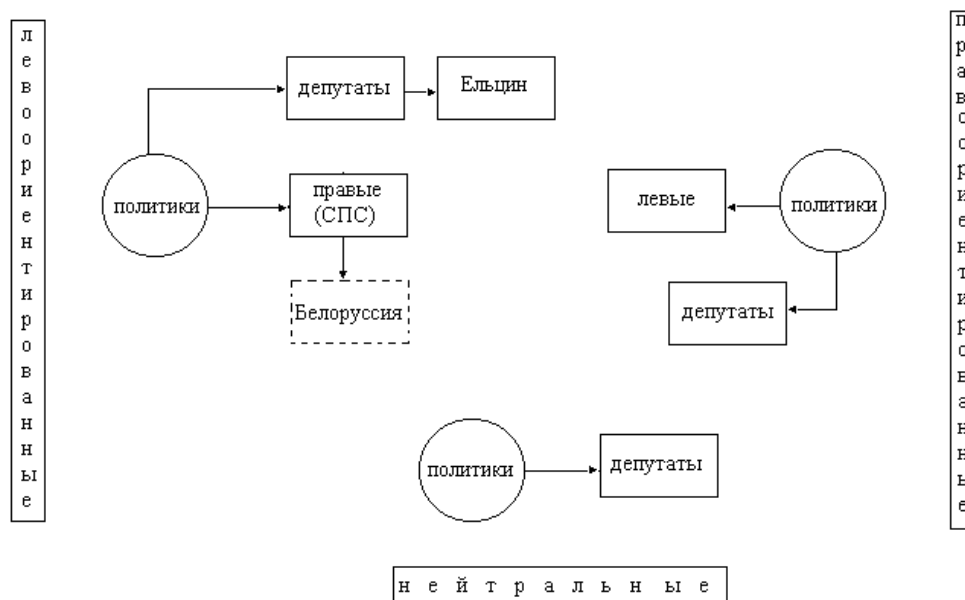

Рис. 4.5. Схема ассоциативного поля СК ПОЛИТИКИ

СК ПОЛИТИКИ в ЛИ представлен следующими ассоциативными рядами:

1) политики → недобросовестные политики (лидеры СПС) // → Белоруссия; 2) политики → депутаты → Ельцин, в которых направление интерпретации вновь идет по линии противопоставления СК МЫ → ОНИ, т.е. направлено на вычерчивание «своего» круга, призванного обозначить те понятия, которые сознанием левоориентированного читателя определяются как «чужие». К кругу «чужих» относятся, прежде всего, лидеры объединений иной социально-политической направленности, для определения которых авторы ЛИ используют неограниченный круг стилистически окрашенных языковых единиц – от бранных до бранно-просторечных, грубых, ср.: *Лидеры СПС, эспэсовская шушера* («простореч., презр. ничтожный, незначительный или общественно вредный человек» [Словарь русского языка, 1981-1984]); «Дрянные, ничтожные люди» [Ожегов, 1986]; *политиканы* («презр. беспринципный политик, политический деятель, неразборчивый в средствах для достижения своих целей» [Словарь русского языка, 1981-1984]); «неодобр. Беспринципный политический делец, а также вообще ловкий беспринципный человек, действующий из мелких личных побуждений» [Ожегов, 1986]; *политическая шпана* («груб., простор. Хулиган, жулик, беспризорник» [Словарь русского языка, 1981-1984]); а также с пометой презр. в [Ожегов, 1986]; *некоторые недобросовестные политики* (маркер *некоторые* используется для того, чтобы отграничить «своих» политиков от «чужих»), которые *Налетели, как вороны, на «горяченькое» со своими благоглупостями, чтобы только лишний раз появиться на экране, помелькать в глазах; мямлили что-то и бесцеремонно вмешиваются во внутренние дела страны /Белоруссии/; призывают к насильственному свержению существующего строя, называют президента Белоруссии не иначе как «диктатором» и, самое главное, – не дали в мае 99-го положить конец геноциду, оградили кровавого Ельцина от ответственности за чеченскую бойню, за пачку долларов спасли его от импичмента!* Появление элементов малой ве-

рочности с точки зрения описываемого факта-события (в данном случае – теракта), постоянный экскурс в давнее или недавнее историческое прошлое являются характерной приметой именно ЛИ (см. об этом ниже). К кругу «чужих» относятся также депутаты, которые *откровенно, не скрываясь, продают ... свои голоса, не слезают с экранов телевизоров*, а также президент (как прежний – *кровавый Ельцин*, так и нынешний, см. об этом ниже), который мыслится как неразрывное целое с властью.

В ПИ данный СК представлен следующими рядами:

1) политики → депутаты; 2) политики → «левые» (Харитонов, Анпилов) → «политическая элита». Интерпретация данных ассоциативных рядов в контексте правоориентированных СМИ позволяет выявить отрицательное отношение авторов к действиям *некоторых политиков* (здесь маркер *некоторые* выступает в той же функции, что и в ЛИ, т.е. в качестве средства, призванного противопоставить два типа политиков-депутатов, причем в ПИ отрицательная оценка соотносится, прежде всего, с политиками-депутатами левой ориентации, ср.: *Некоторые российские политики пиарились от души, пролезая без мыла во все телевизионные щели; Маски были сброшены, и... народ получил возможность оценить степень предвыборного цинизма своих избранников: хитроумный аграрий (Н. Харитонов); несгибаемый трудоросс витийствовал словно на митинге..., сверкая очами в сторону невидимых захватчиков театра (об Анпилове)* и т.д. Таким образом, в ПИ нет четко очерченного круга «своих» или «чужих», а отрицательная оценка связана с соблюдением общечеловеческих, морально-этических ценностей, таких как, например, чувство меры при изображении событий и их комментировании, ср.: *Всю ночь и все следующее утро депутаты не слезали с экранов ТВ; Зачем надо было проводить жуткие аналогии в тот момент, когда еще не пролилась кровь... Чтобы пощекотать и без того взвинченные нервы зрителей?; Другие выстроились в очередь, «геройски» предлагая себя в за-*

ложники вместо зрителей; ...господа депутаты явно переоценивают свою собственную ценность; Но господа не успокоились. Таким образом, действия депутатов оцениваются ПИ с точки зрения общечеловеческой (а не узкопартийной) как *словоблудие, самолюбование и пиар.*

Аналогичные оценки можем найти и в НИ, основной ассоциативный ряд которых представлен ассоциатом «политики» → «уважаемые господа депутаты и артисты»».

6. Событийный концепт ПРЕЗИДЕНТ

Фрагменты текстов разноориентированных СМИ, ассоциированных по отношению к СК ПРЕЗИДЕНТ (по материалам газет), представлены в **табл. 15.**

Таблица 15 .

СК ПРЕЗИДЕНТ

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
Левориентированные (ЛИ)	<p><i>В основе случившегося лежат две чеченские войны, первая из которых развязана преступным режимом Ельцина, вторая – режимом Путина;</i></p> <p><i>Трагедия на Дубровке является прямым следствием попыток Кремля и лично Путина впрячься в «антитеррористическую» колесницу, коренниками в которой являются Буш и Блэр;</i></p> <p><i>Президент Путин, выражающий интересы российских олигархов, разумеется, тоже считает, что Россия является неотъемлемой частью «ан-</i></p>

титеррористического фронта», и делает все, что в его силах, чтобы приковать ее к этому фронту;
Даже акцию террористов на Дубровке президент считает частью международного заговора;
Тогда Мовсару Бараеву было только 12 лет...Годы оголтелого антисоветизма и русофобства воспитали из него бандита. Он от начала до конца – порождение Ельцина – Путина;
неспособна защитить мирных людей;
культ чистогана, блатняка, легкой наживы, всемерно пропагандируемый в стране, может давать и вои такие плоды;
коррупция им даже на руку;
Президент... имитирует веру /в своих подчиненных/;
от своего крестного отца Ельцина и оставленных при «дворе»... он перенял и развил имитацию как метод управления, как модель политической деятельности;
Он имитировал патриотизм, решительность... смелость... скорбь...;
гипертрофия лицедейства;
Вопросы, на которые не ответил г-н Путин, лицемерно попросивший у нас прощения;
Зловещая тень Ельцина и семьи лежит на этой трагедии;
Его режим вскормил русской кровью чудовище террора; его вина (СР).

<p>Правоориентированные (ПИ)</p>	<p><i>На фоне всей этой многоголосицы невнятных и сумбурных мнений и суждений отчетливо выделяется молчание нашего президента;</i></p> <p><i>А может быть, это и к лучшему? Хоть кто-то у нас не говорит, а работает (КП);</i></p> <p><i>Призываю все здоровые политические силы сплотиться и оказать поддержку действиям президента России, являющегося гарантом Конституции и способного вывести страну из кризиса (СК);</i></p> <p><i>Путин должен был оставаться твердым до конца (МЭ).</i></p>
<p>Нейтральные (НИ)</p>	<p><i>Россияне прекрасно понимают, что ситуацию в течение всех этих страшных дней... контролировал президент страны Владимир Путин, который и принимал ответственные решения (Т);</i></p> <p><i>Россия не умылась в очередной раз неотмытой⁶¹ кровью и не захлебнулась в плаче и бессилии, а убедительно продемонстрировала: в доме есть хозяин и пора с этим считаться;</i></p> <p><i>так Президент к этому времени уже попросил у нации прощения за жертвы;</i></p> <p><i>Путин: «Мы доказали, что Россию нельзя поставить на колени» (ВБ).</i></p>

Ассоциативное поле СК ПРЕЗИДЕНТ представлено в схеме на **рис.**

4.6.

⁶¹ Сохранена орфография оригинала.

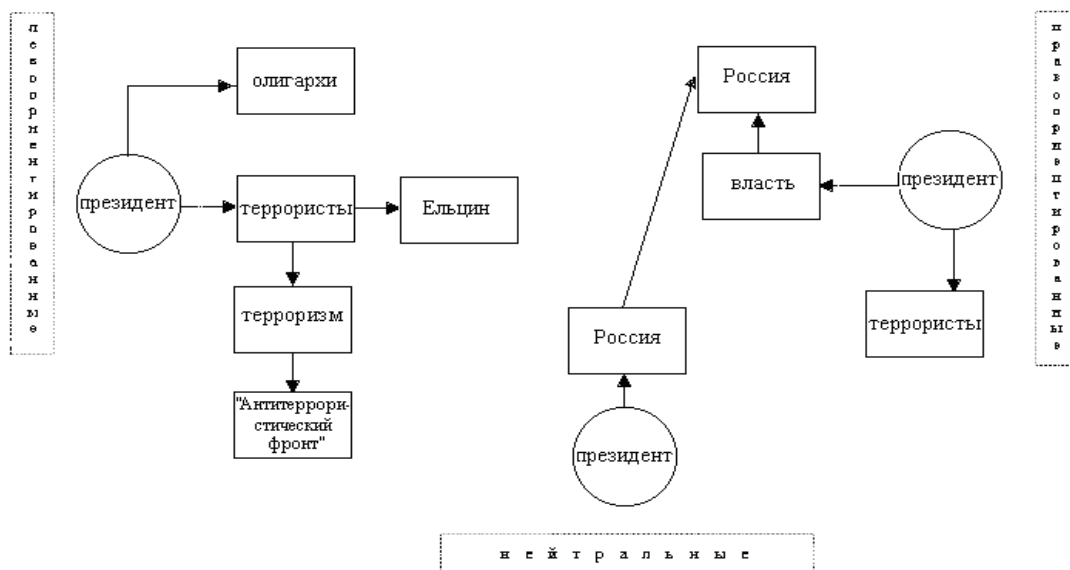

Рис. 4.6. Схема ассоциативного поля СК ПРЕЗИДЕНТ

СК ПРЕЗИДЕНТ в ЛИ представлен следующими ассоциативными рядами:

1) президент → террористы → терроризм → «антитеррористический фронт»; 2) президент → олигархи; 3) президент → Ельцин.

Как указывалось ранее, СК ПРЕЗИДЕНТ мыслится ЛИ как тесно ассоциированный с СК ВЛАСТЬ – *беспечной, безответственной, фальшивой, безнравственной, уничтожающей до миллиона жителей страны в год*, поэтому и президент – глава этой власти – характеризуется как *неспособный защитить мирных людей*; пропагандирующий в стране культ *чистогана, блатняка, легкой наживы* («чужой», т.к. выражает интересы российских олигархов), считающий, что *Россия является неотъемлемой частью «антитеррористического фронта»*, и делающий все, что в его силах, чтобы *приковать ее к этому фронту*; *Даже акцию террористов на Дубровке президент считает частью международного заговора*; *впрягшегося в «антитеррористическую» колесницу, коренниками в которой являются Буш и Блэр* (к кругу однозначно «чужих» в сознании левоориентированного читателя относятся США и страны Запада – актуализация «образа врага»); имитирующий *патриотизм, решительность... смелость... скорбь*; за которым стоит *Зло-*

вещая тень Ельцина и семьи; режим которого *вскормил русской кровью чудовище террора* и т.д. Таким образом, интерпретация ассоциативных рядов СК ПРЕЗИДЕНТ на фоне контекста ЛИ позволяет утверждать, что данный СК также организован по принципу противопоставления СК МЫ → ОНИ (антинародная власть, продавшаяся Западу и Америке, т.е. «чужая», и возглавляющий ее президент, на которого полностью возлагается вина за случившееся: за теракт и его последствия).

В ПИ данный СК представлен следующими ассоциативными рядами:

1) президент → гарант Конституции; 2) президент → Россия (способный вывести страну из кризиса).

В НИ: 1) президент → президент страны Владимир Путин; президент → Россия → россияне (МЫ).

Таким образом, в ПИ и НИ изданиях интерпретации СК ПРЕЗИДЕНТ совпадают

7. Событийный концепт СМИ

Фрагменты текстов разноориентированных газетных изданий, ассоциированных по отношению к СК СМИ, представлены в **табл. 16**.

Таблица 16.

Ассоциаты СК СМИ

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
Левориентированные (ЛИ)	<p><i>С канала на канал скакали все те же Немцов с Хакамадой, шурился Познер, рокотал про «отморозков» Примаков;</i></p> <p><i>Цинично, расчетливо вытаскивали на экран; напрасно Познер оказал медвежью услугу российскому народу;</i></p>

	<p><i>П. подставляет россиян под пули исламских экстремистов, он сделал наши учреждения за границей мишенью для террористов;</i></p> <p><i>Отныне П. следует считать лично ответственным за любой теракт против россиян;</i></p> <p><i>Заходились в истерике все продажные СМИ, бросали комья грязи в коммунистов;</i></p> <p><i>А вот вреда от этой «гласности без берегов» уже немало;</i></p> <p><i>Олигархический рупор газета «Известия»;</i></p> <p><i>олигархические российские СМИ;</i></p> <p><i>Эйфория российских СМИ по поводу освобождения заложников не должна заслонять от нас подлинные причины случившейся трагедии подняли такой шум;</i></p> <p><i>Упорно раскручивают тезис о том, что могло бы погибнуть гораздо больше людей, ...если бы операция была проведена по-другому;</i></p> <p><i>Американская печать категорически отказывается признать войну в Чечне частью «антитеррористической операции» (СР).</i></p>
<p>Правоориентированные (ПИ)</p>	<p><i>В эти дни мы должны меньше заниматься холодной аналитикой разного рода, как на передаче Шустера «Свобода слова», а больше проявлять элементарную человечность (КП).</i></p>
<p>Нейтральные (НИ)</p>	<p><i>Михаил Задорнов...: военные нам опять врут;</i></p> <p><i>Господи, чем же на этот раз силовики не угодили актеру Задорнову;</i></p>

	<p>Зачем <i>Ерофееву</i> Чечня, зачем Кавказ, зачем Россия? Были бы издательства, где его <i>напечатают</i>, да чтоб <i>пускали</i> в телевизор (ВБ).</p>
--	---

Ассоциативное поле СК СМИ представлено в схеме на **рис. 4.7.**

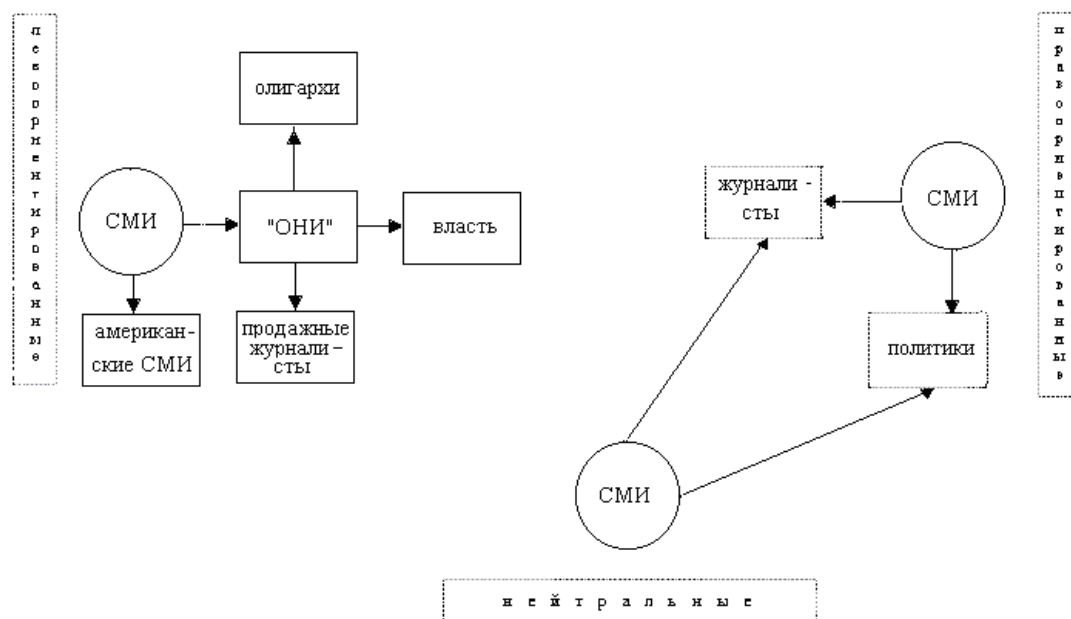

Рис. 4.7. Схема ассоциативного поля СК СМИ

В левоориентированных изданиях СК СМИ представлен следующими ассоциативными рядами:

1)СМИ → продажные (олигархические, т.е. «чужие») СМИ; 2) СМИ → российские СМИ; 3) СМИ → американские СМИ; 4) СМИ → МЫ (дистанцирование); 5).СМИ → ОНИ (журналисты, СПС, депутаты и все остальные).

Ассоциативное поле СК СМИ также строится на основе противопоставления СК МЫ → ОНИ как отграничивание себя от всего «чужого» – «чужих» олигархических СМИ, «чужих» продажных журналистов, ср.: *С канала на канал скакали все те же Немцов с Хакамадой, шурился Познер, рокотал про «отморозков» Примаков; Заходились в истерике все продажные СМИ,*

бросали комья грязи в коммунистов и т.д. Обращает на себя внимание прямой факт идентификации себя по группе, противопоставленной «чужими»: «коммунисты / олигархические СМИ», при этом под «чужим» мыслятся все российские СМИ, ср.: *Эйфория российских СМИ по поводу освобождения заложников не должна заслонять от нас подлинные причины случившейся трагедии; Упорно раскручивают тезис о том, что могло бы погибнуть гораздо больше людей, ...если бы операция была проведена по-другому* (т.е. актуализирована оппозиция МЫ → «чужие» российские СМИ). (Подобную ассоциацию можно найти и в ассоциативном поле СК ПРЕЗИДЕНТ, ср.: *президент Путин, выражающий интересы российских олигархов*).

Ассоциативные поля ПИ и НИ содержат сходные интерпретации СК СМИ: 1) СМИ → журналисты; 2) СМИ → политики. Основа ассоциаций – необходимость придерживаться общечеловеческих ценностей и правил поведения в нестандартной, трагической ситуации: призыв к некоторым журналистам, политикам, депутатам быть сдержанными, ср.: *меньше заниматься холодной аналитикой разного рода, как на передаче Шустера «Свобода слова», а больше проявлять элементарную человечность*; поменьше думать о своих личных интересах (см. например, осуждающие высказывания по поводу некоторых телевизионных программ в «Вечернем Барнауле» – приложение IV).

8. Событийный концепт СПЕЦНАЗ

Фрагменты текстов разноориентированных газетных изданий, ассоциированных по отношению к СК СПЕЦНАЗ, представлены в табл. 17.

Таблица 17.

Ассоциаты СК СПЕЦНАЗ

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
<p>Левоориентированные (ЛИ)</p>	<p>Нельзя не отдать должное профессионализму, мастерству и мужеству спецназовцев;</p> <p>Мужественные спецназовцы стремительным броском атаковали захватчиков;</p> <p>Конечно, отрадно, что все спецназовцы – участники операции остались живы;</p> <p>Профессионалы антитеррора, вооруженные до зубов бойцы спецназа потерь не понесли;</p> <p>Они, идя на штурм, рисковали собой..., ценой собственной жизни готовы были спасать, вызволять из плена беззащитных людей;</p> <p>исполнили свой долг и приказ;</p> <p>Несомненна победа героев советской выучки;</p> <p>Спецназ сделал то, что ему полагается сделать, – выполнил приказ. За это мы его и кормим;</p> <p>Кровью невинных людей он смывал провалы, предательство и ротозейство Путина, Патрушева, Рушайло, Грызлова, Лужкова, Пронина и иже с ними (СР).</p>
<p>Правоориентированные (ПИ)</p>	<p>Слава Богу, профессионалы у нас есть!... Кто виноват только в том, что взял на себя мужество принятия решения;</p> <p>... кто... шел на смерть, но остался жив;</p> <p>Они готовы были умереть под рухнувшей крышей вместе с заложниками...;</p> <p>Бойцам отрядов «Альфа» и «Вымпел» удалось</p>

	<p><i>почти невозможное;</i></p> <p><i>еще несколько офицеров «Альфы» пошли им на выручку;</i></p> <p><i>Только спокойствие спецназовцев спасло милиционеров от мордобоя (КП);</i></p> <p><i>Спецназовцы беспрепятственно подошли к задней и боковым стенам...здания;</i></p> <p><i>чуть позже штурмовикам удалось незаметно проникнуть через многочисленные боковые двери (КВ);</i></p> <p><i>Счастливые и смертельно уставшие лица этих ребят (КП);</i></p> <p><i>Мужики спали крепко, кое-кто даже во сне причмокивал губами;</i></p> <p><i>Через 3 часа спецназ ФСБ шел на верную смерть;</i></p> <p><i>Когда ребята спускались по лестнице, медперсонал смотрел на них как на обреченных, словно уходящих в НИКУДА;</i></p> <p><i>по подбежавшим к парадному подъезду штурмовикам ударили пулеметы и автоматы террористов (АиФ);</i></p> <p><i>Символ сегодняшнего дня – спецназовец, выносящий на руках из заминированного здания хрупкое тело спасенной заложницы;</i></p> <p><i>герой – спецназовец ФСБ...не может получать зарплату в десятки раз меньшую, чем «гонорары» у его рядовых врагов... (НГ)</i></p>
Нейтральные (НИ)	<p><i>А силовики, спецслужбы хладнокровно показали, что они не разучились... делать свою работу, что</i></p>

	<p><i>держат порох сухим;</i></p> <p><i>Господи, чем же на этот раз силовики не угодили актеру Задорнову (ВБ);</i></p> <p><i>Спецназовцы подошли к отверстиям в стенах, ведущих в вентиляцию;</i></p> <p><i>какой-то парень в темной форме нес меня на плече;</i></p> <p><i>таинственный газ подействовал не только на террористов и заложников, но и на самих бойцов-освободителей;</i></p> <p><i>Если бойцы «Альфы» отправились в здание, сделав себе инъекции... то следовавший вторым эшелonom СОБР весь перетравился;</i></p> <p><i>отменное здоровье и хорошая физическая подготовка;</i></p> <p><i>Спасательные группы не имели никаких спецпрепаратов...; в отравленном помещении штурмовики, в отличие от заложников, находились недолго (АН);</i></p> <p><i>Для такой работы у людей, действительно, должна быть огромная любовь к своему государству, к своей Отчизне и большая ответственность за жизни тех людей, которых приходится спасать;</i></p> <p><i>Они сделали невозможное;</i></p> <p><i>В такой сложной ситуации уничтожить боевиков, предотвратить взрывы, это по силам только профессионалам высочайшего класса (Т).</i></p>
--	---

Ассоциативное поле СК СПЕЦНАЗ представлено в схеме на **рис. 4.8**.

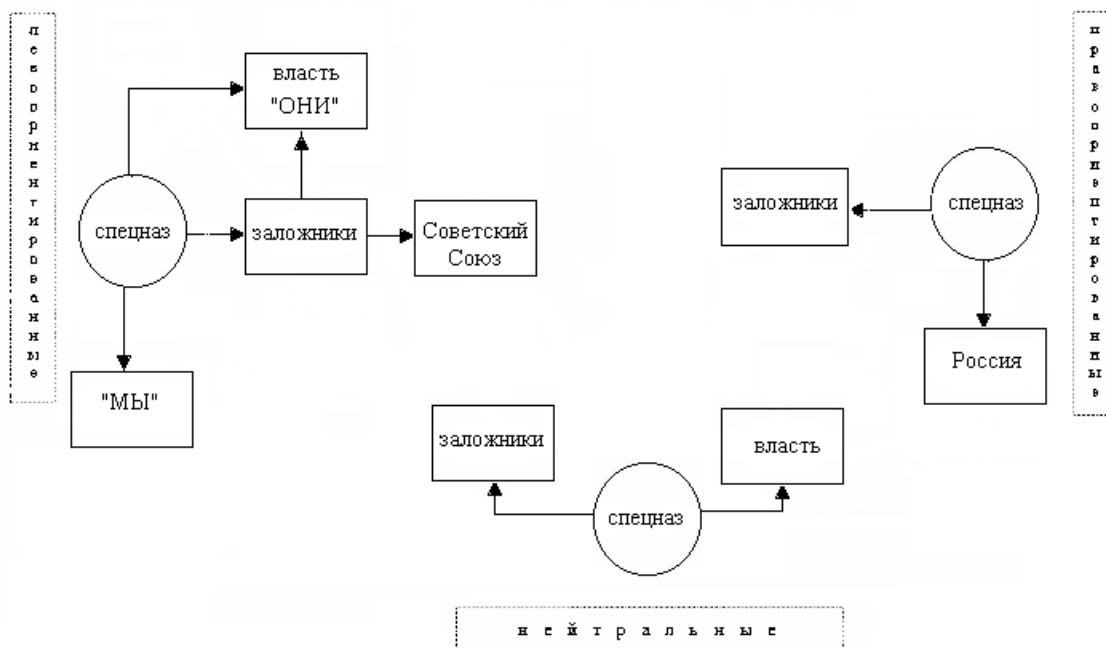

Рис. 4.8. Схема ассоциативного поля СК СПЕЦНАЗ

СК СПЕЦНАЗ в левоориентированных СМИ представлен следующими ассоциативными рядами:

1) спецназ → участники операции; 2) спецназ → заложники; 3) спецназ → профессионалы → Советский Союз; спецназ → власть («силовые» министры, президент).

Актуализация оппозиции МЫ → ОНИ.

Левоориентированные издания демонстрируют двойственную интерпретацию СК СПЕЦНАЗ: с одной стороны, отмечается, что *Они, идя на штурм, рисковали собой... ценой собственной жизни готовы были спасти, выволять из плена беззащитных людей; исполнили свой долг и приказ; Нельзя не отдать должное профессионализму, мастерству и мужеству спецназовцев*; с другой констатируется, что они просто выполняли приказ, т.е. не сделали ничего особенного: *Спецназ сделал то, что ему полагается сделать, – выполнил приказ. За это мы его и кормим (СР)*. При этом

обращает на себя внимание вновь как актуализация оппозиции СК МЫ → ОНИ, так и появление еще одного идеологического стереотипа, столь характерного для левоориентированных СМИ, представленного в интерпретации заслуг спецназа как «победы героев советской выучки»: *Несомненна победа героев советской выучки*, т.е. «советское – значит лучшее».

В ПИ представлены следующие ассоциативные ряды:

- 1) спецназ → профессионалы → бойцы отрядов «Альфа» и «Вымпел»;
- 2) спецназ → спецназовец → герой.

В нейтральных изданиях:

- 1) спецназ → силовики, спецслужбы; 2) спецназ → спецназовец → герой-освободитель, патриот; 3) спецназ → профессионалы.

Отметим, что в правоориентированных и нейтральных СМИ действия спецназа оцениваются только положительно и ассоциированы со следующими понятиями: ср. фрагменты статей 1) ПИ: *Слава Богу, профессионалы у нас есть! ... Кто виноват только в том, что взял на себя мужество принятия решения; ... кто... шел на смерть, но остался жив; Они готовы были умереть под рухнувшей крышей вместе с заложниками...; Счастливые и смертельно уставшие лица этих ребят; Бойцам отрядов «Альфа» и «Вымпел» удалось почти невозможное; еще несколько офицеров «Альфы» пошли им на выручку; Только спокойствие спецназовцев спасло милиционеров от мордобоя; Мужики спали крепко, кое-кто даже во сне причмокивал губами; Через 3 часа спецназ ФСБ шел на верную смерть; Когда ребята спускались по лестнице, медперсонал смотрел на них как на обреченных, словно уходящих в НИКУДА; по подбежавшим к парадному подъезду штурмовикам ударили пулеметы и автоматы террористов; Спецназовцы беспрепятственно подошли к задней и боковым стенам...здания; чуть позже штурмовикам удалось незаметно проникнуть через многочисленные боковые двери; Символ сегодняшнего дня – спецназовец, выносящий на руках из*

заминированного здания хрупкое тело спасенной заложницы; **герой – спецназовец ФСБ...**; **А силовики, спецслужбы хладнокровно показали, что они не разучились...** **делать свою работу, что держат порох сухим;**

2) НИ: **Спецназовцы** подошли к отверстиям в стенах, ведущих в вентиляцию; какой-то **парень** в темной форме нес меня на плече; **Что за газ закачали в театр «аквалангисты» из спецназа?**; таинственный газ подействовал не только на террористов и заложников, но и на самих **бойцов-освободителей**; **Если бойцы «Альфы»** отправились в здание, сделав себе инъекции... **то следовавший вторым эшелон СОВР** весь перетравился; **отменное здоровье и хорошая физическая подготовка**; **Спасательные группы** не имели никаких спецпрепаратов...; в отравленном помещении **штурмовики**, в отличие от заложников, находились недолго; **Для такой работы у людей, действительно, должна быть огромная любовь к своему государству, к своей Отчизне и большая ответственность за жизни тех людей, которых приходится спасать**; **Они сделали невозможное**; **В такой сложной ситуации уничтожить боевиков, предотвратить взрывы, это по силам только профессионалам высочайшего класса.**

9. Событийный концепт СПЕЦОПЕРАЦИЯ

Фрагменты текстов разноориентированных газетных изданий, ассоциированных по отношению к СК СПЕЦОПЕРАЦИЯ, представлены в **табл. 18**.

Таблица 18.

Ассоциаты к СК СПЕЦОПЕРАЦИЯ

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
<p>Левоориентированные (ЛИ)</p>	<p><i>По числу погибших заложников операция в ДК ГПЗ не имеет себе равных;</i></p> <p><i>Конечно, отрадно, что все спецназовцы – остались живы;</i></p> <p><i>Профессионалы антитеррора, вооруженные до зубов бойцы спецназа потерь не понесли, а более ста беззащитных мирных граждан погибли;</i></p> <p><i>О том, насколько эффективной была операция, судить не нам. Но эксперты по борьбе с терроризмом утверждают, что даже при самом неблагоприятном раскладе... число погибших заложников не должно превышать числа убитых террористов;</i></p> <p><i>Вызывает сомнение не избирательное⁶² применение газа;</i></p> <p><i>... тезис о том, что могло бы погибнуть гораздо больше людей,... если бы операция была проведена по-другому;</i></p> <p><i>все ли возможности переговоров были использованы? Такие переговоры следовало вести не с исполнителями, а с главарями (СР).</i></p>
	<p><i>Уникальность проведенной российскими спец-</i></p>

⁶² Ошибка первоисточника, затрудняющая понимание: не избирательное, а какое? Слитное написание устраняет непонимание: неизбирательное применение, т.е. применение ко всем без разбору (Т.Ч.).

<p>Правоориентированные (ПИ)</p>	<p><i>службами операции в ТЦ на Дубровке не вызывает сомнения;</i></p> <p><i>никто не предупредил медиков о том, с чем им придется бороться;</i></p> <p><i>антидот не был предоставлен даже сотрудникам службы спасения;</i></p> <p><i>до сих пор военные токсикологи не сообщили, какое отравляющее вещество они применили;</i></p> <p><i>более ста человек погибли... из-за отсутствия антидотной терапии и плохой организации в оказании помощи;</i></p> <p><i>штаб вовремя не информировал Минздрав об объемах помощи и о применении газа;</i></p> <p><i>Комитет здравоохранения не успел направить... необходимое количество... автомобилей и фактически не организовал сортировку пострадавших;</i></p> <p><i>в машины «скорой помощи» забрасывали по несколько человек, что лишало медиков возможности оказать первоочередную помощь в принципе;</i></p> <p><i>особое внимание обращает на себя (МЭ).</i></p>
<p>Нейтральные (НИ)</p>	<p><i>Применение спецсредств в ходе операции по освобождению заложников в Москве полностью соответствует российскому законодательству;</i></p> <p><i>операция по спасению заложников и газ... не случайно именуется спецоперацией спецсредствами (РГ);</i></p> <p><i>это был инкапаситан – газ, временно выводящий человеческий организм из строя;</i></p>

	<p><i>теоретически этот препарат не смертельный;</i></p> <p><i>главным по-прежнему остается то, что применение газа являлось на тот момент единственным средством для преодоления сложившейся кризисной ситуации (ВБ);</i></p> <p><i>Вернемся к подробностям самого драматического события штурма – газовой атаке;</i></p> <p><i>газовая атака была резервным вариантом; газовой атаке предшествовала светозумовая подготовка (АН);</i></p> <p><i>Это был единственный выход, чтобы спасти остальных людей;</i></p> <p><i>московские медики действуют очень квалифицированно, очень оперативно (РГ).</i></p>
--	--

Ассоциативное поле СК СПЕЦОПЕРАЦИЯ представлено в схеме на рис. 4.9.

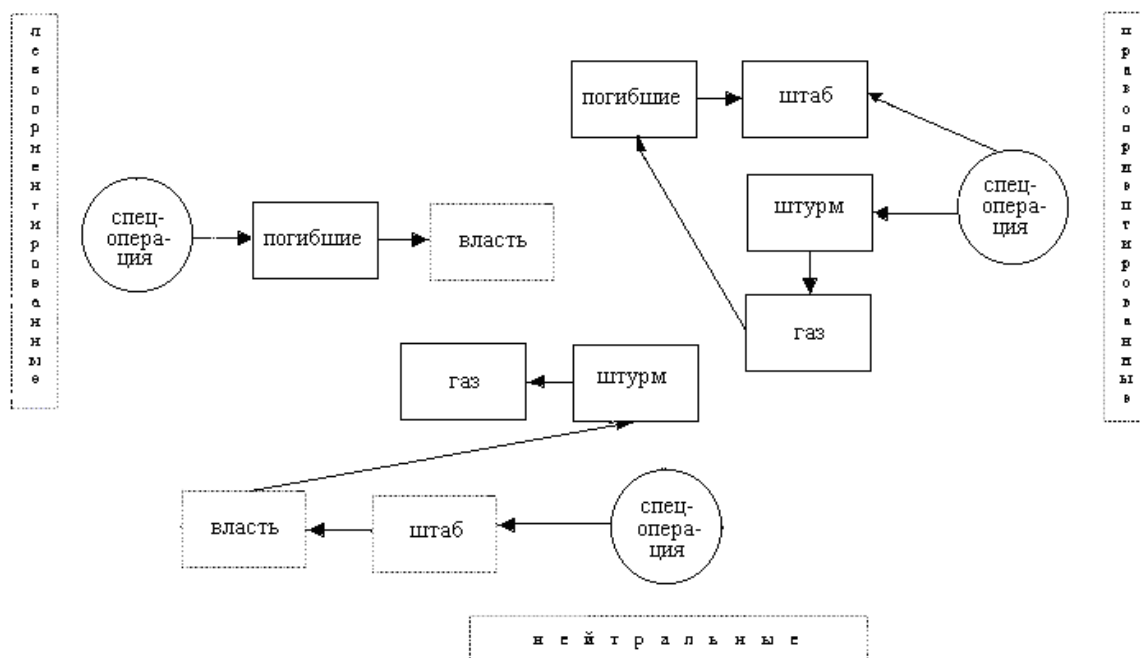

Рис. 4.9. Схема ассоциативного поля СК СПЕЦОПЕРАЦИЯ

СК СПЕЦОПЕРАЦИЯ в левоориентированных СМИ (см. схему на **рис. 4.9**) представлен следующими ассоциативными рядами:

1) спецоперация → заложники (погибшие); 2) спецоперация → спецназ → власть; 3) спецоперация → террористы (главари).

Интерпретация ассоциативных рядов ЛИ позволяет сделать вывод: спецоперация прошла неудачно, хотя в целом оценка действия властей более сдержанная, чем обычно, т.к. учтен социально-политический контекст интерпретации факта-события (то, что разрешения ситуации захвата заложников ждали все), ср.: *По числу погибших заложников операция в ДК ГПЗ не имеет себе равных; О том, насколько эффективной была операция, судить не нам* (актуализация СК МЫ). *Но эксперты по борьбе с терроризмом утверждают, что даже при самом неблагоприятном раскладе... число погибших заложников не должно превышать числа убитых террористов; Вызывает сомнение не избирательное применение газа* и т.д.

Более развернутая интерпретация представлена в ассоциативном поле ПИ, где с одной стороны указывается на уникальность проведенной операции (*не вызывает сомнения*), с другой стороны, опосредованно, через два ассоциативных ряда: 1) спецоперация → спецслужбы; 2) спецоперация → врачи – констатируется, что некоторые ответственные лица сделали свою работу недостаточно хорошо, ср.: *никто не предупредил медиков; антидот не был предоставлен; до сих пор военные токсикологи не сообщили, какое отравляющее вещество они применили; более ста человек погибли... из-за отсутствия антидотной терапии и плохой организации в оказании помощи; штаб вовремя не информировал Минздрав; Комитет здравоохранения не успел направить... необходимое количество... автомобилей и фактически не организовал сортировку пострадавших* и т.д.

Ассоциативные ряды в НИ: (1) спецоперация → спецсредства → газовая атака (единственное средство) → спецслужбы (тот, кто принимал реше-

ние о проведении операции); 2) спецоперация → заложники; 3) спецоперация → врачи) – позволяют интерпретировать описываемую ситуацию как полное оправдание действий властей, описанных и истолкованных очень подробно (см. табл. 18 и схему на рис. 4.9).

10. Событийный концепт ТЕРРОРИЗМ

Фрагменты текстов разноориентированных газетных изданий, ассоциированных по отношению к СК ТЕРРОРИЗМ, представлены в табл. 19.

Таблица 19.

Ассоциаты СК ТЕРРОРИЗМ

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
Левориентированные (ЛИ)	<p><i>Сопrotивление народов «третьего мира» попыткам установления мирового господства США, естественно, объявляется «международным терроризмом» и против него начинается «крестовый поход»;</i></p> <p><i>в авангарде сопротивления обездоленных народов американскому империализму оказались международные и национальные исламские организации, которые, к несчастью, вынуждены прибегать к террору как к одному из средств борьбы против неизмеримо более сильного противника;</i></p> <p><i>Сейчас, когда знамя борьбы с империализмом выпало из рук коммунистов, его подхватили исла-</i></p>

	<p>мисты;</p> <p><i>Эта сила имеет менее организованный и предсказуемый характер, она отличается экстремизмом и временами принимает крайне насильственные формы;</i></p> <p><i>Тогда Мовсару Бараеву было только 12 лет... Годы оголтелого антисоветизма и русофобства воспитали из него бандита;</i></p> <p><i>Он от начала до конца – порождение Ельцина – Путина;</i></p> <p><i>тогда еще были живы мужья и дети «отмороженных» смертниц Фатимы, Раисы, Зары;</i></p> <p><i>«Отморозками», как выражаются теперь видные политики, сделало их ельцинское время;</i></p> <p><i>Его режим вскормил русской кровью чудовище террора;</i></p> <p><i>в столицу прорывается полсотни до зубов вооруженных убийц;</i></p> <p><i>Бандиты продемонстрировали всем гражданам их полную беззащитность и беспомощность;</i></p> <p><i>но нам не дано переубедить этих чеченских мальчишек и девчонок, что их борьба за правое дело – терроризм (СР).</i></p>
Правоориентированные (ПИ)	<i>Мы можем стать нацией, объединившись против общей напасти – терроризма (НГ).</i>
Нейтральные (НИ)	–

Ассоциативное поле СК ТЕРРОРИЗМ представлено на **рис. 4.10**.

В левоориентированных изданиях СК ТЕРРОРИЗМ образует следующие ассоциативные ряды:

1) терроризм → «международный терроризм» (народы «третьего мира») → империализм → США (т.е. международный терроризм представляет собой *сопротивление народов «третьего мира» попыткам установления мирового господства США*); 2) терроризм → «международный терроризм» → обездоленные народы → террористы → террор → средство борьбы (следовательно, терроризм рассматривается и оправдывается ЛИ как средство борьбы обездоленного народа; ср.: *международные и национальные исламские организации, которые, к несчастью, вынуждены прибегать к террору как к одному из средств борьбы против неизмеримо более сильного противника*); 3) терроризм → коммунисты → исламисты (исламисты в борьбе с международным империализмом заменили коммунистов, ср.: *знамя борьбы с империализмом выпало из рук коммунистов, его подхватили исламисты*, таким образом, СК ТЕРРОРИСТЫ через данную ассоциацию вводится в «свой» круг для левоориентированного читателя; 4) терроризм → власть (ОНИ – Ельцин-Путин) → террористы (т.е. вина за совершенный теракт полностью возлагается на нынешнюю и прошлую власть, характеризуемые как *годы оголтелого антисоветизма и русофобства, воспитавшие бандитов из чеченских мальчиков и девочек; они от начала до конца – порождение Ельцина – Путина* и т.д.). Опять же четко очерчивается «свой» круг (через противопоставление «чужим» – нынешней власти), в которую, очевидно, не совсем сознательно, через идентификацию по узкой политико-идеологической группе (единая борьба против мирового империализма) вводятся и террористы (исламисты).

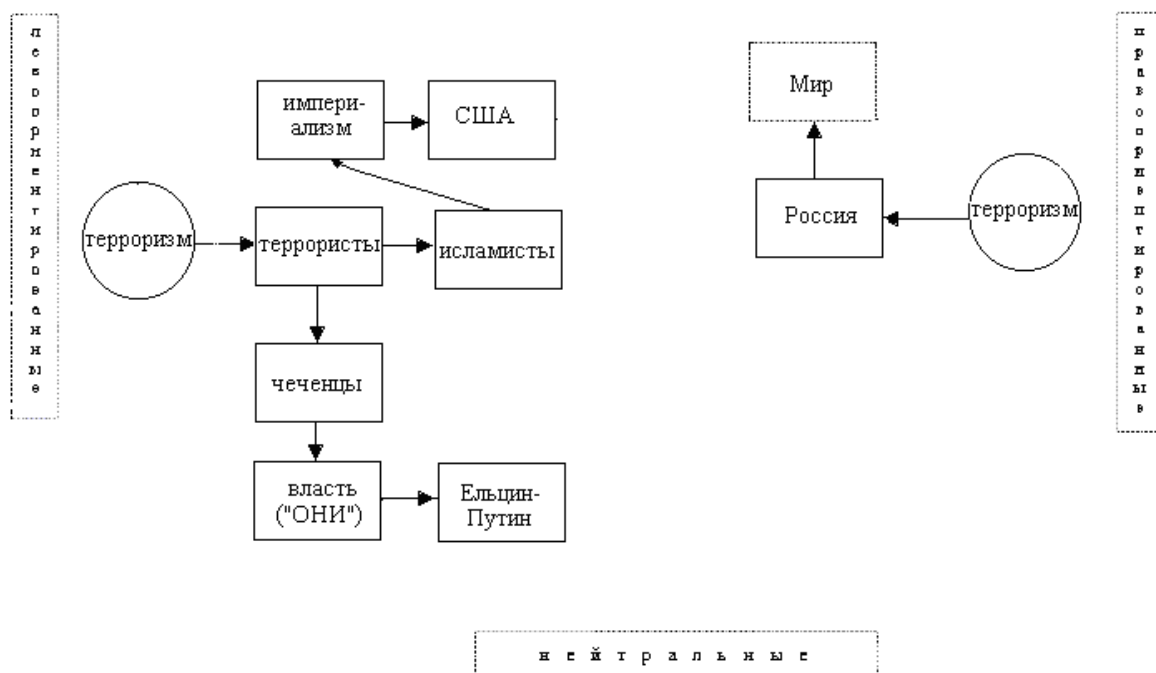

Рис. 4.10. Схема ассоциативного поля СК ТЕРРОРИЗМ

11. Событийный концепт ВОЙНА

Фрагменты текстов разноориентированных газетно-публицистических изданий, ассоциированных с СК ВОЙНА, представлены в табл. 20.

Таблица 20.

Ассоциаты СК ВОЙНА

Тип издания	Ассоциируемые с СК фрагменты текстов
Левориентированные (ЛИ)	<p><i>В основе случившегося лежат две чеченские войны, первая из которых развязана преступным режимом Ельцина, вторая – режимом Путина;</i></p> <p><i>Это же вы не дали в мае 99-го положить конец геноциду, оградить кровавого Ельцина от ответственности за чеченскую бойню, за пачку долларов</i></p>

	<p><i>спасли его от импичмента!;</i></p> <p><i>Назвать эти войны /чеченские/ антитеррористической операцией – значит грешить против истины;</i></p> <p><i>подлинными примерами успешных антитеррористических операций была ликвидация бандитизма бендеровцев на Западной Украине и фашистских недобитков в Прибалтике;</i></p> <p><i>Террористов и бандитов не ликвидируют путем применения тяжелой артиллерии, фронтовой авиации, танков, бэтээров и другой тяжелой техники (СР).</i></p>
<p>Правоориентированные (ПИ)</p>	<p><i>Я, как ветеран войны в Афганистане, заявил о недопустимости и опасности такой силовой акции;</i></p> <p><i>своими глазами увидел результаты «молниеносной» войны в Чечне;</i></p> <p><i>то, что поведали солдаты, обмененные на продукты питания, вызвало жгучую боль и горечь за утраченные жизни сотен пацанов, брошенных в кровавую мясорубке;</i></p> <p><i>то, что поведал сопровождавший нас в Грозном полковник..., вызвало ненависть и презрение к министру обороны России Павлу Грачеву, ... который за несколько лет до начала трагедии в составе комиссии от имени России лично передал президенту Чечни... танки, самолеты и все остальное вооружение и снаряжение двух дивизий;</i></p> <p><i>имперские амбиции с одной стороны и шапкоза-</i></p>

	<p><i>кидательство – с другой приводят к неслыханной трагедии, длящейся почти десятилетие в собственной стране;</i></p> <p><i>Политики, принимающие решения, способные запустить маятник кровавой бойни, остаются безнаказанными (СК).</i></p>
<p>Нейтральные (НИ)</p>	<p><i>В июне прошлого года Федеральные силы уничтожили одного из самых жесточких и беспринципных главарей боевиков Арби Бараева;</i></p> <p><i>бывший старшина ГАИ в первую чеченскую кампанию стал ближайшим сподвижником Масхадова;</i></p> <p><i>ему... присвоено звание «бригадного генерала»;</i></p> <p><i>главное – шанс к личному обогащению; профиль своего бизнеса – захват заложников;</i></p> <p><i>«Работорговцем номер один» в Чечне друг Масхадова стал позднее;</i></p> <p><i>но когда сделка срывалась, главарь террористов проявлял невиданную жесточкость;</i></p> <p><i>приказал отрубить несчастным головы;</i></p> <p><i>в своем племяннике Мовсаре Саламове... видел достойного преемника;</i></p> <p><i>вошел в личную охрану..., демонстрируя преданность дяде;</i></p> <p><i>Молодой Бараев ...действовал особо жестоко и всячески афишировал это; бандиты Мовсара Бараева;</i></p> <p><i>у дорвавшегося до денег террориста стали возникать серьезные конфликты с другими бандитски-</i></p>

	<p><i>ми главарями;</i></p> <p><i>таковы они, «радетели чеченского народа», олицетворяющие всю мерзость и жестокость сепаратистского воинства (Т);</i></p> <p><i>в итоге затухающая понемногу война вспыхнула бы с новой страшной силой;</i></p> <p><i>«отдай» Чечню бандитам, они ...уничтожат треть населения Чечни, треть сделают рабами, а треть завербуют в «волчата»;</i></p> <p><i>Увы, войны не прекращаются. Войны или выигрывают или проигрывают (ВБ).</i></p>
--	--

Ассоциативное поле СК ВОЙНА представлено в схеме на рис. 4.11.

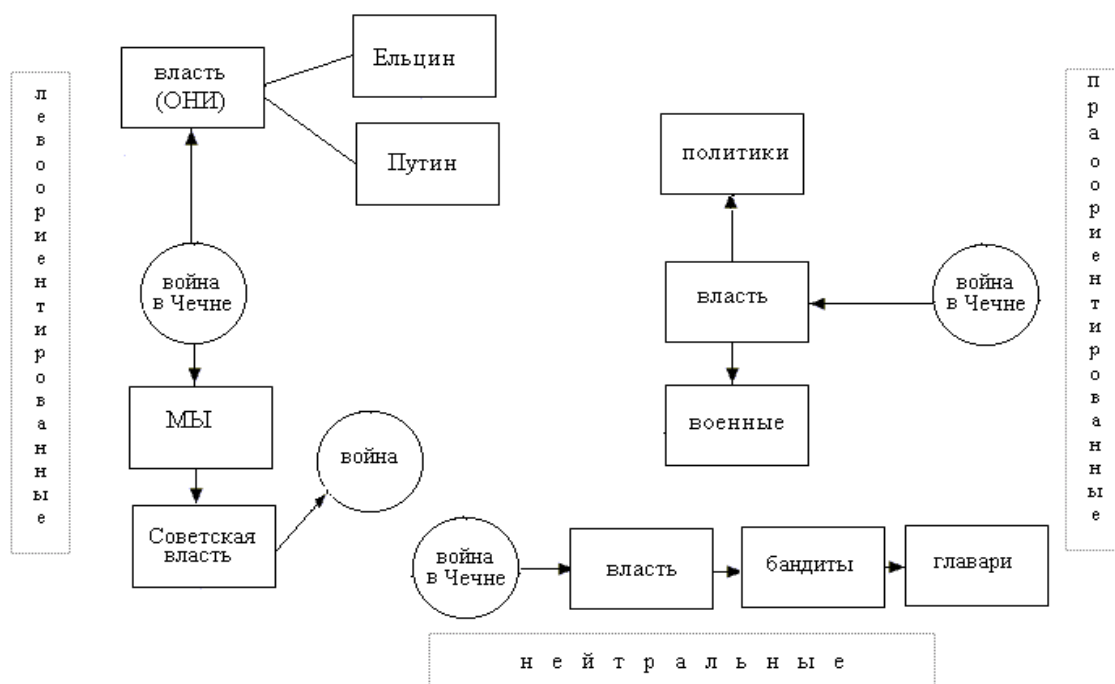

Рис. 4.11. Схема ассоциативного поля СК ВОЙНА

В левоориентированных СМИ СК ВОЙНА представлен следующими ассоциативными рядами:

1) война → власть → война в Чечне; 2) война → антитеррористическая операция → подлинная антитеррористическая операция (во время Великой Отечественной войны).

Обращают на себя внимание уже описанные ранее стереотипы левоориентированного сознания, актуализируемые и при ассоциировании с СК ВОЙНА: 1) интерпретация действующей власти как «чужой», ср.: *преступный режим Ельцина-Путина*, развязавший войну в Чечне, приведшую к захвату заложников в Москве (т.е. актуализация оппозиции МЫ – ОНИ); 2) подлинная – мнимая террористическая операция по устранению бандитов-террористов как обращение к прошлому, неизменно положительному («временные» и «локальные» стереотипы).

В ПИ СК ВОЙНА представлен следующими ассоциативными рядами:

1) война → война в Чечне → солдаты; → кровавая мясорубка; 2) война → военные (Грачев) → война в Чечне; война → власть → война в Чечне → трагедия. Интерпретация ассоциативных рядов в контексте правоориентированных изданий (см. **приложение I**) позволяет сделать следующий вывод: авторы текстов осуждают войну в Чечне как **силовую акцию; кровавую мясорубку, кровавую бойню**, в которой утратили жизни *сотни пацанов*; характеризуют ее как **неслыханную трагедию, длящуюся почти десятилетие в собственной стране**, вызванную **имперскими амбициями с одной стороны и шапкозакидательством – с другой...**; виновниками этой трагедии называются политики, *принимающие решения* (в частности министр Грачев), которые *остаются безнаказанными*. Как было указано ранее, в круг этих ассоциаций не входит СК ПРЕЗИДЕНТ (в отличие от ассоциативных рядов ЛИ).

Однозначная интерпретация действий власти как правомерных предстает в материалах нейтральные СМИ, в которых ассоциативный ряд «война

→ война в Чечне → террористы → бандиты → главари» строится на подробном описании неприглядных действий террористов в самой Чечне (см. таблицу 20).

4.2.4. Интерпретативные поля публицистических сверхтекстов как отражение фрагментов модели мира читателей разноориентированных газетных СМИ

Сопоставительный анализ ассоциативных полей, сформированных по результатам смыслового и интерпретационного анализов СК, позволяет обнаружить внутреннюю когнитивную направленность содержания разноориентированных СМИ и стоящих за ними авторов на определенную категорию читателя как один из важных факторов согласованности параметров адресата в сфере современной массовой коммуникации, реализуемых часто (как в левоориентированных СМИ) через систему устойчивых идеологических стереотипов сознания. Успешная газетная коммуникация предполагает, что при интерпретации *события* пишущий в СМИ обязательно опирается на *свою модель слушающего* («эскиз аудитории», «коммуникативный портрет адресата» и т.д.), причем апелляция к «своей» аудитории требует от пишущего особых способов конструирования текста с учетом той концептуальной системы, которая актуализирована в сознании читателя.

Интерпретация фрагментов текстов, ассоциированных с СК ТЕРАКТ в разноориентированных изданиях, позволяет выстроить *интерпретативные поля*, отражающие фрагмент модели мира читателей разных публицистических сверхтекстов (см. схемы на **рис. 4.12** и **4.14**).

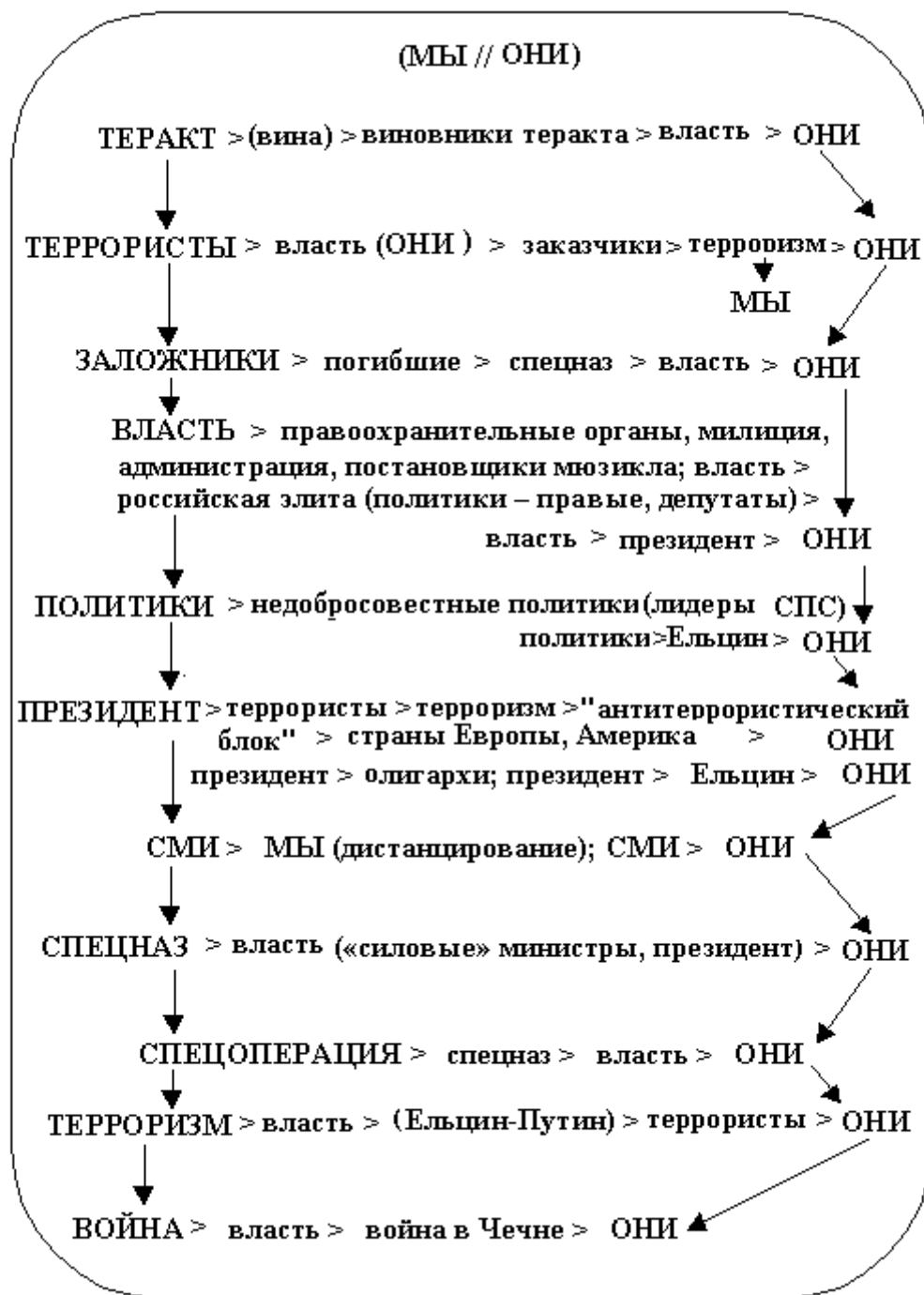

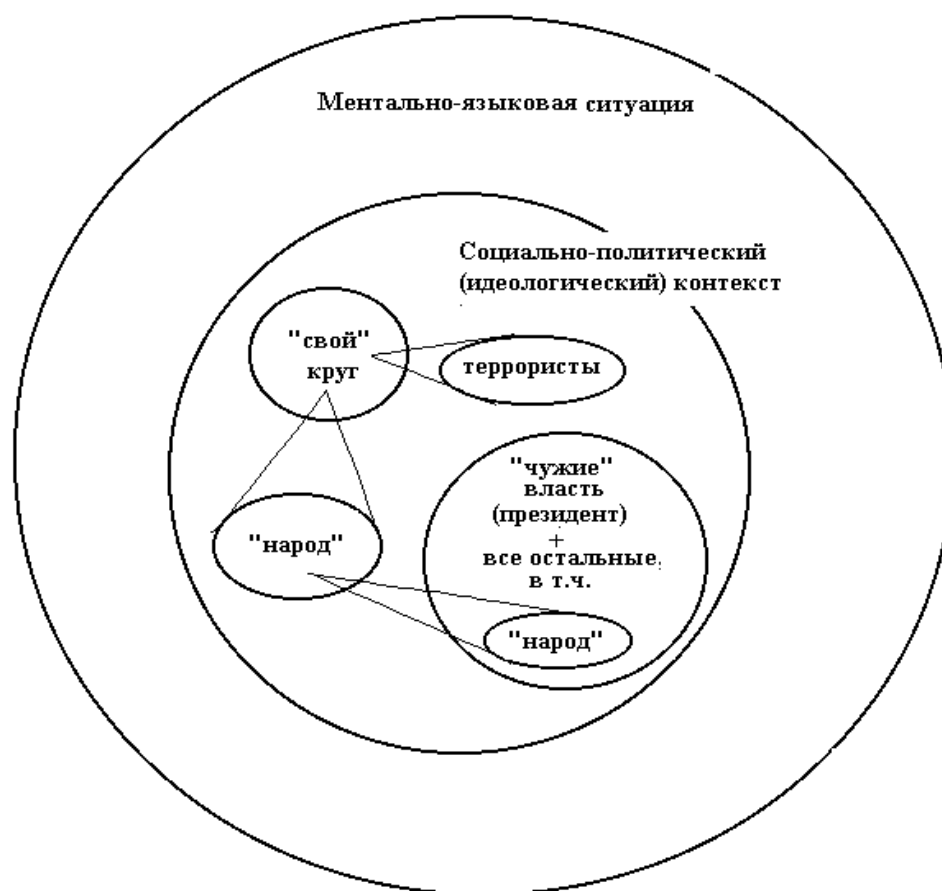
Рис. 4.12. Схема интерпретативного поля левоориентированных изданий, актуализирующих СК ОНИ

1. Интерпретативное поле ЛИ организовано по принципу оппозиции СК МЫ – ОНИ («Свое – Чужое»), при этом «вектор ассоциаций» опирается на апелляцию авторов ЛИ к счастливому прошлому (Советская власть, Со-

ветский Союз и т.д.), которое безвозвратно потеряно по вине новой власти и тех, кто ее окружает; к соответствующим событиям этого прошлого (годы Великой Отечественной войны как наиболее героические в истории существования советского государства, по мысли авторов), локализованном в пространстве и времени (см. схему на **рис. 4.12**).

Обобщение данных всех ассоциативных полей и интерпретативного поля левоориентированных изданий позволяет представить фрагмент модели мира автора-читателя анализируемых средств массовой информации (см. схему на **рис. 4.13**).

Рис. 4.13. Схема фрагмента модели мира читателя левоориентированных изданий

Если принять во внимание замечание исследователей (Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, а вслед за ними М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой), о том, что смена идеологической парадигмы (дуальной по своей природе) в России может осуществляться двумя путями: 1) изменением самой глубинной структуры, когда она, меняясь, обнаруживает зависимость от существовавшей ранее культурной модели, поскольку строится «как выворачивание наизнанку», как перестановка существующего с переменной знаков; 2) сохранением всех старых структурных контуров при их одновременном решительном переименовании [Китайгородская, Розанова, 2003, с. 154], то можно констатировать, что формирование текстов левоориентированных СМИ (также как и текстов русской современной культуры в целом [Там же, с. 155]) идет по второй модели, однако с сохранением прежнего идеологического каркаса и всего набора стереотипов тоталитарной идеологии.

При этом желание авторов (и читателей) во что бы то ни стало сохранить «свой» круг, провести между «своими» и «чужими» четкую границу приводит к внутреннему конфликту в сознании читателя (и автора) оппозиционных СМИ, поскольку круг «свои», под которым, прежде всего, мыслится узкий круг (идеологическая общность – носители коммунистической идеологии), включает в себя и некую абстрактную общность – «народ», границы которой весьма неопределенны и зыбки. С одной стороны, это *народы мира*, ср.: *Между тем народы мира все отчетливее понимают, что т.н. «антиимпериалистическая операция» является всего лишь ширмой войны США за мировое господство*; с другой, – безучастная толпа зевак, например: *А в наше время «участие» народа зачастую сводится к толпе зевак, безучастно наблюдающих за трагедией со стороны. Это было и вовремя расстрела Белого дома в 1993 году (см. приложение IV, табл. 8)*; с третьей, это, например, правоохранительные органы, милиция, администрация, постановщики мюзикла, недостаточно хорошо выполнившие свой долг (см. табл. 13), ср.: *Где в*

это время были правоохранительные органы, милиция, администрация ДК, постановщики мюзикла? Вряд ли можно найти пример столь вопиющей беспечности и безответственности и т.д. Таким образом, получается, что в процессе интерпретации концепт НАРОД (явно ассоциируемый в сознании левоориентированных читателей со стереотипом «весь советский народ») оказывается пустым, поскольку ассоциированные с ним понятия переходят в противоположное ассоциативное поле – «чужие», а со «своими», на основании узкой идеологической общности (как борцы с империализмом), неожиданно начинают ассоциироваться террористы (см. табл. 19).

2. Интерпретативное поле правоориентированных изданий представлено схемой на **рис. 4.14**.

Интерпретативное поле ПИ строится как единое смысловое пространство, в котором намечено две основные интерпретационные составляющие: тематическим центром первой является СК ПРЕЗИДЕНТ как гарант Конституции, вокруг которого организуются все СК, составляющие фреймовую структуру ТЕРАКТ (см. **схему**), а центром второй выступает СК ВЛАСТЬ (т.е. «политическая элита», по вине которой теракт оказался возможным).

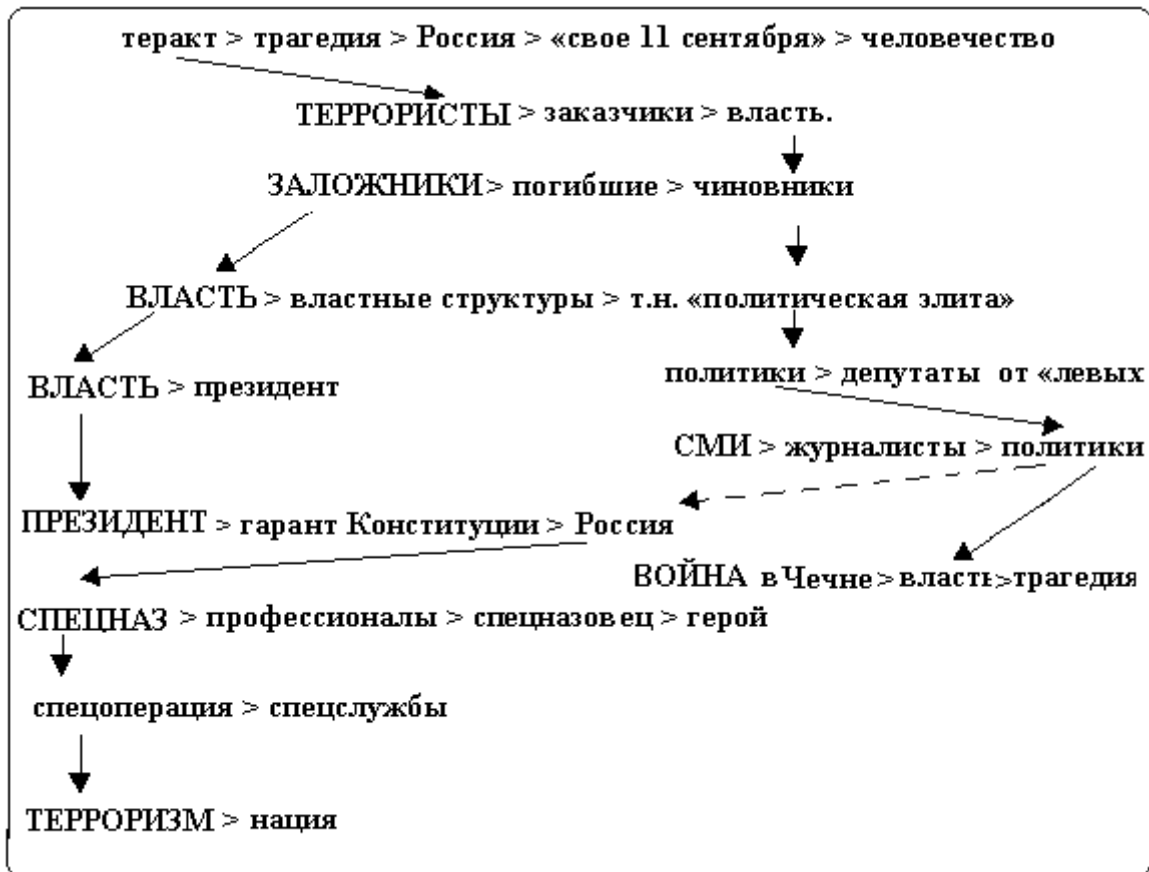

Рис. 4.14. Схема интерпретативного поля правоориентированных изданий

Обобщение данных всех ассоциативных полей и интерпретативного поля ПИ позволяет представить *фрагмент модели мира* автора-читателя анализируемых средств массовой информации (см. схему на **рис. 4.15**).

Общность, к которой причисляют себя авторы-читатели правоориентированных СМИ, вполне определена: это страна, Россия, нация, русский народ, мировое сообщество и все человечество, т.е. МЫ, ср.: *Страна подвигов, слишком часто «подготовленных» собственной беспечностью; гении каждый в отдельности и толпа троечников – все вместе; полная противоположность Америке; можем быть нацией... не населением, а нацией – мужественной и ответственной; Граждане страны Россия – достаточно*

вменяемые люди...; *Только вместе мы победим* (НГ) (приложение IV)⁶³ и др.

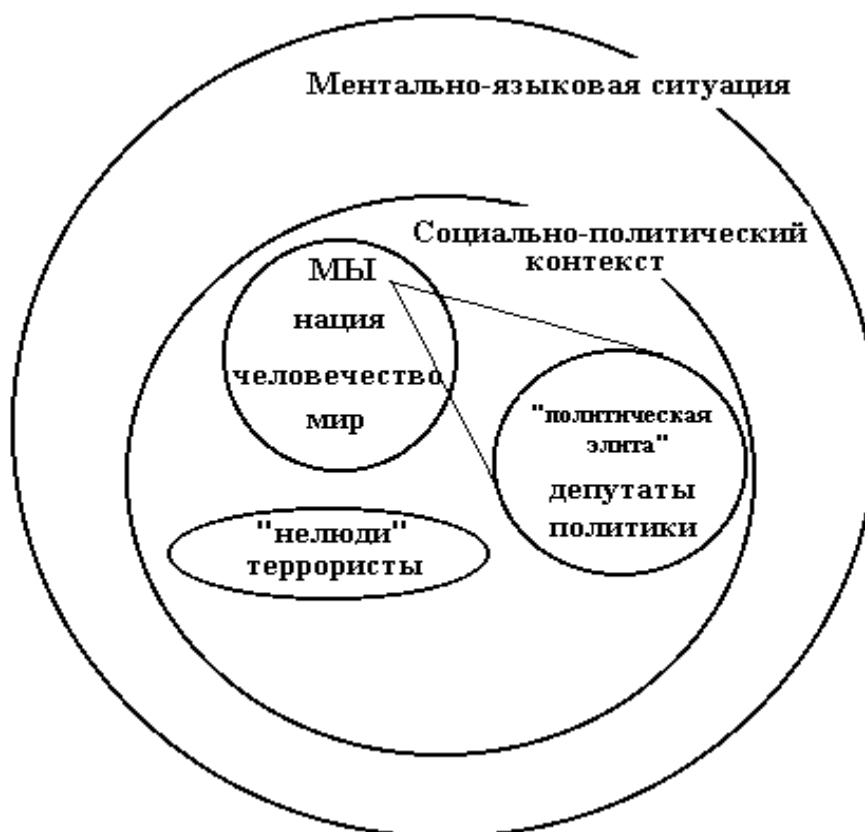

Рис. 4.15. Схема фрагмента модели мира читателя правоориентированных изданий

Отсутствие внутреннего конфликта в общности (за исключением решительного неприятия действий некоторых властных структур, политиков, депутатов и т.п., которые активно осуждаются авторами исследуемых тек-

⁶³ Ср. аналогичное осмысление данных концептов по материалам нейтральных изданий: *Страна засыпала с привычной уже тоской, горечью, страхом и растерянностью: неужели снова «облажаемся»...*, как всюду за последний десяток лет, сядем в лужу, превратим трагедию в фарс, боль и ненависть – в телевизионное шоу? Путин: *«Мы доказали, что Россию нельзя поставить на колени»*; *Похоже, весь-то мир вместе с нами вздохнул с облегчением, узнав, что Россия не умылась в очередной раз неотмытой кровью и не захлебнулась в плаче и бессилии, а убедительно продемонстрировала: в доме есть хозяин и пора с этим считаться; будет Россия страной бандитской, волчьей или страной нормальной, для людей* (ВБ, приложение IV, таблица 12).

стов, см. табл. 13, 14 данной главы) и единство ее по отношению к террористам как грубой, безжалостной силе, не достойной звания человека, придает фрагменту мира, рисуемому правоориентированными СМИ оптимистичность (связанную в основном с действиями спецназа по освобождению заложников), поскольку теракт мыслится как то, что поможет нации сплотиться перед лицом опасности, ср.: *У России теперь есть свое 11 сентября – трагедия 23-25 октября, которая должна объединить нацию* (НГ, приложение I), ср. также фрагмент из ВБ: *Мы оплакиваем погибших, сопереживаем горю их близких. Но в субботу утром победила Россия. Легких побед вообще не бывает* (приложение IV).

4.3. Лингвостилистические особенности разноориентированных газетных СМИ в аспекте фактора адресата

Согласно нашей гипотезе, разное мнение об одном и том же «предмете» в разноориентированных газетных СМИ будет проявляться как через круг привычных для «своего» читателя ассоциаций (на уровне системы событийных концептов, представляющих через текст фрагменты модели мира разноориентированного читателя), так и через совокупность экспрессивных лексических единиц, отбираемых автором публикаций с учетом типичных языково-стилевых пристрастий «своего» читателя.

4.3.1. Узуально-стилевой комплекс как механизм языково-стилевого отбора в сфере массовой газетной коммуникации

Речевая деятельность людей может быть описана с позиций стилистики при помощи методов сопоставления внутренних и внешних по отношению к языку факторов языково-стилистического отбора. При этом единицей иссле-

дования выступает **высказывание** как фрагмент текста – ценная в коммуникативном отношении самодостаточная коммуникативно-информативная единица, отражающая процесс речевой деятельности и его результат.

В пределах каждого высказывания прослеживается подготовка и осуществление стилистического отбора как конечной стадии языкового отбора. Чем же определяется конечная стадия стилистического отбора? Очевидно, что причины использования различных стилистически окрашенных элементов, например, в текстах одной тематики, ориентированных на разного получателя информации, носят, прежде всего, внеязыковой характер и обусловлены **ситуацией общения**, физическим и психологическим **состоянием участников** речевой ситуации (что находит реализацию, например, в продуцировании потенциально конфликтного текста [Чернышова, 1999, 2000а]), **внеязыковыми** (внеконтекстными) **отношениями говорящих** (например, принадлежность их к одной социально-политической или психосоциальной общности), **истинными намерениями** говорящего (не просто передать информацию, а продемонстрировать личную или социальную оценку по поводу интерпретируемого факта-события, например, крайнюю степень раздражения, недовольства, осуждения т.д.). Следовательно, каждый акт языкового употребления имеет экстралингвистическое обоснование. Отбирая и сопоставляя языковые единицы применительно к речевой ситуации, стилистический отбор приспособливает их к условиям и целям общения.

Исследователи отмечают, что стилистический результат речевой деятельности определяется следующими типологическими **признаками**:

– равенство или неравенство постоянных и переменных социально-речевых позиций его участников: их расстановка (контактная или дистантная), форма (письменная или устная), официальность или неофициальность их взаимоотношений в момент осуществления речи;

– соответствие формального количества участников общения необходимости полной или частичной опоры на общественный языковой опыт, зависящий от типа словесного отбора – спонтанного или подготовленного [Стилистика русского языка..., 1987, с. 27].

Будучи отобранными, языковые средства получают **стилистическое значение**, т.е. становятся **стилистическими средствами**, обладающими коннотативным смыслом – добавочной информацией к лексическому и грамматическому значению элемента языка. При этом под **стилистическим значением** понимаются дополнительные к собственно лексическому, предметному или грамматическому значению признаки, которые имеют постоянный характер в определенных условиях и входят в семантическую структуру языковой единицы. Стилистическое значение вытекает из совокупности следующих факторов: 1) эмоционально-экспрессивная окраска языковой единицы; 2) функционально-стилевая окраска языковой единицы; 3) характеристика сочетающихся с ней единиц; 4) соотношенность обеих сторон окраски с ситуацией общения и коммуникативной установкой говорящего [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 82]. Комбинация стилистических средств образует **стилистический прием**, призванный создать в тексте определенную стилистическую тональность, стилистический фон, помогающий автору реализовать коммуникативную роль высказывания – **экспрессивное задание**. Стилистический отбор приводится в действие **узуально-стилевым комплексом** – категорией, позволяющей описать систему стилистически значимых употреблений текстов разных стилей «в реальном языке реальной эпохи», так как коллективные навыки стилистически значимого употребления чувствительны к историческому развитию языка и активно меняются во времени [Стилистика русского языка..., 1987, с. 21]. Таким образом, узуально-стилевой комплекс, как следует из предшествующих рассуждений, включает в себя несколько иерархически взаимосвязанных составляющих: стилистические

средство, стилистическое значение, стилистический прием, стилистическое задание/эффект, которые в перечисленной последовательности демонстрируют **механизм употребления языка в речи**.

Исследователи отмечают, что категория стилистического узуса неоднородна по своему составу: **стилистические средства и приемы**, обладающие **стилистическим значением**, отражают внутренние закономерности стилистически отмеченного употребления языка, а **стилистическое задание и стилистический эффект** представляют собой «социально-психологический комментарий» к речевой коммуникации [Там же]. Таким образом, узуально-стилевой комплекс строится на противопоставлении внутриязыкового и внеязыкового, соотносящихся между собой как **план содержания** и **план выражения**, как стилистическое значение и стилистическое (экспрессивное) задание (см. **табл. 21**). Противопоставленность внутриязыкового и внеязыкового в процессе стилистического отбора обуславливает роль стилистического значения и стилистического задания: «Вне коммуникации экспрессия абстрактна» коммуникации [Там же].

На наш взгляд, категория узуально-стилевого комплекса глубоко антропоцентрична, прежде всего, потому, что ее «пусковым механизмом», осуществляющим отбор стилистически отмеченных языковых элементов и их комбинацию («отражение результатов индивидуализированного языкового отбора на фоне коллективно вариативности языкового сознания как сознания социально-группового» [Стилистика русского языка..., 1987, с. 27]), во многом определяющих характер социально-психологического комментария соответствующей речевой коммуникации, является человек – языковая личность, структура которой находит отражение в текстах через ассоциативно-вербальную сеть, тезаурус и лексикон.

Таблица 21.

**Узуально-стилевой комплекс
как механизм употребления языка в речи**

Стилистическое средство →	Стилистическое значение →	Стилистический прием →	Стилистическое задание/ эффект
Компоненты стилистически отмеченного употребления языка			<i>Компоненты социально-психологического комментария к речевой коммуникации</i>
Внутриязыковое			Внеязыковое
План выражения			План содержания
Языково-стилевой состав высказывания как коммуникативно-речевой единицы			Взаимодействие участников коммуникации

Таким образом, стилистически окрашенные средства для описания того или иного факта-события отбирает автор с учетом «коллективных навыков стилистически значимого употребления языка» в какой-либо определенной сфере общения (например, в сфере газетно-публицистической) и с учетом стилистических пристрастий той общности языковых личностей, к которой автор себя причисляет.

Социально-психологический комментарий к той или иной речевой ситуации в сфере массовой коммуникации во многом обусловлен теми компонентами событийной модели, которая будет представлена в главе 5 на мате-

риале газетных текстов, посвященных выборам губернатора в Алтайском крае (апрель 2004 г.) и опросов респондентов, т.е. *социально-психологический комментарий* как компонент плана содержания, реализующий стилистическое задание и обеспечивающий стилистический эффект текста в соответствии с авторским замыслом и учетом модели адресата, входит в событийную модель в качестве параметра согласования коммуникантов в описываемой сфере.

С учетом сказанного модель УСК может быть представлена следующим образом (см. схему на **рис. 4.16**).

Рис. 4.16. Схема модели узально-стилевого комплекса в событийном аспекте

4.3.2. Лингвостилистический анализ текстов разной социально-политической направленности

Описание лингвостилистических особенностей газетно-публицистических текстов осуществлено в работе с опорой на выделенные в процессе смыслового и интерпретационного анализов *ассоциативные поля* (см. схемы на **рис. 4.1–4.11**), таблицы стилистически окрашенных языковых единиц – ассоциатов (см. **табл. 10–20**), соотносимых в анализируемых текстах с СК, организующими внутреннюю когнитивную структуру вербального факта, отражающего реальный факт – террористический акт на Дубровке (Москва, 2002 г.), а также табл. **приложения IV**.

Стилистические особенности разноориентированных СМИ проявляется, как будет показано далее, через отбор *экспрессивных лексических единиц* (ЭЛЕ), под которыми мы, вслед за Н.А. Лукьяновой, будем понимать «слово (лексему или ЛСВ), языковая значимость которой обусловлена экспрессивной функцией языка» – семантической функцией, предназначение которой – «с помощью образных или необразных вербальных форм выразить определенное языковое содержание, связанное с качественно-количественной характеристикой реальных «предметов» и их эмоциональной оценкой субъектом» [Лукьянова, 1986, с. 43]. Подобная трактовка ЭЛЕ и экспрессивной функции языка для нас особенно привлекательна, поскольку публицистический текст мы рассматриваем в аспекте фактора адресата, а «экспрессивное слово, строго говоря, не соотносится с денотатом, т.е. с классом однородных явлений, оно соотносится с референтом», «...в семантике экспрессивного слова отражается не столько самый «предмет», сколько отношение к нему человека, мнение о «предмете» [Там же, с. 43-44].

В своем исследовании мы также используем понятие *эмоциональный тон высказывания*, под которым будем понимать эмоциональную окраску

текста, обусловленную контекстом и во многом зависящую от той эмоции, которой окрашен тот или иной контекст [Там же, с. 49]. По замечанию Т.А. Лукьяновой, такие эмоции, как раздражение, гнев, неудовольствие и др., «не представлены в значениях ЭЛЕ, но они создают эмоциональный тон высказывания, обуславливающий выбор экспрессивных словоформ с определенной аллосемой «эмоциональная оценка»» [Там же, с. 55].

1. Стилистическая окраска языковых единиц, ассоциированных с СК МЫ и ОНИ

Идеологизированное сознание левоориентированного читателя делит мир на две непримиримые части, к одной из которых относится СК МЫ (как правило, положительная эмоционально-экспрессивная окраска и мелиоративная оценочность) и ОНИ – власть и все, что с ней связано (ярко выраженная сниженная эмоционально-экспрессивная окраска с пейоративной оценочностью, усиливаемая функционально-стилевой окраской разговорности, просторечности, жаргонности) (см. табл. 22, 23).

Таблица 22.

Представление событийного концепта МЫ в левоориентированной прессе (лингвостилистический аспект)

МЫ (со знаком «плюс» или нейтрально)
выражаем сочувствие: <i>Разделяем боль наших соотечественников, скорбим вместе с ними, соболезуем; Слова признательности спецназовцам;</i>

испытываем гордость: *гордимся, что у России есть доктора, для которых их врачебный долг – превыше всего;*

все знаем и правильно понимаем: *Такие переговоры следовало вести не с исполнителями, а с главарями; Эйфория российских СМИ по поводу освобождения заложников не должна заслонять от нас подлинные причины случившейся трагедии; В основе случившегося лежат две чеченские войны, первая из которых развязана преступным режимом Ельцина, вторая – режимом Путина;*

заботимся об интересах народа: *Правда нужна живым, чтобы не повторять своих ошибок;*

являемся единым целым с народом: *Давайте искать истину вместе, всем миром;*

объективно оцениваем ситуацию: *Тщательный анализ обстоятельств самого захвата заложников, комментарий западной и российской прессы, свидетельства очевидцев и другие материалы...*

В целом эмоциональный тон высказываний, характеризующих СК МЫ в левоориентированной прессе, нейтрален, однако в контексте, на фоне извлеченных из контекстов с помощью интерпретационного анализа смысловых рядов, составляющих СК МЫ, и контрастно отрицательной оценочности СК ОНИ, эмоциональный тон высказываний предстает как весьма положительный, ср. опорные пункты интерпретации СК МЫ: выражаем сочувствие; испытываем гордость; все знаем и правильно понимаем; заботимся об интересах народа; являемся единым целым с народом; объективно оцениваем ситуацию.

Кроме того, эмоциональный тон высказываний, соотносящих СК МЫ с СК ЗАЛОЖНИКИ, окрашен эмоциями жалости и сочувствия, которые могут создаваться ЭЛЕ со значением одобрительности и нейтральности [Лукьянова,

1986, с. 50], а в публицистических текстах, по нашим наблюдениям, представлены как ЭЛЕ со словарными пометами *высокое* и *книжное*, так и нейтральными ЛЕ (см. табл. 19): *разделяем боль наших соотечественников, скорбим вместе с ними* (ср.: скорбеть – «высок. Испытывать скорбь, горевать»), *соболезнуем* (ср.: соболезновать – «книжн. Высказать соболезнование (сочувствие, сожаление)»); *Слова признательности* спецназовцам (ср.: признательность – «чувство благодарности») [Ожегов, 1986] и др.

Таблица 23.

**Представление СК ОНИ
в левоориентированной прессе (лингвостилистический аспект)**

ОНИ (со знаком «минус»)
<p>безнравственны: <i>Уже в том, что многие политиканы не считают нужным выразить соболезнование родным и близким убитых, говорит о безнравственности власти и всей так называемой российской элиты; культ, блатняка, легкой наживы, всемерно пропагандируемый в стране, может давать и вои такие плоды; коррупция им даже на руку;</i></p> <p>избрали геноцид политикой: <i>для власти, которая уничтожает до миллиона жителей страны в год, 120 убитых заложников – суций пустяк;</i></p> <p>скрывают правду, лгут: <i>Она (правда) все равно проступит через кровь и дым, через мутную завесу неискренности, фальши, которую уже сейчас пытаются набросить на трагедию;</i></p> <p>бессильны, неспособны управлять страной: <i>Где в это время были правоохранительные органы, милиция, администрация ДК, постановщики</i></p>

мюзикла? Вряд ли можно найти пример столь вопиющей беспечности и безответственности; стремление изобразить войну в Чечне как часть всемирного террористического заговора против России выгодно Кремлю. Оно продиктовано бессилием российской власти справиться с ситуацией в республике; Наискандальнейший провал лично его /Патрушева/ и всей Лубянки;

продажны: Цена вашей /депутатов/ продажности в мае 1999-го взыскивается с народа сегодня – в октябре 2002; Президент Путин, ...разумеется, тоже считает, что Россия является неотъемлемой частью «антитеррористического фронта», и делает все, что в его силах, чтобы приковать ее к этому фронту; откровенно, не скрываясь, продают ...свои голоса; Это же вы не дали в мае 99-го положить конец геноциду, оградить кровавого Ельцина от ответственности за чеченскую бойню, за пачку долларов спасли его от импичмента!

виновны в распространении терроризма: Его режим вскормил русской кровью чудовище террора (о Ельцине); Тогда Мовсару Бараеву было только 12 лет... Годы оголтелого антисоветизма и русофобства воспитали из него; Зловещая тень Ельцина и семьи лежит на этой трагедии.

СК ОНИ развертывается на фоне так называемого экспрессивного контекста, который понимается нами как контекст, который сообщает о некотором «предмете» в определенной объективной модальности и одновременно явно выражает мнение говорящего о сообщаемом, «его эмоциональную оценку «предмета» речи. Выраженная субъектная модальность есть эмоциональный тон высказывания» [Лукьянова, 1986, с. 185].

В противоположность СК МЫ, представление которого в левоориентированных СМИ сопровождается положительным эмоциональным тоном высказывания, СК ОНИ развертывается на фоне подчеркнуто пейоративной

эмоциональной оценочности со стороны авторов текстов, которая является своего рода идеологической установкой изданий и, следовательно, одним из способов ориентации на «своего» читателя. О подобных лексических единицах, в качестве которых могут выступать коннотированные частотные единицы текста, говорит в своем исследовании Е.В. Какорина, отмечая, что данные единицы несут концептуальную информацию и концентрируют в себе соответствующие понятийные стереотипы [Какорина, 1996, с. 418].

Эмоциональный тон высказывания, на котором разворачивается СК ОНИ, складывается из эмоций раздражения, возмущения, гнева (словарные пометы *пренебрежительное, презрительное*), а также отвращения и омерзения (пометы *презрительное, бранное*), особенно когда речь идет о политиках-демократах и экс-президенте Б. Ельцине. По нашим наблюдениям, для создания пейоративной эмоциональной оценки авторы левоориентированных газетных СМИ используют как *экспрессивы*, т.е. слова (лексемы или ЛСВ), обладающие, благодаря экспрессивности, способностью «актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета, выделить особенность данного предмета на фоне одноименных с ним предметов и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего» [Лукиянова, 1986, с. 43], так и *экспрессивные интенсивы* – экспрессивные слова, обладающие потенциальной способностью актуализировать представление субъекта о высокой степени меры реального явления или признака» [Там же, с. 56]. Так, экспрессивы, выражающие пейоративную эмоциональную оценку в левоориентированной прессе, представлены как ЭЛЕ с эксплицитной экспрессивностью, например: *политиканы* (ср.: политикан – «*презр.* Беспринципный политик, политический деятель, неразборчивый в средствах для достижения своих целей»); *культ чистогана* (ср.: чистоган – «*разг.* наличные деньги» [Ожегов, 1986]; «*простор.* Наличные деньги» [Словарь русского языка, 1981-1984]), *блатняка* (ср.: блатняк – «*жарг.* Имеющий отно-

шение к блатному миру» [Рябов, 2002, с. 452]; так и ЭЛЕ с имплицитной экспрессивностью, которая усиливается на фоне экспрессивного контекста, например: *не считают нужным выразить соболезнование родным и близким убитых, говорит о безнравственности власти и всей так называемой российской элиты (так называемые – специальный анализатор значения, снимающий омонимию «своего» слова и слова из «чужого» словаря ⁶⁴); коррупция им даже на руку (ср.: коррупция – «в буржуазных странах: подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» [Ожегов, 1986]; «Подкупность, продажность должностных лиц и общественных деятелей» [Словарь русского языка, 1981-1984]); *Цена вашей /депутатов/ продажности* (ср.: продажность – от прилагательного продажный – «за деньги, за подкуп готовый на бесчестные поступки») в мае 1999-го взыскивается (ср.: взыскать – «1. что с кого. Заставить уплатить (офиц.). 2. с кого за что. Подвергнуть наказанию, привлечь к ответственности кого-н.» [Ожегов, 1986]) с народа сегодня – в октябре 2002; *Это же вы не дали в мае 99-го положить конец геноциду* (ср.: геноцид – «порожденная империализмом и фашизмом политика истребления отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам» [Словарь русского языка, 1981-1984]) и др.*

Экспрессивность и отрицательная оценочность усиливаются за счет слов-усилителей (*столь, всемерно*), за счет выразительных эпитетов (*вопиющий, кровавый, оголтелый, злоеущий*), за счет специальной лексики со значением интенсивности и др., которые в сочетании с имплицитными и эксплицитными ЭЛЕ создают весьма характерный для левоориентированных СМИ эмоциональный тон, например: *культ чистогана, блатняка, легкой наживы* (ср.: нажива – «легкий доход, обогащение» [Ожегов, 1986]; «приобретательство, нетрудовое обогащение» [Словарь русского языка, 1981-1984]),

⁶⁴ См о словах-актуализаторах: [Какорина, 1996, с. 421].

всемерно пропагандируемый в стране, может давать и вои такие плоды; для власти, которая уничтожает (ср.: уничтожить – «Прекратить существование кого – чего-н., истребить» [Ожегов, 1986]) *до миллиона жителей страны в год, 120 убитых заложников – суший пустяк; Где в это время были правоохранные органы, милиция, администрация ДК, постановщики мюзикла? Вряд ли можно найти пример столь вопиющей беспечности и безответственности* (ср.: вопиющий – «высок. Вызывающий крайнее возмущение, совершенно недопустимый» [Там же]); Наискандалнейший провал лично его /Патрушева/ и всей Лубянки; Это же вы не дали в мае 99-го положить конец геноциду (ср.: геноцид – «порожденная империализмом и фашизмом политика истребления отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам» [Словарь русского языка, 1981-1984]), *оградили кровавого Ельцина* (ср.: кровавый – «запятнавший себя зверствами, кровью многих жертв» [Ожегов, 1986] – ярко выраженная пейоративная окраска) *от ответственности за чеченскую бойню* (ср.: бойня – «массовое убийство людей, резня, побоище» [Словарь русского языка, 1981-1984]), *за пачку долларов спасли его от импичмента!; Его режим вскормил русской кровью чудовище террора* (о Ельцине); *Тогда Мовсару Бараеву было только 12 лет...Годы оголтелого антисоветизма и русофобства воспитали из него бандита* (ср.: оголтелый – «разг. Потерявший всякое чувство меры, крайне разнузданный» [Ожегов, 1986]; антисоветизм – «враждебная Советскому строю, Советскому Союзу реакционная идеология и политика» [Словарь русского языка, 1981-1984]; русофоб – «человек, ненавидящий все русское» [Там же]); Зловещая тень Ельцина и семьи лежит на этой трагедии (ср.: зловещий – «предвещающий несчастье, зло» [Ожегов, 1986]; «Свидетельствующий о приближении, наступлении чего-л. дурного, тяжелого, какой-л. беды» // Вселяющий страх, тревогу, опасение; мрачный» //

«устар. Предвещающий что-л. дурное, служащий дурным предзнаменовани-ем» [Словарь русского языка, 1981-1984] и др.

Нередко для создания пейоративной оценки используются и образные выражения, ср.: *Она (правда) все равно проступит **через кровь и дым, через мутную завесу неискренности, фальши*** (ср. фальшь – «притворство, лживость, неискренность»), *которую уже сейчас **пытаются набросить*** (перен.) *на трагедию* [Там же]; *Его режим вскормил русской кровью **чудовище террора*** (о Ельцине) (ср.: чудовище – «3. перен. О жестоком, низком в нравственном отношении человеке (книжн.)» [Ожегов, 1986]) и др.

При этом СК МЫ, с одной стороны, собирателен: это и «простые» люди, и *народы мира*, ср.: *Между тем **народы мира все отчетливее понимают***, что т.н. «антиимпериалистическая операция» является всего лишь *ширмой войны США за мировое господство*; это и «мы с вами», т.е. журналисты, пишущие в этих изданиях, и «свои» читатели, например: *«**Давайте спрашивать, ставить острые вопросы перед властью; Давайте искать истину вместе, всем миром, чтобы спасти свой мир от новых потрясений и утрат*** (СР). С другой стороны, СК МЫ обезличен, представлен либо через определенно-личные односоставные предложения, причем позиция подлежащего может быть формально замещена местоимением «мы», в действительности же носит неопределенный характер, например: ***разделяем боль, скорбим, соболезуем; испытываем гордость: гордимся...***, либо предложениями безличными: ***переговоры следовало вести не с исполнителями, а с главарями*** и т.п.

Напротив, СК ОНИ предельно конкретизирован, начиная от субъектов власти: президент, политики, депутаты, и заканчивая «пофамильным» перечислением «виновников трагедии»: ***Кровью невинных людей он*** (спецназ) ***смывал провалы, предательство и ротозейство Путина, Патрушева, Рушайло, Грызлова, Лужкова, Пронина и уже с ними...*** (СР) и др.

2. Стилистическая окраска лексических единиц, ассоциированных с СК ТЕРАКТ

Как указывалось ранее, практически во всех публикациях, посвященных теракту в Москве («Теракт на Дубровке», 2002 г.), независимо от их идеологической направленности, отдается дань трагичности произошедшего (см. табл. 1–12 приложения IV):

Однако набор ассоциатов, связанных с этим событием, у разных изданий разный (см. табл. 7).

Так, для левоориентированных изданий ТЕРАКТ – это *трагедия, удар (урон) для всего общества* (при этом общество и Россия не одно и то же), *акция, шаг* (ужасный и отчаянный) *террористов, провал спецслужб, цена продажности депутатов, третий Курск* (событийный ряд, подтверждающий бездейственность и беспомощность властей).

Далее, используя прием интерпретационного анализа, мы можем установить, с какими другими событийными концептами ассоциативно связан СК ТЕРАКТ в представлении «левоориентированного» читателя. Ими являются СК *общество, террористы, спецслужбы, депутаты (власть)*, а также некий событийный ряд (*третий Курск*), позволяющие в привычной для читателя манере интерпретировать факт-событие как очередной провал действующей политической системы: *Наискандальнейший провал лично его /Патрушева/ и всей Лубянки; Третий «Курск»; «Курск», набитый детьми и женщинами в самом центре Москвы; предтеча нынешней трагедии – октябрь 1993; Цена вашей /депутатов/ продажности в мае 1999-го взыскивается с народа сегодня – в октябре 2002; Трагедия на Дубровке является прямым следствием попыток Кремля и лично Путина впрячься в «антитеррористическую» колесницу, коренниками в которой являются Буш и Блэр и др. (СР).*

Для правоориентированных изданий ТЕРАКТ – это *трагедия; драма* (страшная, кошмарная); *горе всей России* (Россия = общество); *захват; зверское преступление; беспрецедентный захват; грубый шантаж террористов; свое 11 сентября* (Россия – мир, Америка⁶⁵); *удар в сердце всего человечества*. Таким образом, событийный концепт теракт соотносится с СК *Россия (общество), террористы, мир (Америка), человечество*.

Для СМИ, придерживающихся идеологического нейтралитета, с ТЕРАКТОМ ассоциируются *трагические события; акция камикадзе* (террористы); *настоящий концлагерь* для заложников, т.е. СК ТЕРАКТ соотносится с СК *террористы и заложники*.

Таким образом, если в левоориентированных СМИ основным средством описания являются лексемы **трагедия, трагический** (в значении «перен. «трагическое событие, происшествие, несчастный случай» [Словарь русского языка, 1981-1984]); *трагические дни; московская трагедия; трагедия; случившаяся трагедия*; а также продолжающие этот ряд описательные конструкции *дни потрясений и утрат; кровь и дым*⁶⁶; то в правоориентированных СМИ номинативный ряд, ассоциированный с лексемой **теракт**, более разнообразен и выразителен: *трагедия; трагедия 23-25 октября; трагедия в Москве; страшная трагедия* (данное определение, как и два последующих, актуализирует дополнительное значение лексемы трагедия как «тяжелое событие, глубокий конфликт, приносящие горе, являющиеся причиной глубокого нравственного страдания»; *56 кошмарных часов – время скупых новостей и томительных переговоров; драма в центре столицы* (ср.: драма – «перен. тяжелое событие, несчастье, переживание, являющееся причиной глубокого

⁶⁵ Интересно отметить, что события 11 сентября 2001 г. в США правоориентированные издания трактовали как *всемирную катастрофу; черный день цивилизации; вызов человечеству*, в то время как ассоциативный ряд левоориентированных изданий был более разнообразен (за исключением ассоциата *всемирная катастрофа*): *трагедия Америки, позор Америки, крушение мифа о несокрушимости Америки, месть Америке, возмездие, справедливое возмездие Америке*. См об этом: [Чернышова, 2003, с. 94-103].

нравственного страдания» [Словарь русского языка, 1981-1984]); *чума*. Последнее наименование можно рассматривать как контекстуальный синоним, поскольку содержащаяся в его значении сема «тяжелое событие, несчастье», объединяющая все ранее упомянутые номинации, не представлена словарными дефинициями (ср.: «1. Острая заразная эпидемическая болезнь; 2. *прост.* Употребляется как бранное слово» [Там же]) и актуализируется лишь под влиянием контекста.

В нейтральных СМИ теракт характеризуется более сдержанно как *события на Дубровке*; *трагические события* (4 словоупотребления); *произошедшие события*. Таким образом, общую тональность языковых единиц, обозначающих **теракт** в разноориентированных СМИ, можно представить в виде своеобразной «шкалы экспрессивности»: **теракт**: трагическое событие (нейтральные СМИ) – трагедия (левоориентированные) – страшная трагедия (правоориентированные).

В сознании правоориентированного читателя СК ТЕРАКТ ассоциируется, прежде всего, со страшной трагедией, произошедшей в США 11 сентября 2001 г.: *У России теперь есть свое 11 сентября – трагедия 23-25 октября, которая должна объединить нацию...* Именно поэтому произошедшее рассматривается в аналогичном ряду и характеризуется, с одной стороны, как *горе всей России*, а с другой, – как *удар в сердце всего человечества* (ср. аналогичную оценку теракта в Америке правоориентированными СМИ как «всемирной катастрофы», «угрозы цивилизации», «вызова человечеству» [Чернышова, 2003., с. 94-103]). Наиболее общее направление интерпретации факта-события в правоориентированных СМИ следующее: **теракт** → **террористы**. Событие в аспекте действий террористов характеризуется как *захват*; *зверское преступление* (ср.: зверский – «жестокий, свирепый, дикий»

⁶⁶ Интересно, что номинация *кровь и дым*, хотя и располагается в номинативном ряду **теракт**, но ассоциируется не с захватом заложников, а с его последствиями, носившими трагический характер: со штурмом, с действиями спецназа, врачей и т.п.

[Словарь русского языка, 1981-1984]); *беспрецедентный захват сотен заложников* (ср.: беспрецедентный – «не имеющий примера в прошлом; беспримерный, небывалый [Там же]»); *грубый шантаж, направленный на подрыв устоев государственности* (ср.: грубый – «отличающийся отсутствием необходимого такта; резкий»; «нарушающий элементарные правила чего-л.; непозволительный, недопустимый»; шантаж – «запугивание, угроза...» [Там же]). Последнее словосочетание, являясь по сути тавтологическим, придает действиям террористов дополнительную отрицательную оценочность. Для сравнения можно отметить, что интерпретация левоориентированными СМИ действий террористов далеко не так однозначна: от нейтрального *акция террористов на Дубровке* до конструкций, передающих сочувствие к «чеченским мальчишкам и девочкам», совершившим этот *ужасный и отчаянный шаг*. Если учесть, что лексема *отчаянный* («впавший в отчаяние») имеет еще несколько значений, отмеченных в толковых словарях как *разговорные*, например: *отчаянный* – «чрезвычайно тяжелый, безвыходный»; «не знающий страха, способный на самый рискованный поступок»; «чрезвычайный по силе своего проявления» [Словарь русского языка, 1981-1984; Ожегов, 1986] и т.д., то данная характеристика действий террористов может рассматриваться как весьма положительная⁶⁷.

В этом смысле мы разделяем мнение исследователей о том, что мыслительное (понятийное, смысловое, логическое) содержание включает в себя и «аффективный (эмоционально-экспрессивный) компонент содержания» [Бондарко, 1978, с. 4], а «некоторым структурам присуща передача эмоций *совместно* с основной информацией» [Горсуева, 1976, с.

⁶⁷ Ср. похожую оценку действий террористов при атаке на США 11 сентября 2001 г. журналистами левоориентированных изданий: *Атака с воздуха была организована и проведена в высшей степени на необъяснимо высоком уровне. Фантастическом уровне! Почти одновременно захватить четыре самолета..., направить лайнеры на небоскребы, точно вырлуть на Пентагон, да еще подготовить несколько взрывов на улицах городов – ну знаете ли!* (Атака на Америку, Правда, 13.09.01), «Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов» (Трагедия силы, Советская Россия, 13.09.01)[Чернышова, 2002, с. 166-172.]

229]. Данные мысли пересекаются с утверждением Е.В. Какориной о том, в оппозиционной прессе автономный код для наименований действительности совмещает в себе номинативную и экспрессивную функции [Какорина, 1996, с. 421]. По нашему мнению, это обусловлено, прежде всего, ориентацией издания на «своего» читателя.

3. Стилистическая окраска лексических единиц, ассоциированных с СК ТЕРРОРИСТЫ

Близость эмоционального тона **осуждения**, на котором разворачивается СК ТЕРРОРИСТЫ в ПИ и НИ, реализуется в основном за счет ЭЛЕ с имплицитной экспрессивностью (см. таблицу 2), таких как *террористы, мужчины-террористы, террористки, боевики*, усиленных в контексте экспрессивными интенсивами: *террористы были... готовы на все; боевики-убийцы, бандиты, захватившие в заложники сотни людей в Москве* (ср.: бандит – «участник банды, вооруженный грабитель» [Ожегов, 1986]); *бандгруппа; банда Мовсара Бараева* (ср. банда – «разбойная преступная группа, шайка» [Там же]); *бараевцы; главарь банды Бараев и его ближайшие помощники* (ср.: главарь – «зачинщик, руководитель, вожак» [Там же]), *одна из «шахидок»; женщины-самоубийцы; несколько боевиков и женщин-смертниц* (ср.: смертник – «тот, кто обречен или обрекает себя на близкую смерть» [Там же]); *девушки-смертницы; женщины-камикадзе* (ср.: камикадзе – «2. перен. Приносящий себя в жертву кому – чему-л. или ставший заложником обстоятельств» [Современный толковый словарь..., 2001], *главная опасность для заложников, Мовсар Бараев и десяток захватчиков* (ср.: захватчик – «тот, кто захватил чужую территорию..., агрессор» [Ожегов, 1986] и др.

В то же время различия в эмоциональной тональности представления концепта ТЕРРОРИСТЫ в ПИ и НИ связаны с общим эмоциональным тоном публикаций и с особенностями использования ЭЛЕ с эксплицитной оценочностью. Эмоциональный тон высказываний, ассоциированных с СК ТЕРРОРИСТЫ в публикациях ПИ и НИ, в целом объединен сходными эмоциями, в частности эмоциями **раздражения, возмущения, гнева**, которые в текстах передаются сочетанием образных слов и экспрессивов со словами-усилителями, например: *Палачи и жертвы; палачи* (ср.: палач – «перен. Жестокий мучитель, угнетатель (высок.)» [Там же]); *бандиты выбрасывали бы на площадь перед ДК трупы заложников и глумились над страной в телерадиоэфире* (ср.: выбрасывать – «несов. к выбросить – «Бросать вон, наружу, прочь; освободиться от кого – чего.-л. как ненужного; выкинуть» [Словарь русского языка, 1981-1984]; «глумиться – издеваться, зло насмеяться» [Там же]); *беспредельная наглость и якобы бесстрашие «лиц бандитской национальности» держатся исключительно на том, что за каждым из них – стая. Волчья стая* (образное выражение; ср.: стая – «группа животных одного вида, держащихся вместе, преимущественно птиц, рыб» [Ожегов, 1986]); «отдай» Чечню бандитам, они ... уничтожат треть населения Чечни, треть сделают рабами, а треть завербуют в «волчата» (образ-представление, передающий презрительное отношение автора речи; ср. волк – «хищное животное, родственное собаке. Волком смотреть (смотрит угрюмо, враждебно); Волчий закон – беззаконие, поддержанное грубым насильем...» [Там же]) (НИ); «ходячие бомбы» – 18 смертниц; *Есть бандиты. «Лица террористической национальности». И точка! А спустившийся с гор боевик «проходит как хозяин»* (т.е. перен. «чужой») (ПИ) и др.

Однако пейоративная оценка в ПИ выражена более ярко – через использование ЭЛЕ эксплицитной оценочности, передающей эмоции **отвращения и омерзения** (словарные пометы *презрительное, бранное*), вызванные

масштабами теракта и наглостью террористов, захвативших заложников в центре Москвы, ср.: *вооруженные «отморозки»* (ср.: отморозки – «жарг., неодобр. Так называют готовых на все ради своего ложного самоуважения молодых, как правило, людей» [Рябов, 2002, с. 523]); *подонки в масках* (ср.: подонки – «перен. Разложившиеся, преступные, антиобщественные элементы (презр.)» [Ожегов, 1986]); *уроды с автоматами* (ср.: урод – «человек с каким-н. дурными, отрицательными свойствами» [Там же]); *Есть люди, а есть нелюди* (ср.: нелюди – «прост. Плохие, дурные люди» [Там же]); *налетчики* (ср.: налетчик – «грабитель, занимающийся налетами»⁶⁸; в 3 значении слова налет – «нападение с целью грабежа» [Там же]) *в масках, они лишь тупое орудие заказчиков* (ср.: тупой – «перен. Лишенный острого восприятия, несообразительный, а также свидетельствующий об умственной ограниченности» [Там же]) и др.

В НИ, также как и в ПИ, основной тон передает эмоции **раздражения, возмущения, гнева**, которые дополняются эмоциями **осуждения и насмешки**, о чем свидетельствует использование в этих публикациях оценочных ЭЛЕ, имеющих в словарях помету *неодобрительное, ироническое*. Ирония⁶⁹, формальным показателем которой являются слова в кавычках, создается за счет сочетания «высоких», «устаревших», «иронических», «книжных» ЛЕ, подчас усиливающихся оценочными ЭЛЕ, например: *в действиях, помыслах этих «рыцарей джихада» очевидна сущность всех тех, кто мешает надеждам чеченского народа на мирную, спокойную жизнь* (ирония; ср.: рыцарь – «перен. Самоотверженный, благородный человек (высок.)» [Там же]; джихад – «священная война» мусульман против «неверных» (не мусульман и вероотступников» [Современный толковый словарь..., 2001, с. 198]); *таковы они, «радетели чеченского народа», олицетворяющие всю мерзость* (ср.: мер-

⁶⁸ По нашему мнению, в данном контексте лексема *налет* актуализирует 5-ое значение глагола налететь – «перен. Наброситься на кого-н. с выговорами, угрозами (простор., неодобр.)».

⁶⁹ Об иронии как специфической черте антитоталитарного языка см. [Китайгородская, Розанова, 2003, с. 164].

зость от *мерзкий* в значении «отвратительный, гадкий») и **жестокость** (ср.: *жестокость* от *жестокий* в 1 значении: «крайне суровый, безжалостный, беспощадный») **сепаратистского воинства** (ср.: *радетель* – «устар. и ирон. Тот, кто радуется кому-н., покровитель»; *радеть* – «устар. Оказывать содействие, заботиться о ком – чем-н.»; *сепаратист* – «книжн. Сторонник сепаратизма (отделения, обособления)»; *воинство* – «высок. Войско, воины» [Ожегов, 1986]).

В левоориентированных изданиях СК ТЕРРОРИСТЫ, прежде всего – также как и СК теракт (см. об этом выше), – ассоциируется с СК ВЛАСТЬ (ОНИ). Как указывалось ранее, СК ОНИ разворачивается на фоне подчеркнуто пейоративной эмоциональной оценочности со стороны авторов текстов, которая является своего рода идеологической установкой изданий и, следовательно, одним из способов ориентации на «своего» читателя. Основу экспрессивного тона по отношению к СК ВЛАСТЬ составили эмоции осуждения, вызванные раздражением, возмущением, гневом «нас» (авторов и читателей ЛИ) по поводу недееспособности нынешних властей, виновных и в том, что террористы захватили концертный зал в центре Москвы, и в том, что террористы вообще существуют. Пейоративная оценочная тональность создается не столько за счет образных, экспрессивных ЛЕ и экспрессивных интенсивов, которые присутствуют в тексте и формально характеризуют террористов, ср.: *бандиты; отряд бандитов; главари; полсотни до зубов вооруженных убийц* (ср.: *до зубов* – «Очень хорошо, основательно» [Фразеологический словарь..., 1978]); *отмороженные» смертницы Фатима, Раиса, Зара; «отморозки»; чудовище террора* (метафора, ср.: *чудовище* – «перен. О жестоком, низком в нравственном отношении человеке (книжн.)»; *террор* – «физическое насилие вплоть до физического уничтожения по отношению к политическим противникам» [Ожегов, 1986]) и др., сколько с помощью особых утвердительных конструкций, позволяющих «перевести» негативные

эмоции автора (и «своего» читателя) с личностей террористов на власть (нынешнюю и бывшую): *Тогда Мовсару Бараеву было только 12 лет... Годы оголтелого антисоветизма и русофобства воспитали из него бандита; Он от начала до конца – порождение Ельцина – Путина; тогда еще были живы мужья и дети «отмороженных» смертниц Фатимы, Раисы, Зары; «Отморозками», как выражаются теперь видные политики, сделало их ельцинское время; Его режим вскормил русской кровью чудовище террора* и т.п. Кавычки, в которые заключены ЛЕ «отмороженные», «отморозки», выполняют здесь функцию слов-актуализаторов, ср.: в оппозиционной прессе, «...если слово из «своего» словаря формально совпадает со словом из «чужого», омонимия обычно снимается посредством использования специальных анализаторов»... – оценочных эпитетов или модальных слов, знака кавычек [Какорина, 1996, с. 421]. В данном случае необходимость обособиться от «чужого» слова поддерживается ссылкой на «чужой» авторитет, в речи которого это слово используется: *как выражаются теперь видные политики.* Как указывалось ранее, в ПИ также было использовано сочетание *вооруженные «отморозки»,* однако кавычки здесь используются с иной целью: так автор вводит жаргонное слово в книжную речь (см. об этом: [Ширяев, 2002, с. 16]).

Своего рода «переходная агрессия, брань» [Михальская, 1996] позволяет ЛИ снизить негативную экспрессивность номинативного ряда, ассоциированного с СК ТЕРРОРИСТЫ, перевести его из плоскости неординарного события (террористического акта), основным субъектом которого он является, в плоскость морально-этическую, человеческую. Если для ПИ и НИ террористы – *нелюди,* то для ЛИ они – жертвы, борцы за свободу, ср.: *Что видели в своей жестокой и короткой жизни эти молодые мужчины и женщины?; но нам не дано переубедить этих чеченских мальчишек и девчонок, что их борьба за свободу – теракт* (ср.: мальчишка – «разг., то же, что мальчик»;

девчонка – «*унич.* от девочка // Об очень молодой, легкомысленной, несерьезной девушке» [Словарь русского языка, 1981-1984]); *Как могли эти ребята и девушки отважиться на столь ужасный и отчаянный шаг?* (ср.: ужасный – «2. (*разг.*) Чрезвычайный, крайний в своем проявлении»; отчаянный – «1. Проникнутый отчаянием» [Ожегов, 1986]). Аналогичную функцию выполняет и сочетание *безжалостные ангелы войны*, контрастно сочетающее в себе пейоративную и мелиоративную оценочность, ср.: безжалостный – экспрессивный интенсификатор: ангел – «2. *Перен. Устар.* Идеал, воплощение, олицетворение чего-то положительного» [Словарь русского языка, 1981-1984]). Таким образом, основная эмоция, на фоне которой разворачивается номинативный ряд ТЕРРОРИСТЫ, – это, скорее, сочувствие, чем осуждение.

Фрагмент стилистического анализа ключевых СК ассоциативных полей разноориентированных изданий позволяет обнаружить существенную разницу как в отборе языковых единиц, предназначенных для передачи информации «своему» читателю, так и в их стилистической окраске, позволяющей автору не только оставаться в рамках привычной для читателя речевой манеры, но и моделировать в тексте особый стилистический фон (стилистическую тональность), соответствующий не только интеллектуальным, но и эмоциональным потребностям читателя.

4.4. Фатическая речь как социальный символ коммуникации

Информационная функция публицистического текста, являясь, безусловно, важной [Трескова, 1989; Кузнецов, 1991; Кожина, 1993; Какорина, 2003 и др.], тем не менее, не единственная из тех, которые может выполнять текст в сфере современной массовой коммуникации. Как было показано в данной главе на материале стилистического анализа текстов разной психосоциальной направленности, по-прежнему актуальной остается и функция экс-

прессивная. Исследователи отмечают, что требование выразительности является обязательным для публицистической (газетной) речи. «Если оно не выполняется, то даже при соблюдении всех прочих требований, речевое произведение оказывается для данной функциональной разновидности дефектным» [Майданова, 1987, с. 57], так как этот вид речи призван воздействовать не только на ум и волю, но и на эмоции адресата, т.е. информационно-содержательная функция газетно-публицистических текстов сочетается с функцией эмоционального воздействия. Публицист убеждает путем эмоционального воздействия на читателя (слушателя) и **поэтому в явной форме выражает свое отношение к сообщаемому** [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 110]. «Специфика газетной речи заключается прежде всего именно в особой и намеренной ее выразительности, э к с п р е с с и в н о с т и высказывания» [Кожина, 1993, с. 184].

Однако, по замечанию исследователей, любой текст, а точнее его смысл, несет не только информацию для адресата, но и дополнительную компоненту, которую Ю.А. Шрейдер, вслед за Ю.В. Кнорозовым, называет *фасцинацией*, зависящей, как и собственно информация, не только от текста, но и от адресата: «Сущность фасцинации состоит в создании у адресата некоего настроения, установки на взаимопонимание» [Шрейдер, 1974, с. 61]. Представляя собой своеобразные «позывные», заставляющие адресата настроиться на прием, фасцинация обладает адресным характером, т.е. рассчитана на определенный коллектив, при этом за ней может не последовать никакой информации, но для адресата существенно само наличие этих позывных. Происходит это потому, что члены одной группы (общности – например, в сфере массовой коммуникации) «как бы настроены на одну несущую частоту», при этом текст (через любой уровень⁷⁰) вызывает нужную фасцинацию у членов

⁷⁰ Ср. также: «Фасцинация может быть связана с тематикой текста... с лексико-семантическими приемами, с синтаксической структурой, с фонетическими особенностями... и даже с особенностями шрифта... с лично-

определенной группы (общности), если он соответствует ее эстетическим представлениям [Там же, с. 61-63], социально-политическим, психосоциальным, ментальным, нормативным и прочим установкам и идеалам.

На наш взгляд данное явление в газетно-публицистическом тексте реализуется через его особенность, связанную, по замечанию Т.Г. Винокур, с основной (доминирующей) функцией, обслуживающей процесс коммуникативного взаимодействия автора и адресата, а именно – с *интенцией вступить в речевое общение*. Этой особенностью является оппозиция «информативная – фатическая речь» как основная (инвариантная) «для включающаяся в нее варианты РП <речевого поведения>, основанных на социальной психологии коммуникативного процесса» [Винокур, 1993, с. 135]. В данном исследовании, опираясь на существенные характеристики фатики как полноправного речевого явления [Винокур, 1993], мы попытались обнаружить следы фатического общения в текстах современной газетной публицистики.

Фатическое общение, являясь по преимуществу особенностью разговорно-бытовой сферы коммуникации (см., например, исследования Б. Малиновского, Р. Якобсона, Т.Г. Винокур, Е.В. Ключева и др.), тем не менее, обнаруживается и в сфере современной газетной публицистики, ориентированной в современных социально-политических условиях на «своего» читателя. Считается, что фатическое общение характерно, в основном, для негосударственных радиостанций и музыкальных телевизионных каналов и отличается неинформативностью, т.е. банальностью. Однако на фоне стандартов отбора и подачи информации такое общение выглядит не банально, а интересно для адресата. Подобная журналистская практика ориентирована не столько на сообщение (передачу новой социально значимой, полезной информации), сколько на общение (создание семиотической общности) с аудиторией на индивидуально-эмоциональной основе, в тональности, свойственной непри-

стью самого автора сообщения... с ритуальностью коммуникативных процессов, с условным характером

нужденному общению [Чепкина, 2000, с. 71-73], когда реализуется, прежде всего, фатическая, или контактоустанавливающая, функция речи. Кроме того, современное понимание фатики уже сравнительно далеко ушло от якобсоновских ее трактовок, когда она рассматривалась в качестве своего рода «паразитического использования языка, когда язык работает, так сказать, вхолостую», и представляет собой лишь «вариации на темы Jakobsona» [Клюев, 2002, с. 184]. По мнению исследователя, «информации фатические акты не передают», но «назвать их при это не информирующими актами нельзя: фатика информирует собеседника ничуть не хуже, чем не-фатика, однако это информация не о предмете, а о типе речевой ситуации, в котором находятся собеседники, или о говорящем, выбравшем стратегию фатического акта (создавшем фатическую ситуацию)» [Там же, с. 187]. По нашим наблюдениям, такой новый тип общности аудитории выходит далеко за пределы устной публичной (радио– и теле–) коммуникации. Он характерен и для современных газетно-публицистических текстов, которые ориентированы на «своего» читателя.

4.4.1. Сущностные характеристики фатики в их отношении к газетно-публицистическим текстам

В исследовании Т.Г. Винокур фатика характеризуется в нескольких аспектах: 1) функции фатической коммуникации как символа социального общения; 2) цели фатического общения; 3) содержательно-ситуативные типы фатической речи [Винокур, 1993]. Рассмотрим первые два аспекта, как наиболее важные, через призму газетно-публицистической коммуникации, в которой в целом мы усматриваем довольно большую долю коммуникации фатической и в частности полагаем, опираясь на результаты комплексного лин-

гвистического анализа, представленного в данной главе, что разноориентированные СМИ эксплуатирует как рабочую установку именно фатическую коммуникацию с целью установления контакта со «своим» читателем. Например, для левоориентированных изданий – это, на уровне фрагмента языковой модели мира, выстраивание «своего» круга («свои-чужие», МЫ-ОНИ), на уровне стилистической окраски текста – создание особой тональности текста, связанной с неприятием действующей власти и всего, что имеет к ней отношение. Для правоориентированных изданий – это апелляция к общечеловеческим ценностям и использование стилистически окрашенных средств с целью передачи авторского отношения к описываемому (в частности негативная оценка действий террористов и позитивная – действий спецназа и т.д.).

1. Функции фатической коммуникации как символа социального общения

Указывая в качестве одной из функций фатической речи функцию *контактоустанавливающую*, Т.Г. Винокур отмечает, что фатическая речь «расширяет рамки объекта, располагая внутри него конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка)» [Винокур, 1993, с. 135]. Контактоустанавливающая функция является неотъемлемой частью любого коммуникативного акта, в том числе и в сфере газетной коммуникации, и тесно связана с экспрессивной функцией речи, которую в рамках теории коммуникации можно охарактеризовать как такие особенности речи, которые привлекают внимание читателя, поддерживают и активизируют его на протяжении всего акта коммуникации. Данному положению созвучно утверждение о том, что «текст, состоящий исключительно из информационно насыщенных, а тем более *информационно сильно насы-*

ценных блоков, постепенно перестает быть интересным адресату [Клюев, 2002, с. 189].

Другая функция фатической речи связана с ее особым свойством – выполнением роли *социального символа коммуникации* через «максимальное приближение слушателя к личности говорящего» [Винокур, 1993, с. 136]. В то же время многие исследователи текстов современной газетной коммуникации отмечают, что их общей особенностью является повышенная авторизация, или субъективация, представляющая собой усиление эгоцентрического начала текста. Это начало проявляется «в языковой игре в жанрах, ранее этого не предполагавших (например, в **жанрах газетного информирования**), в выдвигании Я говорящего на передний план, в распространении специфических маркеров присутствия субъекта в речи, в высказывании..., в определенной аграмматичности текста, его синтаксической неупорядоченности, **приближающей печатный текст нехудожественного жанра к выражению «поток сознания» говорящего**» (выделено нами. – Т.Ч.) [Лассан, 2001, с. 24-32]. Полагаем, что здесь как раз и идет речь о фатической коммуникации, вытекающей из преобладания функций общения над функцией сообщения в современной газетной речи. Важно, что все перечисленные Э. Лассан признаки современных нехудожественных текстов в исследовании Т.Г. Винокур характеризуются как признаки именно фатической коммуникации, ср.: фатическое РП состоит «в наиболее свободном и раскованном обнаружении индивидуальной манеры говорящего, которое предоставляет право использовать весь диапазон коммуникативных ролевых функций соответственно готовности слушающего воспринять их в таком же диапазоне – от «своего до чужого» (группового, коллективного)... в беседе, не предполагающей различия прагматических последствий истинности или ложности высказывания, **адресант должен говорить то, чего ожидает от него адресат, и говорить так, как хотелось бы адресату**» (выделено нами. – Т.Ч.) [Винокур, 1993, с.

136]. Последний тезис, в силу его важности для понимания лингвокогнитивных процессов, происходящих в современной газетной публицистике, функционирующей в условиях плюралистического (или разноориентированного) политического дискурса, мы рассмотрим подробнее.

Определяя фатическую речь как символ социального общения, Т.Г. Винокур отмечает, что «ее содержательные и коммуникативно-стилистические модификации предельно чувствительны малейшим сдвигам во взаимоотношениях людей, объединяющихся в какие-либо групповые общности» [Винокур, 1993, с. 150]. Данное свойство, т.е. чувствительность к изменениям, происходящим на фоне «привычного» для своего читателя когнитивного и языкового общения, выступающего в виде «привычных» когнитивных и речевых стереотипов, характерно для газетных СМИ, ориентированных на «своего» читателя. Успешность газетной коммуникации во многом определяется тем, в какой мере автор учитывает «коммуникативные свойства» языковой личности адресата. В содержательном (интерпретационном) и языковом плане издания, ориентированные на конкретного читателя, подчас не несут никакой новой информации, однако через привычный облик текста автор получает возможность влиять на сознание читателя (манипулировать им) через болевую точку – **с учетом той концептуальной системы**, которая есть «в голове» реципиента. Такой взгляд на коммуникацию отличается от традиционного: автор не просто манипулирует сознанием адресата, а как бы с его согласия, т.е., говоря словами Т.Г. Винокур, **адресант говорит то, чего ожидает от него адресат, и говорит так, как хотелось бы адресату**. Полагаем, что подобная журналистская практика ориентирована не столько на сообщение (передачу новой социально значимой, полезной) информации, сколько на общение (создание семиотической общности) с аудиторией, в тональности, свойственной непринужденному общению, когда реализуется прежде всего фатическая, или контактоустанавливающая, функция речи.

Важно также, что при описании разных событий способы подачи материала оказываются достаточно типичными для конкретного издания, а читатель стремится найти в публикации не столько новую информацию, сколько родственную ему систему ценностей – концептуальную систему (систему идеологических, социальных, мифологических и прочих стереотипов), выраженную привычными, легко узнаваемыми речевыми конструкциями. Так, обязательное обращение к прошлому, противопоставление «своего» и «чужого», отстаивание своих идеологических ценностей через неприятие того, что не входит в «свой» круг – эти и многие другие установки являются неотъемлемой составляющей любого левоориентированного издания. Они не выполняют информативную функцию, поскольку не несут какой-либо новой информации, не привязаны к конкретному факту-событию, т.к. любое событие используется левоориентированными изданиями как фон, на котором могут быть развернуты «привычные» для «своего» читателя идеологические установки, т.е., **говоря на языке читателя, и о том, что желает услышать читатель**, газетно-публицистические СМИ прежде всего ориентируются на общение со своим читателем, т.е. реализуют фатическую функцию коммуникации. Данная особенность левоориентированной прессы, как нам кажется, сужает рамки фатического общения, сводя их к своего рода ритуальным действиям, **ритуалу** (ритуальность, по всей видимости, присуща фатической коммуникации, ср.: по замечанию Т.Г. Винокур, термин «фатическая функция» был впервые употреблен Б. Малиновским для обозначения контактно-ритуальные речевых формул [Винокур, 1993, с. 135]).

Ритуал характеризуется исследователями как проявление знакового поведения у целого класса самоорганизующихся систем, основной функцией которой является функция регулирующая, или упорядочивающая, а продукт этой функции – проведение границы «своего» мира (линии обороны), находящей «в человеческой культуре различные воплощения, что в языковых

фактах отражается главным образом в виде «ограды»... Простейшая... схема коммуникативного взаимодействия устроена по принципу регулирующего контура и состоит из двух типов ритуалов – «угрожающая демонстрация» и «умиротворение». Ритуалы первого типа становятся своего рода боевыми знаменами и одновременно символами» [Монич, 2001, с. 192]. Для нас особенно важно, что ритуал характеризуется амбивалентностью, т.е. одновременной направленностью к двум противоположным адресатам: «своему» и «чужому». Совершенно очевидно, что левоориентированные СМИ демонстрируют ритуал «угрожающей демонстрации». Это довольно хорошо прослеживается при лингвокогнитивном и стилистическом анализе разноориентированных СМИ, посвященных захвату заложников в Москве в октябре 2002 г.

Как указывалось ранее, прием свертывания (отбор ключевых слов – опорных пунктов интерпретации), осуществленный на материале разных газетных публикаций, позволил выделить в качестве смыслообразующей концептуальной основы текстов, отражающих описываемое факт-событие, следующие языковые единицы, составляющие «узлы» вербально-семантической сети (по Ю.Н. Караулову): *теракт - террористы – заложники – спецназ – власть – спецоперация – президент – политики – СМИ – война в Чечне – терроризм – мы*. Очевидно, что каждое из этих понятий в сознании «разноориентированных» читателей (вне контекста) включено в некоторый круг привычных ассоциаций (ассоциатов), который должен быть учтен пишущими, заинтересованными в установлении контакта со «своим» читателем, т.е. он должен поддерживаться на уровне контекста.

Здесь будет уместно указать еще на один аспект, сближающий фатическую речь с речью публицистической. Характеризуя фатическую речь как символ социального общения, Т.Г. Винокур отмечает два пласта временной локации, характерные для нее: «ближний круг тем», который как раз зависит от происходящего в момент речи и касается тех, «кто находится на речевой

арене непосредственно..., или же того, что в данный момент окружает говорящих, создает событийно-бытийный фон»; и «дальний круг» тем, который «и расширяет поле обсуждаемой тематики ассоциативным путем, или же мотивируется не содержанием речи, но отношением к качествам говорящего и касающимся его событиям ... и к обстоятельствам, в которых равно заинтересованы присутствующие» [Винокур, 1993, с. 153]. По мнению исследователя, именно эти особенности и позволяют распознать фатику на уровне РП (речевого поведения). Данное обстоятельство позволяет нам провести параллель между приемами временной локации в обыденной речи и в разноориентированных газетных СМИ. Для этого вновь обратимся к газетным текстам, посвященным захвату заложников на Дубровке в Москве (октябрь 2002 г.), а точнее, к общей когнитивной схеме факта-события (см. схему в п. 4.2.2 и табл. 24).

Таблица 24.

**Особенности временной локации при фатической коммуникации
в текстах газетных СМИ**

Пласты временной локации	Фон повествования	Когнитивная структура факта-события	Функция
«Ближний круг» тем	Событийно-бытийная информация	Центр Уровень 1,2	Информирующая
«Дальний круг» тем	Ассоциативный	Периферия Уровень 3,4	Фатическая

Согласно общей когнитивной структуре события (см. схему в п. 4.2.2), по материалам разноориентированных СМИ можно выявить «ближний круг» тем, который мы называем **информационным** (см. табл. 24), поскольку он связан с самим событием, представленным в тексте событийными концептами (СК) *теракт – террористы – заложники, спецназ – спецоперация* (центр события, уровни 1, 2); и «дальний круг тем» (периферия, уровни 3, 4), который «расширяет поле обсуждаемой тематики **ассоциативным** путем» и мотивируется не столько обсуждаемой в данный момент темой, сколько отношением к обстоятельствам, «в которых равно заинтересованы присутствующие» [Винокур, 1993, с. 153], т.е. «свой» круг читателей, на который прежде всего и ориентировано то или иное издание.

По нашим наблюдениям, ассоциативный фон повествования, связанный с фатической функцией, в разноориентированных СМИ разный. Ориентация на своего читателя, необходимость остаться в одной с ним парадигме приводит к появлению в текстах (особенно левоориентированных изданий) **элементов малой вероятности**, неуместных по отношению к описываемому факту-событию – с точки зрения «чужого» читателя, но закономерных, необходимых – с точки зрения «своего». В качестве примера приведем несколько фрагментов статьи «Горькие плоды ложной политики» («Советская Россия», 29.10.2002), посвященной освобождению спецназом заложников («Теракт на Дубровке»).

1) *«В основе случившегося лежат две чеченские войны, первая из которых развязана преступным режимом Ельцина, а вторая – нынешним режимом Путина. Называть эти войны антитеррористической операцией – значит грешить против истины. Подлинными примерами успешных антитеррористических операций была ликвидация бандитизма бандеровцев на Западной Украине и фашистских недобитков в Прибалтике...*

В данном фрагменте немотивированно с точки зрения логики изложения связываются два совершенно разных как во временном, локальном, так и в сущностном отношении события – только что произошедший теракт и исторические события Великой Отечественной войны. Это своего рода «позывные», не содержащие новой для адресата информации, отсутствие которой может свидетельствовать о том, что данные реалии хорошо известны «своему» читателю и используются автором для поддержания с ним контакта.

2) Успех антитеррористических операций в этих регионах, помимо всего прочего, объясняется тем, что в них была народная, Советская власть, и весь народ, от мала до велика, помогал в борьбе с бандитизмом, защищал свою власть...

Данный контекст содержит апелляцию к одной из распространенных тоталитарных идеологием – «Советская власть – подлинно народная власть», без которой не обходится ни одна статья, «настроенная на частоту» той группы, интересы и ожидания которой удовлетворяет автор.

3) Так получилось, что в авангарде сопротивления обездоленных народов американскому империализму оказались международные и национальные исламские организации, которые, к несчастью, вынуждены прибегать к террору как к одному из средств борьбы против неизмеримо более сильного противника... Когда существовал Советский Союз и мировая социалистическая система, борьба угнетенных стран против империализма велась под знаменем социализма. Она велась организованно, в рамках ООН, носила межгосударственный, межблоковый характер. В основном она носила мирный, политический характер... Идеологической основой такой войны была концепция мирного сосуществования двух систем...

По замечанию исследователей, идеологема «социализм» является опорной идеологемой тоталитарного языка и сопровождается, как и идеологема «советская власть», устойчивой положительной коннотацией [Енина,

2000, с. 209]. Выделенные фрагменты текстов, по нашему мнению, представляют собой элементы фатической коммуникации, типичные для левоориентированных СМИ. Это, прежде всего, апелляция к неизменно героическому прошлому (1), к временам существования Советского Союза (2), эксплуатация разного рода идеологием, столь характерных для советского (тоталитарного [Стернин, 1998]) публицистического дискурса (2, 3). Эти «точечные экскурсии» в славную советскую историю появляются в левоориентированных СМИ независимо от описываемого факта-события, но появляются обязательно, т.к. выполняют фатическую функцию: подтверждают верность пишущих избранным установкам, общим со «своим» читателем.

Таким образом, функции фатической коммуникации в бытовой речи и в современных СМИ, испытывающих, по мнению многих лингвистов, сильное влияние устной разговорно-бытовой речи (о чем свидетельствует, например, «орализация» публицистического дискурса, о которой говорит И.А. Стернин, исследования Е.Н. Ширяева, Л.П. Крысина и др.), совпадают по многим признакам.

2. Цели фатического общения

Еще больше сходства можно обнаружить при сопоставлении **целей** фатического общения в разговорно-бытовой сфере и сфере газетно-публицистической. Так, в качестве основных целей фатического РП исследователи называют 1) социально-психологический контакт; 2) общность ситуативно-целевой задачи, состоящей в том, чтобы высказаться и встретить понимание [Винокур, 1993, с. 137]. По нашему мнению, в современных СМИ эта цель несколько видоизменяется: построить фатическое общение так, чтобы адресат «узнал» в высказываниях журналиста свои собственные мысли, свою модель мира, свои идеологические установки. Представляется, что в га-

зетной публицистике реализуется два из описанных Т.Г. Винокур варианта речевого взаимодействия: а) между хорошо знакомыми людьми, сохраняющий сложившийся тип отношений, либо б) между близкими друзьями («своими» читателями), чтобы «отдать дань привычке к обмену мнениями, эмотивной эксплицированности РП, в котором отсутствует информативная необходимость» [Там же, с. 139]. При этом косвенная оценка чего-то, что касается событий, происходящих в момент речи, или кого-то, кто имеет к ним отношение, в газетных СМИ реализуется через особый экспрессивный контекст – эмоциональный тон высказывания, эмоциональную окраску текста, обусловленную контекстом и во многом зависящую от той эмоции, которой окрашен тот или иной контекст (см. например, описание стилистически маркированных языковых средств, используемых ЛИ для создания образа «чужих» в статьях о захвате заложников в Москве).

Итак, фатическая речь, долгое время остававшаяся приметой устного разговорно-бытового общения, на фоне новых отношений, складывающихся между участниками публицистической коммуникации, все активнее проникает не только в устную, но и в письменную (газетную) публицистику. Обусловлено это целым рядом причин, так или иначе эксплицированных в исследованиях разных лингвистов и подтвержденных материалами исследования современного газетного материала: 1) близостью публицистики к разговорной речи, с одной стороны, и к художественной речи, с другой, что позволяет ей выполнять функции и целевые установки обеих (Винокур Т.Г.); 2) сильным влиянием разговорной устной речи, которая в современных условиях все активнее определяет особенности речевой коммуникации в сфере публицистики; 3) нарастанием диспропорции между объемами потребляемой рациональной и эмоциональной информации [Мечковская, 2001], что приводит к изменению удельного веса двух языковых функций – фатической и метаязыковой. Фатическое общение, сокращаясь в обыденной жизни людей,

укрепляет свои позиции в сфере публичного общения, в том числе, и газетно-публицистического, и является важным параметром согласования коммуникативно-речевого взаимодействия автора и адресата в СМИ.

Особенности предлагаемой в данной главе модели описания обусловлены прежде всего реализуемым в исследовании детерминационным подходом к изучению текстов современной газетной публицистики через призму когнитивно-речевого взаимодействия языковых личностей автора и адресата, актуализированным в разработке новой концепции описания русского публицистического текста как в целом (на уровне осуществленных в работе подходов, моделей и способов описания), так и на уровне отдельных составляющих (введение новых понятий, методики анализа и др.). Важным фактором данного исследования является то, что тенденция к единству разных сторон ментально-языковой ситуации, создаваемой текстами современных СМИ, рассматривается как ведущий детерминационный фактор всей очерченной ситуации в целом и каждого из ее компонентов в отдельности.

Представленный в главе анализ позволяет выделить *структурные компоненты* модели описания коммуникативно-речевого и лингвокогнитивного взаимодействия через текст языковых личностей автора и адресата в сфере массовой газетной коммуникации.

Основным инструментом описания выступает *событийный концепт* как структурный компонент концептуальной организации текста, *который актуализируется в сознании адресата-интерпретатора в процессе концептуального освоения события*, получившего в тексте статус языкового факта, и позволяет охарактеризовать те когнитивные процессы интерпретационной деятельности человека в ходе освоения им языкового факта-события через

текст, которые обусловлены его психосоциальными установками, а также дискурсивными особенностями среды, которая воспринимающим индивидом оценивается как «своя». Совокупность событийных концептов сверхтекста разноориентированных газетных СМИ через *ассоциативные* и *интерпретативные* поля предстает как *ансамбль схем*, задающих *вектор ассоциаций* и определяющих *процесс* и *результат интерпретации* текстов «своим» адресатом.

Таким образом, концептуальная организация современного публицистического сверхтекста, ориентированная на «своего» читателя, отражает не только особенности его концептосферы, не только своеобразие языковой картины мира представителей определенной социально-политической общности в ее идеологической составляющей, но и *фрагменты моделей мира* автора-читателя современных СМИ, и саму *ментально-речевую ситуацию* как внешний детерминационный фактор, как глобальный контекст, на фоне и под влиянием которого разворачивается когнитивно-речевое взаимодействие коммуникантов в современных газетных СМИ.

ВЫВОДЫ

➤ Особенности представленной в данной главе модели описания лингвокогнитивного взаимодействия адресата и адресанта через текст обусловлены прежде всего реализуемым в исследовании детерминационным подходом к изучению текстов современной газетной публицистики, актуализированным в разработке новой концепции описания русского публицистического текста, согласно которому когнитивно-речевое взаимодействие коммуникантов в изучаемой сфере через текст детерминировано рядом факторов, как внутренних, так и внешних по отношению к акту газетной коммуникации.

➤ Анализ текстов на основе методики комплексного лингвистического анализа позволил не только полно, на уровне глубинных смыслов, охарактеризовать изучаемые объекты (сверхтексты разноориентированных СМИ) как в *плане содержания* (через систему *событийных концептов, ассоциативных и интерпретативных полей*), так и в *плане выражения* (через антропоцентрическую по своей природе категорию *узуально-стилевого комплекса* как единства языкового и внеязыкового), но и увидеть за этими объектами (через фрагменты *модели мира автора-читателя* разноориентированных СМИ) русскую *языковую личность, языковое сознание* которой (через мировоззренческий компонент обыденного сознания), отражено в текстах разной социально-политической направленности.

➤ Вектор ассоциаций при интерпретации читателем разноориентированных газетных текстов задается *рядом параметров*, среди которых: общая когнитивная схема факта-события, имеющая иерархическую структуру; особенности интерпретации *события* автором публицистического текста, отождествляющего себя с какой-либо общностью; особенности интерпретации *виртуального факта* языковым сознанием как автора, так и адресата. Эти особенности обусловлены общностью системы стереотипов, концептуальных систем автора и адресата, реализуемых через *тезаурус* и *систему событийных концептов*, связанных определенными отношениями; особенностями языково-стилевого отбора, осуществляемого автором при вербализации факта-события с учетом языково-стилевых пристрастий языковой личности потенциального читателя СМИ.

➤ Событийные концепты, соотносимые с периферией когнитивной структуры факта-события, представляют собой понятия, непосредственно направленные на установление контакта того или иного издания со «своим» адресатом, и являются областью продуцирования мифологем (устойчивых

стереотипов сознания, обусловленных идеологической ориентацией субъекта речи).

➤ Сопоставительный анализ ассоциативных полей, сформированных по результатам смыслового и интерпретационного анализа, позволил обнаружить внутреннюю когнитивную направленность содержания разноориентированных СМИ и стоящих за ними авторов на определенную категорию читателя как один из важных факторов согласованности параметров адресата в сфере современной массовой коммуникации, реализуемых часто (как, например, в левоориентированных СМИ) через систему устойчивых идеологических стереотипов сознания.

➤ Интерпретация фрагментов текстов, ассоциированных с СК ТЕРАКТ в разноориентированных изданиях, позволила выстроить *интерпретационные поля*, отражающие *фрагмент модели мира* читателей разных публицистических сверхтекстов, различных по своей глубинной организации и детерминированных особенностями мировосприятия и идеологической направленности сознания той социально-политической общности, сознание которой отражается в тексте.

➤ Осуществленный в работе через антропоцентричную по своей природе категорию узуально-стилевого комплекса стилистический анализ ключевых слов и ассоциатов разноориентированных изданий позволяет обнаружить существенную разницу как в отборе языковых единиц, предназначенных для передачи информации «своему» читателю, так и в их стилистической окраске, позволяющей автору не только оставаться в рамках привычной для читателя речевой манеры, но и моделировать в тексте особый *стилистический фон* (стилистическую тональность), соответствующий не только интеллектуальным, но и эмоциональным потребностям читателя.

➤ Ассоциативный фон повествования, связанный с фатической функцией, в разноориентированных СМИ разный; ориентация на своего чи-

тателя, необходимость остаться в одной с ним парадигме приводит к появлению в текстах (особенно ЛИ) элементов малой вероятности, неуместных по отношению к описываемому факту-событию с точки зрения «чужого» читателя, но закономерных, необходимых – с точки зрения «своего».

➤ Представленное на основе методики комплексного лингвистического анализа описание языкового материала подтверждает гипотезу об устойчивости стереотипов сознания, включенных в круг привычных ассоциаций, характерных для газетных текстов разной идеологической направленности, ориентированных на «своего» получателя информации; этот круг привычных ассоциаций должен быть учтен пишущими, заинтересованными в установлении контакта со «своим» читателем, т.е. он должен поддерживаться на уровне контекста и начинаться уже на стадии установления контакта со своим читателем, т.е. через реализацию фатической функции речи как социального символа коммуникации.

ГЛАВА 5
МОДЕЛЬ КОГНИТИВНО-РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КОММУНИКАНТОВ
В СФЕРЕ МАССОВОЙ ГАЗЕТНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ДЕТЕРМИНАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ

Цель данной главы – описание ведущих детерминационных факторов (внешних и внутренних), а также определение их роли и иерархии в созданной на их основе модели, отражающей особенности вербализации события современными газетными СМИ.

5.1.1. Внутренние и внешние факторы, детерминирующие
лингвокогнитивное взаимодействие автора и адресата
в сфере современной массовой коммуникации

Представленный в предыдущих главах анализ позволил отметить неоднородность детерминационных факторов, определяющих процесс когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в сфере массовой газетной коммуникации. Одни из них исходят из особенностей языковых личностей коммуникантов, их базовых и вариативных составляющих, а также текстов, на основе которых и через которые осуществляется когнитивно-речевое взаимодействие автора и адресата в СМК, другие же лежат за пределами этого взаимодействия, образуя сферу, контекст, ситуацию, на фоне которых осуществляется это взаимодействие. Назовем первые из них *внутренними* по отношению к осуществляемому когнитивно-речевому взаимодействию коммуникантов в информационной сфере, создаваемой современными СМИ, а вторые – *внешними детерминационными факторами*. Очевидно, что в модели, отражающей когнитивно-речевое взаимодействие коммуникантов в сфере

массовой газетной коммуникации, должны найти место и те, и другие. В основание такой модели может быть положена идея о единстве разных сторон *ментально-языковой ситуации*, создаваемой текстами современных СМИ. Данное положение рассматривается как ведущий детерминационный фактор всей очерченной ситуации в целом и каждого из ее компонентов в отдельности.

Внутренние и внешние детерминационные факторы различаются по отношению к коммуникативно-речевой ситуации, в которой протекает общение в данной сфере человеческой деятельности.

К *внутренним* факторам, таким образом, относятся те компоненты коммуникативно-речевого акта, которые исследователи, работающие в русле теории массовой коммуникации, характеризуют как ведущие, основные.

Прежде всего, это **автор** и **адресат** как основные субъекты коммуникативно-речевого акта, которые в рамках данного исследования рассматриваются как *языковые личности* (см. гл. 2), своеобразие языкового сознания которых проступает через продуцируемые ими высказывания (через текст), в которых отражается как *внешний* по отношению к человеку мир (тексты газетных СМИ, конкретные газетные издания, фрагменты ментально-языковой ситуации в целом), так и мир *внутренний*, ментальный, отражающий определенные стороны человеческой жизнедеятельности и представления о ней.

При характеристике особенностей функционирования газетно-публицистических текстов в информационной сфере (инфосфере) современного российского общества мы исходили из утверждения о том, что язык СМИ, охватывая значительную часть общества через его единое информационное пространство, предстает как национальный поток сознания современного человека [Караулов, 2001, с. 15] – *языковой личности*, реализующей в СМК как *коллективные* (социозначимые), так и свои *индивидуальные* особенности, позволяющие интерпретировать реальные факты прежде всего с

учетом приоритетов той *социальной (политической, идеологической) общности*, с которой данная языковая личность себя отождествляет (см. модели фрагментов мира в гл. 4).

К важным детерминационным факторам относится и **характер взаимодействия** автора и адресата *через текст* в современных газетных СМИ, представленный через *адресную обусловленность как важный фактор согласованности общения* в сфере массовой газетной коммуникации. Как было выявлено в гл. 3, к факторам, детерминирующим когнитивно-речевое взаимодействие, относятся: 1) репрезентация в текстах СМИ системы *стереотипов массового (общественного) сознания*, включенных в круг привычных ассоциаций, достаточно устойчивых независимо от характера интерпретируемого события, которые будут разными в зависимости от того, на какую аудиторию ориентирован газетно-публицистический текст; 2) представление в текстах *фрагментов тезаурусов* языковых личностей автора и адресата, организуемых на основе ассоциативно-смысловых полей, группируемых вокруг *событийных концептов*, определяющих круг привычных для «своего» читателя ассоциаций; 3) использование *системы узуально-стилевых средств*, позволяющих авторам публикаций через языковые приемы выразительности, через стилистическую окраску языковых единиц и стилистическую тональность публикации в целом оставаться в привычной для своего читателя языковой и смысловой парадигме независимо от тематики и особенностей отображаемого события.

К внутренним детерминационным факторам относится **газетно-публицистический текст (сверхтекст)**, рассматриваемый в данной работе (см. гл. 3, 4) в плане выражения и в плане содержания как *совокупность лингвокогнитивных структур*, ориентированных на фактор адресата, через систему событийных концептов и ассоциативных полей задающих вектор интерпретации им когнитивно-речевого пространства текста; как *фрагмент*

модели мира, отражающий языковое (общественное) сознание той социально-политической общности, интересы которой разделяет издание.

Наконец, к внутренним детерминационным факторам, объединяющим три представленные ранее компонента, относятся и **функции** коммуникации в сфере современных политико-идеологических отношений, среди которых, наряду с *информационной* и *воздействующей* как базовыми и исторически первичными для данной сферы функционирования языка, выступают *интерпретационная* и *фатическая* (см. гл. 4) функции, причем, если основное предназначение первой – *интерпретировать событие* с учетом когнитивных, концептуальных, социально-политических, идеологических и пр. установок читателя, на которого ориентировано издание, назначение второй, имеющей *адресный* характер, – установить контакт со «своим» адресатом (вернее, подтвердить его и подтверждать в каждом акте коммуникации). Очевидно, что внутренние детерминационные факторы создают ядро всей коммуникативно-речевой ситуации в сфере политико-идеологических отношений, детерминированное *внешними* факторами, основу которых образует *контекст* как некое пространство, в которое погружен коммуникативно-речевой акт во всей совокупности своих составляющих и с учетом тех особенностей, которые определяют взаимодействие автора и адресата в данной сфере человеческой деятельности.

Коммуникативно-речевой акт, протекающий в СМК, на наш взгляд, последовательно «погружен» в несколько взаимодетерминированных контекстов: глобальный, рассматриваемый в работе как *ментально-языковое пространство*, образуемое текстами СМИ; более узкий, определяемый способом передачи знания в обществе, – *информационное пространство*, или *инфосфера*, и, наконец, *социально-политический контекст*, обусловленный особой сферой функционирования языка – сферой политико-идеологических отношений, отражающей тот тип обыденного сознания человека (*общест-*

венное сознание), который связан с осознанием им себя как члена общества.

Отнесение этих **факторов к внешним** определяется тем, что **контекст, не будучи** представленным в самом употреблении выражения, тем не менее, как это указывалось ранее (см. п. 1.8. гл. 1) чрезвычайно важен с позиций интерпретативной деятельности участников коммуникации, т.к. связан непосредственно с ментальной сфере субъекта и объясняет определенную ментальную направленность его к действительным или возможным объектам и состояниям мира, задающим вектор ассоциации и интерпретации адресатом речевых действий адресанта, воплощенных в тексте.

Построение модели, отражающей особенности вербализации события современными газетными СМИ в аспекте фактора адресата, требует описания внешних и внутренних детерминационных факторов. Такое описание представлено в данной главе на ином, чем в предыдущих главах, материале. Источником описания послужили, с одной стороны, тексты разноориентированных российских СМИ, посвященных результатам выборов главы администрации в Алтайском крае в апреле 2004 г., во-вторых, высказывания респондентов, отражающие это *событие* (выборы главы администрации), в частности *факту* победы М. Евдокимова на губернаторских выборах в Алтайском крае⁷¹. Привлечение качественно нового материала осуществлено в работе как с целью апробации представленной в гл. 4 методики комплексного лингвистического анализа, так и для уточнения и верификации наших предположений относительно особенностей когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в изучаемой сфере (см. гл. 2, 3, 4).

⁷¹ Здесь представлены результаты опросов серии 4 (см. образец анкеты 3 приложения I).

5.2. Компоненты модели, отражающей особенности вербализации события современными газетными СМИ в аспекте фактора адресата

Изучение того или иного языкового феномена предполагает создание его работающей модели, т.е. некоей «отсутствующей структуры» (У. Эко), не существующей сама по себе, являющейся продуктом целенаправленных действий человека и позволяющей рассматривать явление с какой-либо определенной точки зрения [Эко, 1998, с. 63-65]. Точкой отсчета для создания такой модели может быть «точка зрения конкретного человека на мир или то представление о мире, которое строит интерпретатор в процессе интерпретации текста» (модель текста) [Филлмор, 1983, с. 110]; когнитивный контекст, включающий лингвистический, социальный и прагматический виды контекстов («своя модель слушателя») [Виноград, 1983, с. 145]; личностные знания носителя языка (модель ситуации) [ван Дейк, Кинч, 1988)]; дискурс, обладающий «цельностью, связностью, референтностью, тема-рематической организацией и пр.» (информационная модель) [Земская, 2004, с. 65] и др.⁷².

Как было указано выше, важным аспектом данного исследования является изучение языковых личностей автора и адресата газетно-публицистического текста через лингвокогнитивные структуры текстов, отражающих их сложное взаимодействие. Следовательно, в конструируемой модели обязательно должны найти отражение **автор**, интерпретирующий **событие реальной действительности** и превращающий его посредством вербализации в **факт вербальный**; **адресат**, воспринимающий через текст факт реальный в интерпретации автора и дополняющий этот вербальный факт своей собственной интерпретацией; *интерпретация* адресатом **факта виртуального** (т.е. содержащегося в сознании адресата некоего представления о реальном факте-событии, который можно выявить на основе интерпретации-

⁷² См. перечень и описание различных видов моделей в работе [Дейк ван, 1989, с. 309].

онного анализа материалов опроса потенциальных читателей СМИ); а также разные виды **контекстов** (*ментально-речевого*, относительно стабильного, и *социально-политического*, обладающего свойством изменчивости), на фоне которых осуществляется взаимодействие всех перечисленных ранее компонентов в сфере массовой газетно-публицистической коммуникации современного российского информационного пространства.

Моделирование ситуации предполагает использование нескольких видов анализа: смыслового, интерпретационного и стилистического анализа, т.е. комплексного лингвистического анализа текстов СМИ одной тематики и высказываний респондентов, полученных в результате лингвистического эксперимента, в ходе которого были выделены лингвокогнитивные структуры текстов, ориентированные на фактор адресата.

5.2.1. Лингвокогнитивные структуры текстов СМИ, ориентированные на фактор адресата: когнитивный и стилистический аспекты

Анализ источников, содержащих информацию о победе М. Евдокимова в губернаторских выборах на Алтае, свидетельствует о довольно существенных различиях в интерпретации данного события разными СМИ. Различия проявляются как на содержательном уровне (интерпретация произошедшего и его комментарий), так и на уровне языково-стилевого оформления публикаций. Прежде всего, обращают на себя внимание различия языково-стилевым, поскольку разная интерпретация события в разных СМИ проявляется, прежде всего, через механизм языкового отбора узואльно-стилевой комплекс [Стилистика русского языка..., 1987]), обусловленный целым рядом критериев, так или иначе ориентированных на фактор адресата: особенностями личности пишущего (индивидуальным мироощущением: негатив-

ное/ позитивное восприятие действительности; языковыми и неязыковыми интенциями пишущего; особенностями авторского стиля; уровнем его общей культуры и т.п.), типом издания (языковыми и неязыковыми интенциями и установками, определяющими общий стилистический фон газеты; ее социальный статус, политико-идеологической ориентацией и пр.) [Чернышева, 1999, с. 138-144]; ну и, конечно же, психосоциальными особенностями аудитории, на которую рассчитано издание.

Осмысление, интерпретация познаваемых знаков опирается на нашу способность «схватывать» только такие объекты, которые соотносимы с нашей концептуальной системой смыслов (системой концептов – ментальных репрезентаций объекта – как системой взаимосвязанной информации, отражающей познавательный опыт индивида на самых разных уровнях и в самых разных аспектах познания) [Павиленис, 1986, 383, 387]. Очевидно, что для гармоничной коммуникации необходима соотнесенность концептуальных систем автора и адресата, ср.: «... наш выбор того или иного указывающего выражения часто осуществляется именно с учетом концептуальной системы партнеров по коммуникации, чтобы тем самым гарантировать указание с точки зрения данной системы» [Там же, с. 385].

На основе анализа публикаций, посвященных победе М. Евдокимова на губернаторских выборах, можно выделить два основных внеязыковых критерия, обусловивших языково-стилевые различия в интерпретации факта-события. В зависимости от формы и источника распространения информации (устная, письменная речь) и особенностей участвующих в коммуникации субъектов (городское/сельское население; жители Алтайского края/жители России в целом) по-разному будет интерпретироваться событие, во-первых, в местной (краевой) и центральной (российской) прессе; во-вторых, в СМИ печатных и электронных.

1. Общая тональность публикаций основных массовых газет, издаваемых на Алтае и в Барнауле («Алтайская правда», «Вечерний Барнаул»), может быть оценена как сдержанная, нейтральная, осторожная по отношению к фигуре вновь избранного губернатора, о чем свидетельствуют следующие номинативно-ассоциативные ряды: *губернатор Михаил Евдокимов, Михаил Сергеевич, новый губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов, новый глава края (АП); Евдокимов, лидер второго тура выборов главы администрации края, Михаил Евдокимов, Михаил Сергеевич (ВБ)*. Отбирая стилистически окрашенные средства для интерпретации факта-события, пишущий (журналист) не может не считаться с политическими пристрастиями читателей, а именно с тем, что около половины избирателей, пришедших на выборы (49,84%), отдали свои голоса за М. Евдокимова. Ироническая, критическая или насмешливая интерпретация образа победителя краевыми и городскими изданиями могла бы быть расценена массовым читателем как неуважение к мнению избирателей. О позитивном настрое на фигуру вновь избранного губернатора свидетельствуют и заголовки перечисленных газет: *«Вот такие они, верх-обские... Свое первое интервью губернатор Михаил Евдокимов дал «Алтайской правде» в родном селе»; «Михаил Евдокимов: Спасибо всем. И за работу!» (АП); «Революционных потрясений Михаил Евдокимов не обещает» (ВБ)*. Важно также отметить, что указанные издания, учитывая фактор массового адресата, не упоминают в своих публикациях об артистическом прошлом нового губернатора, которое, по всей видимости, расценивается ими как недостаточно солидное и может быть объектом иронии, насмешки.

Иначе интерпретируют произошедшее газеты «Свободный курс» и «Московский комсомолец на Алтае». Так, в газете «Свободный курс», активно поддерживающей в ходе предвыборной кампании прежнего губернатора, основное внимание уделяется причинам, приведшим к победе М. Евдокимо-

ва, характеристика которого дается не прямо, а через создание негативной экспрессивной тональности за счет интерпретации победы М. Евдокимова как **«кризиса власти на Алтае»** со всеми вытекающими последствиями. Данная стратегия (рассматриваемая нами как стратегия дискредитации через снижение образа нового главы края) заявлена уже в заголовке аналитической статьи издания: *«Жить будем весело, но непредсказуемо. Разразившийся на Алтае кризис власти привел к расколу общества и перестройке»*. Интересен тот факт, что в ходе описания сложившейся в крае ситуации М. Евдокимов ни разу не назван губернатором; основные его номинации: *Михаил Евдокимов и Евдокимов*.

Газета «Московский комсомолец на Алтае», известная своими скандальными публикациями, интерпретирует образ М. Евдокимова через создание смешанной экспрессивной тональности текста, которую можно назвать снисходительно-сниженной, основу которой, как нам представляется, составляет иронический подтекст, проявляющийся в тексте фрагментарно. Номинативный ряд, через который интерпретируется образ М. Евдокимова, в какой-то мере перекликается с публикацией в СК: *Михаил Евдокимов, Михаил Сергеевич, Евдокимов*, новыми являются номинации *г-н Евдокимов, губернатор*.

2. В центральных печатных СМИ (анализировались публикации в газетах «Известия», «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Независимая газета») интерпретация факта-события представлена двумя вариантами: образ Евдокимова соотносится с речевыми структурами, характеризующими его 1) как артиста юмористического жанра и 2) как независимого губернатора, победившего в предвыборной борьбе чиновника. Первое направление интерпретации обусловлено тем, что М. Евдокимов – известный и любимый в России актер и юморист и то, что происходит в его судьбе, может быть интересно не только многочисленным его поклонникам, но и россиянам в целом,

ср.: *Юморист Михаил Евдокимов*; «*Алтай выбирает «Анилаг»*» (И); *профессиональный юморист* (К); «*эстрадный шутник*» Евдокимов (НГ); *известный «анилаговец»* Евдокимов; *юморист* Евдокимов; *мастер эстрадного жанра* Михаил Евдокимов (МК).

Наиболее экспрессивные, оценочные сочетания, соотносимые с фигурой нового губернатора, находим в публикациях «Московского комсомольца», начиная с заголовков: «*Вождь "краснорожих"*» (в названии обыгрываются сразу два прецедентных текста: один по форме, ср. название рассказа О. Генри «Вождь Краснокожих»; а другой – на основе синонимической замены сочетания «морда красная» из известного монолога М. Евдокимова на словосочетание, в состав которого входит просторечное, бранное слово «рожа». Кстати, лексема *морда* в словарях также имеет пометы *бранное* и *просторечное* [Словарь русского языка, 1981-1984]. Однако, казалось бы, синонимическая замена, разрушая привычный облик высказывания, придает высказыванию ярко выраженную пейоративную оценочность.

Другой заголовок – «*На Алтае – полный «Анилаг»*» – включает в свой состав аналог известного обценного выражения, которое делает данный оборот легко узнаваемым русским языковым сознанием. Полагаем, однако, что данные словосочетания являются неотъемлемой составляющей стиля анализируемого издания – своего рода визитной карточкой, предназначенной именно для «своего читателя», а их экспрессивный потенциал направлен не столько на создание негативного образа нового губернатора, сколько на выписывание привычной для своего читателя манеры речевого поведения, культивируемого изданием.

Второе направление интерпретации обусловлено как необычностью интерпретируемого события (а именно победы на губернаторских выборах артиста разговорного жанра), так и его закономерностью, вызванной недовольством общества «старой номенклатурной элитой», уже не справляющей-

ся со своими обязанностями в новых социально-политических условиях, ср.: ***Сенсационная победа Михаила Евдокимова во втором туре губернаторских выборов в Алтайском крае (он почти на 4% опередил уже бывшего главу региона Александра Сурикова) – не курьез и не проявление на российской почве «феномена Шварценеггера»***; В этих условиях появление **нового, независимого от местной власти политического игрока** привело к консолидации той части избирателей, которые за 8 лет устали от правления Сурикова (И).

Третья интерпретация, представленная (наряду с двумя первыми) в «Коммерсанте», трактует победу Евдокимова как **хорошо продуманную пиар-акцию и как рождение новой региональной элиты**. Номинативный ряд, интерпретирующий образ М. Евдокимова, представлен следующими сочетаниями, отражающими разные ипостаси субъекта речи: *профессиональный юморист*; *юморист Евдокимов*; *артист Михаил Евдокимов*; *эстрадный артист Михаил Евдокимов*; *Михаил Евдокимов*; *новоиспеченный глава края*; *виновник ажиотажа*; *новый губернатор*; *господин Евдокимов*, среди которых лишь сочетания *новоиспеченный глава края* и *виновник ажиотажа* можно рассматривать как иронические, ср.: *новоиспеченный* – «разг. шутол. Недавно сделанный, недавно ставший кем-н.» [Ожегов, 1986]; *ажитаж* – «искусственно вызванное возбуждение, волнение с целью привлечения внимания» [Там же]. Полагаем, однако, что ирония здесь направлена не столько на фигуру Евдокимова (поскольку объектом описания является не он, а те силы, которые за ним стоят), сколько на *известные и уважаемые в крае персоны*, которые после выборов поспешили поздравить нового губернатора, но *виновник ажиотажа... в крайадминистрации вчера не появился..., а в приемной губернатора... принимать букеты отказались*. Косвенным подтверждением сказанного может, на наш взгляд, служить номинативный ряд, называющий М. Евдокимова, который в целом позитивен: *известный «анилаго-*

вец» Евдокимов; юморист Евдокимов; мастер эстрадного жанра Михаил Евдокимов; Михаил; алтайский сюрприз, т.е., как указывалось ранее, в российской прессе, в отличие от региональной, в качестве источника интерпретации результата выборов используется образ профессионального артиста М. Евдокимова как наиболее яркий, что позволяет характеризовать победу М. Евдокимова на выборах как *последнюю его шутку*, которая к тому же оказалась самой смешной.

3. Все три указанные ранее интерпретации образа М. Евдокимова представлены и в интернет-публикациях различных информационных агентств, однако наиболее популярной является схема «Михаил Евдокимов – артист разговорного жанра», ср.: *артист эстрады Михаил Евдокимов; шоу-бизнес берет реванш* (grani.ru); *победа артиста* (politcom.ru); *Артист Евдокимов становится губернатором* (Лента новостей); *Юморист Евдокимов стал губернатором; Ветеран «Анилага»; юморист все-таки вырвал победу у чиновника; самый знаменитый на сегодня уроженец края Михаил Евдокимов; Мишаня* (ПолитСибРу); *алтайский триумфатор Михаил Евдокимов; новый глава региона*. Только в электронных СМИ встречается уничижительно-пренебрежительная форма имени нового губернатора *Мишаня* (ПолитСибРу), фигурирует сравнение М. Евдокимова с американскими артистами, сделавшими политическую карьеру – *Арнольдом Шварценегером*⁷³ и *Рональдом Рейганом* (regnum.ru); ср. также: *Арнольд – Евдокимов* (grani.ru); *Алтайский Шварценеггер* (Лента новостей). Неопытность нового губернатора позволяет пишущим сравнить его с А. Лебедем: *Евдокимов просто может не найти общий язык с местной политической, экономической и управленческой элитой. В результате в Алтайском крае может повториться сценарий Красноярского края времён губернаторства покойного Александра Лебеда* (politcom.ru).

⁷³ Пример дается с соблюдением орфографии оригинала.

Специфика интерпретации обусловлена, во-первых, тем, что жанр новостей, представленный в интернет-публикациях, тяготеет к концептуально устным, но формально письменным текстам [Иванов, 2001, с. 134] (отсюда преобладание разговорных конструкций, неверных написаний и т.п.), во-вторых, тем, что Интернет – это форма пространственной и многомерной коммуникации, в которую одновременно может включаться большое количество коммуникантов, объединенных общностью восприятия [Юдина, 2003, с. 401].

Таким образом, реальное событие, становясь вербальным фактом, либо интерпретируется в различных изданиях по-разному: «последняя шутка юмориста», «кризис власти на Алтае», «рождение новой региональной элиты», «победа независимого кандидата», «продуманная пиар-акция», либо, как в умеренных местных изданиях, подается без комментариев: «Евдокимов – губернатор». В зависимости от вектора реагирования, с опорой на фактор адресата, отбираются и средства стилистической окраски текста. Обобщенный результат анализа представлен в схеме на **рис. 5.1**.

Рис. 5.1. Вербальный факт как интерпретация события
(по материалам газет)

5.2.2. Особенности отражения события языковым сознанием адресата

В результате анализа, представленного в предыдущем параграфе, был выделен ряд лингвокогнитивных структур – событийных концептов, представляющих собой компоненты концептуальной организации газетно-публицистических текстов, ориентированных на потенциального читателя СМИ (см. схему на **рис. 5.1**).

В настоящем параграфе приводятся результаты лингвистического эксперимента в форме опроса, в ходе которого, для выяснения того, как пресуппозиции читателей (шире жителей Алтайского края) отражаются в текстах СМИ, респондентам было предложено ответить на несколько вопросов, среди которых в рамках данного исследования наиболее актуальны следующие:

1. Каким прилагательным Вы бы определили победу М. Евдокимова на выборах? Какими бы словами Вы охарактеризовали проигрыш А.А. Сурикова?

Обобщенный результат опроса представлен в **табл. 25** и **26**.

Комментарий к таблицам

1. Согласно данным лингвокогнитивного анализа текстов разноориентированных СМИ (как региональных, так и центральных), реальный факт (победа М. Евдокимова на губернаторских выборах), превращаясь в факт вербальный, актуализирует 5 событийных концептов:

1) «последняя шутка юмориста» (*Центральные СМИ, интернет-агентства*); 2) «кризис власти на Алтае» (*Свободный курс, интернет-агентства*); 3) «рождение новой региональной элиты» (*центральные СМИ*); 4) «победа независимого кандидата» (*центральные СМИ*); 5) «Евдокимов –

губернатор» (*Алтайская правда, Вечерний Барнаул*); б) «продуманная пиар-акция» (*интернет-агентства*).

Таблица 25.

**Оценка респондентами факта победы М. Евдокимова
на губернаторских выборах в Алтайском крае**

Положительная	Отрицательная
<i>Успешная, легкая; Упорная по своей сути, но несерьезная; Быстрая</i>	<i>Клоунство, шутовство; Наглая, захватническая; Вынужденная; Случайно; Неожиданная; Случайная, необдуманная; Неожиданная победа</i>
<i>Правильная победа; Народная победа; Прекрасно!</i>	<i>Победа с натяжкой; Купленность, незнание как руководителя; Конкуренеспособный, нечестный; Из двух зол народ выбрал меньшее; Неожиданная; Продиктовано свыше (президентом)</i>
<i>Красивая победа; Неожиданная</i>	<i>Купленная; Странное; Запланированная; Безумная; Победа с натяжкой; Ошибка случая – случайная победа (по незнанию электората); Из двух зол народ выбрал меньшее; Случайная</i>

Таблица 26.

**Оценка респондентами факта проигрыша А. Сурикова
на губернаторских выборах в Алтайском крае**

Положительная	Отрицательная
<i>Предсказуемое, очевидное; Крах надежд чиновничьего аппарата; Люди от него устали, от его бездействия; Закономерный</i>	<i>Дебилизация населения; Мало вел предвыборную работу; Внезапный, его мало кто ожидал; Переоценил свои силы, расслабился; Против него была Москва, у Евдокимова больше средств; Очевидный, горький; Непросчитанный; Быстрый, неожиданный</i>
<i>Так должно быть; Закономерный проигрыш; Позор</i>	<i>Разочарованность; Позорный; Неорганизованность; Мало вел предвыборную работу</i>
<i>Закономерный; Наконец-то; Предопределенный; Еще бы чуть-чуть и – привычная тягомотина; Так и должно было случиться, он свое отработал; Нахапал, дай другим</i>	<i>Народная глупость; Безразличие, политические интриги; Он был слишком уверен в победе Легкомысленный проигрыш; Нечестность</i>

Результаты опроса были обобщены в схеме на **рис. 5.2.**

		Положительная // Отрицательная оценка виртуального факта реципиентами	
Победа М. Евдокимова	"последняя шутка юмориста"	—	<i>клоуновство, шутничество</i>
	"победа независимого кандидата"	<i>Правильная победа; Прекрасно! Народная победа</i>	<i>Победа с натяжкой Безумная Ошибка случая Неожиданная Необычная Странная Наглая, захватническая вынужденная Неожиданная Случайная Необдуманная</i>
	"Евдокимов-губернатор"		
	"кризис власти на Алтае"	—	<i>Из двух зол народ выбрал меньшее</i>
	"продуманная пиар-акция"		<i>Купленность</i>
	"рождение новой региональной элиты"	—	—

Рис. 5.2. Интерпретации респондентами виртуального факта
(по результатам опроса)

Согласно полученным в ходе лингвистического эксперимента данным (см. табл. 25, рис. 5.2), полностью в сознании респондентов (в положительной и отрицательной оценочности) актуализирован только один СК: «победа независимого кандидата» (*центральные СМИ*), который в краевой и городской массовых газетах представлен как констатация факта: «Евдокимов – губернатор» (*Алтайская правда, Вечерний Барнаул*), причем **факта положительного**, хотя и сдержанного, если оценивать общую стилистическую тональность посвященных победе М. Евдокимова публикаций: *губернатор Михаил Евдокимов; Михаил Сергеевич; новый губернатор Алтайского края Ми-*

хаил Евдокимов; *новый глава края; Михаил Евдокимов, лидер второго тура выборов главы администрации края; Михаил Евдокимов; Михаил Сергеевич.* В ответах реципиентов *положительная* оценка факта победы М. Евдокимова выражена стилистически более ярко и разнообразно – через набор положительно окрашенных эпитетов, ср.: *победа правильная, народная, красивая, прекрасная, упорная, успешная, легкая, быстрая, неожиданная, Прекрасно!* и т.д.

В то же время в ответах реципиентов нашла отражение **отрицательная** (*неожиданная, необычная, странная; победа с натяжкой, недолговечная, безумная, ошибка случая; необдуманная, случайная, вынужденная* и др.) и даже **резко негативная** оценка реципиентами факта победы М. Евдокимова (*наглая, захватническая, убийственная*), не представленная в газетных СМИ (региональных и центральных), актуализирующих СК «победа независимого кандидата». Причин этого, на наш взгляд, несколько. Во-первых, отбирая стилистически окрашенные средства для интерпретации факта-события, пишущий (журналист) учитывает политические пристрастия читателей (см. предыдущий параграф). Не случайно поэтому и в ответах респондентов СК «последняя шутка юмориста» не актуализируется ни в положительной, ни в отрицательной оценочности, за исключением одного высказывания с явно неодобрительной окраской, характеризующего победу М. Евдокимова как *клоунство, шутовство*. В то же время для СМИ центральных и интернет-изданий данный СК (интерпретация победы как «*последней шутки юмориста*») является самым популярным, ср.: ***Юморист Михаил Евдокимов***; «*Алтай выбирает «Анишлаг»*» (И); ***профессиональный юморист*** (К); «*эстрадный шутник*» Евдокимов (НГ); ***известный «анишлаговец» Евдокимов***; ***юморист Евдокимов***; ***мастер эстрадного жанра Михаил Евдокимов*** (МК), причем тональность этих публикация либо положительная, либо с оттенком иро-

нии по поводу сенсационности самого факта победы артиста в губернаторских выборах в России (см., предыдущий параграф).

Вторым фактором может быть то, что анализируемый СК коррелирует с другим СК: **«рождение новой региональной элиты»**, представленным только в центральных СМИ, причем оценка здесь либо нейтральная, либо положительно-ироническая: *Михаил Евдокимов; новоиспеченный глава края; виновник ажиотажа; новый губернатор; господин Евдокимов*, опять же потому, что он *профессиональный юморист; юморист Евдокимов; артист Михаил Евдокимов; эстрадный артист Михаил Евдокимов* и т.д. (К). Реципиенты в массе, не актуализируя этот СК, тем не менее, реагируют на него опосредованно: через **положительную оценку** факта проигрыша бывшего губернатора А.А. Сурикова, который характеризуется достаточно жестко и определено как *закономерный, предсказуемый, очевидный, predeterminedный: Крах надежд чиновничьего аппарата; Люди от него устали, от его бездействия; Так должно быть; Наконец-то; Так и должно было случиться, он свое отработал*, в том числе с элементами иронии, насмешки (*Нахабал, дай другим*) и т.д.

Заметим, что о поражении А.А. Сурикова в предвыборной борьбе местные и центральные СМИ предпочитают сообщать в нейтральной тональности, ср.: *уже бывшего главу региона Александра Сурикова; бывший губернатор (И); Действующий губернатор Александр Суриков; господин Суриков (К); экс-губернатор Александр Суриков (НГ)*, а мнение реципиентов частично отражается в интернет-текстах, где бывший глава администрации именуется как *респектабельный г-н Суриков, Сан Саныч, чиновник, который изрядно надоел, допек* и т.д. (ПолитСибРу). Исключением является лишь известная своей раскованной стилистической манерой газета «Московский комсомолец», высказывания которой могут быть оценены как содержащие отрицательную пейоративную оценочность по отношению к фигуре прежнего гу-

бернатора: *Восемь лет державший регион в кулаке губернатор Александр Суриков потерпел неожиданное поражение на новых выборах; Россиянам стали надоедать **плотно оккупировавшие** губернаторские кресла «**политические мастодонты**».*

И, наконец, третье. Для объяснения фактов несовпадения текстовых интерпретаций и результатов опроса реципиентов (а именно непредставленности в газетно-публицистических изданиях отрицательной оценки победы М. Евдокимова) оказалось недостаточно только данных лингвокогнитивного анализа текстов СМИ и данных опроса. Возникла необходимость анализа всей модели ситуации, в частности учета **контекста**, в котором она разворачивается, – как глобального, ментально-речевого, так и социально-политического.

5.3. Событийная модель как согласованность параметров коммуникантов в сфере массовой газетной коммуникации

Для получения новых компонентов мы объединили вместе схемы на **рис. 5.1** и **5.2**. Результат представлен в схеме на **рис. 5.3**.

Согласно полученной модели, вся коммуникативно-речевая ситуация в сфере современной газетной публицистики погружена в широкий *ментально-речевой контекст* как фрагмент общей языковой ситуации, которая формируется представителями общества о языке, языковом строительстве и их взаимосвязях и во многом определяет особенности функционирования современного русского языка в изучаемой сфере (см. **рис. 4.3, внешний круг**). «Такие представления во многом определяют его (общества) практические действия» в разных сферах, а «практические действия, напротив, формируют ментальность российского общества» [Голев, 2003, с. 178].

На наш взгляд, центральная часть модели (см. схему на **рис. 4.3**, **внутренний круг**), в которой нашли реализацию как интерпретация факта-события по материалам газет, так и положительная и отрицательная оценки виртуального факта респондентами (СК «независимая победа кандидата», «Евдокимов-губернатор»), представляет собой **социально-политический контекст** (ситуацию), который задает «вектор ассоциаций», связанный с интерпретацией факта-события, виртуального факта и особенно факта вербального (отраженного в текстах СМИ). По совокупности представленных фактов (реального, вербального и виртуального), а также в связи с тем, что точкой отсчета при построении данной модели послужил событийный концепт, актуализирующийся в сознании адресата-интерпретатора в процессе концептуального освоения факта-события, получившего в тексте статус вербального факта, данная модель получила название **событийной** (см. **рис. 5.3** на с. 368).

Если рассматривать реализацию данной модели в рамках конкретного издания, ориентированного на «своего» читателя, то можно утверждать, что часть компонентов этой модели (текст и стоящий за ним автор, адресат, интерпретирующий виртуальный и вербальный факты) являются достаточно устойчивыми и детерминируются целым комплексом факторов, так или иначе представленных и описанных в рамках данного исследования. Устойчивостью характеризуется и ментально-языковая ситуация, отражающая единство и целостность национального языка в многообразии своих проявлений – «в диалектах, койне, жаргонах, литературно обработанных формах» [Крысин, 2003, с. 11]. Относительно подвижным компонентом, на наш взгляд, является социально-политическая ситуация, во многом детерминирующая направление интерпретации факта реального при его вербализации и соответственно отбор событийных концептов, пригодных для того или иного издания. Например, отсутствие в текстах газетных СМИ (как центральных, так и региональных) отрицательной оценки факта победы М. Евдокимова на губерна-

торских выборах обусловлено не столько ангажированностью СМИ новым губернатором (практически все местные издания выступали на стороне Сурикова в предвыборный период), сколько сложившейся социально-политической ситуацией, в которой победа нового человека оказалась более желанной, чем правление старого губернатора. Изменение социально-политического контекста, в который в качестве составляющих входят субъекты ситуации (кандидаты на пост губернатора, избиратели, имиджмейкеры), общий социально-политический, экономический фон, на котором разворачивается ситуация, и т.д., привело бы к перераспределению структурных компонентов событийной модели и к изменению интерпретационной составляющей в текстах газетных изданий: например, если бы М. Евдокимов не был известным артистом, если бы прежний губернатор удовлетворял требованиям избирателей, если бы уровень жизни жителей Алтайского края был более высоким и т.д.

Что касается двух других СК, представляющих победу М. Евдокимова как 1) **«кризис власти на Алтае»** (СК, интернет-агентства) и 2) **«продуманную пиар-акцию»** (интернет-агентства), то в языковом сознании респондентов, по нашим материалам, они актуализированы фрагментарно и только с отрицательными коннотациями: *Из двух зол народ выбрал меньшее* и *Продиктовано свыше (президентом)*; *Купленность, запланированная* (победа), поскольку первое ассоциируется с нестабильностью, снижением уровня жизни и т.п., а второе – с элементами манипуляции сознанием избирателя. И то и другое оценивается массовым сознанием только как негативное.

	Интерпретация вербального факта по материалам газет	Интерпретация факта-события по результатам опроса	
		Положительная оценка факта-события	Отрицательная оценка факта-события
Ментально-языковая ситуация	– «последняя шутка юмориста»	–	Клоунство, шутовство
Социально-политический контекст	– «победа независимого кандидата»	<i>Правильная победа Прекрасно! Народная победа</i>	<i>Победа с натяжкой «Недолговечная» Безумная Ошибка случая (по незнанию электората) Случайная</i>
	– «Евдокимов-губернатор»	<i>Красивая победа Неожиданная</i> <i>Успешная, легкая Упорная по своей сути, но несерьезная Быстрая</i>	<i>Неожиданная Необычная Странная</i> <i>Наглая, захватчицкая, убийственная Вынужденная Случайная Необдуманная</i>
Победа М. Евдокимова	– «кризис власти на Алтае»	–	<i>Из двух зол народ выбрал меньшее</i>
	– «продуманная пиар-акция»	–	<i>Продиктовано свыше (президентом) Запланированная</i>
	– «рождение новой региональной элиты» (через оценку поражения А. Сурикова)	<i>Крах надежд чиновничьего аппарата. Люди от него устали, от его бездействия. Предсказуемое, очевидное. Закономерный. Так должно быть. Закономерный проигрыш. Позор. Наконец-то. Предопределенный. Нахапал, дай другим. Так и должно было случиться, он свое отработал.</i>	

Рис. 5.3. Событийная модель в сфере массовой газетной коммуникации

ВЫВОДЫ

➤ Сопоставительный анализ данных, полученных в ходе анализа публицистических текстов и результатов опроса, позволил объединить в воссозданной на его основе модели ряд внешних и внутренних детерминационных факторов, определить их статус, внутренние и внешние связи.

➤ Согласно полученной модели, коммуникативно-речевая ситуации в сфере современной массовой коммуникации определяется рядом компонентов, среди которых, с одной стороны, *относительно устойчивые*, детерминированные согласованностью параметров взаимодействия коммуникантов в СМИ как языковых личностей – *текст* в совокупности своих лингвостилистических и лингвокогнитивных особенностей, стоящий за ним *автор*, выстраивающий свой текст с учетом фактора адресата, и *адресат*, интерпретирующий не только вербальный факт, но и речевые действия адресанта, характер взаимоотношений между автором и адресатом; глобальная *ментально-языковая ситуация* как отражение языка и текстов СМИ в языковом сознании участников газетной коммуникации, во многом определяющая характер функционирования текстов и их функции в изучаемой сфере и одновременно ими же формируемая. С другой стороны, *социально-политический контекст* – *относительно подвижный* компонент модели, характеризующийся изменчивостью и обусловленный политической системой общества как «целостной, упорядоченной совокупностью политических институтов, отношений, процессов, принципов организации общества», подчиненных кодексу политико-социальных, идеологических, культурных норм, историческим традициям и установкам политического режима конкретного общества. Социально-политический контекст выступает в роли внешнего фактора, детерминирующего направление интерпретации факта реального при его вер-

бализации и соответственно отбор событийных концептов, пригодных для того или иного издания с учетом фактора адресата.

➤ согласно полученной модели, вся коммуникативно-речевая ситуация в сфере современной газетной публицистики погружена в широкий *ментально-языковой контекст* как фрагмент общей языковой ситуации, которая формируется представителями общества о языке, языковом строительстве и их взаимосвязях и во многом определяет особенности функционирования современного русского языка в изучаемой сфере массовой газетной коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес современной лингвистики к человеку как *языковой личности*, реализуемой в текстах и через текст, и к *языку* в его антропоцентрической составляющей обусловил выбор в качестве основной единицы изучения в данном исследовании категории, объединяющей оба эти элемента, – *ментально-языкового пространства* как пространства, в котором *ментальное* как фрагмент картины мира неразрывно соединено с языковым, поскольку образы социального целого; образы природы, представления о действительности и способах воздействия на нее, о месте человека в структуре мироздания и социума через языковое мышление интерпретируются и отражаются в языковой форме.

Деятельность человека протекает в разных сферах, и для каждой из этих сфер языковая личность находит свою систему понятийно-языковых координат, выработанных веками, обусловленных *общность происхождения, общность исторических судеб, общность культурных ценностей и традиций, общность языка, эмоциональных и символических связей, общность территории*, дополняемых *общностью психического склада* и тех условий, в которых происходят межпоколенная передача опыта, т.е. тем, что в концепции Ю.Н. Караулова определяется как базовые (инвариантные) признаки русской языковой личности, которые «отливаются в самом языке в динамическую, историческую его составляющую».

К вариативным признакам исследователь относит данные о состоянии языка в определенный период (нулевой уровень); социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится языковая личность, в частности идеологические, концептуальные и др. (первый уровень); сведения психологического плана, обусловленные принадлежно-

стью изучаемой личности к речевому коллективу, создающие неповторимый колорит ее дискурса.

Очевидно, что ментально-языковое пространство детерминировано как инвариантными, так вариативными признаками ЯЛ. Не случайно поэтому особый интерес исследователей вызывают именно вариативные признаки, поскольку они демонстрируют своеобразие русской языковой личности в интерпретации ею неязыковой действительности в разных сферах человеческой деятельности и расширяют наши представления об особенностях функционирования русского языка в определенный период, характере происходящих в нем изменений, а также об изменениях в способе отражения действительности, т.е. в обыденном языковом сознании индивидуума через призму сознания языкового.

Так, например, имеющие вариативную природу данные о состоянии языка в определенный период, могут быть изучены через *ментально-речевую ситуацию*, которая, в отличие от относительно абстрактной и сложно определяемой категории ментально-языкового пространства, отражающей устойчивые, стабильные процессы, происходящие в языке, более конкретна, обладает временными и пространственными границами и переменным характером, что закрепляется, например, в таких языковых формах, как *ситуация меняется, преодолели ситуацию, сложилась ситуация* и т.д. Именно о ментально-языковой ситуации как *языковом вкусе эпохи*, пишет в своем исследовании В.Г. Костомаров [1999], описанию особенностей этой ситуации в начале XXI в. посвящены исследования многих лингвистов (см., например: [Крысин, 2000; 2003; Культурно-речевая ситуация в России, 2000 и др.]).

Не менее интересным является и другой переменный признак в структуре языковой личности, – социальные и социолингвистические характеристики *языковой общности*, к которой относится языковая личность, в частности идеологические, концептуальные и др. Очевидно, что ментально-

языковое пространство «вбирает в себя» и одновременно формируется за счет отражения языковой личностью языкового сознания разных общностей, функционирующих в разных сферах человеческой деятельности: научной, деловой публицистической, обыденной и т.д.

Очевидно также, что при таком глобальном понимании данной категории мы в рамках научного исследования можем рассмотреть только один из ее фрагментов, но такой, в котором бы со всей полнотой отражалось языковое и обыденное сознание русской языковой личности, особенности ее концептосферы, способы вербализации действительности и т.д. Кроме того, описание этого фрагмента должно пролить свет на разнообразие картины мира, отражаемой языковым сознанием представителей разных общностей, и на различия в моделировании модели мира представителями разных сообществ. Наконец, в сферу языково-речевой деятельности такой общности должно быть втянуто значительное число индивидуумов, продукты речевой деятельности которых, имея всеобщий характер, могут влиять на структуру всего ментально-языкового пространства и на развития языка в целом.

Всем перечисленным характеристикам соответствует тот фрагмент ментально-языкового пространства, в котором в особой сфере человеческой деятельности, называемой исследователями *сферой массовой коммуникации*, или *сферой политико-идеологических общественных отношений*, функционируют тексты средств массовой информации, в частности *тексты газетно-публицистические*, как часть информационной сферы, создаваемой и поддерживаемой СМИ и состоящей из множества ежедневно производимых и распространяемых медиа-текстов.

Разработанная в исследовании в рамках антропоцентрического и детерминационного подходов новая *концепция описания* русского публицистического текста через призму когнитивно-речевого взаимодействия языковых

личностей автора и адресата позволяет по-новому взглянуть на особенности коммуникации в данной сфере человеческой деятельности.

Базовой единицей, вводимой в научный аппарат работы с целью создания *модели* описания газетно-публицистического текста, выступает *событийный концепт* как промежуточное звено, способствующее через публицистический текст осуществлению *согласованности параметров коммуникантов* в СМК.

Событийный концепт рассматривается в работе и как оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в языковом сознании человека как языковой личности, и как структурный компонент концептуальной организации текста, который, актуализируясь в сознании адресата-интерпретатора в процессе концептуального освоения события, получившего в тексте статус вербального факта, задает *вектор ассоциаций* и через систему устойчивых стереотипов сознания, образующий в тексте ансамбль концептуальных зависимостей (схем), способствует «настройке» читателя на «свой» текст. СК, включенный в структуру ассоциативных и интерпретативных полей, задающих вектор ассоциаций текста определенной социально-политической направленности, также обуславливает и интерпретацию текста адресатом в СМК в рамках той социально-политической общности, которой он адресован.

Таким образом, *адресность* публицистического текста выступает важным фактором согласованности параметров коммуникативно-речевого общения, что выводит на новый уровень, осуществляемый через новый языковой материал (тексты газетных СМИ и рефлексии языкового сознания адресата, полученные в ходе опросов и лингвистических экспериментов) рассмотрение текстов в аспекте *фактора адресата*, который в современных газетных СМИ выступает как важный детерминирующий фактор, определяющий через ана-

лиз лингвокогнитивного взаимодействия автора и адресата особенности структуры ментально-языкового пространства.

Важным аспектом данного исследования является также то, что тенденция к единству разных сторон *ментально-языковой ситуации*, создаваемой текстами современных СМИ, рассматривается как ведущий детерминационный фактор всей очерченной ситуации в целом и каждого из ее компонентов в отдельности. Причем, сама ситуация включает ряд взаимно детерминированных компонентов, таких как 1) *тексты газетных СМИ* (план содержания и план выражения); 2) *языковое сознание авторов текстов* СМИ; 3) *языковое сознание адресатов* текстов СМИ; 4) *социально-политическая ситуация* (контекст), в совокупности образующие подвижные «детали» представленной в работе *событийной модели*, основным детерминационным «механизмом» которой является четвертый компонент как фрагмент *социально-психологического* комментария к речевой коммуникации в сфере политико-идеологических общественных отношений, т.е. в СМИ. При этом необходимо отметить, что языковое сознание автора под таким углом зрения представлено как амбивалентное: с одной стороны оно «субъектно» и (как бы) формирует сознание читателей, с другой стороны оно «объектно», то есть само формируется позицией адресата и/или отражает ее. Тем самым образуется единое ментально-языковое пространство, которое и является основным предметом изучения в данном исследовании. Такой последовательный взгляд, реализованный в идейно-теоретическом и техническом планах исследования, представляется новым и перспективным.

В плане описания параметров когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов чрезвычайно перспективным для изучения газетно-публицистических текстов через призму языкового сознания адресата представляется и привлечение в качестве материала для изучения фрагментов языковой рефлексии потенциальных читателей СМИ, полученных в ходе оп-

росов и лингвистических экспериментов. Сопоставление фрагментов разноориентированных газетных СМИ, посвященных одному событию, с рассуждениями респондентов на предложенную тему позволило через тезаурус, систему событийных концептов, опирающихся на особенности интерпретативной и лингвокогнитивной деятельности адресата, установить «точки пересечения» концептуальных систем автора и адресата СМИ и определить их как *совпадение или близость ментальных, концептуальных, когнитивных, лингво-стилистических систем* в структуре ЯЛ автора, адресата и интерпретируемого текста. Приоритетность точки зрения адресата при интерпретации события автором публицистического текста предполагает учет идеологических установок и политических пристрастий адресата, его идеалов, ценностей и т.д., т.е. ориентацию на *общественное сознание*.

Важным оказалось привлечение данных опросов и лингвистических экспериментов для воссоздания *событийной модели*, на основе которой происходит вербализация события в газетно-публицистическом тексте. Благодаря фрагментам языковой рефлексии респондентов был выявлен один из ведущих внешних детерминационных факторов, обуславливающий функционирование текстов газетно-публицистических СМИ, – *социально-политический контекст*, который задает *вектор ассоциаций*, связанный с интерпретацией события, виртуального факта и особенно факта вербального (отраженного в текстах СМИ) в зависимости от того, какие социально и политически значимые последствия будет иметь то или иное событие.

Анализ текстов и фрагментов рефлексии языкового сознания адресата осуществленный в исследовании через разработанную автором методику комплексного лингвистического анализа, сделал возможным применение комплексного разноаспектного подхода к изучению языкового материала с опорой на весь анализируемый текст. Представленный в работе анализ позволил не только полно, на уровне глубинных смыслов, охарактеризовать

изучаемые объекты (сверхтексты разноориентированных СМИ) как в *плане содержания* (через систему *событийных концептов, ассоциативных и интерпретативных полей*), так и в *плане выражения* (через антропоцентрическую по своей природе категорию *узуально-стилевого комплекса* как единства языкового и внеязыкового), но и увидеть за этими объектами (через фрагменты *модели мира автора-читателя* разноориентированных СМИ) русскую *языковую личность, языковое сознание* которой (через мировоззренческий компонент *обыденного сознания*), отражено в текстах разной социально-политической направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнабаева Л.А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении. Уфа, 1998.
2. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
3. Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
4. Андреев О.А., Хромов Л.Н. Техника быстрого чтения. М., 1991.
5. Андриященко В.М. Прикладная лингвистика // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
6. Аннушкин В.И. Стиль речи СМИ – стиль жизни общества // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докл. Междунар. науч. конференции. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года. М., 2001.
7. Антошинцева М.А. Жанр интервью в свете формирования новых коммуникативных условий // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II: Теория и практика современной письменной речи. Мат-лы конф. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2003.
8. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования. М.-Л., 1990.
9. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1.
10. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4.
11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

12. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
13. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999а.
15. Арутюнова Н.Д. Лингвистическая философия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
16. Арутюнова Н.Д. О работе группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
17. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003а.
18. Арутюнова Н.Д., Кубрякова Е.С. Юрий Сергеевич Степанов. Очерк научной деятельности // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова /Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
19. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985.
20. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. М., 1997.
21. Балли Ш. Французская стилистика. М., 2001.
22. Балли Ш. Язык и жизнь. М., 2003.
23. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. 2004. № 7.
24. Белл Роджер Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980.

25. Белянин В.П. Идеологический язык: социальное и психологическое // Евразия на перекрестке языков и культур. Типология языков и культур. М., 1999.
26. Белянин В.П. Языковая личность автора в объявлении о знакомстве // Языковая личность: институциональной и персональный дискурс / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград, 2000
27. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе). М., 2000а.
28. Березин В.М. Мифы и концепты в языке массовой коммуникации // Язык и социум: Материалы IV Междунар.науч.конф., 1-2 дек. 2000 г., Минск. В двух частях. Минск, 2001.
29. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использование в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
30. Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1984.
31. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
32. Брайт У. Введение: параметры социолингвистики // Новое в лингвистике: Социолингвистика. Вып. VII. М., 1975.
33. Брандес М.П. Стиль и перевод. М., 1988.
34. Булохов В.Я. Межполовые различия орфографической грамотности учащихся: Пособие по спецкурсу. Красноярск, 1999.
35. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Идентификация события: онтология, аспектология, лексикография // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
36. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.

37. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. «Правда факта» и «правда больших обобщений» // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
38. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
39. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
40. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект. Дисс. на соиск.... д-ра. филол.н. Омск, 2001.
41. Бутакова Л.О. Прецедентные феномены в интерьере коммуникативной системы текста // Человек – коммуникация – текст: Сб. статей / Под ред. А.А. Чувакина. Вып. 6. Барнаул, 2004.
42. Валгина Н.С. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1989.
43. Васильев А.Д. Тексты российского телевидения: к вопросу о преемственности мифологизации // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Науч.-метод. бюллетень. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998.
44. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985.
45. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985.
46. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.
47. Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления политиков. Роль Церкви. М., 1999.
48. Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983.

49. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
50. Виноградов В.В. О художественной прозе // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М., 1980.
51. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
52. Винокур Т.Г. Говорящий – слушающий: варианты речевого поведения. М., 1993.
53. Винокур Т.Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса) // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
54. Волков А., Пугачева М., Ярмолюк С. Предисловие // Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. М., 2000.
55. Володина М. Н. Язык массовой коммуникации – основное средство информационного воздействия на общественное сознание // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докл. Междунар. науч. конференции. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года. М., 2001.
56. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
57. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.
58. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиций // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
59. Воробьев В.М. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
60. Выготский Л.С. Психология: классические труды. М., 1996.

61. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
62. Гак В.Г. Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
63. Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
64. Гак В.Г. Речевые рефлексии с речевыми словами // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
65. Гак В.Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
66. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
67. Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике: Проблемы лингвостилистики. М., 1980. Вып. IX.
68. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
69. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
70. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М., 1988.
71. Гиро П. Разделы и направления стилистики и их проблематика // Новое в зарубежной лингвистике: Проблемы лингвостилистики. М., 1980. Вып. IX.
72. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
73. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации: Монография. Томск, 1989.

74. Голев Н.Д. Антропологическая и собственно лингвистическая детерминанты речезыковой динамики (процессы номинации и деривации в лексике) // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.

75. Голев Н.Д. От редактора // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка: Колл. монография / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1998.

76. Голев Н.Д. Развитие языкового чувства как фундаментальный принцип русской филологии // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. I: Проблемы письменной речи и развитие языкового чутья. Мат-лы конф. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.

77. Голев Н.Д. Современная ментально-языковая ситуация в аспекте взаимоотношений ее лингвистического и лингводидактического аспектов // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II: Теория и практика современной письменной речи. Мат-лы конф. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2003.

78. Голев Н.Д. Тексты рассказов В.М. Шукшина как воплощение энергии конфликта: опыт типологии антропотекстов и языковых личностей // Сибирский филологический журнал. 2003 а. № 3–4.

79. Голев Н.Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18-21 марта 2004 г.). Труды и материалы. М., 2004.

80. Голев Н.Д. Текст как воплощение энергии конфликта: опыт одной типологии антропотекстов и языковых личностей // Этика и социология

текста: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 10. СПб.– Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004а.

81. Голев Н.Д. Вместо предисловия // Чернышова Т.В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата: Монография. Барнаул, 2005.

82. Голев Н.Д., Киркинская Т.И., Бринев К.И. Опыт лингвоперсонологического описания производных текстов (к типологии антропотекстов) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах. Мат-лы конф. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004.

83. Голев Н.Д., Чернышова Т.В. Публицистический антропотекст как отражение социальной позиции адресата // Вестник Томского государственного университета. Общенаучный периодический журнал. Серия «Философия. Культурология. Филология». 2003. № 277.

84. Горбаневский М.В. Будь осторожен, выбирая слово! // Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. Изд. 2. М., 2002.

85. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. М., 2000.

86. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2001.

87. Горина Е.В. Газеты в аспекте речевого воздействия на личность. Диссертация...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

88. Городецкий Б.Ю. Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983.

89. Грабельников А.А. Средства массовой информации постсоветской России. М., 1996.

90. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985.
91. Грачев М.А. Слова преступников в российской прессе // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Сб. мат-лов. науч.-практ. семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Ч. 2. М., 2003.
92. Гудков Д.Б. Функционирование прецедентных феноменов в публицистическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России – 4: Материалы рабочего совещания 22 апреля 2000 г. М., 2000.
93. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
94. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
95. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
96. Дегтева Е.В., Ягубова М.А. Оценочное слово в языке газеты // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.
97. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М., 1988.
98. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ. М., 1989.
99. Дементьев В.В. Антропоцентризм непрямой коммуникации // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.
100. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
101. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. 1981. № 4.
102. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. М., 1983. № 6.

103. Демьянков В.З. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1983а. Т. 42. № 4.
104. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986.
105. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
106. Демьянков В.З. Интерпретация // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузин Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
107. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (и этноязыковые) стратегии // Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
108. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века // Электронная версия статьи: Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. М., 2000 / 2003 V. Dem'jankov / <http://www.infolex.ru>
109. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003а.
110. Дневник Алтайской школы политических исследований. Региональные выборы 2004 г. волеизъявление народа или триумф технологий? Мат-лы круглого стола / Под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2004. № 19/20.
111. Добросклонская Т.Г. Социозначимые свойства медиа-речи // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследе-

дования. Тезисы докл. Междунар. науч. конф. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года. М., 2001.

112. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. М., 1983. № 6.

113. Долинский В.А. Языковое сознание и ассоциации // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003.

114. Дридзе Т.М. Текст как объект смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.

115. Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976а.

116. Дридзе Т.М. Семиотический уровень как существенная характеристика реципиента // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976б.

117. Дридзе Т.М. Текст как иерархия коммуникативных программ (информационно-целевой подход) // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976в.

118. Дунаев А.В. Интерпретационный компонент в структуре интенционального содержания высказывания // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор – текст – адресат. Новосибирск, 2001.

119. Дымарский М.Я. Фрагмент характеристики смысловой структуры текста // Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб. научн. тр. Пермь, 2001.

120. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003.

121. Енина Л.В. Идеологическое содержание современных лозунгов протеста // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
122. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. I: Проблемы письменной речи и развитие языкового чутья. Мат-лы конф. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.
123. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II: Теория и практика современной письменной речи. Мат-лы конф. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2003.
124. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах. Мат-лы конф. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004.
125. Желтухина М.Р. Воздействие, восприятие, понимание и интерпретация масс-медиального дискурса // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003.
126. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности. СПб., 2001.
127. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
128. Залевская А.А. Теоретические аспекты проблемы языкового сознания // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003.
129. Зализняк Анна А. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.

130. Зарубина Н.Д. Языковые сигналы структуры связного текста и их использование в смысловом восприятии // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
131. Зильбердт Б.А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты: Монография. Саратов, 1986.
132. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
133. Земская Ю.Н. Информационные модели политического текста // Языковое бытие человека и этноса: Психолингвистические и когнитивные аспекты. Вып. 8. М.–Барнаул, 2004.
134. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 2003.
135. Иванов Л.Ю. Воздействие новых информационных технологий на русский язык: системно-языковая и культурно-речевая проблематика //Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001.
136. Иванова З.М. Языковая агрессия в произведениях Э. Лимонова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. Вып. 4. Красноярск–Ачинск, 1997.
137. Исаакян И.Л. Пространственные предлоги и альтернативные миры человека // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
138. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. Омск, 1999.
139. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. Вып 1. 1999а.

140. Кавыкин О.И. Образы «своего» и «чужого» в документах современных российских монархистов-лигитимистов // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004.
141. Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
142. Какорина Е.В. Сфера массовой коммуникации: отражение социальной ориентированности языка в текстах СМИ // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2003.
143. Калакуцкая Е.Л. Лексико-семантическая тема «уныние–меланхолия–задумчивость–забвение» в русском языке и культуре второй половины XVIII в. // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
144. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
145. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
146. Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003.
147. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
148. Караулов Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докл. междунар. науч. конференции. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года. М., 2001.
149. Караулов Ю.Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах // Язык: система и функционирование. М., 1988.
150. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

151. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4.
152. Киклевич А.К., Потехина Е.А. О суггестивной функции текста // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.М. Мурзина). Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998.
153. Киркинская Т.И. Вариативность русских репродуктивных текстов (системно-функциональный и лингвоперсонологический аспекты. Автореф. дисс... канд. филол. н. Барнаул, 2004.
154. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
155. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003а.
156. Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985.
157. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986.
158. Клименко А.П., Супрун А.Е. Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семантических исследований // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
159. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
160. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М., 2002.

161. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986.
162. Кобозева И.М. Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
163. Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
164. Ковалев Ю.В. О полевой структуре социального политического общения // Политический дискурс в России – 3. Материалы рабочего совещания-семинара. М., 1999. Ч. 3.
165. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.
166. Кожина М.Н. Стилистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
167. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993.
168. Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избр. труды. Пермь, 2002.
169. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». Навивное письмо: опыт лингвосоциологического чтения. М., 1996.
170. Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор речевого общения // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003.
171. Колшанский Г.В. О языковом механизме порождения текста // Вопросы языкознания. 1983. № 3.
172. Комиссарова Л.М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева, Б. Пастернака): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

173. Кондаков И.В. К поэтике адресата (в контексте идеи Г.В. Степанова // *Res PHILOLOGICA*. Филологические исследования. М.–Л., 1990.
174. Корженевска-Берчинска И. Размышления об азартном баловстве с концептом «коммунизм» и о сути новой «охоты на ведьм» (на основе современных публицистических текстов) // *Язык и социум*. Материалы международной научной конференции. В двух частях. Минск, 2001.
175. Корженевска-Берчинска И. Синдром военизации в современном публицистическом дискурсе. Российское социополитическое пространство на фоне польской действительности // *Этика и социология текста: Сб. статей науч.-методич. Семинара «TEXTUS»*. Вып. 10. СПб.– Ставрополь, 2004.
176. Кормилицына М.А. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной прессе // *Проблемы речевой коммуникации*. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов, 2003.
177. Корниенко А.В. Язык и дискурс в социологической перспективе. СПб., 1999.
178. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
179. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.
180. Котов А.А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
181. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный, акт, дискурс, текст). Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 1999.
182. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
183. Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. М., 1999.

184. Кронгауз М.А. Текст и взаимодействие участников в речевом акте // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
185. Крысин Л.П. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003.
186. Крысин Л.П. Социолингвистический аспект изучения речевых неправильностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
187. Крысин Л.П., Беликов В.И. Социолингвистика. М., 2001.
188. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
189. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
190. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузин Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
191. Кубрякова Е.С. Когниция // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузин Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996а.
192. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
193. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузин Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
194. Кузнецов В.Г. Функциональные стили современного русского языка. М., 1991.

195. Куликова Г.С. Восприятие языка СМИ радиослушателями // *Язык и власть. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003.*
196. Купина Н.А. Тоталитарный язык. Екатеринбург–Пермь, 1995.
197. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // *Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М., 1988.*
198. Лассан Э. Когнитивные и текстовые тенденции 90-х // *Язык и социум: Материалы IV Междунар. науч. конф., 1–2 дек. 2000 г., Минск. В двух частях. Минск, 2001.*
199. Латынов В.В. Исследование социальных представлений методом интент-анализа // *Языковое сознание. Формирование и функционирование. Сб.статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.*
200. Лауристин М., Вихалем П. Роль социальных установок в восприятии газетного текста // *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.*
201. Лебедева Л.Б. Бессознательное в языковом стиле // *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.*
202. Лебедева Л.Б. Высказывания о мире: содержательные и формальные особенности // *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.*
203. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов): Монография. Томск, 1999.
204. Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.*
205. Леонтьев А.А. Психолингвистика // *Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 2000.*
206. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.*

207. Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1974.
208. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Т. 1. Л., 1987.
209. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997.
210. Лич Дж. Н. К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике: Проблемы и методы лексикографии. Вып. XIV. М., 1983.
211. Лобачева Г.В. Представления россиян о монархии: лексико-семантический аспект. Саратов, 1998.
212. Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
213. Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
214. Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
215. Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
216. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
217. Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
218. Ломоносов М.В. Об ораторском искусстве /Краткое руководство к красноречию// Об ораторском искусстве. М., 1963.
219. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982.
220. Лотман Ю.М. Текст в процессе движения: автор – аудитория, замысел – текст // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.

221. Лотман Ю.М. Текст как смыслопорождающее устройство // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999а.
222. Лотман Ю.М. К проблеме типологии текстов / Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001.
223. Лотман Ю.М. Механизмы диалога / Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001а.
224. Лотман Ю.М. Текст в процессе движения: автор – аудитория, замысел – текст / Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001б.
225. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблема семантики. Новосибирск, 1986.
226. Лысакова И.П. Тип газеты и стиль публикации: Опыт социолингвистического исследования: Монография. Л., 1989.
227. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. ст. М., 1995.
228. Майданова Л.М. Очерки по практической стилистике. Свердловск, 1987.
229. Майданова Л.М. Агрессивные положительные портреты // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
230. Майданова Л.М. Газетно-публицистический стиль: метаморфозы коммуникантов // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
231. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
232. Максимова Н.В. Функционирование чужой речи в письмах-откликах (на архивном материале отдела писем «Учительской газеты» за 1987-1991 гг.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.

233. Максимова Н.В. Сфера языковой семантики «свое–чужое» и ее освоение языковой личностью // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах. Мат-лы конф. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004.

234. Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Монография. Барнаул, 2002.

235. Мансурова В.Д. Роль коммуникативной конвенции в формировании парадигмы журналистского творчества // Человек – коммуникация – текст. Вып. 2. Ч. 2 / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 1998.

236. Мартыненко Н.Г. Оценка в журналистском тексте // Язык и власть. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003.

237. Матвеева О.Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

238. Мечковская Н.Б. Коллизии современной коммуникации и их влияние на функциональный уклад языков // Язык и социум. Материалы международной научной конференции. В двух частях. Минск, 2001.

239. Мильчин А.Э. Методика редактирования текста. М., 1980.

240. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. М., 2003.

241. Мифы и мифология в современной России. М., 2000.

242. Михайловская Е. Идеальная Россия в текстах политиков: проектирование мифов // Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия. М., 1999.

243. Михальская А.К. Риторика и речевое поведение в массовой коммуникации: опыт обобщающей модели // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов, 2003.

244. Михальская А.К. Русский Сократ. М., 1996.
245. Михальская А.К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 г. М., 2001.
246. Монич Ю.В. На стыке ритуала и языка: комплексная мотивация в семантической эволюции // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
247. Мочалова Ю.В., Аникеева Т.Я. Язык телевидения в контексте проблемы психологической безопасности аудитории // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 г. М., 2001.
248. Мунье Э. Персонализм. М., 1992.
249. Муравьева Н.В. Язык конфликта. М., 2002.
250. Мурзин Л.Н. Теория номинации в динамическом аспекте // Актуальные проблемы языковой номинации: Тез. докл. регион. науч. семинара. Саратов, 1988.
251. Мурзин Л.Н. Антропологическая ниша в языковой науке // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.
252. Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина). Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998.
253. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

254. Мустайоки А. О лингвистических экспериментах // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. М., 1995.
255. Мучник Б.С. Основы стилистики и редактирования. Ростов-на-Дону, 1997.
256. Мыркин В.Я. Язык – речь – контекст – смысл. Архангельск, 1994.
257. Негневицкая Е.И. Смысловое восприятие текста и семантическая сатиация // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
258. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. М., 1996.
259. Николаева Т.М. «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности. Сб. науч. тр. М., 1988.
260. Николаева Т.М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
261. Николаева Т.М. Речевые коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.
262. Новое в зарубежной лингвистике: Проблемы лингвостилистики. М., 1980. Вып. IX.
263. Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. М., 1983. Вып. XII.
264. Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика. (Проблемы референции). М., 1982. Вып. XIII.
265. Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. М., 1985. Вып. XVI.

266. Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. М., 1986. Вып. XVII.
267. Новое в лингвистике: Социолингвистика. М., 1975. Вып. VII.
268. Ноздрина Л.А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале немецкого языка): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1997.
269. Ноуэлл-Смит П.Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985.
270. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М., 1978.
271. Общение. Текст. Высказывание / Под ред. Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова. М., 1989.
272. Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980.
273. Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1974.
274. Основы теории текста / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2003.
275. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986.
276. Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986.
277. Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка: Колл. монография / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1998.
278. Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
279. Павлова Н.Д. Интент-анализ телеинтервью // Языковое сознание. Формирование и функционирование. М., 2000.
280. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

281. Панкрац Ю.Г. Семантические сети // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузин Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
282. Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1989.
283. Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta Linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. Сб. статей. М., 2001.
284. Паршин П.Б. Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функционирование лексемы *хоть*) // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
285. Пеньковский А.Б. *Радость и удовольствие* в представлении русского языка // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
286. Петренко В.Ф. Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект // Проблемы медиапсихологии. М-лы секции «Медиапсихология» междунар. науч. конф. «Журналистика в 2000 г. Реалии и прогнозы развития». Москва, МГУ, 2001. М., 2002.
287. Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М., 1930.
288. Пищальникова В.А. Интеграция лингвистических дисциплин как объективная необходимость развития современного языкознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 6. Сб. ст. / Под ред. В.А. Пищальниковой. М.–Барнаул, 2003.
289. Покровская Е.В. Понимание современного газетного текста и его языковые характеристики. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
290. Политика и PR // CD-диск «Психолингвистика». 2001.
291. Политический дискурс в России – 3. Материалы рабочего совещания-семинара. М., 1999. Ч. 3.

292. Политический дискурс в России-5. М., 2001.
293. Политология. Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.И. Аверьянова. М., 1993.
294. Полищук Г.Г. Антропоцентризм: автор – текст // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.
295. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997.
296. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
297. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.
298. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
299. Проблемы медиапсихологии. М-лы секции «Медиапсихология» междунар. науч. конф. «Журналистика в 2000 г. Реалии и прогнозы развития». Москва, МГУ, 2001. М., 2002.
300. Пронин Е.И. Психологические проблемы современной журналистики // Проблемы медиапсихологии. М-лы секции «Медиапсихология» междунар. науч. конф. «Журналистика в 2000 г. Реалии и прогнозы развития». Москва, МГУ, 2001. М., 2002.
301. Пруха Я. Теория речевой деятельности и исследование массовой коммуникации // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1974.
302. Пушкин А.А. Прагмалингвистические характеристики дискурса личности // Личностные аспекты языкового общения. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин, 1989.
303. Разлогова Е.Э. Когнитивные установки в прямых и непрямы́х ответах на вопрос // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.

304. Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. 2004. №7.
305. Репина Е.А. Агрессивный текст как тип текста // CD-диск «Психолингвистика», 2001.
306. Репина Е.А. Эпатажный текст как тип текста // CD-диск «Психолингвистика», 2001а.
307. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
308. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.
309. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. Монография. М.– Барнаул, 2003.
310. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997.
311. Розина Р.И. *Человек и личность в языке* // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
312. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994.
313. Романова Е.Г. Ритуальный характер политической дискуссии // Политический дискурс в России – 5. М., 2001.
314. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири): Монография. Томск, 2000.
315. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
316. Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
317. Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
318. Рябцева Н.К. Истинность в субъективно-модальном контексте // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
319. Сайкова Н.В. Деривационный текст и деривационная личность в лингводидактическом аспекте (на материале текстов изложений и сочинений

учащихся) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах. Мат-лы конф. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004.

320. Салимовский В.А. Лингвоидеологический анализ дискурса и его место в теории речевой коммуникации // Политический дискурс в России – 5. М., 2001.

321. Салмина Л.М. Стратегия и тактика в процессе массовой коммуникации // Человек – коммуникация – текст. Вып. 2. Ч. 2 / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 1998.

322. Сальникова О.А. Диалоговый характер средств массовой коммуникации (дидактический аспект проблемы) // Риторика в модернизации образования. Мат-лы докл. уч-ков Восьмой междунар. конф. по риторике. М., 2004.

323. Сапрохина Г.И. Образ «другого» в картине мира москвича на материале газеты «Московский комсомолец» (опыт интен-анализа печатных СМИ) // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004.

324. Саржина О.В. Различие языковых кодов коммуникаторов как конфликтообразующий фактор (на примере инвективных имен лица) // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004.

325. Сахно С.Л. «Свое» – «чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

326. Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003.

327. Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

328. Селезнев М.Г. Вера сквозь призму языка // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
329. Селиверстова О.Н. «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика: их соотношение // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
330. Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
331. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
332. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986.
333. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986а.
334. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986б.
335. Сиберт Ф.С., Шрам У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998.
336. Сиротинина О.Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
337. Сиротинина О.Б., Беляев А.Ю., Нагорнова Е.В., Соколов О.И., Аблаева Е.В. Зависимость текста от его автора // Вопросы стилистики: Человек и текст. Вып.27. Саратов, 1998.
338. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Науч.-методич. Бюллетень. Красноярск – Ачинск, 1997.
339. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.

340. Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983.
341. Слама-Казаку Т. Место прикладной лингвистики в системе наук: отношение ПЛ к лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983.
342. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002.
343. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
344. Событие, факт, суждение и их оценка // Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М., 2004.
345. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
346. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1997.
347. Сорокин Ю.А. Каким не должен быть суггестивный текст? // Политический дискурс в России – 5. М., 2001.
348. Сорокин Ю.А. Статус факта (события) и оценки // Политический дискурс в России – 4. Материалы рабочего совещания-семинара. М., 2000.
349. Сорокин Ю.А., Шахнарович А.М., Скворцов А.В. К вопросу о логико-композиционной вариативности текста // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
350. Средства массовой информации России. 2004. Анализ, тенденции, прогноз. М., 2005.
351. Стеклова Т.И. Тенденция к «разорванности» синтаксиса на страницах современной прессы // Сибирский филологический журнал. 2003. № 2.

352. Степанов Г.В. О соотношении автора и адресата // Контекст: 1983. М., 1984.
353. Степанов Ю.С. Между «системой» и «текстом»: выражения «фактов» // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. М., 1995.
354. Степанов Ю.С. Стилистика // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
355. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка: Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж-Пермь, 1998.
356. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание. Формирование и функционирование. Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.
357. Стернин И.А. Психолингвистика и виды сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 8. М.– Барнаул, 2004.
358. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985.
359. Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987.
360. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985.
361. Стриженко А.А. Роль языка в системе средств пропаганды: На материале буржуазной прессы. Томск, 1980.
362. Структурализм «за» и «против». Сб. ст. М., 1975.
363. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск, 1996.

364. Сусов И.П. О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований. Межвуз. тематич. сб. Калинин, 1979.
365. Сухих С.А. Структура коммуникантов в общении // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988.
366. Сухих С.А. Языковая личность в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин, 1989.
367. Сыпченко С.В. О типах инвективных текстов как объекте лингвистической экспертизы // Юрислингвистика II. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.
368. Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
369. Тарасов Е.Ф. Предисловие // Общение. Текст. Высказывание. М., 1989.
370. Тарасов Е.Ф. Проблемы анализа речевого общения // Общение. Текст. Высказывание. М., 1989.
371. Тарасова И.П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // Вопросы языкознания. 1992. № 4.
372. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сб. мат-лов науч.-практ. семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Ч. 2./ Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2003.
373. Томашевский Б.В. Стилистика. Л., 1983.
374. Торсуева И.Г. Эмоциональность в речи // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
375. Торсуева И.Г. Детерминированность высказывания параметрами текста // Вопросы языкознания. 1986. № 1.

376. Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1989.
377. Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2004.
378. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. Автореф. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
379. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в свете антропоцентрических исследований // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4.
380. Туровский В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
381. Федякин И.А. Общественное сознание и массовая коммуникация в буржуазном обществе. М., 1988.
382. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983.
383. Филлмор Ч. Фрейм и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1988.
384. Фомина З.Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции. Сб. науч. тр. Волгоград, 1995.
385. Фрумкина Р.М. Константы культуры – продолжение темы // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
386. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике: Социолингвистика. Вып. VII. М., 1975.
387. Халина Н.В. Письменная система третьего тысячелетия: продолжение размышлений о сути познаваемой реальности, представленной в синтетическом слове // Естественная письменная и устная речь: исследователь-

ский и образовательный аспекты: Теория и практика современной письменной речи. Ч. II / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2003.

388. Харченко Е.В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных сферах. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004.

389. Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001.

390. Цена слова / Под ред. М.В. Горбаневского. М., 2001.

391. Цена слова / Под ред. М.В. Горбаневского. М., 2002.

392. Чарняк Ю. Умозаключение и знание // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983.

393. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983.

394. Человек – коммуникация – текст. Сб. статей / Под ред. А.А. Чувакина. Вып. 3. Барнаул, 1998.

395. Человек – коммуникация – текст. Сб. статей / Под ред. А.А. Чувакина. Вып. 4. Барнаул, 2000.

396. Человек – коммуникация – текст. Сб. статей / Под ред. А.А. Чувакина. Вып. 6. Барнаул, 2004.

397. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.

398. Чемоданов Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике: Социолингвистика. Вып. VII. М., 1975.

399. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000): Монография. Екатеринбург, 2000.

400. Чернышова Т.В. Узуально-стилевой комплекс как механизм порождения инвективного высказывания в сфере газетной публицистики // Юрислингвистика I. Проблемы и перспективы. Межвуз. сб. Барнаул, 1999.

401. Чернышова Т.В. Некоторые подходы к стилистическому описанию языка современной газетной публицистики // Человек – коммуникация – текст. Вып. 3. Барнаул, 2000.

402. Чернышова Т.В. Стилистический анализ как основа стилистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000а.

403. Чернышова Т.В. Фактор адресата как определяющий в сфере массовой коммуникации (на материале событий 11 сентября 2001 г.) // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения. Вып. IV. Нижний Новгород, 2002.

404. Чернышова Т.В. Мыслительное и языковое в аспекте методики комплексного стилистического анализа (на материале текстов массовой коммуникации) // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, филология, философия и педагогика. Барнаул, 2002а.

405. Чернышова Т.В. Публицистический текст в аспекте интерпретационного анализа // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. Вып. 2. 2002б.

406. Чернышова Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. /Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002в.

407. Чернышова Т.В. Особенности коммуникативного взаимодействия автора и адресата через текст в сфере газетной публицистики // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М., 2003. №4.

408. Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): Учебное пособие. Барнаул, 2003а.

409. Чернышова Т.В. Тезаурус как способ репрезентации внутренней когнитивной структуры публицистического текста. Фактор адресата.// Актуальные проблемы русистики. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного ун-та. Томск, 21-23 октября 2003 г. Вып. 2. Ч. 1. Томск, 2003б.

410. Чернышова Т.В. Экспрессивность публицистического текста и проблема инвективности (на материале лингвостилистических экспертиз) // Право і лінгвістика. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Сімферополь – Ялта, 18-21 вересня 2003 р. У двох частинах. Ч. 2. Сімферополь, 2003в.

411. Чернышова Т.В. Реконструкция тезауруса как способ репрезентации внутренней когнитивной структуры публицистического текста // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, филология, философия и педагогика. Барнаул, 2003.

412. Чернышова Т.В. Интерпретация конфликтного текста и комплексный лингвистический анализ (из опыта лингвистических экспертиз) // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сб. мат-лов науч.-практ. семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Ч. 2./ Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2003д.

413. Чернышова Т.В. Фатическое общение в сфере газетной коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18-21 марта 2004 г.). Труды и материалы. М., 2004.

414. Чернышова Т.В. Лингвокогнитивные структуры, обеспечивающие взаимодействие автора и адресата в сфере современной массовой ком-

муниции // Человек – коммуникация – текст: Сб. статей / Под ред. А.А. Чувакина. Вып. 6. Барнаул, 2004а.

415. Чернышова Т.В. Фатическая речь как социальный символ коммуникации (на материале текстов печатных СМИ) // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, филология, философия и педагогика. Барнаул, 2004б. № 4.

416. Чернышова Т.В. «Конфликтогенные» тексты как результат взаимодействия языкового и неязыкового в сфере газетной публицистики // Этика и социология текста: Сб. ст. науч.-метод. семинара «ТЕХТУС». Вып. 10. СПб.– Ставрополь, 2004в.

417. Чернышова Т.В. «Поле интерпретаций» и фактор интерпретатора // Язык и межкультурная коммуникация. Мат-лы 1-й Межвуз. науч.-практ. конф. 19-20 апреля 2004 г. СПб., 2004.

418. Чернышова Т.В. Аномальность как аспект изучения интенционального компонента конфликтного текста, вовлеченного в сферу судебного разбирательства // Юрислингвистика–6: инвективное и манипулятивное функционирование языка: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2005.

419. Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. 1983. № 6.

420. Чистякова О.Н. Специфика отношений «автор – адресат» в СМИ // Человек – коммуникация – текст. Вып. 2. Ч. 2 / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 1998.

421. Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.

422. «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004.

423. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты). Магнитогорск, 2000.
424. Чурилина Л.Н. Лексическая структура текста как ключ к реконструкции индивидуальной картины мира // Мат-лы междунар. науч. конф. «Изменяющийся языковой мир». Пермь, ноябрь, 2001.
425. Чурилина Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003.
426. Шалак В. Мониторинг содержания и аудитории СМИ как средство диагностики состояния общества и необходимая предпосылка управления общественными процессами // Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Москва 28 февраля – 2 марта 2001 г.). М., 2001.
427. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. М., 2003.
428. Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.
429. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
430. Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая система // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М., 1983.
431. Шерковин Ю.А. Предиспозиционные факторы и смысловое восприятие сообщений массовой коммуникации // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
432. Ширяев Е.Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2002.
433. Шкуропацкая М.Г. Деривационное измерение лексики (системный аспект): Монография. Барнаул, 2003.

434. Шкуропацкая М.Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2004.
435. Шмелев А.Д. Суждения о вымышленном мире: референция, истинность, прагматика // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
436. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М., 1977.
437. Шостром Э. Анти-Карнеги: Человек-манипулятор. М., 1992.
438. Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем (элементы семиотики). М., 1974.
439. Шульга М.В. Количественно-оценочные слова в публицистическом тексте // Hwa Kang Journal of Foreign Language & Literature. Vol. 5. May 1998.
440. Шульга М.В., Цай С. Тактика речевого поведения в публицистике // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Вып. 2. Тайбэй, 1999.
441. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
442. Щербинина Н.Г. Герой и антигерой в политике России. М., 2003.
443. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.
444. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике: Социолингвистика. Вып. VII. М., 1975.
445. Юдина Т.В. Универсальные и специфические характеристики Интернета как формы коммуникации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.

446. Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы. Межвуз. сб. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1999.
447. Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.
448. Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.
449. Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004.
450. Юрислингвистика – 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2005.
451. Ягубова М.А. Речь в средствах массовой информации // Хорошая речь. Саратов, 2001.
452. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
453. Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей. М., 1995.
454. Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
455. Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
456. Язык и социум. Мат-лы междунар. науч. конф. В двух частях. Минск, 2001.
457. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 6. М.–Барнаул. 2003.
458. Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003.
459. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.

460. Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докл. Междунар. науч. конф. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года. М., 2001.
461. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». Сб. ст. М., 1975.
462. Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
463. Янко Т.Е. Человек и мир в коммуникативной структуре предложения // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
464. Янко Т.Е. Описание мира и речевые действия: о способах выражения иллокутивных целей говорящего // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003.
465. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. Избр. психол. тр. М.-Воронеж, 1996.
466. Fairclough N. Language and Power. London: Longman. 1989.
467. Fowler R. Power // Handbook of Discourse Analysis: Discourse Analysis in Society. Vol. 4. London, 1985.
468. Handbook of Discourse Analysis: Discourse Analysis and Dialogue. Vol. 3. London, 1985.
469. Handbook of Discourse Analysis: Discourse Analysis in Society. Vol. 4. London, 1985a.
470. Kress G. & Hodge R. Language as Ideology. London: Routledge. 1979.
471. Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis: Discourse Analysis in Society. Vol. 4. London, 1985.

472. Montgomery M. *An Introduction to Language and Society* London: Methuen. 1986.
473. Simpson P. *Language, Ideology and Point of View*, London: Routledge. 1993.
474. Seidel G. *Political Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis: Discourse Analysis in Society*. Vol. 4. London, 1985.
475. Van Dijk T. A. *Introduction: Dialogue as Discourse and Interaction // Handbook of Discourse Analysis: Discourse Analysis and Dialogue*. Vol. 3. London, 1985.
476. Van Dijk T. A. *Introduction: The Role of Discourse Analysis in Society // Handbook of Discourse Analysis: Discourse Analysis in Society*. Vol. 4. London, 1985a.
477. *Право і лінгвістика. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Сімферополь – Ялта, 18-21 вересня 2003 р. У двох частинах. Ч. 2.* Сімферополь, 2003.

Основные источники

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов, 1969.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. Лузин Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
5. Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993.
6. Рябов А. Уши в трубочку. Энциклопедия русской брани и сквернословия. Опыт научно-популярного исследования. Барнаул, 2002.
7. Словарь русского языка. В 4-х томах. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
8. Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.

Тексты

Александров А. Кто дал деньги на теракт в Москве? // Аргументы и Факты-Интернет. 29.10.2002.

Александров В. Основной инстинкт. Бизнес «рыцарей джихада» // Труд. 31.10.2002.

Александров Г. Врачи оказались не готовы. Звонок специалисту // Аргументы и факты. 26.10.2002.

Александров Г. Смертница по имени жизнь. «В женском туалете постоянно находился один из чеченцев» // Аргументы и факты. 26.10.2002.

Алтайский край выбрал губернатором профессионального юмориста // Коммерсантъ. 06.04.2004.

Америка под обвалом «черного вторника» // Советская Россия. 15.09.2001.

Анохин П. Бандиты понимают только язык силы. *Террористы поставили себя вне рамок ислама и человеческой морали* // Труд. 31.10.2002.

Атака на Америку // Правда. 13.09.2001.

Атака на цивилизацию // Свободный курс. 13.09.2001.

Ахундов А. Рассказывают заложники // Коммерсантъ-Власть. 4–10.11.2002.

Байбаков А. Небоскребы похоронили под собой рынки // Коммерсант. 12.09.2001.

Байбаков А. Никто не хотел торговать // Коммерсант. 14.09.2001.

Байбаков А. Центробанки остановили взрывную волну деньгами // Коммерсант. 13.09.2001.

Бандиты отбирали нас по внешнему виду и росту. ЗАЛОЖНИКИ // Комсомольская правда. 25.10.2002.

Белоруссия осуждает терроризм // Правда. 14–17.09.2001.

Бен Ладен не имеет отношения к трагедиям в США // Советская Россия. 13.09.2001.

Бесконечно жаль простых американцев // Правда. 18–19.09.2001.

Боброва И. Гибель заложников – результат ошибки спецслужб? // Московский комсомолец на Алтае. 30.10–6.11.2002..

Бовт Г., Волков В. Нас не поставит на колени // Независимая газета, 28-29.10.2002.

Богданова Т. Номерок на память. «Война в Чечне идет, а вы тут по театрам ходите» // Аргументы и факты. 26.10.2002.

Боинг шел на Белый дом // Правда. 13.09.2001.

Бой с тенью // Русский Вестник. № 36-37, 2001.

Бордюг Т., Голубцов С. Редкий пассажир долетит до Америки // Коммерсант. 14.09. 2001.

Борисов Т. В Москву везли взрывчатку, мины и огнеметы. То, о чем говорили давно, подтвердилось: в столичном регионе существует подпольная сеть террористической направленности // Российская газета. 30.10.2002.

В России наконец нашлись мужчины, способные отдать команду «штурм» // Вечерний Барнаул. 29.10.2002.

В США гремит – на Алтае крестятся // Молодежь Алтая. 19.09.2001.

Вальцева А. «Алхимик» спас семью // Свободный курс. 31.10.2002.

Вальцева А. Попрощалась на всякий случай // Свободный курс. 31.10.2002.

Варывдин М. «К началу штурма они разрядили бомбы». Действия террористов непонятны их победителям // Коммерсантъ. 02.11.2002.

Васильев П. От горящего Пентагона – к Стене Плача // Русский Вестник. № 36-37, 2001.

Васильева Л. «Норд-Ост» будет жить! // Свободный курс. 31.10.2002.

Вашингтон оцетинился, // Правда. 18–19.09.2001.

Взрыв на Манхэттене. Факты, версии, комментарии, прогнозы // Свободный курс. 20.09.2001.

Вигант Л. Третий закон Ньютона // Вечерний Барнаул. 15.09.2001.

Вождь «краснорожих». Последняя шутка Евдокимова оказалась самой смешной // Московский комсомолец на Алтае. 06–13.04.2004.

Воронина А. Барахова А., Камышев Д. Шутки в урну // Коммерсантъ. 06. 04. 2004.

Воронов А. Революций не будет? // Московский комсомолец на Алтае. 06–13.04.2004.

Втянется ли Россия в новую войну // Советская Россия. 18.09.2001.

Выбор сделан. 4 апреля в крае проходит второй тур выборов губернаторов края // Алтайская правда. 06.04.2004.

Выборы признаны состоявшимися. Явка оказалась чуть ниже, чем в первом туре // Вечерний Барнаул. 06.04.2004.

Вызов всему человечеству. Американская трагедия // Алтайская правда. 13. 09. 2001.

Выступление Президента Джорджа Буша на базе ВВС в Барксдейле, штат Луизиана // Коммерсант. 12.09. 2001.

Голикова Л. Тяжелый страховой случай // Коммерсант.12. 09. 2001.

Головачев В. Штурм на Дубровке был необходим. *Так считают большинство участников опроса* // Труд. 31.10.2002.

Горе Москвы – горе всей России // Свободный курс. 31.10.2002.

Горькие плоды ложной политики // Советская Россия. 29.10.2002.

Готовы прийти на помощь американцам // Алтайская правда. 13. 09. 2001.

Граждане США потрясены // Алтайская правда. 13. 09. 2001.

Гульковский Н. Россия готовится к участи Америки // Коммерсант. 12. 09. 2001.

Дасаева Г. Легенде дарили часы и... рыбу // Аргументы и факты на Алтае. 10.2002.

Дерзкий домысел // Советская Россия. 29. 10. 2002.

Джоусойти А., Сафронов Ю. Футбола не будет. Нью-йоркские террористы спасли Glasgow Rangers // Коммерсант. 13. 09. 2001.

Дмитриенко Т. Тайны «Норд-Оста» могли родиться на Алтае. *Так считает ведущий эксперт России по химоружию* // Свободный курс. 31. 10. 2002.

Дюпин С. «Террористов-камикадзе готовили сами американцы» // Коммерсант. 12. 09. 2001.

Дюпин С. Освободить и уничтожить // Коммерсантъ-Власть. 4–10. 11. 2002.

Едрец И.Г. Безжалостные ангелы войны // Советская Россия. 29. 10. 2002.

Елизарьева Т. Революционных потрясений Михаил Евдокимов не обещает // Вечерний Барнаул. 08.04.2004.

Ельцов Д. Кто направлял руку террористов? *Захват заложников в Москве сразу породил массу «размышлизмов» на тему о том, кто стоит за этим терактом* // Аргументы и Факты-Интерне. 29.10.2002.

Жить будем весело, но непредсказуемо. Разразившийся на Алтае кризис власти привел к расколу общества и перестройке // Свободный курс. 08.04.2004.

Зальцман О. Ленин и Сталин алтайской сцены // Свободный курс. 10. 10. 2002.

Заявление Президента России Владимира Путина по поводу террористических актов в США // Русский Вестник. № 36–37, 2001.

Заявление Президента России Владимира Путина по поводу террористических актов в США // Коммерсант. 12. 09. 2001.

Заявление президиума КПРФ // Правда. 13. 09. 2001.

Заявление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода русской православной церкви в связи с террористическими актами в Америке // Русский Вестник. № 36–37, 2001.

Звонки из-под завалов // Свободный курс. 20.09.2001.

Зимин Н. Списки погибших только начали публиковать // Коммерсант. 13.09.2001.

Зимин Н., Сборов А. «Бей арабов – спасай Америку». Американцы ищут живых, мертвых и лиц арабской национальности // Коммерсант. 14.09.2001.

Золотов О. Чем усыпили террористов? *Российские спецслужбы вряд ли раскроют свои секреты* // Труд. 31.10.2002.

Зюганов Г. После терактов в США мы проснулись в другом мире // Советская Россия. 15.09.2001.

И еще три вопроса // Комсомольская правда. 29.10.2002.

Иванов А. Пентагон приступил к работе. Ее у него будет много // Коммерсант. 14.09.2001.

Иванов С. Кто знал о терактах? // Русский Вестник. № 36–37, 2001.

Из Кремля. Соболезнования народу США // Красная Звезда. 13.09.2001.

Интервью со смертником // Труд. 31.10.2002.

Искоренить терроризм можно только сообща // Правда. 18–19.09.2001.

Как бороться с терроризмом // Алтайская правда. 14.09.2001.

Калинина Ю. На кого бы обрушиться? // Московский комсомолец на Алтае. 30.10-6.11.2002.

Карахан А. «Каждый удавшийся теракт имеет тенденцию к тиражированию» // Коммерсант. 12.09.2001.

Касьяненко Ж. Горе – суровый учитель // Советская Россия. 29.10.2002.

Козловский В. Манхэттен военного времени // Коммерсант. 13.09.2001.

Комментарий губернатора // Вечерний Барнаул. 15.09.2001.

Константинов В. О лицемерии тех, над кем не каплет // Комсомольская правда. 26.10.2002.

Кочевников С. Америка в войне: как это может быть? // Свободный курс. 20.09.2001.

Кочевников С. Почему это касается нас? Америка далеко. Но терроризм – близко... // Свободный курс. 20.09.2001.

Краснопольская И. Пострадавшим еще понадобится помощь // Российская газета. 30.10.2002.

Куда теперь вырывают США? // Правда. 18–19.09.2001.

Кудряшов К. Синдром Бобчинского, или Что тянет людей к месту трагедии // Аргументы и Факты-Интернет. 29. 10. 2002.

Кузнецов П. Приемы против лома. О свойствах таинственного газа, который был использован при освобождении заложников в Москве, рассуждают сегодня российские и американские СМИ // Вечерний Барнаул. 29.10.2002.

Кулакова Н. Россияне не знают, что делать с долларом и могут за это поплатиться // Коммерсант. 13. 09. 2001.

Кулешов В. В Барнаульском аэропорту – усиленный режим // Алтайская правда. 13. 09. 2001.

Лобанова З. «Штурм в этой ситуации – безумие» // Комсомольская правда. 26. 10. 2002.

Лобанова З., Родкин А., Бойко А. Вышедшие из ада. Хроника спасения заложников // Комсомольская правда. 26. 10. 2002.

Любошиц С. Читатели «МК» оценивают действия Путина // Московский комсомолец на Алтае. 30. 10–6. 11. 2002.

Макаров Р. Возможно, число жертв достигнет 200. Причины ясны. *Только один умер от огнестрельного ранения в голову. Все остальные погибли от последствий воздействия специального газа* // Маркер-экспресс. 30.10.2002.

Мама попрощалась с дочкой по телефону. НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ...//
Комсомольская правда. 25. 10. 2002.

Маркушин В. Печатники, Каширка, Нью-Йорк, далее – везде? // Крас-
ная Звезда. 13.09.2001.

Международный терроризм – вызов человечеству // Правда. 13. 09.
2001.

Мечь Голливуда // Коммерсант. 12. 09. 2001.

Микуров О. Ключи от счастья // Алтайская правда. 03. 04. 2004.

Микуров О. Михаил Евдокимов: Спасибо всем. И за работу! // Алтай-
ская правда. 08. 04. 2004.

Минкин А. Спасены или убиты? // Московский комсомолец на Алтае.
30.10-6.11.2002.

На Алтае – полный «Аншлаг» // Московский комсомолец на Алтае. 06-
13.04.2004.

Надо объединиться в борьбе со злом // Алтайская правда. 13. 09. 2001.

Народ США расплачивается за политику своего правительства // Со-
ветская Россия. 13.09.2001.

Настоящий советский артист // Голос труда. 04.10.2002.

Нечепуренко Е. Белый дом готовится к большой войне? // Алтайская
правда. 14. 09. 2001.

Нечепуренко Е. Минута скорби на Алтае // Алтайская правда. 14. 09.
2001.

Никитин Ю. Трагедия силы // Советская Россия. 13.09.2001.

Николаев Л. Образ врага // Советская Россия. 13.09.2001.

«Норд-Ост»: третий акт по сценарию бандитов // Комсомольская прав-
да. 25. 10. 2002.

«Норд-Ост»: Третий день трагедии. БАНДИТЫ ГЛУМЯТСЯ НАД МАТЕРЯМИ ДЕТЕЙ ЗАЛОЖНИКОВ (общие заголовки) // Комсомольская правда. 26. 10. 2002.

Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина // Аргументы и факты. 26.10.2002.

«Однозначно, это исламисты» // Коммерсант. 13. 09. 2001.

Они о нас // Коммерсантъ-Власть. 04–10. 11. 2002.

Они уже вырвались на свободу. Лучик надежды // Комсомольская правда. 25. 10. 2002.

Осипов С. Какой газ был при штурме? Подробности // Аргументы и факты. 26.10.2002.

Отчаяние и растерянность // Алтайская правда. 13. 09. 2001.

Петухов С. Рассказ опоздавшего. Русский человек выжил в Нью-Йорке // Коммерсант. 13. 09. 2001.

Повышенная боевая готовность // Алтайская правда. 13.09.2001.

Пока не сели батарейки у мобильных... РОДСТВЕННИКИ // Комсомольская правда. 25. 10. 2002.

Полный беспредел // Московский комсомолец на Алтае. 30. 10–6. 11. 2002.

Половина – за штурм // Свободный курс. 31.10.2002.

После развязки кровавой драмы с заложниками в Москве возникает и такой вопрос: Чего добились террористы? // Комсомольская правда. 29. 10. 2002.

Притупова Е. Играл страстно и талантливо // Вечерний Барнаул. 03. 10. 1002.

Пуля И. Дети, повзрослевшие до срока. *Пострадавшие и очевидцы того, что произошло в столичном Театральном центре, рассказывают свою правду о пережитом* // Труд. 31.10.2002.

Рамазан Абдулатипов. Главное – избежать погромов на национальной почве // Труд. 31. 10. 2002.

Россия в трауре. Счет жертвам растет // Советская Россия. 29. 10. 2002.

Руденко И. Держитесь, родные! // Комсомольская правда. 26. 10. 2002.

Русина С., Сидоркин С. След «Норд-Оста» // Вечерний Барнаул. 29. 10. 2002.

Сафронов И. Воздушный терроризм долетел до США // Коммерсант. 12. 09. 2001.

Сборов А. Похороны мира // Коммерсант. 13. 09. 2001.

Сборов А. Третья мировая (Armageddon Now) // Коммерсант. 12.09.2001.

Сварцевич В. Спецназ ФСБ шел на верную смерть! Трое суток корреспондент «Аргументов и фактов» готовился вместе со спецназом ФСБ к штурму здания // Аргументы и факты. 26. 10. 2002.

Свободная И. Жить с душой, открытой солнцу и людям Вечерний Барнаул. 03. 10. 1002.

Селиванова А. Подонки в масках потребовали метрики детей, а потом обвинили матерей во лжи // Комсомольская правда. 26. 10. 2002.

Сергеев Ю. Самореклама на фоне победы. *Трагедия начинает превращаться в политическое шоу* // Комсомольская правда. 26.10.2002.

Сжать кулаки после драки // Комсомольская правда. 29. 10. 2002.

Сидоров П. В официальной американской версии терактов в США много лжи, умалчивания и подтасовок // Русский Вестник. № 36–37, 2001.

Силовики принимают меры безопасности // Правда. 13. 09. 2001.

Скалон Н. Мнение // Свободный курс. 20. 09. 2001.

Скоморохов А. Честь и достоинство театрального искусства Алтая // Московский комсомолец на Алтае. 03–10.10.2002.

Скрипин Е. Мы оплакиваем погибших, сопереживаем горю их близких. Но в субботу утром победила Россия. Легких побед вообще не бывает // Вечерний Барнаул. 29.10.2002.

Со злом – бороться // Правда. 13. 09. 2001.

Соболезнования американцам // Молодежь Алтая. 19.09.2001.

Созинов В. За шумовой завесой // «Советская Россия», 29.10.2002

Соколов-Митрич Д. Нас не поставит на колени. *Красные проталины из цветов* // Известия RU. 28.10.2002.

Сухая С. Экстремальный доктор. *Рискуя жизнью, детский врач Леонид Рошаль несколько раз заходил в зал с заложниками* // Труд. 31.10.2002.

Такая жестокая месть // Советская Россия. 15.09.2001.

Тепляков С. Вот такие они, верх-обские...// Алтайская правда. 07. 04. 2004.

Террорист № 1 // Свободный курс. 20.09.2001.

Трагедия Америки. Вторая Перл Харбор для США // Правда. 14–17. 09. 2001.

Трагедия и позор Америки // Правда. 18-19. 09. 2001.

Трехдневный спецвыпуск. Главное // Коммерсантъ-Власть. 04-10. 11. 2002.

Угланов А. Будет ли повтор? // Аргументы и Факты-Интернет. 29. 10. 2002.

«Фирменный знак» Бараева: они используют женщин-камикадзе // Комсомольская правда. 25. 10. 2002.

Фочкин О., Юрьева Л. Мовсара Бараева взяли живым? // Московский комсомолец на Алтае. 30.10-6.11.2002.

Фролов А. Хиросима в Нью-Йорке // Советская Россия. 13.09.2001.

Хороший был памятник архитектуры // Коммерсант. 12. 09. 2001.

- Храмцова Н. В Америке есть и алтайские ученики // Алтайская правда. 13.09.2001.
- Хроника трагедии // Правда. 13. 09. 2001.
- Хроника трагических событий «черного вторника» в США // Советская Россия. 13.09.2001.
- Цепляев В. Пиар во время чумы // Аргументы и Факты-Интернет. 29. 10. 2002.
- Чем провинились США? // Коммерсант. 12. 09. 2001.
- Чем спецслужбы усыпили террористов // Маркер-экспресс. 30.10.2002.
- Черный день цивилизации. Это – террор // Алтайская правда. 14. 09. 2001.
- Черняк О. «Штурм был необходим. Мы его ждали» // Свободный курс. 31.10.2002.
- Чеснов П. Пусть чеченцы сами решают свою судьбу // Свободный курс. 31.10.2002.
- Что делала «Альфа» // Маркер-экспресс. 30.10.2002.
- Что же произошло 11 сентября? // Русский Вестник. № 36–37, 2001.
- Что сказали президенты // Алтайская правда. 13.09.2001.
- Что теперь будет // Коммерсант. 12. 09. 2001.
- Чума XXI века // Правда. 13. 09. 2001.
- Шаров А. Палачи и жертвы // Российская газета. 30.10.2002.
- Шкель Т. Ставку надо делать на профессионалов // Российская газета. 30. 10. 2002.
- Шумилов Е. У фентонила нет противоядия. *Первым необходимо было убрать главаря банды Бараева и его ближайших помощников, чтобы они не успели отдать приказ женщинам-камикадзе на подрыв здания* // Вечерний Барнаул. 06.11.2002.
- Эксперимент в русском стиле? // Алтайская неделя. 31.10–6.11.2002.

«Это было похоже на Перл-Харбор» // Коммерсант. 12. 09. 2001.

Юморист Михаил Евдокимов стал губернатором. Алтай выбирает «Аншлаг» // Известия. 06.04.2004.

Ямшанов Б. Террор без границ? Ответ будет. Президент РФ Владимир Путин поручил подготовить редакцию концепции национальной безопасности // Российская газета. 30.10.2002.

Янченков В. Звездный час «Альфы». *Свидетельство профессионала* // Труд. 31.10.2002.

Интернет-ресурсы

Алтай: Красота по-американски (05. 04. 2004) // ПолитСибРу

В Алтайском крае побеждает эстрадный артист (04.04.2004) // <http://www.grani.ru>

Воронина А. Лучшая шутка Михаила Евдокимова // «Коммерсант», 05. 04. 2004/ ПолитСибРу

Гусева Д., Виноградов Д. Алтайский Шварценеггер. Артист Евдокимов становится губернатором //«Время Новостей», 05. 04. 2004 / ПолитСибРу

Ильичев Г. Алтай выбирает аншлаг // «Известия», 07. 04. 2004 / ПолитСибРу

Михеев С. «Аншлаг» на алтайских выборах // <http://www.politcom.ru>

Невзоров А. Полный аншлаг // «Русский журнал», 07. 04. 2004 / ПолитСибРу

Сергиевский С. Угольный аншлаг // «Независимая газета», 06. 04. 2004 / ПолитСибРу

Тепляков С. Москвичи растрясли Сурикова, как грушу (08. 04. 2004) // barnaul-altai.ru «У меня нет иллюзий, что я смогу совмещать занятия комика и губернатора». Репортаж с первой пресс-конференции Михаила Евдокимова // ИА Регнум /<http://www.regnum.ru>

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Образцы анкет

АНКЕТА № 1 (образец)

**1. Какие газетно-публицистические издания Вы предпочитаете?
(нужное подчеркнуть)**

а) местные:

«Алтайская правда», «Молодежь Алтая», «Свободный курс», «Вечерний Барнаул», «Голос труда», «Купи-продай», другие (указать, какие).....

б) региональные:

«Коммерсант Сибирь», «Честное слово», другие

в) центральные:

«Известия», «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Советская Россия», «Правда», другие (указать, какие)

2. Почему Вы предпочитаете эти издания? Чем они Вас привлекают?

3. Какие публикации, прочитанные в последнее время, показались Вам самыми интересными и почему?

4. Какие издания Вам неприятны и почему?

5. Согласны ли Вы со следующими утверждениями о террористическом акте, произошедшем 11 сентября 2001 г. в США или нет? Почему?

А. Террористический акт – это...

- всемирная катастрофа
- угроза цивилизации
- трагедия Америки
- позор Америки
- месть Америке
- справедливое возмездие

Б. Согласны ли Вы со следующими утверждениями?

«При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем»

«Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их некому... Россия ослаблена, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза»

«Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов»... «Великая держава оказалась бессильной перед силой возмездия»

«США стали жертвой своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам»

«Мировой жандарм породил своего врага», террористы – «порождение империализма»

«Вместе с башнями рухнул миф о единственном и неповторимом «лидере свободного мира», о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке»

Возраст.....

Образование.....

Профессия

Пол

Благодарим Вас за участие в опросе.

АНКЕТА

1. Какие газетно-публицистические издания Вы предпочитаете?
(нужное подчеркнуть)

а) местные:

«Алтайская правда», «Молодежь Алтай», «Свободный курс», «Вечерний Барнаул», «Голос труда», «Купи-продай», другие (указать, какие).....

б) региональные:

«Коммерсант Сибирь», «Честное слово», другие

в) центральные:

«Известия», «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Советская Россия», «Правда», другие (указать, какие)

2. Почему Вы предпочитаете эти издания? Чем они Вас привлекают?

*«Своб. курс» емки и не совсем, но все-таки более-менее независимого мнения о событиях в крае.
«КП» - просто всеобщая газета, с темной-темной оттенкой, ненапряжная.*

3. Какие публикации, прочитанные в последнее время, показались Вам самыми интересными и почему?

*В последнее время писал в основном про Баварина, потому что особо хотелось узнать как-то не выдвигая. Сложная ситуация.
Кто, наверное, расследование смерти Баварина - это интересно.*

4. Какие издания Вам неприятны и почему? Читаете ли Вы их иногда или нет?

Нет таких изданий среди тех, которые я читаю, а про непрочитанные говорить, естественно, не могу.

5. Согласны ли Вы со следующими утверждениями о террористическом акте, произошедшем 11 сентября 2001 г. в США или нет?

Почему?

А. Террористическом акте

- всемирная катастрофа
- угроза цивилизации
- трагедия Америки *✓ БУ комментариев. Все и так понятно*
- позор Америки
- месть Америке
- справедливое возмездие

Б. «При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной.

Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем» 4%

Это неверно. Американская могла чувствовать себя спокойной до тех пор, пока не стала входить в чужие дела, она сейчас всемирной вошла в роль «королевской десницы» или «голова мила». Это как угодно.

«Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их некому... Россия ослаблена, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза»

Я считаю, что утверждение это не совсем верно. Да, Россия ослаблена, но у нее огромной потенцией. Развалить такую державу невозможно.

«Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов»

Да, стору нет.

«США стали жертвой своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам»

Абсолютно согласен.

«Мировой жандарм породил своего врага», террористы – «порождение империализма»

Тот же согласен.

«Вместе с башнями рухнул миф о единственном и неповторимом «лидере свободного мира», о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке»

Да нет, куда уж там.

Америка просто так вред не может нанести, хотя бы в виде башен-маяков разрушенного мира. Они еще работают и

Возраст... 19
Образование... ср. спец. техн.
Профессия... РВ (надеюсь)
Пол... Ж
еще работать и работать.

АНКЕТА № 2 (образец)

**1. Какие газетно-публицистические издания Вы предпочитаете?
(нужное подчеркнуть)**

а) местные:

«Алтайская правда», «Молодежь Алтая», «Свободный курс», «Вечерний Барнаул», «Голос труда», «Купи-продай», другие (указать, какие).....

б) региональные:

«Коммерсант Сибирь», «Честное слово», другие

в) центральные:

«Известия», «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Советская Россия», «Правда», другие (указать, какие)
.....

2. Почему Вы предпочитаете эти издания? Чем они Вас привлекают?

3. Какие публикации, прочитанные в последнее время, показались Вам самыми интересными и почему?

4. Какие издания Вам неприятны и почему?

5. Получаете ли Вы любимые издания по подписке или покупаете?

6. Согласны ли Вы с тем, что террористический акт, произошедший в прошлом году в Москве (на спектакле «Норд-Ост»), это

- трагедия России
- позор России
- месть России
- справедливое возмездие России
- удар для всего общества

7. Разделяете ли Вы следующие утверждения?

А. О причинах теракта:

*Мавсар Басаев ... порождение Ельцина – Путина... Отмороженные
смертницы Фатима, Раиса, Зара... их сделало ельцинское время...*

Ельцин: его режим вскормил русской кровью чудовище террора.

Б. О спецназе, штурмовавшем театр:

Двести вооруженных лучших в мире штурмовиков в России...

...Удалось почти невозможное...

...штурмовики не рисковали жизнями всех заложников

В. Как Вы считаете, кто виноват в гибели заложников?

Возраст.....

Образование.....

Профессия

Пол

Благодарим Вас за участие в анкетировании!

186.

АНКЕТА

1. Какие газетно-публицистические издания Вы предпочитаете?
(нужное подчеркнуть)

а) местные:

«Алтайская правда», «Молодежь Алтай», «Свободный курс»,
«Вечерний Барнаул», «Голос труда», «Купи-продай», другие (указать,
какие).....

б) региональные:

«Коммерсант Сибирь», «Честное слово», другие

в) центральные:

«Известия», «Комсомольская правда», «Независимая газета»,
«Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Советская Россия»,
«Правда», другие (указать, какие)
«Российская газета».....

2. Почему Вы предпочитаете эти издания? Чем они Вас привлекают?

Интересными, разнообразными, правдивыми публикациями; полезными советами, юридическими консультациями, а в КТ еще и рубрикой «Незнайка спрашивает Календарик»

3. Какие публикации, прочитанные в последнее время, показали Вам самыми интересными и почему?

*«Заседания и заседания Сибирь и Дальний Восток»
В далекой ссылке поднимать насущную проблема и если не начать предпринимать меры сейчас, то завтра мы все вынуждены будем учесть иркутский взрыв.*

4. Какие издания Вам неприятны и почему?

Нет неприятных изданий. Но крайней мере я с ними не сталкивался. В интернете и изданиях можно погуглить, можно то или иное содержание, но и сайт дельцов или блогеров еще читать не буду.

5. Получаете ли Вы любимые издания по подписке или покупаете?

покупаю

6. Согласны ли Вы с тем, что террористический акт, произошедший в прошлом году в Москве (на спектакле «Норд-Ост»), это

- трагедия России
- позор России
- месть России
- справедливое возмездие России
- удар для всего общества

7. Разделяете ли Вы следующие утверждения?

А. О причинах теракта:

*Мавсар Басаев ...- порождение Ельцина – Путина... Отмороженные
смертницы Фатима, Раиса, Зара... их сделало ельцинское время...*

Ельцин: его режим вскормил русской кровью чудовище террора.

Б. О спецназе, штурмовавшем театр:

Двести вооруженных лучших в мире штурмовиков в России...

... Удалось почти невозможное...

...штурмовики не рисковали жизнями всех заложников

В. Как Вы считаете, кто виноват в гибели заложников?

*Правительство г. Москвы и руководители
штаба по освобождению заложников не сумели
организовать своевременное оказание медицинско-
кой помощи*

Возраст... *45*
Образование... *высшее*
Профессия... *врач*
Пол... *муж*

Благодарим Вас за участие в анкетировании!

Анкета № 3 (образец)

1. Запишите первые три слова, которые пришли Вам в голову в связи со следующими фамилиями:

А) Суриков

Б) Евдокимов

2. Охарактеризуйте следующих людей с положительной и отрицательной стороны:

А) Суриков

Б) Евдокимов

3. Каким бы прилагательным Вы определили победу М. Евдокимова в выборах?

4. Какими бы словами Вы охарактеризовали проигрыш А.А. Сурикова?

5. Какое из определений, на ваш взгляд, больше подходит для характеристики победы М. Евдокимова на губернаторских выборах (подчеркните этот вариант)?

сенсационная победа Михаила Евдокимова

анекдотичная победа Михаила Евдокимова

«несистемная» победа Евдокимова

Возраст.....

Образование.....

Профессия

Пол

Благодарим Вас за ответы на наши вопросы!

N 4

Анкета

1. Запишите первые три слова, которые пришли Вам в голову в связи со следующими фамилиями:

А) Суриков *хороший, надежный, пошлый*

Б) Евдокимов *непошлый, не на месте,*

2. Охарактеризуйте следующих людей с положительной и отрицательной стороны:

А) Суриков "+" : *последовательный, вежливый, знающий свое дело*

"-" : *раседелся, циничный*

Б) Евдокимов "+" : *коммуникабельный*

"-" : *неперспективный*

3. Каким бы прилагательным Вы определили победу М. Евдокимова в выборах?

неожиданная

4. Какими бы словами Вы охарактеризовали проигрыш А.А. Сурикова?

неформист

5. Какое из определений, на ваш взгляд, больше подходит для характеристики победы М. Евдокимова на губернаторских выборах (подчеркните этот вариант)?

сенсационная победа Михаила Евдокимова

анекдотичная победа Михаила Евдокимова

«несистемная» победа Евдокимова

Возраст.....*50*.....

Образование.....*высшее*.....

Профессия.....*прифизм - 16*.....

Пол.....*М*.....

Благодарим Вас за ответы на наши вопросы!

АНКЕТА № 4 (образец)

1. Опишите свои чувства, ощущения, впечатления после прочтения текста.
2. На что в первую очередь Вы обратили внимание?
3. Выпишите из текста ключевые слова.
4. Сформулируйте главную мысль текста.
5. Каково, по Вашему мнению, намерение автора текста?

1. Образец ответа респондента на вопросы анкеты № 4

Азиатская сорама

1) При прочтении этого плаката возникает ощущение бездействия в условиях внешней агрессии. Вроде обдумочен не только в тексте (КИТАЙ, азиатская сорама), но и выразился визуально = на каком-то с минимальным азиатским шлоом, кинотипу - у одной сорама имена (полю головней удар).

ИТОГ: СТРАХ от бездействия!
ВТОРЖЕНИЕ!

2) В первую очередь привлекает внимание мини-карта (Россия - Китай). Знаком это касается МЕНЯ. Далее - сорама агрессивного вида. Агрессия визуально вытекает из Китая. Помимо этого, в тексте указание на источник агрессии: "Скоро здесь будет уже КИТАЙ".

Скоро меня выгонят из дома" - Покупатели на четкости (Дом - неприкосновенность, земля и др.).

3) Главная мысль: Захват территории Китаем, бездействие по отношению к внешней агрессии.

4) Коммерческая автор: Призыв к ответной реакции по отношению к внешней агрессии со стороны Китая. Автор хочет создать негатив по отношению к иностранцам, а именно - к азиатцам.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Диаграммы и таблицы к диаграммам (по материалам опроса)

Диаграмма 1. Антипатии читателей газетных СМИ (по результатам опроса)

ТАБЛИЦА К ДИАГРАММЕ 1. АНТИПАТИИ ЧИТАТЕЛЕЙ ГАЗЕТНЫХ СМИ

Тип издания					
«Желтая» пресса	Рекламные издания	Криминальная хроника	Политизированные издания	Конкретное издание	Однонаправленные издания
<p>1. Желтая пресса</p> <p>5. Неприятны ярко желтые издания, хотя юмор и анекдоты в них читаю.</p> <p>7. Желтая пресса, потому что не интересует ее содержание. Никогда не читаю, не верю информации из та-</p>	<p>9. Не люблю рекламу, потому что низкопробные.</p> <p>10.«Купи-продай», реклама не интересует. Не читаю.</p> <p>18. Никогда не читаю газеты типа «Купи-продай», «Из рук в руки» и т.п., т.к. там в ос-</p>	<p>9. Не люблю криминальные материалы (начинаю патологически бояться всего).</p> <p>17. «Московский комсомолец» – много криминала.</p> <p>36. «Московский комсомолец», много чернухи, крови и</p>	<p>21. «Голос труда» и т.п. Особенно неприятны мне слишком политизированные издания, издания, где много пропаганды и агитации.</p> <p>22. «Алтайская правда», «Голос труда», «Деловой</p>	<p>6. «Вечерний Барнаул» и «Алтайская правда» – никогда не читаю.</p> <p>«Молодежь Алтай» – несмотря на название, не представляю, кто ее читает.</p> <p>8. «Молодежь Алтай» – мало ин-</p>	<p>3. Издания с явно однонаправленностью мнений, идей, предпочтений.</p> <p>5. Терпеть не могу «Вечерний Барнаул» за яркую принадлежность к администрации, также отношусь</p>

<p>ких изданий.</p> <p>8. Честное слово» – желтая пресса.</p> <p>9. Не люблю «желтую прессу»...</p> <p>15. Все, которые так или иначе похожи (отдают) на желтые.</p> <p>16. Желтая пресса, читаю очень редко.</p> <p>19. Желтая и особенно криминальная пресса.</p> <p>23. Терпеть не могу газеты типа «Спутник телезрителя» или «Телепарк» и разные</p>	<p>новном публикуются частные объявления и реклама, которая меня не интересует.</p> <p>76. Издания с большим количеством рекламы.</p> <p>100. В «Аргументах и фактах» много рекламы.</p> <p>154. Рекламные, нет пицци для ума.</p> <p>164. Издания рекламного характера, которые иногда кидают в почтовые ящики.</p>	<p>убийств.</p> <p>43. «Криминал» – развратные картинки (фото).</p> <p>47. Криминальная хроника. Много насилия и жестокости.</p> <p>60. 1) Те, в которых много криминальной хроники, констатирующей («обсасывающей») факты, а не анализирующей их; 2) Те, в которых много «физиологизма». К чему он. Можно и о</p>	<p>курьер Алтай» → политическая направленность, оценочность. Не читаю.</p> <p>20. «Голос труда» – излишне политизирована,</p> <p>27. Не нравятся издания, которые слишком идеологизированы, пишут на одну тематику (политика, культура, история). Читаю такие издания очень редко («Витязь», «Поколе-</p>	<p>формации, неконкретная газета.</p> <p>12. Не люблю «Молодежь Алтай» по большасти из-за названия, а также «Голос труда». Потому что мне неинтересно их читать. Никогда не читаю их.</p> <p>13. Не нравится «Speed-инфо», «Окна» и тому подобное. Как-то просматривала ради интереса, но читать такое не</p>	<p>ко всем изданиям медиа-холдинга «Алтайская неделя».</p> <p>20. «ВБ» – слишком явно заявляют позицию города.</p> <p>32. «Голос труда» - односторонний подход к рассматриваемым вопросам (не читаю).</p> <p>55. Проправительственной направленности.</p> <p>69. Агитацион-</p>
--	--	--	---	---	---

<p>другие желтые газеты.</p> <p>24. Очень раздражает «желтая пресса» («Желтая газета», «СПИД-Инфо», «Экспресс-газета» и т.п.).</p> <p>26. Неприятны издания, в которых есть «желтая пресса». Я их не читаю. Это пошло и противно.</p> <p>29. Совсем «желтая» пресса, издания типа «Marker-Express», «Cool-</p>	<p>211. Где много объявлений (о знакомствах, в частности) – для меня никакой информации.</p> <p>226. Купи-продай», т.к. не интересуют частные объявления.</p> <p>238. Рекламные. Неискренностью.</p> <p>244. Неприятны все издания... избилующие рекламой.</p>	<p>душе подумать хотя бы иногда.</p> <p>102. «Криминальная Россия» (бесполезная, безнравственная пропаганда насилия).</p> <p>128. Купи-продай, реклама.</p> <p>167. Неприятны издания криминального и скандального характера.</p> <p>192. Криминальные газеты, т.к. вызывают неприятные эмоции.</p>	<p>ние», «Мера за меру»).</p> <p>37. «Голос труда» и «Правда», потому что ругают власть последними словами, а это набило оскомину уже.</p> <p>53. Яркая политическая направленности... «Правда».</p> <p>57. Выполненные по «СССР»-ому шаблону, пропагандистской направленности.</p> <p>70. Политические. Потому что в них</p>	<p>хочу.</p> <p>17. АиФ – соседство во материалов неудачное.</p> <p>25. «Молодежь Алтая» не читаю, п.ч. низкое качество.</p> <p>31. Те издания, где неверная информация, непроверенная и просто придуманная: «Желтая газета», «Сид-Инфо» и т.п.</p> <p>40.«Голос труда» меня раздражает. Я не захожу в ее це-</p>	<p>ные.</p> <p>88. Где подробно описывается сельское хозяйство, где прослеживается реклама.</p> <p>136. «Свободный курс». Явное лоббирование интересов и мнения владельцев издания.</p> <p>174. Неприятны издания, в которых все их содержание посвящено одной теме. Это скучно.</p>
--	--	---	---	---	--

<p><i>girl» и т.п. Иногда просматриваю, чтобы убедиться, что ничего в их жанровой ориентации не изменилось.</i></p> <p><i>33. Не люблю и не читаю издания с пошлыми анекдотами, не нравится «сексуальный соус» и подтекст, откровенные фото с обнажением. Это унижает женщин и сбивает с толку молодежь.</i></p>			<p><i>пишут неправду.</i></p> <p><i>86. «Голос труда», из-за идеологической направленности.</i></p> <p><i>119. «Советская Россия», газеты с идеологической направленностью.</i></p> <p><i>121. Политические, потому что не люблю политику.</i></p> <p><i>158. Алтайская правда, Голос труда и др. газеты, лишённые политической объектив-</i></p>	<p><i>левую аудиторию, она ориентирована на пенсионеров.</i></p> <p><i>58. Мне не нравятся такие издания, как Комсомольская правда, Свободный курс и некоторые др., т.к. в них очень мало рубрик, они скучны и однообразны. Кроме того в них не ощущается достоверности информации.</i></p> <p><i>59. Супернеприятные не покупаю. Не</i></p>	<p><i>187. Все-таки те, которые хают не только саму Россию, но и тех, кто в ней живет. Якобы не могут толково работать, те, в которых пишут о безысходности, неспособности россиян выйти из, правда, затянувшегося кризиса.</i></p> <p><i>197. Агитационные. Из-за их массовости и надоедливости. 148.</i></p>
--	--	--	---	--	--

<p>35. «Желтая» пресса, публикующая непроверенные данные и скандальные репортажи. Например, «Комсомольская правда», к которой не обращаюсь после того, как обнаружила несколько десятков опровержений.</p> <p>41. «Желтая пресса». Недостоверная информация.</p> <p>46. Где много порнографии.</p>			<p>ности.</p> <p>179. Про КПРФовские.</p> <p>181. Мне не нравятся политически направленные издания, т.к. в них чаще всего высказывается только одна идеология (одной политической группы, партии).</p> <p>193. Коммунистического направления, т.к. не подерживаю такой режим.</p> <p>204. Политиче-</p>	<p>знаю. Алт. правду не люблю вследствие своей «провинциальной» (колхозной) направленности.</p> <p>64. «Голос труда».</p> <p>71. Голос труда, ангажированность мнения.</p> <p>75. Правда.</p> <p>77. Спутник телезрителя.</p> <p>79. Маркер express. Пустая бессмысленная неорганизованная газета.</p> <p>80. Советский</p>	<p>Молодежные издания, т.к. тупые.</p> <p>209. Правительственные газеты. Сухая подача информации; неправильная / непроверенная информация...</p> <p>228. «Парламентская газета» – скучно, неинтересно.</p>
--	--	--	---	---	--

<p>51. <i>Желтая пресса.</i></p> <p>52. <i>Желтая пресса.</i></p> <p>53. <i>Желтая пресса «Спидинфо».</i></p> <p>54. <i>Вся желтая пресса, пишут всякую грязь и пошлости.</i></p> <p>56. <i>Издания так называемой «желтой прессы». Неприятны из-за лжи, сплетен и откровенного разврата. Считаю нужным убрать с прилавков.</i></p> <p>61. <i>«Желтые» из-</i></p>			<p><i>ские, потому что надоело.</i></p> <p>213. <i>Коммунистические – насквозь фальшивые.</i></p> <p>215. <i>Совдеповские, коммунистические – неинтересны, неактуальная информация.</i></p> <p>228. <i>«Голос труда» – т.к. сквозит коммунизм в каждой строчке.</i></p> <p>233. <i>... Левые националистические газеты.</i></p> <p>234. <i>... Не люблю</i></p>	<p><i>спорт, не люблю спорт.</i></p> <p>82. <i>Алтайская правда</i></p> <p><i>Голос труда.</i></p> <p>83. <i>Голос труда.</i></p> <p>85. <i>«Молодежь Алтай»; поскольку печатаются в этой газете неквалифицированные журналисты.</i></p> <p>89. <i>Мне неприятен «Голос труда», т.к. они пишут всякую лажу и делают вид, что в эту лажу верят.</i></p>	
--	--	--	---	--	--

<p>дания. Они не интересны и однообразны.</p> <p>62. «Московский комсомолец» – неприятна политика газеты – спекулировать на «жареных фактах», смакование убийствами и др. Сам стиль изложения нахальный, газета навязчивая...</p> <p>63. Желтая пресса.</p> <p>67 Желтая пресса – много «голой» неправды.</p>			<p>политизированные («Правда», «Известия» и т.д.).</p> <p>236. «Голос труда», коммунистическое издание.</p>	<p>90. Местные (низкий профессиональный уровень журналистов).</p> <p>92. «Советская Россия», «Алт.правда» – отрицательное отношение почти ко всему. Слишком много критики, пессимизма.</p> <p>93. «Стид-Инфо», «Московский комсомолец» и т.п. Это «утка».</p> <p>94. «Московский комсомолец». Мно-</p>	
---	--	--	---	--	--

<p>68. «Стид-Инфо», «Клубничка» – желтая пресса.</p> <p>74. (ЖП) Желтая пресса, издания типа «Калейдоскопа».</p> <p>78. Желтая пресса. Грязь.</p> <p>87. Желтые (Стид-Инфо и т.д.). Врут и не краснеют. И глупо врут причем.</p> <p>95. Бульварные издания типа «Стид-Инфо», да и вообще «желтые», сенсационные мате-</p>				<p>го домыслов и преувеличений. Сомнительного качества материал. Довелось почитать и откровенную клевету на родной город.</p> <p>94. «Голос труда». Узкоколейка.</p> <p>99. «Вечерний Барнаул»: нет интересных материалов, только обычные сводки новостей.</p> <p>102. «Экспресс-газета» (глупая).</p>	
---	--	--	--	--	--

<p>риалы.</p> <p>98. «Маркер-Экспресс» и подобное бульварное чтиво.</p> <p>97. «Аргументы и факты» очень изменились за последние 5 лет и стали похожими на желтую прессу.</p> <p>120. Статьи в журналах и газетах про певцов, артистов и поп-звезд.</p> <p>122. Желтая пресса...</p>				<p>104. «Маркер-Экспресс», «Стид-Инфо»...</p> <p>109. «Советская Россия», «Российская газета» и тому подобное, уж очень они «сухие».</p> <p>112. Мне не нравится «Стид-Инфо», я считаю, что это очень глупая газета.</p> <p>113. «Желтая газета» – такая чушь.</p> <p>114.«Стид-Инфо «Вне закона»–</p>	
--	--	--	--	--	--

<p>127. «Маркер-Экспресс» – слишком много пошлых статей, фотографий и объявлений. Самое неприятное – слишком много орфографич., стилистич. и др. ошибок, опечаток, «недопечаток».</p> <p>129. «Желтая» пресса.</p> <p>132. «Желтая пресса». Погоня за дешевыми сенсациями, публикация слухов, непроверен-</p>				<p>слишком много секса и насилия.</p> <p>117. «Московский комсомолец» – там все врут, чиновников не разоблачают.</p> <p>124. Спид-Инфо, Моя семья.</p> <p>130. Славгородские вести. Очень много неправды.</p> <p>139. Свободный Курс. Претенциозность. Ангажированность. Желтовато, похоже на <i>Das Bild</i>.</p>	
---	--	--	--	--	--

<p>ной информации. Не дают пищи для размышлений.</p> <p>134. Так наз. «желтая пресса».</p> <p>138 ...«желтая пресса», светская хроника – меня не интересует.</p> <p>141. С откровенными материалами и фотографиями.</p> <p>142. Желтые.</p> <p>145. Желтая пресса.</p> <p>146. Желтая пресса...</p> <p>156. Порнографи-</p>				<p>143. «Алтайская правда», т.к. дезориентирует людей, нет прогрессивных мыслей.</p> <p>153. Купи-продай», «Телесемь» (не нравятся оформление и расположение материала).</p> <p>157. Типа «Алтайская правда», где уродливо подана информация и язык.</p> <p>159. «Достоинство», «Голос труда».</p> <p>166. «Голос тру-</p>	
---	--	--	--	--	--

<p><i>ческие. Есть темы, которые не должно выносить на всеобщее обсуждение.</i></p> <p>160. <i>«Московский комсомолец» – сплетни.</i></p> <p>162. <i>Неприятны своим смакованием светских сплетен. Нет правды в сообщениях.</i></p> <p>175. <i>«Желтая пресса» – недостоверная и неинтересная информация.</i></p>				<p><i>да», «Честное слово» – они мне не нравятся потому, что несхожие интересы.</i></p> <p>169. <i>«Голос труда» и подобное. Это несерьезные издания, в которых пишут ни о чем.</i></p> <p>171. <i>«Алтайская правда» (маленький объем полос). Информация не вся представлена.</i></p> <p>172. <i>«Голос труда». Друг на друга «грязь» льют. Ни-</i></p>	
---	--	--	--	--	--

<p>178. Те, в которых только сплетни.</p> <p>180. Содержащие порнографию.</p> <p>182. неприятны они публикациями о сексе и крайне откровенными секретами, анекдотами.</p> <p>185. Не покупаю издания со сплетнями, фантазиями об НЛО, мистикой. Шарлатанство не люблю и жалко времени на то, чего не может быть.</p> <p>188. Не нравятся...</p>				<p>чего интересного.</p> <p>173. «Комсомольская правда». Название нехорошее.</p> <p>176. «Правда» – пережиток прошлого.</p> <p>183. «Алтайская правда» – неинтересно и серьезно... «Молодежь Алтая» и «СК»... И не нравится дизайн и объем...</p> <p>201. «Честное слово». Необъективная информация.</p> <p>202. «Алтайская</p>	
---	--	--	--	---	--

<p><i>вульгарные издания.</i></p> <p>189. <i>Пропагандирующие безнравственный образ жизни.</i></p> <p>191. <i>Скандальные, с непроверенной информацией, а особенно – порочащие репутацию звезд.</i></p> <p>195. <i>«Желтая» пресса.</i></p> <p>199. <i>Вся желтая пресса.</i></p> <p>200. <i>Желтая пресса. Понятно поче-</i></p>				<p><i>правда» – никаких изменений со времен СССР, даже в оформлении.</i></p> <p>205. <i>«Алтайская правда» – устаревшая во всех отношениях газета.</i></p> <p>207. <i>Алтайская правда, потому что она старшего возраста.</i></p> <p>217. <i>«Комсомольская правда». Искажением фактов.</i></p> <p>219. <i>«Московский комсомолец», «Комсомольская</i></p>	
---	--	--	--	--	--

<p>му.</p> <p>206. <i>Желтая газета, за необъективную информацию.</i></p> <p>208. <i>«Спид-Инфо» – сплетни..</i></p> <p>210. <i>«Желтая пресса».</i></p> <p>214. <i>«Желтая пресса».</i></p> <p>216. <i>«Желтая пресса».</i></p> <p>218. <i>Желтая газета. Потому что пишет вранье.</i></p> <p>223. <i>Speed-Инфо – разврат.</i></p> <p>229. <i>Мегаполис-</i></p>				<p><i>правда».</i></p> <p>220. <i>«Молодежь Алтая» – много шаблонов.</i></p> <p>224. <i>Газеты типа комсомольской правды – все вранье. Врут все. Спид-Инфо.</i></p> <p>231. <i>Голос труда, т.к. в основном ориентирован на лиц пожилого возраста.</i></p> <p>234. <i>...В последнее время не очень нравится «АиФ».</i></p> <p>242. <i>«Голос тру-</i></p>	
--	--	--	--	--	--

<p><i>Экспресс, т.к. много скандальных статей и их точка зрения является неаргументированной.</i></p> <p><i>230. Желтая пресса. Пошло.</i></p> <p><i>232. Желтая пресса – деструктивное влияние на современную молодежь.</i></p> <p><i>233. Откровенно «желтая» пресса...</i></p> <p><i>239. Желтая пресса, потому что</i></p>				<p><i>да». Там материалы о пенсионерах.</i></p> <p><i>50. С «сухим» языком</i></p>	
--	--	--	--	--	--

<p><i>там много сплетен.</i></p> <p>240. <i>Желтая пресса...</i></p> <p>241. <i>Желтая пресса, много пошлости.</i></p> <p>243. <i>В которых много скандалов, т.к. неприятно читать.</i></p> <p>244. <i>Неприятны все издания, относящиеся к так наз. «желтой прессе»...</i></p>					
---	--	--	--	--	--

Диаграмма 2. Мнение участников опроса о теракте в США 11 сентября 2001 г. («Теракт в Америке»)

Диаграмма 10. Мнение участников опроса о теракте в Москве в октябре 2003 г. («Теракт на Дубровке»)

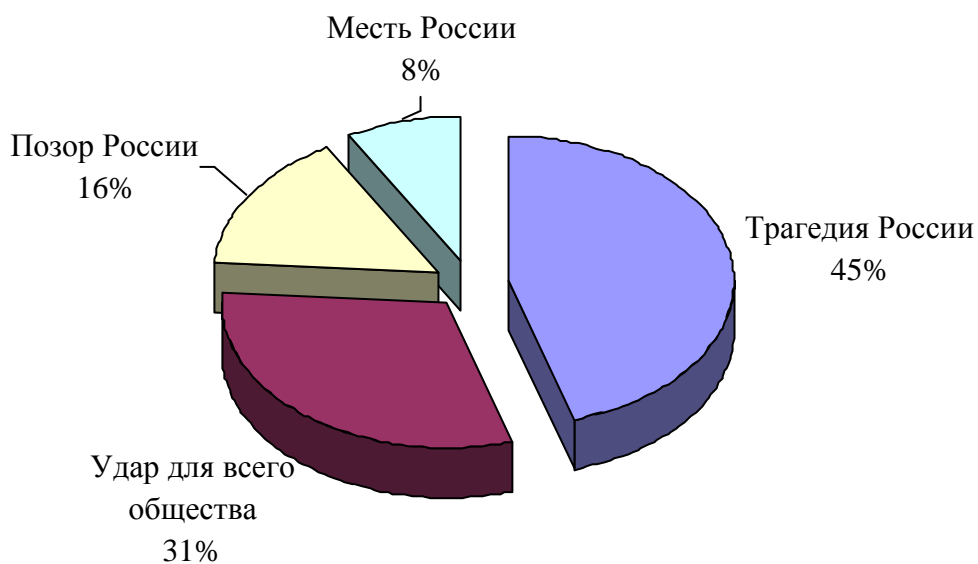

Таблица к диаграмме 2. Ответы участников опроса («Теракт в Америке»)

Участник опроса	Террористический акт – это ...
1.	Трагедия Америки
2.	Всемирная катастрофа
3.	Мечь Америке Справедливое возмездие. <i>Не нужно считать себя «БОГОМ». Террористам это не нравится.</i>
4.	Всемирная катастрофа Позор Америки
5.	Всемирная катастрофа – <i>нет.</i> Угроза цивилизации – <i>да, любой терроризм – угроза.</i> Трагедия Америки – <i>да, на идеологическом уровне.</i> Позор Америки – <i>да, слезы сильных – всегда позор.</i> Справедливое возмездие – <i>да.</i> Мечь Америке – <i>да, за неправомерные действия США в ряде конфликтов в Югославии и на Востоке.</i>
6.	Угроза цивилизации Справедливое возмездие (<i>частично</i>)
7.	Всемирная катастрофа Трагедия Америки
8.	Трагедия Америки Мечь Америке // <i>Наверное, может, и сами США все это устроили, я не осведомлена.</i>
9.	Всемирная катастрофа (обведено)

	<p>Угроза Америке</p> <p>Трагедия Америки (все подчеркнуто)</p> <p>Позор Америки</p> <p>Мсть Америке</p> <p>Справедливое возмездие // Проблема в том, что в настоящий момент в моем сознании нет четко определенного отношения к событиям 11 сентября 2001 г. На мой взгляд, его можно интерпретировать в зависимости от настроения. Сейчас я – пацифистка.</p>
10.	<p>Всемирная катастрофа – нет, ничего с нами не случилось.</p> <p>Позор Америки</p> <p>Мсть Америке,</p> <p><u>Справедливое возмездие, согласен, Америка почувствовала, каков терроризм.</u></p>
11.	<p>Трагедия Америки</p> <p>Позор Америки нет (хотя, конечно, да, но США смогли извлечь из него выгоду → нет).</p> <p>Мсть Америке</p>
12.	<p>Всемирная катастрофа – не согласна, это дело Америки.</p> <p>Угроза цивилизации – нет, это угроза Америке.</p> <p>трагедия Америки – да, это действительно трагедия для нее.</p> <p>Позор Америки – нет, ничего позорного в этом я не вижу.</p> <p>Мсть Америке – точно!</p> <p>Справедливое возмездие – но не справедливое, слишком уж масштабное и зверское.</p>
13.	<p>Трагедия Америки</p> <p>Мсть Америке</p>

14.	Трагедия Америки – <i>Без комментариев, все и так понятно.</i>
15.	Трагедия Америки (<i>мир-то все-таки остался</i>).
16.	Всемирная катастрофа
17.	Трагедия Америки // <i>Я сочувствую.</i>
18.	<p>Всемирная катастрофа // <i>Трагедия приняла глобальный масштаб (погибло очень много человек), а проблема терроризма – это проблема мирового масштаба. Америка выступила неким «козлом отпущения», т.к. погибшие люди не были прямо связаны с политикой, и эта смерть была для них незаслуженной.</i></p> <p>Трагедия Америки</p>
19.	<p>Трагедия Америки // <i>Трагедия нации и огромного числа людей в частности.</i></p> <p>Мсть Америке (<i>возможно</i>).</p>
20.	<p>Всемирная катастрофа</p> <p>Угроза цивилизации</p>
21.	Мсть Америке
22.	<p>Мсть Америке</p> <p>Справедливое возмездие</p>
23.	<p>Позор Америки</p> <p>Мсть Америке</p>
24.	<p><u>Всемирная катастрофа</u></p> <p>Угроза цивилизации</p> <p>Трагедия Америки</p> <p>Мсть Америке</p>
25.	<i>Не согласна, потому что это слишком утрировано.</i>
26.	Трагедия Америки

27.	Угроза цивилизации Трагедия Америки Мечь Америке
28.	Всемирная катастрофа Мечь Америке
29.	Всемирная катастрофа Трагедия Америки // <i>Любое проявление насилия на международном уровне – это и трагедия, и катастрофа, касающаяся всех, т.к. подобное может повториться и в конце концов привести к Третьей Мировой.</i>
30.	Мечь Америке Справедливое возмездие
31.	Трагедия Америки Позор Америки Мечь Америке Справедливое возмездие
32.	<u>Справедливое возмездие</u>
33.	Трагедия Америки
34.	Угроза цивилизации // <i>т.к. теракт – это вызов власти вообще (а не Америке и России). Современный мир интегрируется в единое целое мировое сообщество → появляется <u>внутренний враг</u> (мир почему-то не может существовать без врага). Теракты – это борьба за власть (хотя бы над умами и душами людей) между <u>центром</u> Мира и его аутсайдерами.</i>
35.	Трагедия Америки // <i>потому что пострадал только один народ, хотя, безусловно, горе американского народа заслуживало того сочувствия и сострадания, которое проявили жители всей земли.</i>

36.	Всемирная катастрофа // <i>Остановить можно, только объединив усилия всех государств.</i>
37.	Всемирная катастрофа Угроза цивилизации Трагедия Америки Мечь Америке

Диаграмма 3. Интерпретация респондентами фрагмента 1 («Теракт в Америке»)

...При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем...

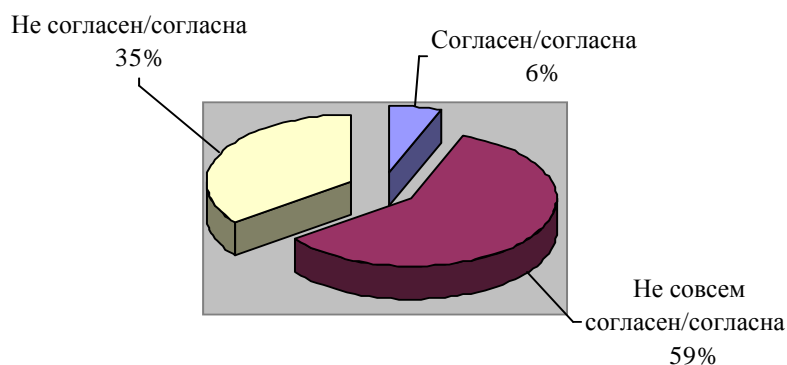

Диаграмма 4. Интерпретация респондентами фрагмента 2 («Теракт в Америке»)

...Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их никому... Россия слабеет, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза...

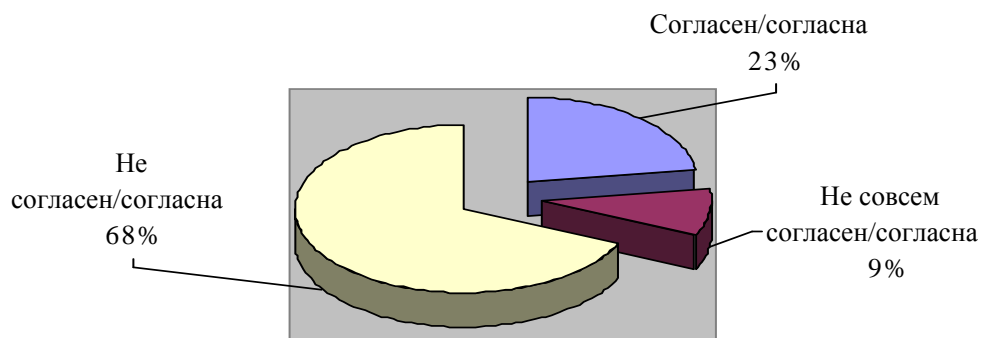

Таблица к диаграммам 3-4. Ответы-интерпретации участников опроса («Теракт в Америке»).

Участ- ник опроса	Фрагменты текстов	
	1.	2.
	<i>...При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем...</i>	<i>Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их некому... Россия слабеет, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза...</i>
1.	<i>Не совсем согласна, т. к. угроза войны существовала между сверхдержавами.</i>	<i>Несогласная. Верю в Россию. И на мой взгляд влияние перераспределяется, т. е. «Ковбойские наскоки» уже не актуальны.</i>
5.	<i>Спокойной – нет. Не те слова. Они знали, травят вдвоем. А теперь они одни и им нужно бояться и всех и себя.</i>	<i>Да, Россия еще долго будет не в счет. Восток слишком слаб, Европа согласна с политикой США и у Европы нет вооруженных сил.</i>
6.	<i>И находимся в состоянии постоянной боевой готовности.</i>	<i>Возможно и так. Но, по-моему, сейчас в Европе, а тем более в России, царят антиамериканские настроения.</i>

7.	<i>СССР и США постоянно бы находились в состоянии борьбы. Не известно чем бы это кончилось.</i>	Не согласна. Мне кажется правильным, что СССР распались. Конечно же сразу наладиться все не может, на то нужно время.
9.	В какой-то степени это так. Но Советский Союз – это не идеальная модель власти над миром.	Советский Союз тут вообще ни причем. Это исключительно Американское дело.
10.	Нет, мир не был под контролем, а Америка играла с СССР в холодную войну.	Нет, не развал СССР виноват, а отношение сверхдержав к проблеме.
11.	Контроль, это да, но о спокойствие речи не шло.	Вечные шовинистские комплексы, капали с дешевой ностальгией и политической аффектацией. Не согласен.
12.	Америка не чувствовала себя спокойной, как и не чувствует сейчас, и, наверное, не будет чувствовать никогда. Ей этого не надо. Ей вечно не сидится на месте.	Россия слаба не из-за развала Советского Союза, а по другим причинам.
14.	Это не верно. Америка могла спокойствие до тех пор, пока не стала вступать в чужие дела, она сейчас слишком вошла в роль «карающей десницы»	Я считаю, что это утверждение не совсем верно. Да, Россия ослаблена, но у нее огромный потенциал. Развалить такую державе невозможно.

	<i>или «голубя мира»; это как угодно.</i>	
19.	<i>Сомневаюсь, что Америка может быть спокойной, имея равного по силам соперника, даже скрытого.</i>	<i>Возможно Россия еще восстановит свои силы, если захочет.</i>
3.	-	<i>Но это к лучшему. Россия еще будет сильным демократическим государством.</i>
8.	-	<i>Россия еще поднимется, может быть.</i>
15.	-	<i>Россия в счет: это всего лишь урок. Отношения с бывшими государствами хоть и не теплые, но нормальные.</i>
18.	-	<i>Не согласна. Мне кажется, что при СССР республики не имели таких возможностей, как сейчас.</i>
23.	-	<i>Нет, не согласна. Считаю, что Россия потенциально сильная страна и имеет большой авторитет на международной арене.</i>
25.	<i>Не согласна потому, что Америка могла бо-</i>	<i>Не согласна потому, что есть и другие уроны</i>

	<i>яться, что мы скинем на них бомбу.</i>	<i>от распада СССР.</i>
26.	-	<i>Россия, скорее всего, к сожалению, действительно не в счет. Но есть другие.</i>
27.	<i>Согласна, так как данное утверждение совпадает с личным.</i>	<i>Нет. Слишком самоуверенное и критичное замечание.</i>
28.	<i>Не согласна, так как спокойствия все равно не было. Было, скорее, постоянное опасение.</i>	<i>Урок не только в этом отношении, хотя не считаю, что СССР останавливал все «индейские наскоки».</i>
29.	<i>Пожалуй, не Америка могла чувствовать себя спокойной, а весь «остальной» мир.</i>	<i>Во-первых, Россия не ослаблена на столько, чтобы в случае опасности за себя не постоять, во-вторых, в интересах всего мира, а не только России, будет при необходимости, что сделать, «остановить Америку». Россия не панацея от панамериканцев.</i>
30.	<i>Вероятно. Но мне кажется, что Америка всегда выпячивалась вперед.</i>	<i>Я считаю, что на всякую силу найдется еще большая сила. Америка править миром не будет, и ей уже об этом намекнули. Что касается России,</i>

		<i>то Россия ленива, а Советский Союз не был идеальным.</i>
31.	<i>Не совсем так. Америка постоянно опасалась войны с СССР, так как это была единственная страна, которая могла оказать реальную угрозу США. На данный момент Россия не имеет такого авторитета в мире.</i>	<i>Я не понимаю в чем вопрос. Россия ослабла не из-за развала СССР, а из-за не совсем умелой политики начального периода становления политики в России. За последние 10-лет распалось много стран (Югославия, Чехословакия...) и каждая из них развивается, а некоторые процветают по-своему, не копируя чью-то политику. Вот в чем развал...</i>
34.	<i>Теракт-это борьба за власть (хотя бы над умом и думами людей) между центром мира и его аутсайдерами.</i>	-
35.	<i>Нет реальных факторов, позволяющих доказать, что сила двух «Сверхдержав» не была подвержена угрозам со стороны Востока.</i>	<i>Россия не ослаблена, а просто «не в счет». Россия выпала из времени, из синхронного мирового ритма.</i>

Диаграмма 5. Интерпретация фрагмента 3 («Теракт в Америке»)

...Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов...

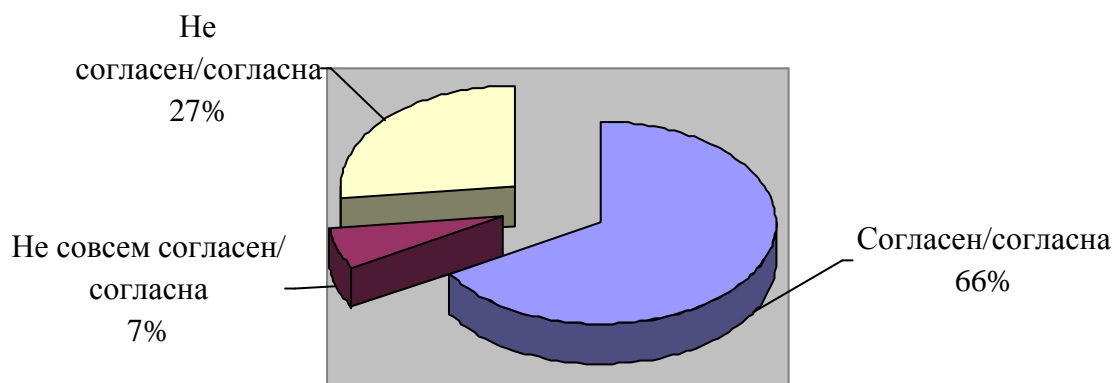

Диаграмма 6. Интерпретация фрагмента 4 («Теракт в Америке»)

...США стали жертвой самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам...

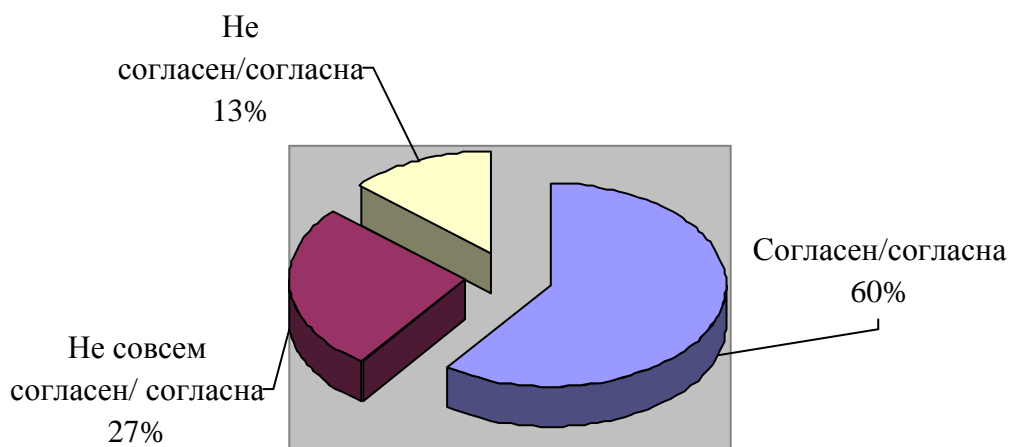

Таблица к диаграммам 5-6. Ответы-интерпретации участников опроса («Теракт в Америке»)

Участ- ник опроса	Фрагменты текстов	
	3	4
	Террористы сумели подготовить крупно-масштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов	США стали жертвой самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам
1.	<i>Да. Все было хорошо организовано.</i>	<i>С этим суждением в какой-то степени согласна.</i>
2.	<i>Да.</i>	<i>Согласна, т. к. именно так все и происходит.</i>
3.	<i>Провести теракт локально легче, чем проследить за тем, чтоб этого не случилось.</i>	<i>Согласен, т. к. их политика способствовала этому.</i>
4.	<i>Согласна.</i>	<i>Согласна.</i>
5.	<i>История говорит, что ДА! Что-то сумели, что-то подготовили.</i>	<i>В частности к Востоку. Восток – дело тонкое. Не нужно янки туда со своими уставами.</i>

6.	<i>Сумели, и что? В Москве террористы тоже сумели подготовиться.</i>	<i>Верно в следующем контексте: Просто мир поделен неравно: богатых слишком мало, а бедных слишком много. «Злые бедные» перестают ценить что-либо, даже свою собственную жизнь.</i>
7.	<i>Согласна. Они бесстрашны, т. к. религиозные фанаты.</i>	<i>Отчасти согласна. США любит диктовать свои правила. (Сейчас пример - Ирак)</i>
8.	<i>А террористы ли это подготовили?</i>	<i>Да, почти весь мир ненавидит Америку.</i>
9.	<i>Да</i>	<i>Может быть, но не только. США – все-таки жертва</i>
10.	<i>Да, если их никто не собирается атаковать или пресекать их действия. (Касается США)</i>	<i>Согласен, так оно и есть, вот только сочувствую мирным американским гражданам, не разделяющим позицию их президентов.</i>
11.	<i>Согласен. Менеджмент гениальный, хотя и цель не очень...</i>	<i>Согласен.</i>
12.	<i>Это верно.</i>	<i>Я согласна с этим. Почему? Да потому, что так оно и есть.</i>
13.	<i>Да. Очевидно, что подготовка операции дли-</i>	<i>Да, но – моему США считает себя сверхдер-</i>

	<i>лась не один день, у захватчиков была четкая цель, которой они достигли, продумав все до последней мелочи.</i>	<i>жавой. Даже после 11 сентября они предложили всем странам выбор: либо вы с нами, либо вы против нас.</i>
14.	<i>Да, спору нет.</i>	<i>Абсолютно согласна.</i>
15.	<i>Да. Подготовлено и продуманно.</i>	<i>Возможно, но эта идея характерна для самой культуры США: сделай себя сам.</i>
16.	-	-
17.	-	-
18.	<i>Согласна.</i>	<i>Не согласна.</i>
19.	<i>Согласен, потому, что хотел этого и верил в это.</i>	<i>Отчасти.</i>
20.	<i>Скорее согласна. Но это даже не заговор, а просто... последовательное поражение.</i>	<i>Скорее да. Монополисты вообще редко принимают во внимание интересы других.</i>
21.	-	<i>Я считаю это высказывание справедливым, поскольку считаю США чересчур амбициозной страной. Новые сверхдержавы – это не то, что сейчас нужно миру.</i>

22.	<i>Да.</i>	<i>Да.</i>
23.	<i>Не совсем так.</i>	<i>Я согласна, хотя простые обыватели, на мой взгляд здесь не причем.</i>
24.	<i>Слово «бесстрашно» в этом контексте не уместно (Речь все же идет о террористах, а не о героях)</i>	+
25.	<i>Согласна. Это факт, они смогли подготовить заговор.</i>	<i>Согласна, потому, что США всегда себе позволяли не считаться с мнением мира, как большинство стран ООН.</i>
26.	<i>Да.</i>	<i>Да, возможно им решили отомстить.</i>
27.	<i>Да, согласна. Я придерживаюсь такого же мнения.</i>	<i>Нет, не согласна, т. к. в этом утверждении дана резкая оценка всех людей, живущих на территории США, хотя большинство жителей США не имеют никакого отношения к теракту.</i>
28.	<i>Любая держава на данный момент под угрозой. «Возмездие» террористов понятие очень сложное и не объяснимое.</i>	<i>«Самоуверенность и высокомерие» присуще США, но в этом ее сила.</i>

29.	<i>Согласна, что великая держава оказалась бессильна предотвратить что-либо. Но можно ли это считать возмездием?</i>	<i>Не согласна. Скорее США стали жертвой своей агрессивной и не в меру экстенсивной политики. Такими абстрактными понятиями как «самоуверенность», «высокомерие» нельзя мотивировать конкурентные политические действия целой страны.</i>
30.	<i>Если террористы что-то и готовили, не думаю, что их затея реализовалась на 100%. Будь я на их месте, я бы еще что-нибудь вытворила, но не взрывом.</i>	<i>Безусловно, слишком близко подлетели к солнцу, вот и подпалили свои крылья.</i>
31.	<i>Невозможно подготовить эти теракты, чтобы об этом не было известно спецслужбам (ЦРУ, ФСБ и т. д.), значит, кому-то это было выгодно. «Бесстрашно» - дураков-камикадзе можно найти везде, и здесь нечем восхищаться.</i>	<i>Возможно.</i>
32.	-	<i>Да.</i>
33.	-	-

34.	-	-
35.	<i>Великая держава оказалась перед силой безумия, а не возмездия, как выяснилось, бессильной.</i>	<i>Да, особенно по отношению к странам Востока.</i>
36.	<i>Нет.</i>	<i>Да.</i>
37.	<i>Согласен.</i>	<i>Согласен.</i>

Диаграмма 7. Интерпретация фрагмента 1 ("Теракт на Дубровке")

...Мавсар Басаев ...- порождение Ельцина – Путина... Отмороженные смертницы Фатима, Раиса, Зара... их сделало ельцинское время...

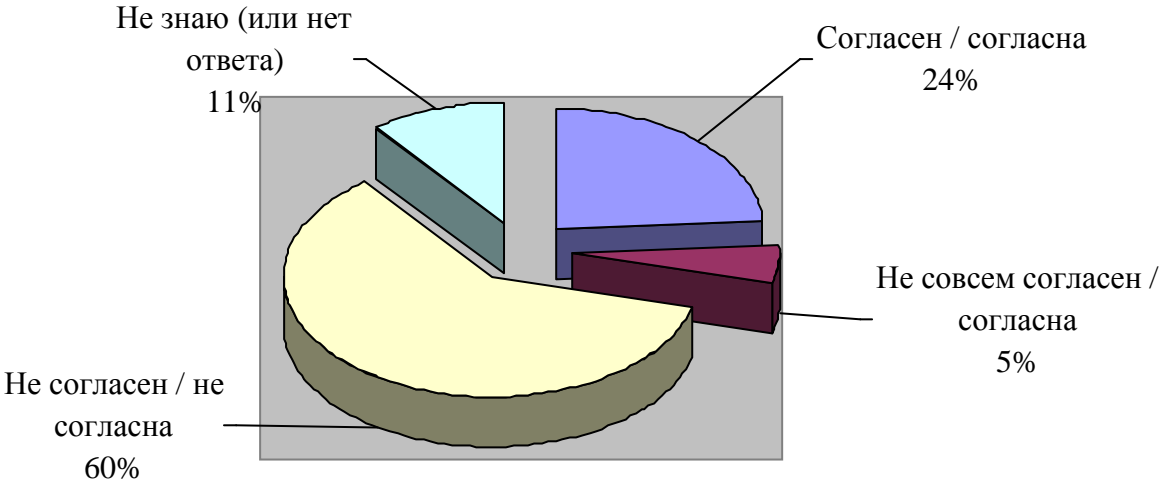

Диаграмма 8. Интерпретация фрагмента 2 ("Теракт на Дубровке

...Ельцин: его режим вскормил русской кровью чудовище террора...

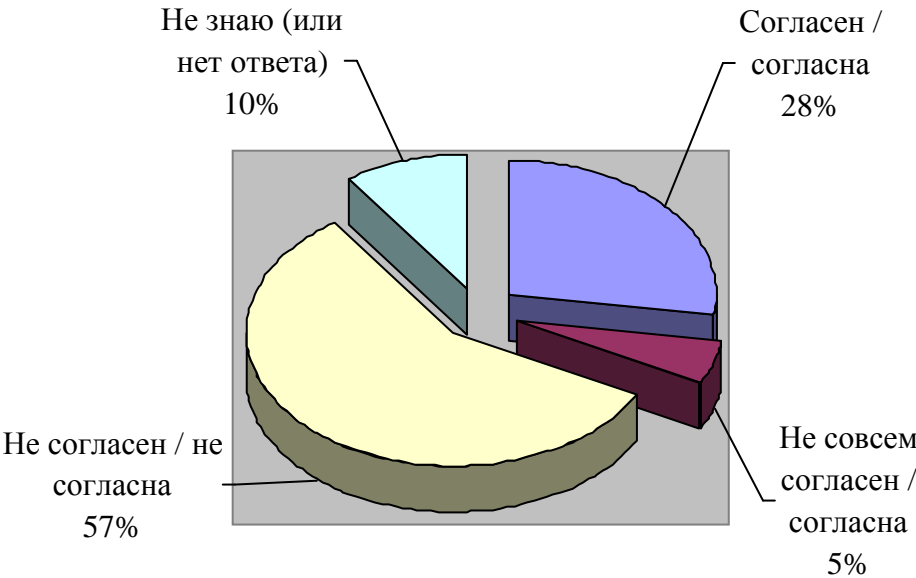

Таблица к диаграммам 7-8. Ответы-комментарии участников опроса («Теракт на Дубровке»)

Уча- стник опроса	Фрагменты текстов	
	1.	2.
		<i>...Мавсар Басаев ...– порождение Ельцина – Путина... Отмороженные смертницы Фатима, Раиса, Зара... их сделало ельцинское время...</i>
40.	<i>Не разделяю</i>	<i>Что-то в этом есть, доля правды, Ельцин виноват в чеченской войне</i>
41.	<i>Разделяю</i>	<i>Разделяю</i>
42.	<i>Разделяю</i>	<i>Разделяю</i>
46.	+	
47.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
50.		<i>Не совсем</i>
51.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>

52.	<i>Нет</i>	<i>Нет, не разделяю</i>
53.		+
54.	<i>Да</i>	
55.	<i>На 70 %</i>	<i>Нет</i>
56.		<i>В этом есть доля правды</i>
57.	<i>Не «сделало», а скорее подтолкнуло</i>	<i>Не разделяю</i>
59.	<i>Нет. Ельцина в данном случае используют в качестве «козла отпущения». Он уже вне политики ⌘ о нем пора забыть. Надо думать о настоящем, нежели копаться в ошибках прошлого.</i>	<i>Нет</i>
60.		+
61.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
64.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
67.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
68.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
69.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
70.	<i>Нет</i>	<i>Да</i>

71.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
72.	<i>Нет</i>	<i>Да</i>
73.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
74.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
76.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
77.	<i>Да</i>	
78.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
79.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
80.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
81.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
83.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
84.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
85.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
86.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
87.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
88.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>

89.	<i><Нет></i>	<i><Нет> Причиной теракта является террорист</i>
90.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
91.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
92.	<i>Нет</i>	
93.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
94.	<i><Нет> Их сделало время. <u>Но</u> не думаю, что это персональная вина Ельцина. Тем более Путина.</i>	<i>Не думаю, что это персональная вина Ельцина</i>
95.	<i>Считаю, что доля вины Ельцина как президента в возникновении чеченского конфликта и его конкретных проявлений велика. Но есть и объективные исторические причины событий, в которых приходилось действовать и Ельцину, и Путину.</i>	<i>По-моему, заинтересованность высших эшелонов власти в войне с Чечней очевидна. И Ельцин в стороне не мог остаться.</i>
96.	<i>Согласна</i>	<i>Не согласна</i>
97.	<i>Согласен</i>	<i>Согласен</i>
98.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
99.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>

100.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
101.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
102.	<i>Не согласен</i>	<i>Не согласен</i>
103.	<i>Не разделяю</i>	<i>Не разделяю</i>
104.	<i>Не разделяю</i>	<i>Не разделяю</i>
105.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
106.	<i>Да, правительство ведет войну, а гибнут обыкновенные люди.</i>	<i>Именно Ельцин затеял всю эту войну.</i>
107.	<i>Не разделяю</i>	<i>Не разделяю</i>
108.	<i>Да, потому что все, происходящее в стране, зависит от руководства этой страны.</i>	<i>Не знаю, не понимаю это высказывание.</i>
109.	<i>Нет, я думаю, что виноваты все: президент, общество, социальные институты.</i>	<i>Нет</i>
110.	<i>Не разделяю</i>	<i>Не разделяю</i>
111.	<i>Нет</i>	<i>Не разделяю, это могло произойти при любом другом правителе</i>
112.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>

113.	<i>Разделяю, это так и есть</i>	<i>Нет</i>
114.	<i>Не знаю</i>	<i>Не знаю</i>
115.	<i>Возможно, но истину я все равно знать не могу</i>	<i>Возможно, но истину я все равно знать не могу</i>
116.	<i>Нет, террористы распространяются и живут независимо от Ельцина или Путина.</i>	<i>Нет ... (см. ответ 1)</i>
117.	<i>Да / потому что Ельцин много врал простому народу и потакал террористам. Он позволил боевикам чувствовать себя очень уверенно.</i>	<i>Да (см. ответ 1)</i>
118.	<i>Не разделяю ни одно, т.к. считаю по-другому</i>	<i>Не разделяю (см. ответ 1)</i>
119.	<i>Не разделяю ни одно утверждение</i>	<i>Не разделяю</i>
120.	<i>Согласен, т.к. война в Чечне началась при нем, хотя он мог ее предотвратить. Он устроил беспредел в России.</i>	<i>Согласен (см. ответ 1)</i>
121.	<i>Нет, потому что это не так</i>	<i>Не знаю, не интересовался политикой</i>

122.	<i>Нет, Ельцин-Путин в этом не виноваты, также как и ельцинское время. Эти люди (М.Б., Фатима, Раиса, Зара) – неизбежные язвы общества, которые рано или поздно должны были проявиться, а та политика, которую вел Ельцин лишь ускорила ситуацию.</i>	<i>Нет</i> (см. ответ 1)
123.	<i>Да, ни при Сталине, ни при Брежневеве такого не было, а при Ельцине началось.</i>	<i>Да, именно он дал возможность террористам хозяйничать на нашей земле.</i>
126.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
127.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
128.		+
130.	<i>Да</i>	
131.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
132.	<i>Не разделяю. Такие люди есть и были всегда.</i>	<i>Нет</i>
133.	<i>Нет, не разделяю / Ельцин и Путин в этом не виноваты.</i>	<i>Нет</i>
134.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>

135.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
136.	<i>< Нет > Узко. Если это есть – значит кому-то это нужно. Президент – лицо, а не всегда, к сожалению, руки команды, которая рядом.</i>	<i>Не согласен. Оставьте в покое пока живого человека. С мусульманством нужно уметь общаться. К сожалению, во время правления Ельцина, рядом таких не оказалось или были те, кто очень выгодно использовал этот факт.</i>
137.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
138.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
139.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
140.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
141.		+
142.		+
143.	<i>Не согласна</i>	<i>Не согласна</i>
144.	<i><Да> так как Ельцин развязал I Чеченскую компанию.</i>	+
145.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
146.		<i>Да</i>

147	<i>Не разделяю оба</i>	<i>Не разделяю оба</i>
148.	<i>Не разделяю</i>	<i>Не разделяю</i>
150.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
152.	<i>Не согласен</i>	<i>Не согласен</i>
154.	<i><Нет> Голодные жители бедных стран, возвращенные на терр. базах США и финансируемые Западными толстосумами...</i>	
155.	<i>Не разделяю эти утверждения</i>	<i>Не разделяю эти утверждения</i>
156.	<i>Теракты существовали всегда, поэтому такое утверждение ошибочно.</i>	
157.	Нет	<i>Нет, т.к. терроризм это проблема не только России, но всего мира.</i>
158.	<i>Не разделяю</i>	<i>Не разделяю</i>
159.	<i>Да</i>	<i>Нет</i>
160.	<i>Абсолютно не согласна</i>	<i>Нет, не согласна</i>
161.	<i>Не разделяю</i>	<i>Нет</i>
162.	<i>Не разделяю</i>	<i>Нет</i>

163.		+
167.		+
174.	<i>Согласен</i>	<i>Согласен</i>
176.	<i>Не согласна</i>	
177.	<i>Не согласна ни с одной причиной</i>	<i>Не согласна</i>
178.	<i>Не согласна</i>	<i>Не согласна</i>
179.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
180.	<i>Не согласна</i>	<i>Не согласна</i>
181.	<i>Я так не считаю</i>	<i>Нет</i>
182.		<i>Так не считаю</i>
183.	<i><Нет> Их сделала вся история противостояния на Кавказе. Новый виток вечного конфликта. Значит нужны новые решения чеченской проблемы, новые. А пока одни говорят, а другие умирают. Мировой терроризм – это проблема глобализации.</i>	<i><Нет> Вообще весь народ участвовал в создании данной проблемы. Социальная пассивность и нежелание принимать проблемы страны на свой счет. Равнодушие.</i>

184.	<i>Нет, это объективные исторические моменты. Части целого. К 11 сентября в Нью-Йорке Ельцин же не имел отношения, значит и здесь проблема глубже.</i>	<i>Не согласна. Возможно, этот режим просто способствовал развитию теневых структур, по-добных терроризму международному и его российской части.</i>
185.	<i>Отрицаю полностью отношение деятельности Путина и проводимой им политикой к этим терактам.</i>	<i>Не Ельцин вскормил смертников.</i>
186.		+
187.	<i><Не совсем> Видимо, проследить связь руководства страны с процессами, которые стали более заметными и масштабными, можно. Надо отметить, что про акты такого плана во времена СССР как-то не было слышно. Но и 100-% вину нельзя присваивать кому-либо. В качестве яркого примера можно привести теракт сентября 2001 г. в Америке, которая все же не российская территория.</i>	<i><Не совсем> Почему-то во всеуслышание говорят о лидерстве в мировом масштабе в смысле террора про Аль-Каиду и Бен Ладена, и уничтожить все это окончательно не получается ни у кого на земле пока. Так что сказать однозначно про Ельцина указанное выше – есть преувеличение. Хотя Ельцина Б.Н. ангелом назвать тоже нельзя.</i>

188.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
189.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
190.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
191.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
192.	<i>Нет</i>	<i>Не совсем</i>
193.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
194.	<i>Да</i>	
195.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
196.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
197.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
198.	<i>Не разделяю</i>	<i>Нет</i>
199.	<i>Возможно, это верно</i>	<i>Нет и да</i>
200.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
201.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
202.	<i>Разделяю оба утверждения</i>	<i>Да</i>
204.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
205.	<i>Да</i>	

206.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
207.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
208.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
209.	<i>Скорее нет</i>	<i>Нет</i>
210.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
211.	<i>Возможно, политика Ельцина в чем-то ущемила эти народы</i>	
212.	<i>Я не компетентна в этом вопросе</i>	<i>Нет</i>
213.	<i>Нет, не разделяю</i>	<i>Нет, не разделяю</i>
214.	<i>Не согласна</i>	<i>Не согласна</i>
215.	<i>Нет</i>	<i>Не знаю</i>
216.	<i>Не разделяю</i>	<i>Не разделяю</i>
217.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
219.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
220.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
222.	<i>Да</i>	<i>Нет</i>
223.		<i>Да</i>

224.	<i>Разделяю</i>	
225.		<i>Я считаю, что именно режим Ельцина стал основной причиной подобных трагедий.</i>
226.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
227.	<i><Не совсем>Порождение Ельцина</i>	<i>Я согласна</i>
228.	<i>Нет, не разделяю</i>	<i>Нет, не разделяю</i>
229.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
230.	<i>Не знаю, все сложнее</i>	<i>Нет</i>
231.	<i>Нет</i>	<i>Да</i>
232.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
233.	<i>Нет, не разделяю</i>	<i>Нет</i>
234.		<i>Да</i>
235.	<i>Нет, не согласна</i>	<i>Да, согласна</i>
236.	<i>Нет</i>	
237.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
238.	<i>Не согласна</i>	<i>Не согласна</i>
239.	<i>Не разделяю</i>	

240.		Да
241.	<i>Согласна</i>	Согласна
242.	<i>Нет</i>	Нет
243.	<i>Нет, т.к. на Кавказе всегда было неста- бильно</i>	Нет
244.	<i>Отчасти</i>	Отчасти

Диаграмма 9. Ответ участников опроса на вопрос В («Теракт на Дубровке»)

Как Вы считаете, кто виноват в гибели заложников?														
Террористы	Правительство, власть, политика	Руководители спецоперации	Спецслужбы, система безопасности	Правоохранительные органы	Ельцин	Путин	Судьба	Заложники	Несовершенство системы	Спецназ спасатели	Все вместе	Никто	Обстоятельства	Не знаю
29 %	12 %	15 %	3 %	5 %	1 %	0 %	2 %	1 %	2 %	4 %	2 %	5 %	7 %	12 %

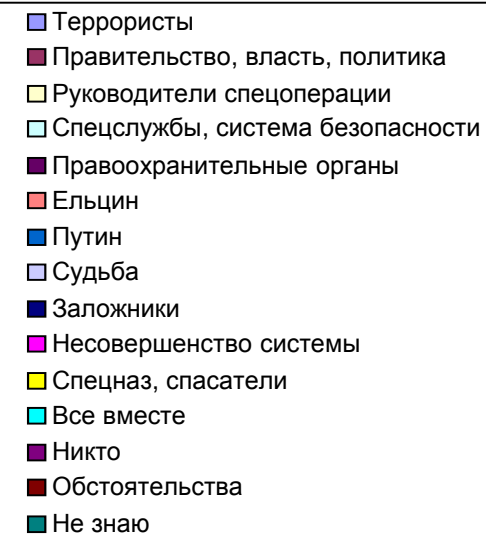
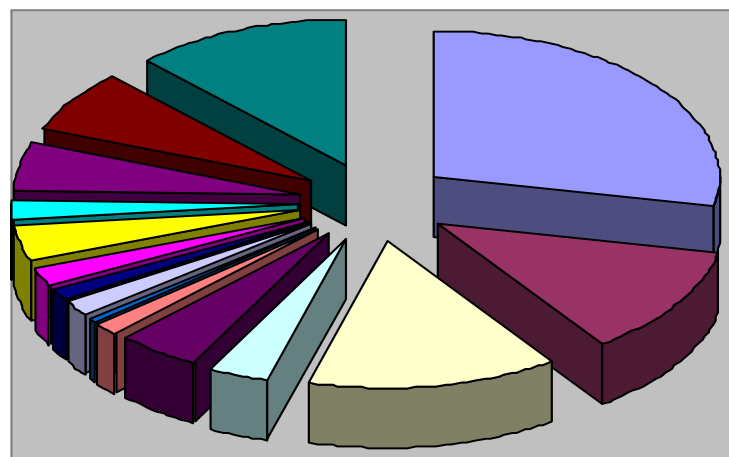

Таблица к диаграммам 10 и 9 (по материалам опроса)

Участник опроса	Террористический акт – это...	Кто виноват в гибели заложников?
Вопрос	10.	9.
40.	Месть России	<i>Сами заложники.</i>
41.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
42.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Плохая организация медицинской помощи.</i>
43.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Затрудняюсь ответить.</i>
44.	Удар для всего общества	<i>Не знаю.</i>
45.	Трагедия России	–
46.	Трагедия России	<i>Не знаю.</i>
47.	Удар для всего общества	<i>Правительство.</i>
48.	Трагедия России	<i>Плохая организация медработников.</i>
49.	Месть России	<i>Не знаю.</i>

50.	Позор России	–
51.	Трагедия России	<i>Тот, кто выбрал для использования этот газ и тот, кто плохо организовал медпомощь.</i>
52.	Трагедия России	<i>Тот, кто разрешил использовать газ, из-за которого погибли люди.</i>
53.	Позор России	<i>Никто.</i>
54.	Трагедия России Позор России	<i>Правительство.</i>
55.	Позор России	<i>Правительство</i>
56.	Удар для всего общества	<i>Не зная всех обстоятельств, трудно судить, искать виноватых.</i>
57.	Трагедия России	<i>Плохая подготовка операции —> тот, кто за это отвечал.</i>
58.	Трагедия России	<i>В гибели заложников, я думаю, виноваты некомпетентные действия силовых структур плюс их непрофессиональность.</i>
59.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>

	Удар для всего общества	
60.	Удар для всего общества	<i>Террористы. Судьба.</i>
61.	Трагедия России	<i>Непродуманное спасение и не вовремя оказанная помощь.</i>
62.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
63.	Трагедия России	<i>Террористы</i>
64.	Удар для всего общества	–
65.	Трагедия России	–
66.	Удар для всего общества	<i>Слабое правительство, милиция.</i>
67.	Удар для всего общества	<i>Террористы и наша власть.</i>
68.	Трагедия России Позор России	<i>Верхушка власти.</i>
69.	Позор России Удар для всего общества	<i>Руководители спецоперации.</i>
70.	Удар для всего общества	<i>Террористы и спецназ.</i>
71.	Трагедия России	<i>В гибели заложников виноваты террористы.</i>

72.	Трагедия России	–
73.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
74.	Удар для всего общества	<i>Генералы, политики.</i>
75.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
76.	Удар для всего общества	<i>Штурмовики и террористы.</i>
77.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
78.	Позор России	<i>Сами виноваты.</i>
79.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
80.	Трагедия России + Позор президенту	<i>Несовершенство системы.</i>
81.	Удар для всего общества	<i>Те, кто на верху.</i>
82.	Трагедия России Мечь России	<i>Государство.</i>
83.	Удар для всего общества	–
84.	Удар для всего общества	<i>Все вместе.</i>
85.	Трагедия России	<i>Российский уклад (жизненный).</i>
86.	Удар для всего общества	<i>Трудно ответить, потому что виноваты очень</i>

		<i>многие.</i>
87.	Нет	<i>Террористы. Отчасти и спасатели – из-за несогласованности действий.</i>
88.	Удар для всего общества	<i>Россия.</i>
89.	Позор России	<i>В гибели заложников виноват президент В.В. Путин.</i>
90.	Мечь России	<i>Автор освободительной операции и человек, отдавший приказание на ее реализацию.</i>
91.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
92.	Удар для всего общества	<i>Штурмовавшие и захватчики.</i>
93.	Трагедия России <i>Позор России</i> Удар для всего общества	–
94.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Как кто? Террористы. Терроризм как таковой даже.</i>
95.	Трагедия России <i>Мечь России</i>	<i>Террористы.</i>

96.	Мечь России	<i>Спецслужбы и МЧС России.</i>
97.	Трагедия России	<i>Террористы, которые применили газ.</i>
98.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
99.	Удар для всего общества	<i>Спецслужбы России.</i>
100.	Трагедия России	<i>Плохая работа ОВД, не было должного контроля со стороны руководства.</i>
101.	Удар для всего общества	<i>МЧС.</i>
102.	Трагедия России	<i>1. Правоохранительные органы, в обязанность которых входит раскрыть данное преступление на стадии его подготовки к покушению. 2. Службы, не сумевшие организовать необходимую помощь пострадавшим.</i>
103.	Удар для всего общества	<i>МЧС России.</i>
104.	Позор России	<i>Спецназ.</i>
105.	Трагедия России Позор России	<i>Координаторы операции по освобождению заложников.</i>
106.	Трагедия России	<i>Правительство.</i>

	Удар для всего общества	
107.	Позор России	<i>Террористы.</i>
108.	Удар для всего общества	<i>Правительство.</i>
109.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Никто.</i>
110.	Трагедия России	<i>Обстоятельства.</i>
111.	Позор России	<i>Никто.</i>
112.	Позор России	<i>Не знаю, сами заложники.</i>
113.	Мечь России	<i>Все виноваты: террористы, заложники, штурмовики.</i>
114.	Позор России Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
115 ⁷⁴ .	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
116.	Трагедия России	<i>Никто, случай.</i>
117.	Трагедия России	<i>Только террористы и Ельцин, который помогал террористам.</i>

⁷⁴ На вопрос о том, какие газетные издания Вы предпочитаете, данный участник опроса ответил: «Газет не читаю».

118.	Удар для всего общества	<i>Те, кто проводили спасательные операции.</i>
119.	Трагедия России	<i>Никто.</i>
120.	Позор России Мечь России	<i>Правительство.</i>
121.	Мечь России	<i>Наверное, правительство.</i>
122.	Трагедия России Мечь России Удар для всего общества	<i>Случай и те, кто их взял в заложники.</i>
123.	Трагедия России	<i>Ельцин.</i>
124.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
125.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Обстоятельства, сложившиеся при штурме.</i>
126.	Трагедия России	<i>Не знаю.</i>
127.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Затрудняюсь ответить однозначно.</i>
128.	Удар для всего общества	–

129.	Трагедия России	<i>Обстоятельства.</i>
130.	Мечь России	<i>Террористы.</i>
131.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
132.	Трагедия России Удар для всего общества Мечь России (согласна отчасти)	<i>Организаторы операции по освобождению заложников; террористы.</i>
133.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
134.	Трагедия России	<i>Ситуация.</i>
135.	Позор России	<i>Безответственность.</i>
136.	Трагедия России	<i>ЭТИ (те, кто очень <u>выгодно</u> использовал этот факт и менты, потому что ленивые, тупые / на работу к ним можно устроиться с образованием 8 классов + ПТУ любое + армия /, а иногда и в доле.</i>
137.	Позор России	<i>Власть.</i>
138.	Трагедия России	<i>Конкретные органы (МВД, ФСБ), осуществляющие надзор.</i>
139.	Трагедия России	<i>Некорректный вопрос.</i>

140.	Позор России	<i>Человеческий фактор!</i>
141.	Мечь России	<i>Не знаю, надо видеть своими глазами, это была цена за жизни большинства.</i>
142.	Трагедия России	<i>Не знаю.</i>
143.	Удар для всего общества	<i>«Космос», судьба.</i>
144.	Трагедия России	<i>Террористы и отчасти штурмовики.</i>
145.	Трагедия России <i>Удар для всего общества</i>	<i>Не достаточная подготовка штурма.</i>
146.	Трагедия России	<i>Это неизвестно никому.</i>
147.	Трагедия России	<i>Спецназ.</i>
148.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
150.	Позор России	<i>Никто.</i>
151.	Трагедия России	–
152.	Трагедия России	<i>Террористы, неправильно проводилась операция захвата.</i>
153.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
154.	Позор России	<i>Система государственной безопасности (руково-</i>

		дство).
155.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Плохая подготовка спецназа.</i>
156.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Сложность проведения операции, большое количество заложников.</i>
157.	Удар для всего общества	<i>Плохо организованная система ОМОНа или вообще защиты населения, которое почему-то не готовят к нерядовым ситуациям.</i>
158.	Трагедия России	<i>Террористы и власть.</i>
159.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
160.	Трагедия России	<i>Халатное отношение наших (т.е. русских) «так называемых» охранников. «Докапываются, цепляются не к тем к кому надо.</i>
161.	Удар для всего общества	<i>Только террористы.</i>
162.	Трагедия России	<i>В данном случае, я думаю, что без жертв трудно было обойтись. Виноваты только террористы.</i>
163.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>

164.	Позор России	<i>Российская власть.</i>
165.	Удар для всего общества	<i>Никто. Трудно решить, т.к. виноваты могут быть все, смотря с каких позиций смотреть.</i>
166.	Трагедия России	<i>Все.</i>
167.	Трагедия России	<i>Чеченцы.</i>
168.	Мечь России	<i>Власть. Ничего не умеют делать.</i>
169.	Удар для всего общества	<i>Никто, такова судьба.</i>
170.	Позор России	<i>Органы власти.</i>
171.	Трагедия России	<i>Те, кто плохо охраняют границы России от чужих и опасных людей.</i>
172.	Позор России	<i>Никто не виноват. Виновата сама ситуация.</i>
173.	Удар для всего общества	<i>Наши органы власти.</i>
174.	Мечь России	<i>Стечение обстоятельств.</i>
175.	Трагедия России	<i>Затрудняюсь ответить.</i>
176.	Позор России	<i>Так сложилась данная ситуация.</i>
177.	Трагедия России	<i>Никто, все было сделано правильно, согласно ситуации.</i>

178.	Мечь России	<i>Противостояние религий.</i>
179.	Позор России Удар для всего общества	<i>Силовые органы.</i>
180.	Трагедия России	<i>Басаев</i>
181.	Трагедия России Позор России (<i>недостаточная безопасность</i>) Удар для всего общества (<i>да, это проявление экстремизма</i>)	<i>Террористы и нечеткое руководство операцией, не оперативность.</i>
182.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Те кто знал, какой газ был применен в театре и не подготовил к этому медиков, для того чтобы помощь оказывалась в соответствии с этим.</i>
183.	Трагедия России Позор России	<i>Те, кто отвечал за их транспортировку и не обеспечил надлежащего медобслуживания. Можно же было предположить тяжелое состояние – и подготовиться соответственно?</i>
184.	Трагедия России	<i>Те, кто не остановил машину с боевиками. Охрана, посты ДПС и др.</i>

185.	Считаю трагедией России	<i>Этот фанатизм не поддается разумному ответу.</i>
186.	Удар для всего общества	<i>Правительство г. Москвы и руководители штаба по освобождению заложников не сумевшие организовать своевременное оказание медицинской помощи.</i>
187.	Трагедия России	<i>Как нет худа без добра, скорее всего, нет и добра без изъяна. Напряжение, которое нависало над театральным комплексом давило и на представителей штаба освобождения заложников, не сумевших избежать жертв при применении спец. Средств. Может, поторопились при выборе средств, может, была передозировка, может было стянуто недостаточное количество машин Скорой...», не сделано подробно инструктажа с мед. Персоналом по ликвидации последствий отравления, не хватало необходимого оборудования и медикаментов. Виновны, по-моему, руководители города, силовых</i>

		<i>структур.</i>
188.	Мечь России	<i>Те, кто применил газ.</i>
189.	Удар для всего общества	<i>Международный терроризм.</i>
190.	Трагедия России	<i>Судьба.</i>
191.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Тот, кто изначально допустил теракт.</i>
192.	Трагедия России	<i>Те, кто спланировал эту операцию, несовершенство технич. части.</i>
193.	Удар для всего общества	<i>Правительство, внешняя политика России.</i>
194.	Трагедия России	<i>Упущения силовых служб.</i>
195.	Трагедия России	–
196.	Трагедия России	<i>Все.</i>
197.	Удар для всего общества	<i>Террористы! И только они.</i>
198.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
199.	Позор России	<i>В том, что произошло, виновна обыкновенная русская неорганизованность (неграмотно действовал</i>

		<i>штаб и мед. учреждения).</i>
200.	Трагедия России	<i>Беззаконие.</i>
201.	Позор России	<i>Безнаказанность террористов.</i>
202.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Так сложились обстоятельства.</i>
203.	Трагедия России	<i>Политика.</i>
204.	Трагедия России Позор России	<i>Так сложились обстоятельства.</i>
205.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Они являются жертвами обстоятельств.</i>
206.	Позор России	<i>Правительство.</i>
207.	Трагедия России Позор России	<i>Законодательство.</i>
208.	Трагедия России Позор России	<i>Государство.</i>
209.	Удар для всего общества (<i>скорее всего</i>)	<i>Виноваты террористы, но, возможно, если бы были проведены переговоры, – гибели можно было</i>

		<i>бы предотвратить.</i>
210.	Удар для всего общества	<i>Считаю, что необходимо было вести переговоры, а не штурмовать!</i>
211.	Трагедия России	<i>Логично, что террористы.</i>
212.	Удар для всего общества	<i>Не имею внутреннего права выдавать оценки.</i>
213.	Трагедия России	<i>Террористы, конечно!</i>
214.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
215.	Трагедия России	<i>Терроризм.</i>
216.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
217.	Позор России	<i>Террористы.</i>
218.	Трагедия России	<i>Правительство Москвы.</i>
219.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
220.	Позор России	<i>Ельцин со своим режимом.</i>
221.	Позор России	<i>Никто.</i>
222.	Удар для всего общества	<i>Главнокомандующие.</i>
223.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
224.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>

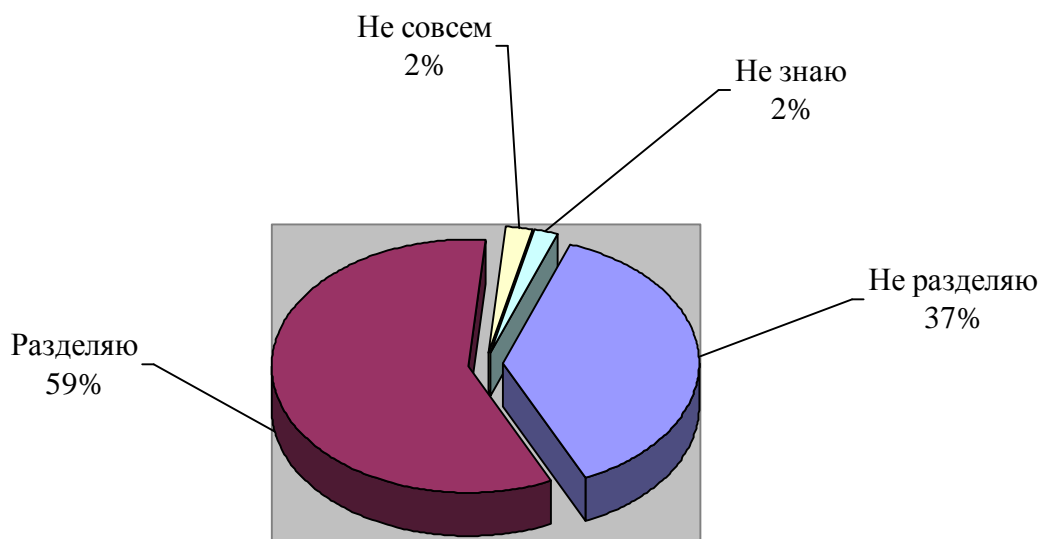
	<i>Удар для всего общества</i>	
225.	Месть России	<i>Террористы, т.к., по-моему, они начинали этот теракт с одной целью взбудоражить всю Россию, поднять панику среди населения. И еще одна причина показать слабость наших властей и вообще незащищенность России.</i>
226.	Месть России	<i>Бездействие властей: неоперативное реагирование медиков; те, кто стоял за террористами.</i>
227.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
228.	Трагедия России	<i>Властные структуры.</i>
229.	Удар для всего общества	<i>Все виноваты.</i>
230.	Удар для всего общества	<i>Никто.</i>
231.	Удар для всего общества	<i>Люди, захватившие «Норд-Ост».</i>
232.	Удар для всего общества	<i>Совокупность факторов: физиологический (время), психологический (шок), организационный (штурм).</i>
233.	Трагедия России	<i>Те, кто посчитали, что обеспечить секретность</i>

		<i>операции захвата намного важнее, чем предупредить медиков о том, какого рода действия им предстоит выполнить.</i>
234.	Позор России <i>Удар для всего общества</i>	<i>Я в политике мало что понимаю. Многого нам не говорят. Слушаешь одного политика – прав, слушаешь другого – тоже прав. А что на самом деле происходит, узнаешь бывает через много лет, и то на поверку оказывается, все было не так, как нам преподносили.</i>
235.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
236.	Трагедия России	<i>Террористы.</i>
237.	Трагедия России	<i>Не знаю.</i>
238.	Трагедия России <i>Позор России</i>	<i>Виноваты террористы.</i>
239.	Трагедия России	<i>Затрудняюсь ответить.</i>
240.	Трагедия России <i>Удар для всего общества</i>	<i>Так сложились обстоятельства</i>

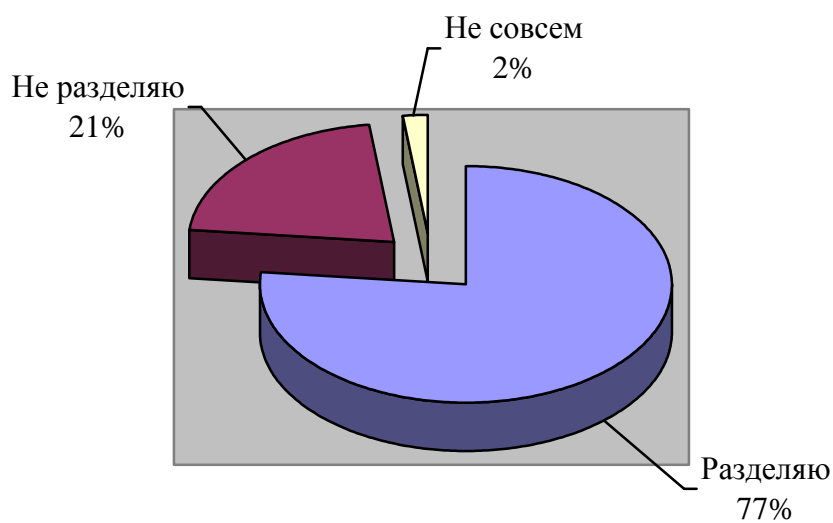
241.	Удар для всего общества	<i>Террористы.</i>
242.	Трагедия России	<i>Не оперативное реагирование медиков.</i>
243.	Трагедия России Удар для всего общества	<i>Террористы и те кто заказал эти акты.</i>
244.	Трагедия России Мечь России	<i>В первую очередь безусловно террористы, отчасти вина лежит на руководителях, разработчиках и координаторах операции по освобождению заложников. Ну уж точно не на исполнителях этой операции. Люди сделали все, что было в их силах.</i>

Диаграмма 11. Ответы на вопрос Б 1 («Теракт на Дубровке»)

...Двести вооруженных лучших в мире штурмовиков в России...

Диаграмма 12. Ответы на вопрос Б2 («Теракт на Дубровке»)

...Удалось почти невозможное...

**Таблица к диаграммам 11, 12. Ответ участников опроса
на вопрос Б («Теракт на Дубровке»)**

Участник опроса	Разделяете ли Вы следующие утверждения о спецназе, штурмовавшем театральный центр «На Дубровке»?	
	1) ... <i>Двести вооруженных лучших в мире штурмовиков в России...</i>	2) ... <i>Удалось почти невозможное...</i>
40.	<i>Нет</i>	<i>Да, я слышала это по телевизору, не думала, что это разрешится почти без жертв.</i>
41.		+
42.		+
43.		+
44.		+
45.		+
46.		+
48.		+
49.		+
51.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
52.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
53.		+
54.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
55.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
56.	<i>Не разделяю</i>	<i>Не разделяю</i>

57.	<i>Не разделяю</i>	<i>Не удалось</i>
58.		+
59.		<i>Они сделали все, что смогли, что приказывалось свыше.</i>
60.		+
61.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
64.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
65.		+
67.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
68.	<i>Да.</i>	<i>Нет</i>
69.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
70.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
71.		<i>Да</i>
72.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
73.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
74.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
75.		+
76.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
77.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
78.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
79.		+
80.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
81.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
82.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
83.		<i><Да> !</i>
84.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>

85.	<i>Нет</i>	<i>Да</i>
86.	<i>нет</i>	
87.	<i>Нет</i>	
88.	–	+
90.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
91.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
94.	<i>Нет</i>	<i>Да</i>
95.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
96.	<i>Согласна</i>	<i>Согласна</i>
97.	<i>Согласен</i>	<i>Не согласен</i>
98.		+
99.	<i>Да</i>	<i>Нет</i>
100.		+
101.		+
102.	<i>Согласен</i>	<i>Согласен</i>
104.	<i>Разделяю</i>	<i>Разделяю</i>
105.	<i>Да, потому что это так и есть.</i>	<i>Да</i>
106.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
107.	<i>Да, наши парни из спецназа просто молодцы.</i>	<i>Да, всем пришлось трудно.</i>
108.	<i>Нет, я не считаю, что это были лучшие штурмовики в России, а уж тем более в мире.</i>	<i>Нет, нельзя сказать, что это было невозможное.</i>

109.	<i>Разделяю</i>	<i>Разделяю, столько много сил приложили те, кто спасал заложников.</i>
112.	<i>Нет</i>	<i>Да, было много вооруженных террористов, штурмовики ничего не знали о том, что творится внутри и все равно освободили заложников.</i>
113.	<i>Нет, я не знаю, действительно ли они самые лучшие в мире.</i>	<i>Да, может быть, было много вооруженных террористов, но удалось освободить заложников</i>
114.	<i>Не знаю</i>	<i>Да, ребята молодцы</i>
115.	<i>Разделяю все высказывания и хочу добавить – очень жалко ребят, т.к. они рисковали своими жизнями, а ответственность за исход целиком лежит на них и кое-то сейчас ругает их за то, что были жертвы среди спасенных.</i>	<i>Да</i>
116.	<i>Да, потому что наши ребята молодцы, независимо от ситуации, от ее сложности они разрешили ее и сделали максимально возможное.</i>	<i>Да</i>

117.	<i>Да, п.ч. ребята сделали то, что было практически невозможно.</i>	<i>Да</i>
118.	<i>Разделяю</i>	<i>Разделяю</i>
119.	<i>Разделяю все, т.к. спецназ России самый подготовленный в мире. Количество жертв обусловлено их ослаблением. При другом варианте жертв могло быть больше.</i>	<i>Разделяю</i>
120.	<i>Не разделяю ни одного утверждения, т.к., применяя газ, они уничтожили очень много невинных людей, могли бы придумать что-либо другой для спасения людей.</i>	
121.	<i>Разделяю, т.к. наши парни лучшие в мире.</i>	<i>Наверное, так говорили по телевизору.</i>
122.	<i>Да, т.к. наш спецназ давно славится в мире. В экономике мы, конечно, можем отставать, но люди у нас – лучшие.</i>	<i>Да, т.к. все ожидали, что будет много жертв, возможно, даже все, находившиеся в здании.</i>
123.	<i>Да, ребята молодцы.</i>	<i>Нет, могли бы остаться живы все.</i>
124.		+
125.		+
126.	+	+
127.		+
128.		+

129.		+
130.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
131.	<i>Считаю, что их гораздо больше.</i>	<i>Да, т.к. потери, считаю, могли быть большими.</i>
132.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
133.	<i>Да</i>	<i>Разделяю</i>
134.		<i>Да</i>
135.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
136.		+
137.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
138.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
139.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
141.		+
142.		+
144.	+	+
146.		+
147.	<i>Не разделяю оба.</i>	<i>Не разделяю об.а</i>
148.		+
150.		<i><u>Удалось невозможное!</u></i>
151.		+
152.		<i><u>Удалось невозможное!</u></i>
153.		+
154.		+
155.		+
156.		+
157.		+
158.		+

159.	<i>Блестяще выполнили свое дело.</i>	<i>Да</i>
160.	<i>Нет, не согласна.</i>	<i>Не согласна</i>
161.	<i>Да, согласен.</i>	<i>Да, согласен</i>
162.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
165.		<i><u>Удалось невозможное!</u></i>
167.		<i>+</i>
168.		<i>+</i>
169.		<i>+</i>
172.		<i>+</i>
173.		<i>+</i>
177.		<i>+</i>
178.	<i>Согласна.</i>	<i>Согласна.</i>
179.	<i>Нет.</i>	<i>Нет.</i>
180.	<i>Согласна.</i>	<i>Согласна.</i>
181.	<i>Возможно.</i>	<i>Да.</i>
182.	<i>Многое непонятно, информация в прессе даже в период прямого репортажа была разноречивой. Удивляет несовпадение стратегии и тактики. В театр «подали» газ, а штурмовики шли в атаку без средств защиты органов дыхания.</i>	
183.	<i>У нас все лучшее – и балет, и космонавты, и террористы, и штурмовики. Но спокойней от этого не становится.</i>	<i>Согласна.</i>
184.	<i>Профессионалы</i>	<i>Да, но как всегда «вопреки», а не «благодаря».</i>

185.	<i>Считаю, что эти военнослужащие сделали многое для спасения людей, находящихся в этой экстремальной ситуации.</i>	<i>Да</i>
186.		<i>+</i>
187.		<i>Как известно, смертники имели большое количество взрывчатки, готовой к применению. В случае ее использования было бы жертв неизмеримо больше. Думаю, что приказ о нейтрализации террористов штурмовики выполнили эффективно, но пострадали мирные люди...</i>
188.	<i>Да</i>	<i>Нет</i>
189.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
190.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
191.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
192.	<i>Нет</i>	<i>Частично да.</i>
193.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
194.		<i>+</i>
196.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
197.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
198.	<i>Не согласна.</i>	<i>Много жертв.</i>

199.	<i>Может быть, они и лучшие, но можно было обойтись <u>Алой кровью</u>, хотя в том, что погибло слишком много человек, виновата обыкновенная русская неорганизованность (неграмотно действовал штаб и мед. учреждения).</i>	<i>Я так не считаю.</i>
200.		+
202.		+
203.		+
204.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
205.		<i>Да</i>
206.		<i>Да</i>
207.	<i>Да</i>	
208.		<i>Да</i>
209.		<i>Скорее всего.</i>
211.	<i>Естественно, выбрали лучших.</i>	
212.	<i>Некомпетентна, не владею полной необходимой информацией для обсуждения данного вопроса.</i>	
213.	<i>Да</i>	<i>Да!!!</i>
214ж		+
215.		+

216.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
217.	<i>Да</i>	
218.		+
219.		+
221.	+	
223.		+
224.		<i>Разделяю.</i>
225.		<i>Я соглашусь с данным утверждением, т.к., по-моему, надеяться было не на что и спецназу действительно удалось почти невозможное.</i>
226.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
227.		+
228.	<i>Нет, не разделяю.</i>	<i>Да, почти.</i>
229.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
230.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
231.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
232.	<i>Нет</i>	<i>Нет</i>
233.		<i>Частично, да..</i>
235.	<i>Да</i>	<i>Да</i>
237.		<i>Да</i>
238.		+
239.		+
240.		+
241.		+
242.	<i>Да</i>	<i>Да</i>

243.	<i>Да, т.к. у нас очень хорошие кадры.</i>	<i>Да, т.к. результат мог быть хуже.</i>
244.	<i>Сделали все, что было в их силах.</i>	

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Фрагмент комплексного лингвистического анализа текста.

**Лингвистический анализ текста пропагандистского содержания
«Азиатская саранча»**

Данный текст попал в поле зрения автора диссертационного исследования как объект лингвистической экспертизы на предмет наличия в нем призывов к разжиганию национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды (октябрь 2004 г.), в ходе которого ему предлагалось ответить на основной вопрос: Какова характеристика листовки в целом с точки зрения возможности/невозможности быть средством разжигания национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды?

С этой целью текст подвергся комплексному лингвистическому анализу, фрагменты которого представлены в данном тексте.

1. Интерпретационный анализ использовался для ответа на вопрос *Имеются ли в тексте призывы к осуществлению каких-либо враждебных действий по отношению к лицам какой-либо национальности?*

В листовке через текст и рисунок (вербально и невербально) представлена информация о группах лиц, объединенных по национальному и расовому признакам. Это китайцы и азиаты в целом, относящиеся к монголоидной расе. Текст строится таким образом, что хотя в нем в явной форме не сформулированы прямые призывы к осуществлению каких-либо враждебных действий по отношению к китайцам (нации-агрессору, по мысли автора), эти призывы легко извлекаются из представленных предложений на основе интерпретационного анализа. Интерпретационный анализ опирается на методи-

ку свертывания анализируемого текста до размеров минимального смысла и приемах перефразирования. Интерпретация позволяет установить смысл речевых и неречевых действий [Кубрякова, Демьянков и др., 1997, с. 31], ср.:

(1) перефразируя первое предложение, получаем следующий вариант интерпретации: «они (китайцы) пришли незваными, т.е. их не ждали, не желали, на них не рассчитывали (ср. известную русскую поговорку: «нежданный гость хуже татарина»);

(2) если нежданный и незванный человек чувствует на чужой территории себя как дома, значит он наглый, бессовестный, ему нет дела до того, что думает о нем хозяин, он не обращает на хозяина внимания;

(3) так как никаких мер не принимается, то их становится все больше;

(4) и скоро они заполнят собой все пространство, Россия перестанет существовать, на ее месте будет Китай, где хозяева – китайцы;

(5) новые хозяева – китайцы, азиаты – выгонят тебя из дома, потому что ты русский – не похож на них, не азиат (относишься к другой национальности, к другой расе и т.д.);

(6) чтобы всего этого не случилось, ты должен действовать, ты не можешь больше ждать: выгони «чужих» со своей территории, из своего дома, защити свою родину, себя, своих родных от «азиатской саранчи» – злобной, прожорливой, наглой и т.д.

По нашему мнению, последняя фраза текста (**ТЫ ЭТОГО ЖДЁШЬ?!!!**) с учетом негативного окружающего контекста и рисунка-карикуры, приобретает наибольший негативный потенциал, так как располагается в конце текста, где, по общему мнению исследователей русских текстов, содержится наиболее важная информация. Этот негативный потенциал усиливается **графическими** (жирный шрифт, намного превышающий по размеру шрифт расположенного выше текста) и **пунктуационными** средствами. Так, в конце фразы используется вопросительный и три восклицатель-

ных знака. По замечанию исследователей, комбинация знаков в конце предложения (например, сочетание вопросительных и восклицательных знаков) усложняет целевую установку предложения и усиливает его эмоциональную окраску. Таким образом, в анализируемой фразе вопросительный знак, указывающий на вопрос, сопровождается **негодованием, недоумением** и т.п. [Валгина, 1989, с. 18], усиливающими ее негативное воздействие.

В силу всего сказанного последняя фраза может быть интерпретирована следующим образом: если не хочешь, чтобы тебя изгнали из своего дома, начинай действовать. Таким образом, анализ текста листовки показывает, что в нем содержатся призывы к совершению насильственных действий против нации-агрессора – китайцев (шире – азиатов), заполонивших Россию. Этот вывод подтверждается данными проведенного эксперимента (см. об этом ниже).

2. Прагматический анализ⁷⁵ был использован при ответе на следующие вопросы: **а)** *Какова характеристика листовки в целом с точки зрения возможности/невозможности быть средством разжигания национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды?;* **б)** *Какова общая речевая стратегия и намерения автора листовки?*

А) Анализ текста листовки позволяют утверждать, что ее содержание может быть средством разжигания национальной, расовой ненависти и вражды.

Б) Под коммуникативными намерениями понимается цель говорящего, пишущего. Речевая стратегия автора текста – это 1) явные или скрытые целеустановки, организующие высказывание в соответствии с тем, чему в сообщении придается наибольшее значение; 2) совокупность приемов, позволяющих автору реализовать свои коммуникативные намерения.

⁷⁵ Прагматический анализ исследует единицы языка в их отношении к участникам коммуникативной ситуации.

Как было указано ранее, в тексте листовки есть высказывания, которые интерпретируются как призывы к осуществлению враждебных действий против китайцев (шире – азиатов), характеризуемых автором текста как нация-агрессор по отношению к России и русским, что подтверждается и данными лингвистического эксперимента.

Согласно проведенному анализу, можно утверждать, что в намерения автора листовки входили **1)** негативная характеристика группы лиц по национальным и расовым признакам – китайцев и азиатов в целом как враждебных по отношению к другой нации – русским и России в целом с целью создания непримиримой установки у читателя по отношению к китайцам и азиатам в целом как нации-агрессора; **2)** формирование неприязнь к китайцам (шире – азиатам), разжечь национальную вражду, посеять панику среди русских; **3)** призыв русских к активным насильственным действиям против китайцев (шире – азиатов). С этой целью автор использует и речевые стратегии, среди которых ведущее место занимает **стратегия на понижение**. Данная стратегия реализуется автором текста через несколько тактик.

Тактика угрозы (1) – запугивание, обещание причинить адресату неприятность, зло, которая позволяет автору через высказывания о враждебных намерениях определенной нации – китайцев (шире – азиатов) в отношении другой нации – русских (и России в целом) перейти к призывам об осуществлении враждебных действий по отношению к китайцам (нации-агрессору, по мысли автора), **т.е. реализовать 2) тактику побуждения** (призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения) через реализацию **3) тактики обличения** (использование фактов и аргументов, обвиняющих китайцев – шире азиатов в преступных намерениях по отношению к русским); **4) тактики противопоставления**, позволяющей автору опереться на один из самых распространенных стереотипов русского языкового сознания – оппозицию «свой» - «чужой»; под «чужим» автор подразумевает, прежде всего, нацию-

агрессора (китайцев и азиатов в целом) по отношению к русским и России в целом, а также **5) тактики снижения образа оппонента** через негативную характеристику нации-агрессора (китайцев и азиатов в целом) (рисунок и текст).

3. Стилистический анализ использовался для ответа на вопрос *Каковы способы воздействия на адресата?*

Исследователю необходимо учитывать разнофункциональность применения стилистического анализа: в аспекте стилистики языка он должен ответить на вопрос – из чего сделан текст, в аспекте стилистики речи – как сделан текст. Таким образом, в предлагаемых аспектах неизбежно встает вопрос о функциях и функционировании языковых средств текста с учетом выражаемого содержания и целевой установки. Полное понимание текста предполагает понимание того, «почему в данном случае употреблено именно такое слово, именно такой оборот или синтаксическая конструкция, а не другая; почему для выражения данной мысли в данных условиях необходимы именно эти языковые средства, именно такая их организация» [Одинцов, 1980, с. 35-37].

Как показал стилистический анализ, а также результаты эксперимента, автор использует разнообразные способы воздействия на адресата:

I. Вербальные:

1) **языковые:** а) использование метафоры (метафора – троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.) с целью создания отрицательного, отталкивающего образа нации захватчика (китайцев и азиатов в целом): **ВНИМАНИЕ: АЗИАТСКАЯ САРАНЧА!!!**; б) использование приема повтора местоимений с целью нагнетания напряжения: *Их никто не звал, но они чувствуют себя здесь как дома. Их становится больше; Скоро тебя выгонят из дома, потому что ты – не азиат. ТЫ ЭТОГО ЖДЁШЬ?!?!;*

2) **композиционные:** текст отличается тщательно продуманной композицией, которая позволяет читателю без труда определить источник исходящей угрозы для России и русских – Китай, китайцы и азиаты в целом;

3) **риторические:** использование в тексте стратегии на понижение с целью реализации авторских намерений; использование с этой целью тактик угрозы, побуждения, обличения, противопоставление и снижения образа оппонента;

II. Невербальные:

1) рисунок-кариатура, изображающий нацию-захватчика (китайцев и азиатов в целом) в виде злобной и прожорливой саранчи;

2) крупный шрифт для выделения наиболее важных в плане негативного воздействия на адресата фрагментов текста: **ВНИМАНИЕ: АЗИАТСКАЯ САРАНЧА!!!; ТЫ ЭТОГО ЖДЕШЬ?!!!;** 3) сочетание знаков препинания, усиливающее экспрессию и усложняющее целевую установку предложения;

III. Паралингвистические: воздействие на адресата через устойчивый стереотип сознания – противопоставление понятий «свой-чужой».

По мнению Н.Д. Арутюновой, отклонение от нормы «берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [Арутюнова, 1988, с. 302]. Таким образом, комплексный лингвистический анализ позволяет достаточно точно судить о намерениях автора конфликтного текста, аномальность которого реализована на разных уровнях.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Фрагменты текстов разноориентированных СМИ, содержащих интерпретацию теракта в Москве в октябре 2002 г. («Теракт на Дубровке»).

Таблица 1. Публикации в газете «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ», 26.10.2002.

«Теракт на Дубровке»	
Событийные кон- цепты/ключевые слова	Ассоциаты
	<p>СПЕЦНАЗ ФСБ ШЕЛ НА ВЕРНУЮ СМЕРТЬ!</p> <p><i>Трое суток корреспондент « Аргументов и фактов» готовился вместе со спецназом ФСБ к штурму здания.</i></p>
Теракт	<p><i>О захвате заложников я узнал на полчаса раньше президента, которому о страшной трагедии доложили 23 октября...; Как одно мгновение пролетели 56 кошмарных часов – время скурых новостей и томительных переговоров.</i></p>
Спецназ	<p><i>Бойцам отрядов «Альфа» и «Вымпел» удалось почти невозможное; еще несколько офицеров «Альфы» пошли им на выручку; Только спокойствие спецназовцев спасло милиционеров от мордобоя; Мужики спали крепко, кое-кто даже во сне причмокивал губами; Через 3 часа спецназ ФСБ шел на верную смерть; Когда ребята спускались по лестнице, медперсонал смотрел на них как на обреченных, словно уходящих в НИКУДА; по подбежавшим к парадному подъезду штурмовикам ударили пулеметы и автоматы террористов.</i></p>

Заложники	<i>В ночной бинокль он рассмотрел, что это гражданские люди – заложники.</i>
Террористы	<i>Уровень подготовки террористов впечатляет; А тем временем вдоль стен зрительного зала стояли «ходячие бомбы» – 18 смертниц; «ходячие бомбы» – девушки-смертницы ... разошлись по залу; Бандиты без конца и оглушительно громко крутили на магнитофоне свои национальные мелодии и молитвы; одна из «шахидок» сидела с пистолетом в одной руке и гранатой в другой.</i>
Милиция	<i>Сотрудники МВД пытались узнать цель приезда /сотрудников ФСБ/ и даже собирались навести «шмон» в автобусах...; Только спокойствие спецназовцев спасло милиционеров от мордобоя.</i>
Штурм	<i>Сверху обрушился свинцовый шквал и летят гранаты; Террористы с криками ... поливают наступающих огнем; Туда летит граната. И точка.</i>
	ПИАР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ
Политики	<i>Некоторые российские политики пиарились от души, пролезая без мыла во все телевизионные щели; Маски были сброшены, и... народ получил возможность оценить степень предвыборного цинизма своих избранников; Всю ночь и все следующее утро депутаты не слезали с экранов ТВ; Зачем надо было проводить жуткие аналогии в тот момент, когда еще не пролилась кровь...; Чтобы пощекотать и без того взвинченные нервы зрителей?; Другие выстрои-</i>

	<i>лись в очередь, «геройски» предлагая себя в заложники вместо зрителей; ...господа депутаты явно переоценивают свою собственную ценность; Но господа не успокоились; хитроумный аграрий (Н. Харитонов); несгибаемый трудоросс витийствовал, словно на митинге..., сверкая очами в сторону невидимых захватчиков театра (об Анпилове).</i>
Теракт	<i>Пиар во время чумы.</i>
	КТО ДАЛ ДЕНЬГИ НА ТЕРАКТ В МОСКВЕ?
Террористы	<i>Боевики-убийцы, захватившие в заложники сотни людей в Москве; импортные автобусы, на которых бандгруппа подъехала к «Норд-Осту».</i>
Пособники	<i>Кто дал деньги на теракт в Москве? ... да кто угодно!; ...при помощи чеченской диаспоры... у сепаратистов ...появились противоздушные ракеты.</i>
Теракт	<i>Что за люди за границей могли дать деньги на это зверское преступление?</i>

Таблица 2. Публикации в газете «ИТОГИ» 29.10.2002.

Теракт на Дубровке	
Событийные концепты/ключевые слова	Ассоциаты
	ПОСЛЕ 23 ОКТЯБРЯ ТЕРРОР

Террористы	<i>Есть бандиты. «Лица террористической национальности». И точка! А спустившийся с гор боевик «проходит как хозяин»; Есть люди, а есть нелюди.</i>
Теракт	<i>Международный террор нанес удар в сердце всего человечества; трагедия в Москве.</i>

Таблица 3. Публикации в газете «КОММЕРСАНТ-ВЛАСТЬ» , 4-10.11.2002.

Теракт на Дубровке	
Событий- ные концеп- ты/ключевые сло- ва	Ассоциаты
Террористы	ОСВОБОДИТЬ И УНИЧТОЖИТЬ <i>Бандиты убиты – то ли 36, то ли 41, то ли все 50...; боевики, как выяснилось, контролировали только фасад и центральный вход; бараевцы, видимо, решили, что там пусто...</i>
Спецназ	<i>Спецназовцы беспрепятственно подошли к задней и боковым стенам... здания; чуть позже штурмовикам удалось незаметно проникнуть через многочисленные боковые двери...</i>
Теракт	<i>Спецназовцы беспрепятственно подошли к задней и боковым стенам... здания в первые же часы после захвата.</i>

Таблица 4. Публикации в газете «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА», 26. 10.2002; 29.10.2002.

Теракт на Дубровке	
Событийные кон- цепты/ключевые слова	Ассоциаты
	<p>«Норд-Ост»: Третий день трагедии</p> <p>БАНДИТЫ ГЛУМЯТСЯ НАД МАТЕРЯМИ ДЕТЕЙ-ЗАЛОЖНИКОВ (общие заголовки)</p> <p>ДЕРЖИТЕСЬ, РОДНЫЕ!</p>
Террористы	<i>Самое главное сегодня – поддержать беззащитных людей, ведущих неравное противостояние с вооруженными «отморозками».</i>
Теракт	<i>«Комсомолка» продолжает рассказывать о драме в центре столицы.</i>
СМИ	<i>В эти дни мы должны меньше заниматься холодной аналитикой разного рода, как на передаче Шустера «Свобода слова», а больше проявлять элементарную человечность.</i>
	ПОДОНКИ В МАСКАХ ПОТРЕБОВАЛИ МЕТРИКИ ДЕТЕЙ, А ПОТОМ ОБВИНИЛИ МАТЕРЕЙ ВО ЛЖИ
Террористы	<i>Подонки в масках потребовали метрики детей; он этих уродов с автоматами принял за артистов; захватчики потребовали все метрики.</i>
	<p>ВЫШЕДШИЕ ИЗ АДА</p> <p><i>Хроника спасения заложников</i></p>

Заложники	<i>Вышедшие из ада.</i>
Террористы	<i>Бандиты отпустили из ДК 19 детей</i>
	САМОРЕКЛАМА НА ФОНЕ ПОБЕДЫ <i>Трагедия начинает превращаться в политическое шоу.</i>
Президент	<i>На фоне всей этой многоголосицы невнятных и сумбурных мнений и суждений отчетливо выделяется молчание нашего президента; А может быть, это и к лучшему? Хоть кто-то у нас не говорит, а работает.</i>
	ДЕНЬ ТРАУРА СЖАТЬ КУЛАКИ ПОСЛЕ ДРАКИ
Заложники	<i>Мучеников «Норд-Оста» убил не газ.</i>
Террористы	<i>Мучеников «Норд-Оста» убил не газ и даже не налетчики в масках, они лишь тупое орудие заказчиков.</i>
Власть	<i>Убили лица, благодаря которым террористы сделали то, что не смог Гитлер: вошли в Москву. Конкретные лица с фамилиями и должностями, в лучшем случае проворонившие (но мы не удивимся, если проворонили за взятки) рейд вооруженного отряда; может, не в задрипанных жигулях... пора искать пособников /террористов/.</i>
Спецназ	<i>Слава Богу, профессионалы у нас есть! ... Кто виноват только в том, что взял на себя</i>

	<i>мужество принятия решения; ...кто... шел на смерть, но остался жив; Они готовы были умереть под рухнувшей крышей вместе с заложниками...; Счастливые и смертельно уставшие лица этих ребят.</i>
--	--

**Таблица 5. Публикации в газете «МАРКЕР-ЭКСПРЕСС», 30.10.2002.
(СТРАНИЦА ПОДГОТОВЛЕНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ)**

Теракт на Дубровке	
Событийные концепты/ключевые слова	Ассоциаты
	ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ (общий заголовок к материалу на эту тему) Что делала «Альфа»
Власть Президент	<i>Но Кремль не мог пойти на уступки террористам; Путин должен был оставаться твердым до конца.</i>
Террористы	<i>Но Кремль не мог пойти на уступки террористам; Успешный штурм ДК ГПЗ и полная ликвидация подразделениями спецназа «Альфа» и «Вымпел» банды Мовсара Бараева стал возможным благодаря применению российскими спецслужбами совершенно секретного оружия, ошеломившего террористов; в помещении сидели несколько боевиков...; это позволило «альфовцам» почти без потерь уничтожить всех женщин-самоубийц; несколько боевиков и жен-</i>

	<i>щин-смертниц; На теле и одежде обнаружены следы взрывчатых веществ.</i>
Спецназ	<i>Успешный штурм ДК ГПЗ и полная ликвидация подразделениями спецназа «Альфа» и «Вымпел» банды Мовсара Бараева стал возможным благодаря применению российскими спецслужбами совершенно секретного оружия, ошеломившего террористов; сами спецназовцы, несмотря на победные реляции, оценивают сделанное на «четверку» с плюсом; бойцы закидали зал светошумовыми гранатами; это позволило «альфовцам» почти без потерь уничтожить всех женщин-самоубийц; О числе убитых и раненых спасатели ничего сказать не смогли; действия технических подразделений российских спецслужб не имеют аналогов.</i>
Газ	<i>Успешный штурм ДК ГПЗ и полная ликвидация подразделениями спецназа «Альфа» и «Вымпел» банды Мовсара Бараева стал возможным благодаря применению российскими спецслужбами совершенно секретного оружия, ошеломившего террористов; действительно был запущен усыпляющий газ.</i>
Операция	<i>Возможно, число жертв достигнет 20.0</i> Причины ясны <i>Только один умер от огнестрельного ранения в голову. Все остальные погибли от последствий воздействия специального газа.</i> Уникальность проведенной российскими спецслужбами операции в ТЦ на Дубровке не вы-

зывает сомнения;

***Никто не предупредил** медиков о том, с чем им придется бороться; **антидот не был предоставлен** даже сотрудникам службы спасения; **до сих пор военные токсикологи не сообщили**, какое отравляющее вещество они применили; более ста человек **погибли... из-за отсутствия** антидотной терапии и **плохой организации** в оказании помощи; **штаб вовремя не информировал** Минздрав об объемах помощи и о применении газа; **Комитет здравоохранения не успел направить... необходимое количество... автомобилей** и фактически **не организовал сортировку пострадавших**; в машины «скорой помощи» **забрасывали** по несколько человек, что **лишало медиков возможности** оказать первоочередную помощь в принципе; особое внимание обращает на себя.*

Власть	<p><i>Официальное заявление главного врача города Москвы...само по себе уже сенсация для нашего «секретного» стиля власти; больше суток врачам запрещалось ставить диагноз «отравление газом»; никто не предупредил медиков о том, с чем им придется бороться; антидот не был предоставлен даже сотрудникам службы спасения; до сих пор военные токсикологи не сообщили, какое отравляющее вещество они применили; более ста человек погибли... из-за отсутствия антидотной терапии и плохой организации в оказании помощи; штаб вовремя не информировал Минздрав об объемах помощи и о применении газа.</i></p>
Теракт	<p><i>Для бригад «скорой помощи», прибывших на место трагедии, клиническая картина стала откровением.</i></p>

Таблица 6. Публикации в газете «НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА», 28-29.10.2002.

Теракт на Дубровке	
Событийные концепты/ключевые слова	Ассоциаты
	НАС НЕ ПОСТАВИТЬ НА КОЛЕНИ

Теракт	<i>У России теперь есть свое 11 сентября – трагедия 23-25 октября, которая должна объединить нацию.</i>
Спецназ	<i>Символ сегодняшнего дня – спецназовец, выносящий на руках из заминированного здания хрупкое тело спасенной заложницы; герой – спецназовец ФСБ... не может получать зарплату в десятки раз меньшую, чем «гонорары» у его рядовых врагов...</i>
Мы (Россия)	<i>Страна подвигов, слишком часто «подготовленных» собственной беспечностью; гении каждый в отдельности и толпа троечников – все вместе; полная противоположность Америке; можем быть нацией... не населением, а нацией – мужественной и ответственной; Граждане страны Россия – достаточно вменяемые люди...; Только вместе мы победим.</i>
Терроризм	<i>Мы можем стать нацией, объединившись против общей напасти – терроризма.</i>
Власть Политики	<i>Она /страна/ не может колебаться между тотальным разгильдяйством, пренебрежением всяческими правилами и вспышками кампанейщины в худших традициях полицейского государства; между относительной свободой слова и гласностью... и параноидальной секретностью...; словоблудием, за которым нет ничего, кроме самолюбования и пиара, извергавшихся в эти дни из уст т.н. «политической элиты».</i>
Террористы	<i>Почему во главе бандитов оказался дважды убитый (по официальной информации)...?</i>
Милиция	<i>Работа, ... которая едва ли не исчерпывается высокоактивным шмоном брюнетов в</i>

	<p><i>подземных переходах да порой «столбов»-гаишников на въезде в Москву, – меры недостаточные; А может, и неадекватные, раз они ТАКОЕ не предотвратили; «Менты» от них /преобразований/ не стали ни профессиональнее, ни богаче, ни добрее; И доверие к таким (выделено в газете) «ментам» нисколько не возросло; кто... разговаривает с ними /с людьми/ методами зуботычин, хамства и вымогательства.</i></p>
--	---

Таблица 7. Публикации в газете «РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА», 30.10.2002.

Теракт на Дубровке	
Событийные концепты/ключевые слова	Ассоциаты
Теракт	<p>ДОМОЙ!</p> <p><i>Бывшие заложники выписываются из больницы</i></p> <p><i>Трагические события прошлой недели; уже прояснили многие детали подготовки и проведения теракта.</i></p>
Теракт	<p>ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ</p> <p><i>Во время трагических событий... от огнестрельных событий погибли 45 человек; не-</i></p>

	<i>сколько следственных групп, которые тщательно изучают все подробности событий на Дубровке; установить наиболее полную картину происшедших событий.</i>
Террористы	<i>Палачи и жертвы</i>
Заложники	<i>Палачи и жертвы</i>
Спецназ	<i>Более половины бывших заложников, освобожденных в результате операции спецназа, уже опрошено.</i>
Газ	<i>Применение спецсредств в ходе операции по освобождению заложников в Москве полностью соответствует российскому законодательству.</i>
	ПОСТРАДАВШИМ ЕЩЕ ПОНАДОБИТСЯ ПОМОЩЬ
Освобождение	<i>операция по спасению заложников и газ... не случайно именуется спецоперацией спецсредствами; московские медики действуют очень квалифицированно, очень оперативно.</i>
Заложники	<i>Пришли не только здоровяки...были и гипертоники, и сердечники, и диабетики, и язвенники.</i>
Теракт	<i>Не в санаторных условиях они пребывали 57 часов, а в настоящем концлагере; в зале было дикое зловоние.</i>
Террористы	<i>Террористы</i> <i>были хорошо оснащены и готовы на все.</i>
	ВЫПЛАЧЕНЫ ПЕРВЫЕ КОМПЕНСАЦИИ

Заложники	<i>Компенсационные выплаты жертвам теракта ... на Дубровке.</i>
-----------	---

Таблица 8. Публикации в газете «Советская Россия», 29.10.2002.

Теракт на Дубровке (оппозиция)	
Событийные концепты/ключевые слова	Ассоциаты
Погибшие (заложники)	РОССИЯ В ТРАУРЕ. СЧЕТ ЖЕРТВАМ РАСТЕТ. <i>...в ближайшее время число жертв теракта в Москве может значительно вырасти; Ничем не возполнимые людские потери; утраты, смириться с которыми невозможно; раны, которые не залечит даже всесильное время; первыми принимают в свое сердце боль за оборвавшуюся жизнь.</i>
Родственники	<i>В один миг сотни людей, потерявшие своих близких, оказались ранеными навеки; Разделяем боль наших соотечественников, скорбим вместе с ними, соболезнуем; смысл и утешение для скорбящих.</i>
«Мы» (газета)	<i>Разделяем боль наших соотечественников, скорбим вместе с ними, соболезнуем; Слова признательности спецназовцам; гордимся, что у России есть доктора, для которых их вра-</i>

	<i>чебный долг – превыше всего.</i>
Спецназ	<i>Они, идя на штурм, рисковали собой... ценой собственной жизни готовы были спасать, вызволять из плена беззащитных людей; исполнили свой долг и приказ.</i>
Заложники	<i>Вызволять из плена беззащитных людей; и теперь отчаянно борются за жизнь пострадавших и спасают их.</i>
Врачи	<i>Оставались на посту все эти трагические дни... приходили к заложникам, помогали им, не думая о собственной безопасности; что у России есть доктора, для которых их врачебный долг – превыше всего; и теперь отчаянно борются за жизнь пострадавших и спасают их; первыми принимают в свое сердце боль за оборвавшуюся жизнь</i>
Теракт	<i>Оставались на посту все эти трагические дни; Теракт в Москве – удар для всего общества; Горе – суровый учитель; Нельзя допустить, чтобы московская трагедия повторилась где-то еще...; она все равно проступит через кровь и дым, через мутную завесу неискренности, фальши, которую уже сейчас пытаются набросить на трагедию; чтобы спасти свой мир от новых потрясений и утрат.</i>
Общество	<i>Оно, без сомнения, выйдет из него уже другим; очень хочется верить, что более мудрым, более вдумчивым и ответственным. Горе – суровый учитель; Давайте спрашивать, ставить острые вопросы перед властью; Давайте искать истину вместе, всем миром, чтобы</i>

	<i>спасти свой мир от новых потрясений и утрат.</i>
Правда	<i>Отчетливое понимание всех механизмов, приведших к таким трагическим последствиям, необходимо всем – даже погибшим. Тогда в их гибели будет смысл и утешение для скорбящих; Правда нужна живым, чтобы не повторять своих ошибок; она все равно проступит через кровь и дым, через мутную завесу неискренности, фальши, которую уже сейчас пытаются набросить на трагедию; Давайте искать истину вместе, всем миром.</i>
Читатели	<i>Правда нужна живым, чтобы не повторять своих ошибок.</i>
«Они» (Власть)	<i>Она (правда) все равно проступит через кровь и дым, через мутную завесу неискренности, фальши, которую уже сейчас пытаются набросить на трагедию; Отчетливое понимание всех механизмов, приведших к таким трагическим последствиям.</i>
Спецназ	ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ ЛОЖНОЙ ПОЛИТИКИ <i>Нельзя не отдать должное профессионализму, мастерству и мужеству спецназовцев; Конечно, отрадно, что все спецназовцы – участники операции остались живы; Профессионалы антитеррора, вооруженные до зубов бойцы спецназа потерь не понесли.</i>
«Мы»	<i>Скорбим по погибшим заложникам и выражаем сочувствие родным и близким; (знаем, что)... Такие переговоры следовало вести не с исполнителями, а с главарями; Эйфория российских СМИ по поводу освобождения заложников не должна заслонять от нас</i>

	<i>подлинные причины случившейся трагедии.</i>
Операция	<i>О том, насколько эффективной была операция, судить не нам. Но эксперты по борьбе с терроризмом утверждают, что даже при самом неблагоприятном раскладе... число погибших заложников не должно превышать числа убитых террористов; По числу погибших заложников операция в ДК ГПЗ не имеет себе равных; Вызывает сомнение не избирательное⁷⁶ применение газа; Конечно, отрадно, что все спецназовцы – остались живы; Профессионалы антитеррора, вооруженные до зубов бойцы спецназа потерь не понесли, а более ста беззащитных мирных граждан погибли; ... тезис о том, что могло бы погибнуть гораздо больше людей, ... если бы операция была проведена по-другому; все ли возможности переговоров были использованы? Такие переговоры следовало вести не с исполнителями, а с главарями.</i>
Погибшие	<i>А более ста беззащитных мирных граждан погибли.</i>
СМИ	<i>Упорно раскручивают тезис о том, что могло бы погибнуть гораздо больше людей, ... если бы операция была проведена по-другому; Эйфория российских СМИ по поводу освобождения заложников не должна заслонять от нас подлинные причины случившейся трагедии; напрасно олигархические российские СМИ подняли такой шум; Познер оказал медвежьёу услугу российскому народу; П. подставляет россиян под пули исламских экстремистов, он сделал</i>

⁷⁶ Ошибка первоисточника, затрудняющая понимание: не избирательное, а какое? Слитное написание устраняет непонимание: неизбирательное применение, т.е. применение ко всем без разбору (Т.Ч.).

	<i>наши учреждения за границей мишенью для террористов; Отныне П. следует считать лично ответственным за любой теракт против россиян; Олигархический рупор газета «Известия».</i>
Террористы	<i>Такие переговоры следовало вести не с исполнителями, а с главарями; как могло случиться, что отряд бандитов... пробрался в Москву?</i>
Терроризм	<i>Сопротивление народов «третьего мира» попыткам установления мирового господства США, естественно, объявляется «международным терроризмом» и против него начинается «крестовый поход»; в авангарде сопротивления обездоленных народов американскому империализму оказались международные и национальные исламские организации, которые, к несчастью, вынуждены прибегать к террору как к одному из средств борьбы против неизмеримо более сильного противника; Сейчас, когда знамя борьбы с империализмом выпало из рук коммунистов, его подхватили исламисты; Эта сила имеет менее организованный и предсказуемый характер, она отличается экстремизмом и временами принимает крайне насильственные формы.</i>
Правда	<i>Эйфория российских СМИ по поводу освобождения заложников не должна заслонять от нас подлинные причины случившейся трагедии; Тщательный анализ обстоятельств самого захвата заложников, комментарий западной и российской прессы, свидетельства очевидцев</i>

	<i>и другие материалы...; В основе случившегося лежат две чеченские войны, первая из которых развязана преступным режимом Ельцина, вторая – режимом Путина.</i>
Теракт	<i>Эйфория российских СМИ по поводу освобождения заложников не должна заслонять от нас подлинные причины случившейся трагедии; Даже акцию террористов на Дубровке президент считает частью международного заговора.</i>
Власть Президент	<i>В основе случившегося лежат две чеченские войны, первая из которых развязана преступным режимом Ельцина, вторая – режимом Путина; Успех антитеррористических операций в этих регионах / Зап. Украина и Прибалтика/ ... объясняется тем, что в них была народная, Советская власть, и весь народ, от мала до велика, помогал борьбе с бандитизмом, защищал свою власть; теракт готовился почти два месяца... Где в это время были правоохранительные органы, милиция, администрация ДК, постановщики мюзикла? Вряд ли можно найти пример столь вопиющей беспечности и безответственности; Трагедия на Дубровке является прямым следствием попыток Кремля и лично Путина впрячься в «антитеррористическую» колесницу, коренниками в которой являются Буш и Блэр; Президент Путин, выражающий интересы российских олигархов, разумеется, тоже считает, что Россия является неотъемлемой частью «антитеррористического фронта», и делает все, что в его силах, чтобы приковать ее к этому фронту; Даже акцию террористов на Дубровке президент</i>

	<i>считает частью международного заговора; стремление изобразить войну в Чечне как часть всемирного террористического заговора против России выгодно Кремлю. Оно продиктовано бессилием российской власти справиться с ситуацией в республике.</i>
Народ	<i>А в наше время «участие» народа зачастую сводится к толпе зевак, безучастно наблюдающих за трагедией со стороны. Это было и вовремя расстрела Белого дома в 1993 году.</i>
Война в Чечне	<i>В основе случившегося лежат две чеченские войны, первая из которых развязана преступным режимом Ельцина, вторая – режимом Путина; Назвать эти войны /чеченские/ антитеррористической операцией – значит грешить против истины; подлинными примерами успешных антитеррористических операций была ликвидация бандитизма бендеровцев на Западной Украине и фашистских недобитков в Прибалтике; Террористов и бандитов не ликвидируют путем применения тяжелой артиллерии, фронтовой авиации, танков, бэтээров и другой тяжелой техники.</i>
Советская власть	<i>Успех антитеррористических операций в этих регионах / Зап. Украина и Прибалтика/... объясняется тем, что в них была народная, Советская власть, и весь народ, от мала до велика, помогал борьбе с бандитизмом, защищал свою власть.</i>
Советский Союз	<i>Когда существовали Советский Союз и мировая социалистическая система, борьба угнетенных стран против империализма велась под знаменем социализма; велась организо-</i>

	<i>ванно, в рамках ООН, носила межгосударственный, межблоковый характер; в основном она носила мирный, политический характер, хотя имели место и национально-освободительные войны.</i>
Политики	<i>К сожалению, некоторые недобросовестные политики используют трагедию для само-рекламы; Лидеры СПС /Немцов/ попытались компенсировать себя, вмешавшись в события во-круг ДК; бесцеремонно вмешиваются во внутренние дела страны /Белоруссии/, призывают к насильственному свержению существующего строя, называют президента Белоруссии не иначе как «диктатором».</i>
США и страны Запада (антитер-рористическая коалиция)	<i>Между тем народы мира все отчетливее понимают, что т.н. «антиимпериалистиче-ская операция» является всего лишь ширмой войны США за мировое господство.</i>
Иностранные СМИ	<i>Американская печать категорически отказывается признать войну в Чечне частью «ан-титеррористической операции».</i>
Народы мира	<i>Между тем народы мира все отчетливее понимают, что т.н. «антиимпериалистиче-ская операция» является всего лишь ширмой войны США за мировое господство.</i>

Теракт	<p>ГОРЕ – СУРОВЫЙ УЧИТЕЛЬ</p> <p><i>Третий «Курск»; «Курск», набитый детьми и женщинами в самом центре Москвы; предтеча нынешней трагедии – октябрь 1993; Цена вашей /депутатов/ продажности мае 1999-го взыскивается с народа сегодня – в октябре 2002; урон, нанесенный обществу этим терактом, огромен.</i></p>
Террористы	<p><i>Тогда Мовсару Бараеву было только 12 лет... Годы оголтелого антисоветизма и русофобства воспитали из него бандита; Он от начала до конца – порождение Ельцина – Путина; тогда еще были живы мужья и дети «отмороженных» смертниц Фатимы, Раисы, Зары; «Отморозками», как выражаются теперь видные политики, сделало их ельцинское время; Его режим вскормил русской кровью чудовище террора; в столицу прорывается полсотни до зубов вооруженных убийц; Бандиты продемонстрировали всем гражданам их полную незащитность и беспомощность.</i></p>
Власть Президент (виновники трагедии)	<p><i>Тогда Мовсару Бараеву было только 12 лет... Годы оголтелого антисоветизма и русофобства воспитали из него бандита. Он от начала до конца – порождение Ельцина – Путина; Зловещая тень Ельцина и семьи лежит на этой трагедии; Его режим вскормил русской кровью чудовище террора; <власть>неспособна защитить мирных людей; культ чистогана, блатняка, легкой наживы, всемерно пропагандируемый в стране, может давать и вои такие</i></p>

	<i>плоды; коррупция им даже на руку; Президент... имитирует веру /в своих подчиненных/; от своего крестного отца Ельцина и оставленных при «дворе»... он перенял и развил имитацию как метод управления, как модель политической деятельности; Он имитировал патриотизм, решительность..., смелость..., скорбь...; гипертрофия лицедейства.</i>
Депутаты	<i>Налетели, как вороны, на «горяченькое» со своими благоглупостями, чтобы только лишний раз появиться на экране, помелькать в глазах; мямлили что-то; Это же вы не дали в мае 99-го положить конец геноциду, оградил кровавого Ельцина от ответственности за чеченскую бойню, за пачку долларов спасли его от импичмента!; /Депутаты/ откровенно, не скрываясь, продают ... свои голоса.</i>
Война в Чечне	<i>Это же вы не дали в мае 99-го положить конец геноциду, оградил кровавого Ельцина от ответственности за чеченскую бойню, за пачку долларов спасли его от импичмента!</i>
СМИ	<i>Заходились в истерике все продажные СМИ, бросали комья грязи в коммунистов; А вот вреда от этой «гласности без берегов» уже немало; С канала на канал скакали все те же Немцов с Хакамадой, шурился Познер, рокотал про «отморозков» Примаков; Цинично, расчетливо вытаскивали на экран...</i>
Спецслужбы	<i>Опытные, классные профессионалы просто ушли из органов и спецслужб; ушли охранять казино и банки, денежные мешки и послушную этим мешкам власть; кадровое и финан-</i>

	<p><i>совое истощение милиции, спецслужб; какая-то всеобщая беспечность, необъяснимое равнодушие к своим обязанностям; в столицу прорывается полсотни до зубов вооруженных убийц – и все «силовики» пожимают плечами: надо же!; когда... рядовые пограничники мужественно, жертвенно отбивают атаки превосходящих сил боевиков, высшие чины и их так называемые аналитики гордо демонстрируют всей стране... свой профессионализм; это усыпление всеобщей бдительности,... опасная имитация бурной деятельности в московских кабинетах оборачивается трагедиями и на войне, и в самой Москве, и во всей стране.</i></p>
Террористы	<p>БЕЗЖАЛОСТНЫЕ АНГЕЛЫ ВОЙНЫ</p> <p><i>Безжалостные ангелы войны; Что видели в своей жестокой и короткой жизни эти молодые мужчины и женщины?; но нам не дано переубедить этих чеченских мальчишек и девчонок;</i></p> <p><i>Как могли эти ребята и девушки отважиться на столь ужасный и отчаянный шаг?</i></p>
Спецназ	<p><i>Несомненна победа героев советской выучки; Мужественные спецназовцы стремительным броском атаковали захватчиков.</i></p>
Терроризм	<p><i>Но нам не дано переубедить этих чеченских мальчишек и девчонок, что их борьба за правое дело – терроризм.</i></p>
СМИ	<p>ЗА ШУМОВОЙ ЗАВЕСОЙ</p>

	<i>Третьи сутки СМИ радостно трубят по поводу...; кремлевский агитпроп.</i>
Политики	<i>С экранов телевизоров не слезают Лукин и Немцов, Rogozin и Марков, Примаков и Селезнев; эспэсовская шушера; многие политиканы не считают нужным выражать соболезнования родным и близким убитых; но то, что пристало говорить политической шпане...</i>
Власть	<i>Говорит о безнравственности власти и всей так называемой российской элиты; для власти, которая уничтожает до миллиона жителей страны в год, 120 убитых заложников – сущий пустяк.</i>
Президент	<i>Вопросы, на которые не ответил г-н Путин, лицемерно попросивший у нас прощения.</i>
Захват заложников	<i>Наискандальнейший провал лично его /Патрушева/ и всей Лубянки.</i>
Спецназ	<i>Спецназ сделал то, что ему полагается сделать, – выполнил приказ. За это мы его и кормим; Кровью невинных людей он смывал провалы, предательство и ротозейство Путина, Патрушева, Рушайло, Грызлова, Лужкова, Пронина и иже с ними.</i>

Таблица 9. Публикации в газете «ТРУД»

Теракт на Дубровке (оппозиция)	
Событийные концепты/ключевые слова	Ассоциаты
Теракт	<p>ДЕТИ, ПОВЗРОСЛЕВШИЕ ДО СРОКА</p> <p><i>Пострадавшие и очевидцы того, что произошло в столичном Театральном центре, рассказывают свою правду о пережитом.</i></p>
	<p><i>Эти трагические события, потрясшие всех нас, страну, мир.</i></p>
Заложники	<p><i>Дети, повзрослевшие до срока.</i></p>
Террористы	<p>БАНДИТЫ ПОНИМАЮТ ТОЛЬКО ЯЗЫК СИЛЫ</p> <p><i>Террористы поставили себя вне рамок ислама и человеческой морали.</i></p>
	<p><i>Бандиты понимают только язык силы; Террористы поставили себя вне рамок ислама и человеческой морали.</i></p>
	<p>ШТУРМ НА ДУБРОВКЕ БЫЛ НЕОБХОДИМ</p> <p>Так считают большинство участников опроса</p>
Общество	<p><i>В обществе сегодня преобладают жесткие настроения.</i></p>
Президент	<p><i>Россияне прекрасно понимают, что ситуацию в течение всех этих страшных дней... контролировал президент страны Владимир Путин, который и принимал ответствен-</i></p>

	<i>ные решения.</i>
	<p>ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ ДОКТОР</p> <p><i>Рискуя жизнью, детский врач Леонид Рошаль несколько раз заходил в зал с заложниками.</i></p>
Врачи	<i>Экстремальный доктор; Рискуя жизнью, детский врач Леонид Рошаль несколько раз заходил в зал с заложниками; удивительного детского доктора Леонида Михайловича Рошаля.</i>
Спецназ	<p>ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС «АЛЬФЫ»</p> <p>Свидетельство профессионала</p> <p><i>Для такой работы у людей, действительно, должна быть огромная любовь к своему государству, к своей Отчизне и большая ответственность за жизни тех людей, которых приходится спасать; Они сделали невозможное; В такой сложной ситуации уничтожить боевиков, предотвратить взрывы, это по силам только профессионалам высочайшего класса.</i></p>
	<p>ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ</p> <p>Бизнес «рыцарей джихада</p>
Теракт	<i>Трагические события в Москве</i>

Террористы	<p><i>Банду, захватившую заложников, возглавлял Мовсар Бараев, племянник одного из самых одиозных главарей террористов Арби Бараева; в действиях, помыслах этих «рыцарей джихада» очевидна сущность всех тех, кто мешает надеждам чеченского народа на мирную, спокойную жизнь.</i></p>
Боевики (Война)	<p><i>В июне прошлого года Федеральные силы уничтожили одного из самых жесточких и беспринципных главарей боевиков Арби Бараева; бывший старшина ГАИ в первую чеченскую кампанию стал ближайшим сподвижником Масхадова; ему... присвоено звание «бригадного генерала»; главное – шанс к личному обогащению; профиль своего бизнеса – захват заложников; «Работорговцем номер один» в Чечне друг Масхсдова стал позднее; но когда сделка срывалась, главарь террористов проявлял невиданную жестокость; приказал отрубить несчастным головы; в своем племяннике Мовсаре Саламове... видел достойного преемника; вошел в личную охрану..., демонстрируя преданность дяде; Молодой Бараев ... действовал особо жестоко и всячески афишировал это; бандиты Мовсара Бараева; у дорвавшегося до денег террориста стали возникать серьезные конфликты с другими бандитскими главарями; таковы они, «радетели чеченского народа», олицетворяющие всю мерзость и жестокость сепаратистского воинства.</i></p>
	<p>ИНТЕРВЬЮ СО СМЕРТНИКОМ</p>

Террористы (боевики)	<i>Интервью у заместителя главаря чеченских смертников</i>
----------------------	--

Таблица 10. Публикации в газете «СВОБОДНЫЙ КУРС», 31.10.2002.

Теракт на Дубровке	
Событийные концепты/ключевые слова	Ассоциаты
Теракт	ГОРЕ МОСКВЫ – ГОРЕ ВСЕЙ РОССИИ МЫ СКОРБИМ ПО ЖЕРТВАМ ТЕРРОРИЗМА (ОБЩИЙ ЗАГОЛОВОК ДЛЯ СТРАНИЦЫ) <i>Горе Москвы – горе всей России</i>
Заложники	<i>Мы скорбим по жертвам терроризма</i>
	«ШТУРМ БЫЛ НЕОБХОДИМ. МЫ ЕГО ЖДАЛИ»
Теракт	<i>Россия и весь мир узнали о беспрецедентном захвате сотен заложников в здании театрального центра в Москве.</i>
Спецоперация	<i>Штурм был необходим</i>
	ПУСТЬ ЧЕЧЕНЦЫ САМИ РЕШАЮТ СВОЮ СУДЬБУ
Россия	<i>Россия вновь поставлена на дыбы; Начинать же необходимо с оценки роли личности в истории, способной... запускать механизм саморазрушения великой державы, – сначала</i>

	<i>ла СССР, а затем России.</i>
Война в Чечне	<p><i>Я, как ветеран войны в Афганистане, заявил о недопустимости и опасности такой силовой акции; своими глазами увидел результаты «молниеносной» войны в Чечне; то, что поведали солдаты, обмененные на продукты питания, вызвало жгучую боль и горечь за утраченные жизни сотен пацанов, брошенных в кровавую мясорубку; то, что поведал сопровождавший нас в Грозном полковник..., вызвало ненависть и презрение к министру обороны России Павлу Грачеву, вызвало ненависть и презрение к министру обороны России Павлу Грачеву..., который за несколько лет до начала трагедии в составе комиссии от имени России лично передал президенту Чечни... танки, самолеты и все остальное вооружение и снаряжение двух дивизий; имперские амбиции с одной стороны и шапкозакидательство – с другой приводят к неслыханной трагедии, длящейся почти десятилетие в собственной стране; Политики, принимающие решения, способные запустить маятник кровавой бойни, остаются безнаказанными.</i></p>
Власть (прежняя)	<p><i>То, что поведал сопровождавший нас в Грозном полковник..., вызвало ненависть и презрение к министру обороны России Павлу Грачеву..., который за несколько лет до начала трагедии в составе комиссии от имени России лично передал президенту Чечни... танки, самолеты и все остальное вооружение и снаряжение двух дивизий; импер-</i></p>

	<i>ские амбиции с одной стороны и шапкозакидательство – с другой приводят к неслыханной трагедии, длящейся почти десятилетие в собственной стране; Безнаказанность приводит к еще большей безответственности и беспределу; Начинать же необходимо с оценки роли личности в истории, способной... запускать механизм саморазрушения великой державы, – сначала СССР, а затем России.</i>
Политики «Они»	<i>Политики, принимающие решения, способные запустить маятник кровавой бойни, остаются безнаказанными; Безнаказанность приводит к еще большей безответственности и беспределу.</i>
Советский Союз	<i>Начинать же необходимо с оценки роли личности в истории, способной... запускать механизм саморазрушения великой державы, – сначала СССР, а затем России.</i>
Теракт	<i>Вместе с тем мы не должны уступать перед лицом грубого шантажа, направленного на подрыв устоев государственности.</i>
«Мы»	<i>Я, как ветеран войны в Афганистане, заявил о недопустимости и опасности такой силовой акции (о чеченской кампании 1994 г.); Призываю все здоровые политические силы сплотиться и оказать поддержку действиям президента России, являющегося гарантом Конституции и способного вывести страну из кризиса.</i>
Президент	<i>Призываю все здоровые политические силы сплотиться и оказать поддержку дейст-</i>

	<i>виям президента России, являющегося гарантом Конституции и способного вывести страну из кризиса.</i>
--	---

Таблица 12. Публикации в газете «ВЕЧЕРНИЙ БАРНАУЛ», 29.10.02, 6.11.2002, 15.11. 2002.

Теракт на Дубровке	
Событийные концепты/ключевые слова	Ассоциаты
	<p>В РОССИИ НАКОНЕЦ НАШЛИСЬ МУЖЧИНЫ, СПОСОБНЫЕ ОТДАТЬ КОМАНДУ «ШТУРМ» (Общий заголовок для страницы)</p> <p><i>Мы оплакиваем погибших, сопереживаем горю их близких. Но в субботу утром победила Россия. Легких побед вообще не бывает.</i></p>
Операция	<i>При любом ином решении проблемы неминуемо должны были погибнуть ВСЕ заложники.</i>
Террористы	<i>Это совершенно ясно из слов и поведения исполнителей акции, камикадзе, не считавших нужным даже кормить предназначенных на убой людей; К счастью, в высшем политическом руководстве штаба антитеррористической операции нашлись на этот раз люди, которые решились дать команду штурмовать бандитов; На переговоры к</i>

	<p><i>террористам пошли уважаемые господа депутаты и артисты. Они бы ходили еще неделю или месяц, раздавали интервью, а бандиты выбрасывали бы на площадь перед ДК трупы заложников и глумились над страной в телерадиоэфире; беспредельная наглость и якобы бесстрашие «лиц бандитской национальности» держатся исключительно на том, что за каждым из них – стая. Волчья стая; «отдай» Чечню бандитам, они ...уничтожат треть населения Чечни, треть сделают рабами, а треть завербуют в «волчата».</i></p>
Заложники	<p><i>Это совершенно ясно из слов и поведения исполнителей акции, камикадзе, не считавших нужным даже кормить предназначенных на убой людей.</i></p>
Теракт	<p><i>Это совершенно ясно из слов и поведения исполнителей акции, камикадзе, не считавших нужным даже кормить предназначенных на убой людей; спровоцировать в стране эскалацию массовых межэтнических и межрелигиозных конфликтов...; в итоге затухающая понемногу война вспыхнула бы с новой страшной силой.</i></p>

<p>Война в Чечне</p>	<p><i>В итоге затухающая понемногу война вспыхнула бы с новой страшной силой; «отдай» Чечню бандитам, они ...уничтожат треть населения Чечни, треть сделают рабами, а треть завербуют в «волчата»; Увы, войны не прекращают. Войны или выигрывают или проигрывают.</i></p>
<p>Россия (мы, русские?)</p>	<p><i>Страна засыпала с привычной уже тоской, горечью, страхом и растерянностью: неужели снова «облажаемся»..., как всюду за последний десяток лет, сядем в лужу, превратим трагедию в фарс, боль и ненависть – в телевизионное шоу? Путин: «Мы доказали, что Россию нельзя поставить на колени»; Похоже, весь-то мир вместе с нами вздохнул с облегчением, узнав, что Россия не умылась в очередной раз неотмыщенной кровью и не захлебнулась в плаче и бессилии, а убедительно продемонстрировала: в доме есть хозяин и пора с этим считаться; будет Россия страной бандитской, волчьей или страной нормальной, для людей.</i></p>

Власть	<i>К счастью, в высшем политическом руководстве штаба антитеррористической операции нашлись на этот раз люди, которые решились дать команду штурмовать бандитов; победительные, обнадеживающие слова услышала страна от... генерала Васильева: «Мы очистим не только Москву, но и всю Россию от скверны». Это слова мужчины, государственного мужа?</i>
Спецназ, силовики	<i>А силовики, спецслужбы хладнокровно показали, что они не разучились... делать свою работу, что держат порох сухим; Господи, чем же на этот раз силовики не угодили актеру Задорнову?</i>
Мир	<i>Похоже, весь-то мир вместе с нами вздохнул с облегчением, узнав, что Россия не умылась в очередной раз неотмщенной кровью и не захлебнулась в плаче и бессилии, а убедительно продемонстрировала: в доме есть хозяин и пора с этим считаться.</i>
Президент	<i>Путин: «Мы доказали, что Россию нельзя поставить на колени»; Россия не умылась в очередной раз неотмщенной кровью и не захлебнулась в плаче и бессилии, а убедительно продемонстрировала: в доме есть хозяин и пора с этим считаться; так Президент к этому времени уже попросил у нации прощения за жертвы.</i>
Политики и парламентарии	<i>На переговоры к террористам пошли уважаемые господа депутаты и артисты. Они бы ходили еще неделю или месяц, раздавали интервью, а бандиты выбрасывали бы</i>

	<i>на площадь перед ДК трупы заложников и глумились над страной в телерадиоэфире.</i>
Центральные СМИ	<i>Михаил Задорнов...: военные нам опять врут; Господи, чем же на этот раз силовики не угодили актеру Задорнову; Зачем Ерофееву Чечня, зачем Кавказ, зачем Россия? Были бы издательства, где его напечатают, да чтоб пускали в телевизор.</i>
Газ	ПРИЕМЫ ПРОТИВ ЛОМА <i>О свойствах таинственного газа, который был использован при освобождении заложников в Москве, рассуждают сегодня российские и американские СМИ.</i> <i>Это был единственный выход, чтобы спасти остальных людей; это был инкапаситан – газ, временно выводящий человеческий организм из строя; теоретически этот препарат не смертельный; главным по-прежнему остается то, применение газа являлось на тот момент единственным средством для преодоления сложившейся кризисной ситуации.</i>
Спецназ	<i>Боец элитного спецназа</i>
Террористы	6.11.2002. У ФЕНТОНИЛА НЕТ ПРОТИВОЯДИЯ <i>Первым необходимо было убрать главаря банды Бараева и его ближайших помощников, чтобы они не успели отдать приказ женщинам-камикадзе на подрыв здания.</i>